МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

С. Ю. Горский

Жизнь и историческое значение Князя Андрея Михайловича Курбского

С. Ю. Горский

Жизнь и историческое значение Князя Андрея Михайловича Курбского

Москва
Берлин
2021

УДК 94(47).043
ББК 63.3(2)43д
Г70

Горский, С. Ю.

Г70 Жизнь и историческое значение Князя Андрея Михайловича Курбского / С. Ю. Горский. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-4499-2580-0

Ход мировой истории показывает, что старое не уступает новому без борьбы. Каждый народ проходит известные фазы в своем развитии, меняет свои отношения, свои понятия, и вместо старых вносит в свою жизнь новые начала, более сообразные с духом и требованиями эпохи. Такая борьба, начавшаяся в царствование Грозного и наполнившая собою все время его правления, есть одна из интереснейших эпох Русской Истории. Как старое, так и новое начала воплощаются в двух знаменитых личностях — князе Андрее Михайловиче Курбском и Иоанне Грозном. Оба были деятеля одарены блестящими дарованиями, пламенным характером, оба твердо веруют в истину своих убеждений. Пылкость Грозного, непреклонное упорство Курбского и людей, разделявших его убеждения, предали их борьбе мрачный, кровавый характер.

Автор труда, талантливый русский писатель-историк XIX века Сергей Юрьевич Горский, определяет в своей книге значение Курбского в нашей истории.

УДК 94(47).043
ББК 63.3(2)43д

ISBN 978-5-4499-2580-0

Стремление к высшему духовному развитию, к постоянному совершенствованию лежит в самой природе человека, а потому и общество человеческое не может оставаться постоянно на одной и той же степени; следовательно, застой и мертвенность в жизни народов не возможны. Действительно, мы видим, что каждый народ проходит известные фазы в своем развитии, меняет своп отношения, свои понятия и, вместо старых, вносит в свою жизнь новые начала, более сообразные с духом и требованиями эпохи и этим нововведениям дает право гражданства. Но при таких переменах, совершающихся в народной жизни, осуществляется неизменный исторический закон, по которому всякая новая идея, являющаяся в гражданском обществе, должна выдержать борьбу с началами, до нее господствовавшими. Следовательно, водворение в обществе новых идей, в замену прежде действовавших, не может совершаться мирно и быстро, потому что старое и новое начала, неприязненно сталкиваясь между собой, стремятся уничтожить друг друга: идеи, прежде существовавшие стремятся удержать поле битвы за собой и, наоборот, идея новая усиливается войти в жизнь народа и вытеснить идею старую. Вследствие такого столкновения между двумя противоположными началами происходит борьба, борьба жестокая на жизнь и смерть. И длится эта борьба до тех пор, пока не падет идея старая, пока не восторжествует новое начало. Этот переворот может совершиться только тогда, когда общее мнение будет против старой идеи, когда большинство признает ее отжившею свой век, бесполезной для гражданского общества. Тогда-то, по законам неизбежной необходимости, она должна прекратить свое существование, уступить свое место началам новым, согласным с требованиями эпохи. Так бывает в науке, так бывает и в политической жизни народа.

Эти переходные времена, эти перевороты, совершающиеся в жизни гражданского общества, заслуживают полного внимания Историка, имеют для него высокий интерес: старый и новый порядок вещей находят себе представителей и защитников, щедро одаренных от природы дарованиями, нередко гениальных, и в лице их вступают в борьбу между собой. Характер этой борьбы, открывающейся пред глазами

историка, обусловливается обыкновенно характером главных деятелей: от них зависит придать ей более суровости или кротости, хотя и должно сознаться, что борьба за идеи бывает всегда жестока и упорна, как борьба за убеждения, которыми всего более на свете дорожит человек. Чтобы убедиться в истине этого, стоит только припомнить историю обращения римской республики в империю, стоит припомнить историю реформации: сколько крови пролито, сколько замечательных личностей выступает на сцену в том и другом случае в качестве защитников старого и нового порядка! Возьмем, например, реформацию. Идея папской власти и папского всемогущества, встретившая себе, вследствие крестовых походов и распространившегося просвещения, сильную оппозицию в учении Арнольда Бресчийского, Гусса и др. держалась твердо и победоносно, потому что убеждение в незаконности ее притязаний не было общим или убеждением большинства, но уделом немногих, сравнительно с массой папских сторонников, лиц. От того-то и все усилия её противников, как несвоевременные, остались тщетными, послужили к их собственной гибели. Но, когда дух неудовольствия проник в большинство, Лютер, выступивший на арену борьбы, встретил к себе общее сочувствие и увлек за собой большую часть западноевропейского населения. Тогда-то оппозиция сделалась и сильной, и страшной. Не могло же и пасть такое колоссальное здание, как авторитет церкви римской, под ударами врагов без сопротивления; и выступили против Лютера многочисленные его защитники. Одной материальной силы в этой борьбе недостаточно — для успешного исхода ее нужна сила нравственная, всегда торжествующая над физической силою: папской власти, для сохранения своего достоинства и значения, необходимо было восстановить свое прежнее влияние на умы народов. И вот, в то самое время, когда на севере Германии восстал Лютер, в Швейцарии и Франции явились Цвингли и Кальвин, в это самое время на юго-западе Европы, в католической Испании, является поборник папской власти, одаренный не менее своих противников блистательными дарованиями, пламенно, фанатически преданный своему делу. Поставив борьбу с врагами римской церкви единственной целью своей жизни и деятельности он создает силу, должен-

ствующую поддержать падающее могущество пап. Это был Игнатий Лойола, основатель ордена Иисуса. Таким образом, сформировались две враждебные партии и, едва только пришли в соприкосновение их противоположные стремления, вспыхнула жестокая тридцатилетняя война, в конец опустошившая Германию и окончившаяся торжеством в ней и некоторых других западных землях идеи реформации, по крайней мере признанием ее законности. Следовательно, только после упорной, долговременной борьбы идея реформации восторжествовала над панскою властью и в западноевропейском обществе получила право гражданства.

Подобные же явления, только не в религиозном отношении, замечаем мы и в истории нашего Отечества. Были и у нас свои переходные эпохи, сопровождавшиеся сильными потрясениями. Чтобы убедиться в этом стоит только посмотреть, как пришла Русь к сознанию государственного начала. В первое время, по идее родового быта, каждый член владетельного рода имел право на обладание известным участком земли, на которую смотрели, как на собственность целого княжеского рода. Вследствие этой идеи, долго на Руси господствовавшей, Русь, по смерти Ярослава В., раздробилась на столько независимых, самостоятельных княжеств, сколько было членов владетельного дома. С увеличением числа этих членов увеличивалось и число участков и таким образом возникло множество отдельных владений, в которых князья были полновластными государями, управляли, как им было угодно. Но все-таки была сила, некоторым образом объединявшая эти разрозненные части — это власть великокняжеская. Великий князь, как старший в роде, *был в отца место* младшим, они должны были *ходить по нем.* Это право старшинства передавалось не по нисходящей линии, а переходило в линии боковые: обыкновенно, по смерти великого князя, считался старейшим следующий за ним брат его, а сын великого князя *молодшим.* Следовательно, дяди имели старейшинство пред племянниками. Мало-помалу племянники начали домогаться старейшинства перед дядями, возникла идея, что старший племянник есть старший брат своему дяде, что, следовательно, достоинство великокняжеское должно принадлежать ему. Эта новая идея нашла себе представителя

в Изяславе II Мстиславиче, а старое понятие выставило защитником своим Юрия Долгорукого. После них борение между двумя понятиями продолжалось, и новая идея, наконец, восторжествовала и была шагом к самодержавию и единодержавию. Осуществить эту последнюю идею суждено было владетелям ничтожного городка, младшей линии дома Мономахова, — князьям московским. Правда, много стеклось обстоятельств, благоприятствовавших возвышению Москвы: иго монгольское, бедственное, по-видимому, для России, было силой, облегчившей московским князьям собрание Руси, помогал им силой своего духовного оружия и митрополит, престол которого был перенесен в Москву; но нельзя же не отдать должной справедливости уму московских государей, их редкому уменью пользоваться обстоятельствами. Московские же князья утвердили порядок престолонаследия по нисходящей линии. Этот новый порядок вещей, начавшийся со времен героя Донского, до самого Иоанна IV постоянно встречал себе противодействие со стороны прежнего порядка, но удержался, потому что нашел себе сочувствие и опору в народе. Поэтому все попытки, Юрия во время Василия Темного, дядей[1] Грозного во время его малолетства, восстановить старину остались безуспешными, окончились уничижением самих злоумышленников, и современники могли смотреть на их стремление уже как на преступление[2]. Так, после долговременной только борьбы, мог утвердиться порядок престолонаследия по нисходящей линии.

Хотя, со времен Димитрия Донского, и произошел важный переворот в понятиях о старейшинстве; все-таки Русь не была еще соединена в одно целое. По-прежнему дробилась она на несколько княжеств, владетели которых продолжали враждовать друг с другом. Соседи пользовались этой враждой для своих выгод: Меченосцы захватили прибалтийские земли, Литва отторгла от России лучшие ее области, и, если

---

[1] Юрия и Андрея.

[2] Так, например, митрополит Иона, в послании своём к Дмитрию Шемяке, называет преступлением восстание отца его, Юрия, против Василия Темного. Так летописи приписывают *диаволю действу* восстание дядей против Иоанна IV.

бы не ум, искусство и мужество московских государей, без сомнения поглотила бы и тот бедный остаток Руси Ярослава В., который сохранял еще свою независимость, Татары безнаказанно опустошали наше Отечество; вследствие разновластия оно не могло дать им сильного отпора. Наконец, тяжкие бедствия убедили русский народ в необходимости единодержавия. Опять и эту мысль сознали и привели в исполнение великие князья московские. Вспомоществуемые покровительством татар, а всего более своим умом, они собрали в одно стройное целое раздробленные части Руси. Для этого им необходимы были физические силы и вот в московских государях мы видим ревностных хозяев: одно за другим *примышляют* они новые владения к своей отчине; сбор дани, предоставленный им ханами, обогащает их казну и таким образом дает им средства к примыслам. Действуя осторожно, избегая крутых мер, могших ожесточить удельных князей и соединить их для отпора Москве, государи московские усиливаются медленно, но за то верен успех их: Димитрий Донской дает уже отпор татарам на берегах Вожи, сокрушает силы Мамая в знаменитой Куликовской битве. Князья Тверской и Рязанский должны признать его старшим братом. Такое могущество Москвы не отняло, однако, у князей удельных возможности вредить ей: Москва только глава России; остаются еще самостоятельные князья, которые, признавая московского главой и старшим братом, отнюдь не потерпят вмешательства Москвы во внутренние дела их княжеств. И много битв выдержать, много препон нужно было преодолеть Москве, чтобы государи ее стали de facto единовластителями русской земли: князья готовы были скорее предаться Литве или татар[3], нежели, покорившись московскому государю, поступиться стародавним правом: быть полными, независимыми собственниками своих владений. Димитрий Донской должен был выдержать упорную борьбу с Тверью, которой помогала Литва, и с Рязанью; внук его, Василий Темный должен был бороться с дядей за самый московский престол, но, несмотря на все несчастия своего

[3] Так поступили князья Тверской и Рязанский Олег.

правления, оставил сыну своему, Иоанну III, Москву могущественной и грозной для соседей. Причина такого исхода дел очень понятна: притязания удельных не находили уже себе более в народе сочувствия. Вот почему Иоанн III так легко покорил своей власти сильную Тверь, вот, почему при сыне его так незаметно и без кровопролития рушились последние уделы. Потомки некогда самостоятельных князей должны были стать в ряды слуг московского, приравняться к его боярам.

За утверждением идеи единовластия должно было последовать и окончательное утверждение идеи самодержавия. Нельзя не сознаться, что многие условия, если и не ограничивали, то по крайней мере стесняли в древней Руси власть княжескую. При частых переходах князей из одного удела в другой, из одного стольного города в другой стольный город, при их беспрерывной, часто родовой, вражде между собой, дружинники должны были приобрести важные права. Они составляли ядро княжеского войска и так как значение князя в ряду прочих князей опиралось главным образом на материальной силе; то, само собой понятно, князья должны были хлопотать о многочисленной дружине. Заманивать же в свою службу дружинников могли они не иначе, как дав им важные права и преимущества. Когда бродячая жизнь князей кончилась, когда каждый из них начал заботиться о том, чтобы свои владения закрепить за своим домом и усилить новыми приобретениями, когда, следовательно, родилось понятие о частной, семейственной собственности, родилось стремление к примышлению, то дружина опять была необходима, а потому и сохранила неприкосновенными свои права.

Эти права, стеснительные для княжеской власти были следующие: 1) на Руси существовал обычай князю во всех важных делах советоваться с своей дружиной. С течением времени этот обычай советовать князю перешел к боярам; 2) князь должен был строго наблюдать старейшинство бояр, не поручать должности старшему под младшим. Нарушив это, он *наносил поруху* всему роду униженного. Тотчас возникали в таком случае споры между худородным повышенным и великородным униженным этим повышением. Оставлять этих споров без внимания князь не мог, потому что невнимательность его повлекла бы за собой смуты; наконец 3) в слу-

чае размолвки с князем дружинник тотчас оставлял его службу и переходил на службу к другому князю, часто заклятому врагу первого. Этот переход не считался изменой, не вменялся в преступление переменившему службу, но был законным правом боярина, как свободного человека. Это право было *право отъезда* и, пользуясь им, боярин не слишком боялся князя, не слишком заискивал его расположения, потому что, в случае неудовольствия, немилости князя, отъезжая к другому не только не терял своих родовых владений, но еще приобретал новые в области того князя, к которому переходил на службу. Напротив, князь, от которого отъезжал дружинник, терял очень много. Не имея права отнимать у отъезжика владений, находившихся в его области, он должен был, так сказать, подавать оружие на самого себя: владея поместьями в его области отъезжик легко мог составить там партию в пользу своего нового государя и таким образом, во время неприязненных действий, ставил прежнего в самое затруднительное положение. Из этого открывается, что власть княжеская значительно стеснялась привилегиями дружинников. С усилением Москвы особенные права дружинников начинают исчезать одно за другим. Право отъезда первое перестало существовать. Так как под влиянием упомянутых мной выше обстоятельств, княжество московское сделалось могущественнее каждого отдельно взятого, то прочие князья перестали принимать к себе московских отъезжиков, опасаясь навлечь на себя негодование сильного, всегда гибельное для слабого. С падением Новгорода и уделов при Иоанне III право отъезда совершенно уничтожилось: внутри России отъезжать было некуда, а отъезд в другие земли стали считать изменой, следовательно, государственным преступлением[4]. Но, уничтожив право отъезда, Иоанн III уважал древний обычай бояр советовать князю[5], уважал и местничество и даже учредил приказ для разбора местнических дел[6].

---

[4] «Служилые люди», статья г. Беляева во Времен. Моск. Общ. Ист. и Древ. Т. III, 28.

[5] Сказание князя Курбского. Изд. Устрялова, 46.

[6] История Государства Российского. Изд. Эйнерлинга. Т. VI, 213.

При сыне его, Василии III, идея самодержавия обнаруживается решительнее: он уже не слушает непрошенного совета боярского и сам решает все дела. Еще крепче стоял за самодержавие Иоанн Грозный. Он составил себе высокое понятие о царской власти, понятие не на одной теории, но на исторических данных, зрело обдуманных, основанное. Он постиг, что монарх полный властелин своих подданных, обязанный отдавать отчет в управлении государством одному Богу, от которого получил свою власть. Проникнутый таким убеждением, он решительно восстает против права отъезда, обычая совета, старается ограничить вредное право местничества. Но учреждения, в продолжение многих веков действовавшие в обществе, не могут исчезнуть вдруг, не могут и новые быстро привиться к обществу, еще не понявшему их пользы. Само собой ясно, что бояре, с утверждением нового порядка вещей, *из людей, держащих землю,* становившиеся в простое отношение слуг и подданных не могли быть сторонниками Иоанна IV. Потомки еще так недавно самостоятельных князей не забывали о своей единоплеменности с московскими государями и, основываясь на понятиях родового быта, полагали, что они должны быть не слугами, а только советниками великого князя, вместе с ним *держать Русскую землю;* теперь при водворении новых понятий они должны были отказаться от своего убеждения. Но, я уже имел случай высказать, что старое не уступает новому без борьбы. И вот, идея государственная, ясно обнаружившаяся при Иоанне IV, должна была, прежде своего утверждения, выдержать упорную борьбу с юридическими родовыми началами. Эта борьба, явно начавшаяся в царствование Грозного, наполнившая собою все время правления его, есть одна из интереснейших эпох Русской Истории: как старое, так и новое начала воплощаются в двух знаменитых личностях — князе Андрее Михайловиче Курбском и Иоанне Грозном. Оба деятеля одарены блестящими дарованиями, пламенным характером, оба увлекаются страстями, оба твердо веруют в истину своих убеждений. Пылкость Грозного, непреклонное упорство Курбского и людей, разделявших его убеждения, сообщили и самой борьбе мрачный, кровавый характер.

Цель настоящего сочинения изобразить значение Курбского в нашей истории, а потому и личность его должна сто-

ять здесь на первом плане. Вникая глубже в образ мыслей и действий этого человека, мы ясно понимаем характер эпохи, в которую он жил и действовал, пред нами раскрывается причина казней Грозного, мы понимаем, почему как царь, так и Курбский, действовали в том, а не в другом духе, уясняем себе характер других бояр, в это время действовавших. Короче сказать, понимая характер и значение Курбского, мы уясняем себе характер всей эпохи правления Иоанна IV; мало того, уясняем причины смутного времени, последовавшего по пресечении династии Рюрика. Из этого видно, как изучение личности Курбского важно для историка.

Не принимая на себя смелости приписывать моему сочинению полную самостоятельность, скажу откровенно, что сочинения гг. Соловьева, Кавелина и других знаменитых деятелей на поприще Отечественной истории руководили меня. План, который я предположил себе выполнить в моем сочинении, следующий: представив биографические сведения о Курбском, какие я мог только собрать, изобразив при этом характер его как человека и человека государственного, показав, что он принадлежал к стороне Сильвестра и вместе с ней отстаивал против Иоанна обычай совета, старинный порядок престолонаследия, явился поборником старинной политики России, права отъезда, изложив краткую историю каждого из этих прав и, по моему мнению, истинную причину бегства Курбского из России, я перехожу к критической оценке его сочинений опять для доказательства того мнения, что, как человек государственный, он был приверженцем старого, отживавшего свой век порядка. Главное внимание я обращаю на те из его сочинений, которые относятся к Иоанну IV; прочие не так важны для моей цели. Посвятив отдельную главу разбору важнейшего, по моему мнению, сочинения Курбского: «История Князя Великого Московского о делех, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашима», я поверяю свидетельства Курбского нашими государственными актами, сказаниями летописцев, современных и позднейших иностранных писателей. При разборе этого сочинения я старался главным образом решить, в какой степени достоверны: 1) обвинения, взводимые Курбским на Иоанна III, Василия III и Иоанна IV; 2) свидетельство его

о быстрой перемене, совершившейся в Иоанне IV и состоянии России, когда сторона Сильвестра захватила в свои руки правление; 3) действительно ли был Иоанн слепым орудием Сильвестра и Адашева; 4) какая была истинная причина перемены к худшему, совершившейся в Иоанне, и удаления Сильвестра и Адашева; 5) суд над Сильвестром и Адашевым, где решаю вопрос, действительно ли они, как утверждает Курбский, осуждены беззаконно; 6) казнь Владимира Андреевича Старицкого; 7) обвинение Иоанна в смерти Св. Филиппа и Германа; 8) причину страшной казни, постигшей Великий Новгород. На эти пункты сочинения Курбского обращено мной, при возможно точном и отчетливом разборе прочих частей, особенное внимание.

Затем я рассматриваю письма Курбского к Иоанну и ответы последнего и, очертив характер этой переписки, обращаю особенное внимание на те места ее, которые выказывают в Курбском защитника старины, а в Иоанне представителя нового порядка вещей. Предисловие Курбского к книге, называемой «Новый Маргарит», важное потому, что он высказывает здесь свой взгляд на эпоху Иоанна IV, на причины переворота в государственных отношениях Руси, совершавшегося пред его глазами, не оставлено мной без надлежащего рассмотрения. В заключение и высказываю окончательный приговор о Курбском и стараюсь показать ту точку зрения, с которой, по моему убеждению, нужно смотреть на него.

Вот краткое содержание моего сочинения, вот те положения, которые я стараюсь доказать в нем. Все средства, доступные мне, были употреблены мной, все старание приложено, чтобы это сочинение имело хотя маленькое значение. Достиг ли я своей цели, успел ли я выполнить, что задумал, пусть судят другие. Я же могу сказать не обинуясь:

Quid potui feci, faciant meliora potentes!

I

Фамилия Курбских занимала не последнее место в ряду боярских и княжеских родов, окружавших престол московских государей. Родоначальником своим они считали потомка Владимира Мономаха, Князя Феодора Ростиславича,

господствовавшего сначала в Можайске, а потом, после брака на дочери князя Василия Всеволодовича, внук Константина Всеволодовича Ростовского, получившего удел ярославский[7]. Внук Феодора Ростиславича, Василий Давидович, по прозванью Грозный, несколько времени служил в орде, а потом княжил в Ярославле с титулом великого князя. Этот титул удержали и сын его Василий Васильевич и внук Феодор Васильевич[8]. С течением времени, под влиянием родового быта, княжество ярославское раздробилось на множество самостоятельных владений. На сорок княжеских родов разветвился дом Василия Грозного. От него произошли: Алабышевы, Бесчестьевы, Моложские, Пенковы, Сицкие, Темносиние, Хворостинины, Ушатые и другие. В числе его потомков были и Курбские[9], прозванные так по свой отчине Курбе[10]. Князь Семен Иванович, правнук Василия Грозного, первый начал носить эту фамилию[11]. Когда Москва собрала русскую землю, когда уделы один за другим пошли в состав московского государства, Курбские, владетели небольшой отчины, разумеется, не могли остаться самостоятельными. И вот, мы видим правнука Василия Грозного, князя Семена Ивановича Курбского, в числе бояр Иоанна III[12]. На службе московской Курбские постоянно занимали видные места: или начальствовали в ратях, или сидели воеводами в значительных городах. Так, в 1501 году, во время войны с Литвой, князь Михайло Федорович Карамыш был первым воеводою левой руки нашего войска, а в 1506 году, во время похода на Казань, командовал передовым полком. Брат его Семен Федорович во время похода против Смоленска, в ноябре 1513 года, был воеводой в передовом полку[13]. Михайло Федорович Карамыш имел

---

[7] Родословная книга, изд. Новиковым ч. I, стр. 113. Сказ. кн. Курбского стр. 233.

[8] Родословная книга, изд. Новик. ч. I. стр. 114.

[9] Там же, ч. I. стр. 115.

[10] Historiae Ruthenicae scriptores exleri cd. Slarzewsky. T. I. S. Herbersleini Rerum Moscowiticarum Commentarii, p. 53.

[11] Родословная книга ч. I, стр. 115.

[12] Разряды, рукопись, принадл. г. профессору Каз. Унив. В. И. Григоровичу л. 29.

[13] Там же, л. 114.

троих сыновей; старший из них Михайло Михайлович Курбский служил царю и великому князю в сане боярина[14]. Некоторые из князей Курбких запечатлели службу Москве своей кровью. Так князь Владимир Михайлович пал в битве с крымцами[15]. Многие из князей Курбских отличались христианскими добродетелями и славились военными дарованиями. Барон Герберштейн, бывший в Москве при Василии III в качестве посла императора римского, говорит в своих записках, что Семен Федорович Курбский был героем на поле битвы и в то же время человеком в высшей степени строгой и благочестивой жизни[16]. Такими же свойствами отличался и Михайло Михайлович Курбский, бывший в малолетство Грозного одним из главнейших воевод и действовавший в разное время против Казани, крымцев и Литвы[17]. Умирая, он оставил сыновей Андрея и Ивана[18]. Карамзин упоминает еще об одном сыне Михайла Михайловича, Романе[19]; но ни в Родословной Книге, ни в Сказаниях князя Андрея Михайловича Курбского его нет.

Старший сын Михайла Михайловича, Андрей Михайлович Курбский родился в 1528 году[20], следовательно, в последние годы княжения Василия III Иоанновича. После самых тщательных изысканий все-таки остается неизвестным, как и где провел он первые годы своей жизни. В первый раз имя его упоминается в Разрядных книгах под 1549 годом. Мы не могли бы определить самого времени его рождения, если бы, описывая в одном из своих сочинений казанский поход[21], он не упомянул, что ему было тогда 24 года от рождения. Курб-

---

[14] Родословная книга ч. I, стр. 120.

[15] Там же ч. I, стр. 120.

[16] Herbersteini Rerum Moscoviticarum commentarii стр. 54.

[17] Разряды, рукопись, принад. г. проф. В. И. Григоровичу л. 219, 236, 237, 248, 250, 286 и 300.

[18] Родосл. кн. ч. I, стр. 121.

[19] Ист. Госуд. Рос. т. VIII, стр. 112.

[20] Митрополит Евгений в своем словаре светских писателей (ч. I, стр. 325) относит рождение Курбского к 1529 г., но это неправильно. В 1552 году Курбский считал себе 24 года; следовательно, годом рождения его должно признать 1528, а не 1529 год.

[21] В своей «Истории Великого Князя Московского о делех» стр. 20.

ский увидел свет в то время, когда Москва оканчивала собирание северо-восточной Руси. Князья удельные и потомки их один за другим, волей или неволей, должны были становиться в ряды слуг московского князя. Ясно, как день, для нас, что в собирании Руси князья московские преследовали более пользы государства, нежели выгоды личные; иначе объясняли себе это дело удельные и потомки их. Нет нужды доказывать, что потеря самостоятельности возбуждает неприятное чувство в подвергшихся этой невзгоде, а с тем вместе и ненависть к виновнику потери. Вот, почему потомки удельных князей были проникнуты ненавистью к Москве и ее государям[22], видели в них беззаконных нарушителей стародавних прав, грабителей, кровопийц, которым не дорога была жизнь ближнего, если только смерть его влекла за собой значительные выгоды[23]. Сознание происхождения от одного корня с московскими князьями[24] еще более усиливало эту вражду удельных. В самом деле, не унизительно ли было им, тоже потомкам Св. Владимира, быть слугами и подданными тех, которых они считали равными себе? Между тем, при таких государях, как Иоанн III и сын его Василий III, нельзя было и думать о перемене положения. И должны были потомки некогда самостоятельных князей затаить в сердце эту ненависть к Москве, шедшую от отца к сыну из рода в род, должны были скрывать ее, потому что обнаруживание её влекло за собой гибель. Конечно, и отец Курбского и предка его разделяли это чувство потерявшей свои права, прожившейся удельной партии. Итак, родившись в семье потомка бывших удельных владетелей, считавшего родоначальником своим Св. Феодора Ростиславича Смоленского, единоплеменного государям Московским[25], имевшего по старым понятиям, неоспоримое право обладать русской землей, как собственностью целого рода княжеского, Андрей Михайлович, с самых первых лет своей жизни, был поставлен в среде, неприязненной Москве, с самой ранней молодости внушена

---

22 Это видно из поступков Семена Ростовского и многих других.
23 Сказания кн. Курбского стр. 220 и 233.
24 Там же, стр. 220.
25 Там же, стр. 220 и 233.

была ему ненависть к ее князьям, с самой ранней молодости внушены ему и те притязания, которая составляли, так сказать, плоть и кровь лиц, его окружавших. И вот, возмужав, Курбский выступил на арену государственной деятельности одушевленный, проникнутый этими несвоевременными требованиями. Государи московские, парализовавшие, делавшие неисполнимыми эти притязания, стали в его глазах людьми, ни во что считавшими честь и узы родства, он смотрел на них как на кровопийц искони[26]; деяния Иоанна III и Василия III не были в его глазах деяниями государей мудрых, но подвигами грабителей своих подданных[27], убийц, обагривших свои руки в крови единокровных[28]. Рожденный в конце царствования Василия III, Курбский не мог судить о духе их управления, как современник; такое мнение было внушено ему его родителями, как рассказано было ему и то, что Иоанн III был «зело любосоветен[29]». Благодаря такой настроенности, Курбский видел в Иоанне IV одну только худую сторону, видел человека, в котором сосредоточились все дурные склонности его предшественников[30]. Да и не мог Иоанн IV быть в его глазах иной личностью, потому что происходил от злого корня от жены злой и чародейки[31]. Это чувство к Иоанну преобладало в Курбском, мешало ему видеть в царе другие, более отрадные свойства. Среда, в которой провел Курбский свое детство, не могла пропустить чрез себя иного мнения, а кто не знает, как трудно отвыкать человеку от предрассудков, внушенных в детстве: на всю жизнь остаются они в человеке и никакое последующее образование, никакие опыты не могут изгладить их; всегда останется в человеке вера в них, хотя и слабая, и безотчетная.

Воспитание не могло развить в Курбском правильного взгляда на вещи, но природа не отказала ему в гибком и замечательном уме, в блестящих дарованиях. Образование его,

---

[26] Сказания кн. Курбского, стр. 233.
[27] Там же, стр. 220 и 87.
[28] Там же, 87 и 220.
[29] Там же, стр. 46.
[30] Там же, стр. 38.
[31] Там же, стр. 6.

хотя и не многостороннее, все-таки, по тогдашнему времени, было велико. Причина односторонности тогдашнего образования лежала в самой неразнородности его источников. Светская литература того времени была бедна, а потому главным источником образования была, по преимуществу, литература духовная, следовательно, и направление образования было духовное. Такова была образованность большинства, такова же была образованность и Курбского. Он обладал основательным знанием Церковной и Библейской Истории, Св. Писания, знал отчасти и Византийскую Историю. Эти познания его выказались в письмах его к Иоанну и другим лицам, выказались и в других его сочинениях. Обязанности воеводы и государственного человека, лежавшие на нем во время пребывания в России, препятствовали ему, как он сам говорит, заниматься науками; но в Литве множество свободного времени дало ему возможность удовлетворить своей любознательности. Но и здесь особенное внимание обратил он на изучение Св. Писания, «воспитавшего по душе его праотцев[32]». Впрочем, справедливость требует сказать, что любознательность его не ограничилась этим. Так, мы узнаем, что, во время пребывания своего в Литве, он изучал этику и естественную философию Аристотеля; что, будучи уже в преклонных летах, начал он изучать латинский язык, прилежно вникал в грамматику и дух этого языка и наконец «навык ему[33]»; читал и переводил латинских классиков, например, Цицерона[34], переводил с латинского на славянский язык беседы Златоуста и не щадил никаких издержек для приобретения книг[35]. Замечательно, что Курбский старался даже постановить определенные правила для расстановки в письме знаков препинания[36]. Правда, что эти правила заимствованы из языка латинского, но все-таки замечательна попытка применить их и к русской речи и та сознательность, с которой Курбский пользовался ими. Хотя напряжение сил,

---

[32] Жизнь кн. Курбского в Литве и на Волыни т. II, стр. 308.
[33] Там же, стр. 309 и 310.
[34] Там же, стр. 310 и 302.
[35] Там же, т. II, стр. 314 и 315.
[36] Там же, т. II, стр. 308.

с которым Курбский занимался, во время своего пребывания в Литве, науками, не было естественно в нем, хотя занятие науками служило ему только для того, чтобы «между людьми тяжкими и зело негостелюбными не потребиться в конец грустию[37]»; но и то делает уже честь ему, что он искал утешения не в шумных забавах, а в науке и отрадно в XVI веке, не отличавшемся цивилизацией, встретить такого человека, отрадно особенно, потому что это служит живым доказательством того, что и Русские не чуждались просвещения.

Очень рано узнал Курбского Иоанн Грозный и, может быть, одинаковая страсть к учению книжному сблизила этих замечательных людей, после сделавшихся ожесточенными врагами; очень рано имя Курбского сделалось и достоянием Истории, Его государственная деятельность началась в России с 1549 года и, в течение пятнадцати лет, не прерывалась. При выступлении Курбского на поприще службы отечеству отношения к Казани обращали на себя особенное внимание Иоанна IV. Казанские татары постоянно враждовали с Россией: то признавали они себя её данниками, то брались за оружие и тревожили наши восточные границы, являясь иногда и близ самой Москвы. Особенно опустошительны были набеги их в малолетство Иоанна IV: весь северо-восточный край России до самого Нижнего Новгорода был опустошен этими хищниками. По словам одного летописца, бедствия, претерпенные от них Россией были ужаснее бедствий нашествия Батыева. «Батый, — говорит он, — как молния протек землю Русскую, казанцы же вовсе не выходили из пределов её и лили кровь христианскую, как воду[38]». Занятые крамолами бояре «не двигали ни волоса в защиту отечества, и по всей земле Русской были слезы, и рыдания, и вопль мног[39]». Приняв твердое намерение утвердить спокойствие и безопасность государства, Иоанн не мог оставить без внимания вредной Казани и с неё-то начались его блестящие завоевания.

В поводах к войне не было недостатка. В 1549 году умер царь Казанский Сафа-Гирей, и двухлетний сын его Утемыш-

[37] История Государства Российского, т. VIII, пр. 85.

[38] Гистория о Казанском Царстве, рукопись, принад. г. проф. В. И. Григоровичу, л. 28.

[39] Сказ. кн. Курб. предисловие, стр. IX.

Гирей вступил на престол. В том же году, от имени своего младенца-царя, казанцы отправили послов в Москву для мирных переговоров, а вслед за ними послали гонцов и к хану крымскому с просьбой дать им, вместо младенца Утемыш-Гирея, какого-нибудь крымского царевича. Это новое коварство казанцев показало, что прочный мир с ними дело невозможное. В думе боярской решено было воевать Казань и, в январе 1549 года, многочисленное войско русское, под предводительством князя Дмитрия Бельского, выступило в поход. При войске находился и сам государь. Князь Андрей Михайлович Курбский, имевший в то время еще 21 год от роду, сопровождал государя в звании стольника и есаула вместе с Никитой Романовичем Юрьевым, братом царицы Анастасии Романовны[40]. Неизвестно, отличился ли Курбский в этом походе; впрочем, должно полагать, что он успел обратить на себя внимание Иоанна, поручившего ему после похода пост важный и трудный, требовавший большой деятельности, больших соображений, именно охранение юго-восточных пределов России: в августе 1550 года, Курбский был послан воеводой в Пронск для отражения предполагаемого набега крымских татар[41]. Из Рязани Иоанн Грозный писал к пронским воеводам Якову Никитичу Измайлову и Михайле Федоровичу Сунбулову: «Послал есмя в Пронск воеводу своего, князя Ондрея Михайловича Курбского, а как князь Ондрей в Пронеск приедет и вы б списки детей боярских Резанских, которые были у вас, отдали воеводе нашему князю Ондрею Михайловичу Курбскому, а ты б Михайло Сунбулов был за городом, а дела б еси нашего берег с воеводою нашим, со князем Ондреем Михайловичем Курбскиди за один, а которым детем боярским быти с тобой и мы тех детей боярских имена и списки пришлем к тебе часа того». Этот указ послан был 13 августа 1550 года[42]. Так началось быстрое возвышение Курбского.

Без сомнения, личные дарования помогали Курбскому выдвинуться из толпы, но обстоятельства времени были таковы, что одних блестящих дарований не было достаточно

[40] Разряды; рукопись В. И. Григоровича, д. 386.
[41] Русский Исторический Сборник, изд. Погодиным, II, стр. 207.
[42] Сказания кн. Курбского, стр. 10–12.

для возвышения. Страшный московский бунт 1517 года приблизил к престолу Иоаннову две замечательные личности: Сильвестра и Адашева. Оба они была взысканы Иоанном из ничтожества, оба награждены были полной его доверенностью. Около них собралась многочисленная партия, считавшая в рядах своих множество знаменитейших деятелей царствования Грозного. Нет сомнения, что и наш Курбский примкнул к ним. Чтобы убедиться в этом, достаточно одних простых соображений и свидетельств Иоанна, в истине которых сомневаться нет никакого основания. Написанная Курбским История Иоанна может быть названа адвокатской речью в защиту этих двух лиц. Все доброе, совершившееся в правление Грозного, он приписывает им и доказывает, что с удалением их начались бедствия России. Сильвестра называет Курбский «блаженным мужем, поставившим Иоанна на стезю правую, Алексея Адашева, соединившегося с Сильвестром во общение, зело полезным общей вещи и в некоторых нравех подобным ангелам». Общими силами они исправляют Иоанна, «творят праведный суд как богатому, так и убогому, устроят стратилатские чины как над ездными, так и над пешими», награждают заслуги каждого по достоинству[43]. По их мановению, Россия как бы перерождается: одно за другим падают пред ее монархом царства Казанское и Астраханское; она ужасает Крым и Ливония, Польша и Литва смиряются пред могуществом её юного царя, окруженного сонмом мудрых советников, искусных полководцев[44]. С другой стороны, все переменилось, когда Сильвестр и Адашев, «мужи неповинные и святые, ни в чем не согрешившие пред Иоанном», удалены были от дел царем, поверившим низкой клевете[45]. Вся вина Сильвестра, по словам Курбского, состояла в том, что он обличал развратную жизнь Иоанна[46]; и осуждены были Сильвестр и Адашев без суда и правды и обесславлено этим осуждением имя русское[47]. Называя, в своих письмах к Иоанну, преступления, приписываемые стороне Сильвестра

[43] Сказания кн. Курбского, 13.
[44] Там же, 78, 80.
[45] Там же, 82 и 83.
[46] Там же, 83.
[47] Там же, 152, 229.

чистой клеветой, Курбский грозит ему судом Божиим за преследование этой партии, и укоряет за ложное обвинение исповедника, «очистившего душу его от нечистоты греховной, поставившего его, яко чиста, пред лицем Бога[48]». Курбский называет Сильвестра «льстецом и коварцем»; но говорит, что вся хитрость его состояла в исхищении Иоанна из челюстей мысленного льва, в очищении души его от пороков, глубоко укоренившихся в ней, и, наконец, пишет, что обвинение этих двух мужей в смерти Анастасии, в намерении возвести на престол Владимира Андреевича Старицкого, есть одна гнусная клевета, даже не заслуживающая оправдания, потому что дела громче трубы говорят за них[49]. Таким образом, в своей «Истории Великого Князя Московского о делех» и в своих письмах к Иоанну, Курбский является пред нами адвокатом стороны Сильвестра. Все поступки, которые могут бросить невыгодный свет на действия Сильвестра и его стороны Курбский или вовсе преходит молчанием или всячески старается оправдать. Рассказав, например, о чудесах Сильвестра во время московского пожара, поведанных от имени Божия и, признавая их только мечтательными страхами, следовательно, ложными, Курбский оправдывает Сильвестра тем, что эта выходка была сделана с доброй целью: обратить Иоанна к добродетели. «Как отцы, — говорит он, — приказывают рабам обуздывать сварливых детей, ужасая их мечтательными страхами, и, таким образом, удерживать их от сообщения с презлыми сверстниками; или как врачи, для излечения больного, вырезывают дикое мясо даже до здорового тела, так и этот блаженный льстец (Сильвестр) умыслил устрашить Иоанна мечтательными страхами, тем и другим направляй его на стезю правды[50]». Но Курбский забывает, что подобной выходкой Сильвестр оскорблял Иоанна. Не подозревая обильного запаса нравственной силы, хранившегося в душе юного царя, Сильвестр вздумал поступать с ним, как с неразвитым, сварливым ребенком. Что Иоанн мог понять и понимал это, видно из его посланий к Курбскому, и больно было

---

[48] Сказания кн. Курбского, 230, 233.

[49] Там же, 9.

[50] Царственной книги.

ему, что подданные так смотрят на него. С другой стороны, подобный образ действий Сильвестра был оскорблением самой святости религии. Неужели, без страшной холодности к религии можно мечтательные страхи, которыми рабы пугают упрямых детей, выдавать за чудеса от имени Божия? Это показывает только, что религия в глазах Сильвестра была средством для приобретения влияния на Иоанна и влияния вовсе не для доброй цели, как мы увидим в своем месте. Далее, об известной крамоле боярской во время болезни Иоанна, Курбский вовсе не упоминает. Он говорит, что, по возвращении из казанского похода, Иоанн занемог огненным недугом — и только. Молчит Курбский об этой крамоле, потому что сторона Сильвестра и сам Сильвестр, выказали себя в это время в неблагоприятном свете, как видно из других источников[51], а цель сочинений Курбского — выставить Сильвестра и его партию в самом выгодном свете, хотя, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что они хлопотали не о государственных, а о боярских выгодах.

Раскройте ответные письма Иоанна Курбскому и вы увидите, что Иоанн обвиняет его в преданности стороне Сильвестра. «Вы», говорит он, «с начальником вашим Алексеем и попом Сильвестром хотели иметь под ногами всю Русскую землю [52], хотели снять всю власть с царя и, как пьяные, восшатались во время моей болезни, не желали служить сыну моему; а хотели возвести на престол Владимира Андреевича[53]». Короче сказать, из слов Иоанна открывается, что в большей части преступлений, в которых виновна сторона Сильвестра, и Курбский не был чист. Слова Иоанна имеют тем большее значение, что и Курбский, настаивая на невинности стороны Сильвестра, отвергая некоторые из обвинений Иоанна, большую часть оставляет без опровержения.

Доказав, что Курбский был сторонником Сильвестра, рассмотрим другой вопрос: рано ли он примкнул к этой партии? Надобно полагать, что это последовало в самом начале его политического поприща. В 1547 г., когда эта партия начала

---

[51] Сказания кн. Курбского, 223.
[52] Там же, 172, 190.
[53] Там же, стр. 5.

действовать, Курбскому было уже 19 лет; следовательно, он уже был в таком возрасте, когда человек может отличать выгоду от невыгоды. Самовластие Василия III ясно показало боярам, чего они, с течением времени, должны ожидать от его преемников. И вот, они решились предупредить удар и самих царей московских поставить в то положение, в какое должны были стать роды боярские. К этой цели были направлены все действия партий во время правления Грозного и после его смерти; а в смутное время, с падением дома Годуновых, в правление Василия Шуйского и семибоярщины, восторжествовали усилия бояр, хотя и ненадолго. По самому происхождению своему, по самому своему воспитанию, Курбский не мог явиться противником этого антигосударственного стремления, а должен был стать в ряды защитников его. Курбский вел род свой, как и московские князья, от Св. Владимира и еще свежо было предание, когда его предки были государями самостоятельными. Никогда не забывая этого, мог ли Курбский разделять убеждение Василия III и Иоанна IV, что потомки независимых владетелей должны стать к московским государям в простое отношение слуг и подданных. Между тем, при торжестве идеи государства, начинавшей проникать русское общество, подобная перемена отношений должна была неизбежно последовать. И не должен ли был Курбский, вместе с другими боярами, изо всех сил стараться в самом зародыше подавить это, невыгодное для него и других, государственное начало? Раздумывать, взвешивать возможность успеха и неудачи было некогда, нужно было спешить действовать, потому что Иоанн мужал физически и нравственно.

Не могу при этом умолчать, что Курбские отличались наследственным нерасположением к Москве. Дед нашего Курбского, князь Семен Федорович Курбский, старался противодействовать разводу Василия III с Соломониею, подвергся царской опале и, до самой смерти, был удален от двора[54]. В ответе своем на первое письмо Курбского, Иоанн обвиняет деда его Михайла Карамыша в том, что он замышлял,

---

[54] Сказания кн. Курбского, 178.

с Андреем Углецким, измену Иоанну III, обвиняет даже отца нашего Курбского в намерении отравить Василия III, говорит, что Михайло Тучков, дед Андрея Курбского со стороны матери, при смерти Елены «многие надменные слова изрече[55]». Факты, приводимые Грозным в доказательство врожденной склонности Курбского к измене, тем более вероятны, что Курбский оставляет их без опровержения, тем более не выгодного для него, что он старается опровергать все прочие обвинения, взводимые на него Грозным. В пользу слов Иоанна Грозного говорит еще одно обстоятельство. В сочинениях Курбского, действительно, проглядывает особенная ненависть к Иоанну III, Василию III и Иоанну IV. Двое первых, по его словам, злой корень, который не мог произвести никакого другого плода, кроме развратного Иоанна IV. Мы уже видели, какими эпитетами наделяет Курбский Иоанна III и Василия III; а понятно, что, ненавидя деда и отца Иоанна VI, он не мог быть расположен к сыну, наследовавшему и развившему отцовские понятия. Ясно, что, видя в Иоанне семя злое, не одобряя его планов, Курбский должен был примкнуть к стороне Сильвестра, «хотевшей иметь под ногами всю Русскую землю и снять с царя всю власть[56]».

Не мог Курбский колебаться в выборе между царем и партией Сильвестра и стал в ряды ее с самого начала своей государственной жизни. Сильвестр и Адашев, захватив в свои руки правление, рассказывает нам Курбский в своей Истории Иоанна, заместили должности при войске искусными полководцами, окружили Иоанна добрыми советниками, поручили областное управление хорошим правителям[57]. Эти посты в государстве они, без всякого сомнения, вверили своим приверженцам — необходимое условие удержать власть за собой. Для доказательства этого посмотрим, как действовали партии в малолетство Грозного. Каждая из них, удаляя от дел противников, старалась должности при дворе, по областям и при войске заместить своими приверженцами, людьми ее интересам вполне преданными. Не соблюдай только партия

---

[55] Сказания кн. Курбского, 224, 4 и 6.
[56] Там же, 11 и 12.
[57] Там же, 11 и 12.

этих условий и гибель ее будет неизбежна, и господство ее будет кратковременно. Отчего пала партия Бельских? Отвечаю: она не заместила всех постов государственной службы своими приверженцами, не отняла у врагов своих, Шуйских, влияния на дела. Этот пример был в свежей памяти у Сильвестра и Адашева. Вот как, по свидетельству самого Курбского, поступили они: «Собирают к нему (Иоанну), — пишет Курбский, — мужей разумных и совершенных в старости мастистей сущих, благочестием и страхом Божиим украшенных; других же, аще и в среднем веку, тако ж предобрых и храбрых, и тех и оных в военных и земских вещах по всему искусных». Курбский говорит далее, что Сильвестр и Адашев так усвоили этих избранных в дружбу Иоанну, что он ни на что не решался без их совета и что должности при дворе и войске были заняты лицами, избранными также Сильвестром и Адашевым, которые осыпали храбрых и достойных наградами, удаляя от двора паразитов и других людей, недостойных и неспособных[58]. Действительно, Сильвестр имел большое значение[59]. Знаем, что Иоанн поручал ему испытывать способности и свойства каждого, предназначаемого для службы государственной и что признанный от него недостойным не получал и места[60]. Нет сомнения, что Сильвестр вполне воспользовался такой огромной доверенностью царя для выгод своей стороны. Само собой понятно, что Курбский не мог бы, не принадлежа также к этой стороне, так быстро возвыситься, потому что, по своему родству и связям, по своим отличным дарованиям, он мог быть для неё опасным. Мы уже видели, что Курбский, еще 21 года от роду, служит при дворе стольником, а при войске есаулом, что это было два года спустя после московского пожара, когда партия Сильвестра была в цвете своей силы, когда царь, по собственному его признанию, был невольником на троне[61]. Ясно, что Курбский не мог быть близок к царю, если бы не принадлежал к стороне Сильвестра и Адашева, которые, по словам Иоанна, «ни единые власти не оставиша, идеже своя

[58] Царственная книга стр. 342.
[59] Акты Археографической Экспедиции, т. 1, № 238.
[60] Сказ. кн. Курбск. 187, 189.
[61] Там же, 188.

угодники не поставиша, и тако во всем хотение свое улучшил». Принимая это во внимание, мы должны допустить, что Курбский при самом начале своей служебной деятельности стал на стороне Сильвестра и Адашева.

После этого отступления, необходимого для объяснения быстрого возвышения Курбского на поприще службы государственной, перейдем опять к прерванной нами биографии его. Первый поход против Казани не имел успеха, но и не был, подобно прежним, бесплоден. По указанию Иоанна была основана, в 32 верстах от Казани, крепость Свияжск[62], и таким образом, казанцы были стеснены, и пресечен путь их вторжениям в московские пределы. Намерение Иоанна покорить Казань не охладилось от первой неудачи. Возвратясь из казанского похода, он начал хлопотать о лучшем устройстве войска, и с этой целью, в том же 1550 г., раздал в окрестностях Москвы поместья боярам и детям боярским, чтобы, улучшив таким образом их состояние, иметь право требовать от них большей ревности к службе и лучшего вооружения ратников. Князь Андрей Михайлович Курбский, записанный в число детей боярских первой статьи, получил 200 четвертей земли, обязавшись, как и все прочие, выводить в поле определенное число исправно вооруженных ратников[63].

Вскоре новые опасности, угрожавшие России, заставили Курбского опять надеть ратный доспех: в 1551 г. ожидало в Москве нападения казанцев и крымцев. Армия русская заняла береговую линию. Правая рука, под начальством Курбского, стала у Николы Зарайского. Но татары не показывались. Узнав, что берега Оки заняты русским войском, они быстро вернулись восвояси[64].

Эта тревога не прервала, однако, ревностных приготовлений ко второму казанскому походу. Когда все было готово, весной 1552 г., на коломенских лугах собралось 150.000 воинов, назначенных против Казани. Правое крыло армии вверено было Курбскому и Щенятеву[65]. Войско готово уже было

---

[62] История о Казанском Царстве, гл. 30.
[63] Сказ. кн. Курбского. Предисловие, стр. X.
[64] Рукописные разряды, л. 398.
[65] Гистория о Казанском Царстве, гл. 63.

выступить в поход, как вдруг, 21 июля, пришла весть, что хан крымский со всей ордой идет к Москве и стоит уже близ Путивля. Поверив слухам, что царя нет в Москве, что все русское войско занято осадой Казани, Девлет-Гирей думал захватить Москву врасплох и устремился к Рязани. Разуверившись в истине полученных им вестей, узнав, что сильное войско, готовое к бою, стоит в Коломне, он устремился к Туле и осадил ее, Иоанн тотчас отрядил большой полк, под начальством мужественного князя Воротынского, и правую руку, под начальством нашего Курбского и князя Петра Щенятева, на помощь стесненному городу[66]. Весть о приближении русских войск устрашила хана. Он бежал в степи. Приблизясь к городу, Щенятев и Курбский стали на том самом месте, где за три часа до их прихода был ханский стан[67]. Тула была спасена; но дело этим не кончилось. Случай доставил Курбскому возможность отличиться. Отряд крымцев, более нежели из 30.000 человек, грабил в окрестностях Тулы и, не зная о бегстве хана, шел для соединения с ним; но вместо крымцев, встретил русское войско. Имея не более 15.000 воинов, князья Курбский и Щенятев не уклонились от битвы, мужественно встретили татар и разбили их на голову. В этой жестокой битве Курбскому иссекли голову и плечи[68]. Победители гнали крымцев до речки Шевороны, где одержали новую победу над ними и освободили множество пленных христиан[69].

Тяжкие раны не прекратили деятельности Курбского: спустя 8 дней после битвы видим его уже снова в поле.

---

[66] Древняя Российская Вивлиофика, изд. Новиковым, т. XIII, стр. 411.

[67] Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских, т. III, № 9, 323–324. Здесь читаем следующее: «Месяца июня 21, против среды, пригонил к государю гонец с Тулы, а сказывает, что пришли Крымские Люди на Тульские места, а чают царевич не со многими людьми. Государь же тотчас посылает и велит идти с Коширы правой руке боярину, князю Петру Михайловичу Щенятеву, а из-под Ростиславля боярину князю Ивану Ивановичу Пронскому, да князю Дмитрию Ивановичу Хилкову, да из-под Колычева князю Ивану Михайловичу Воротынскому... Воеводы пришли на Тулу, а царь побежал за три часа до них, а люди многие были в загонах и, воевав Тульские места, многих попленили, безвестно пришли. И воеводы божиим милосердием и государевым счастием побили многих людей и полон мног отполонили».

[68] История Государства Российского, т. VIII, стр. 92.

[69] Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс., г. III, № 9, стр. 324.

Согласно прежде принятому плану, Курбскому приказано было идти со вверенным ему войском к Казани на Рязань и Мещеру[70]. Он должен был прикрывать фланг главной армии от внезапного нападения ногайских татар. Путь, по которому Курбский повел свой отряд, представлял множество трудностей. Вот что рассказывает нам сам Курбский об этом походе: «Нас послал тогда (царь) с 13000 человек чрез Рязанскую область, а потом чрез Мещерскую, где живет мордва. Потом, перейдя, в течение более нежели 3-х дней, чрез мордовские леса, мы вышли на большое дикое поле и шли от него (царя) в правой стороне, в 5 днях езды, потому что тем войском, которое шло с нами, мы заслоняли его от заволжских татар (он боялся, чтобы княжата ногайские, не напали на него внезапно), и почти чрез 5 недель, Потерпев много голода и нужды, дошли до большой реки Суры[71]». Местом соединения всех войск назначено было поле за Алатырем[72]. Этот план был выполнен, и 4 августа все наши силы соединились на устье речки Борыша[73]. Отсюда Курбский с правой рукой войска двинулся далее, получив приказание идти по правую сторону государева полка[74]. Августа 16 совершилась переправа русских войск чрез Волгу против Свияжска и они стали на лугах, на казанской стороне[75]. Когда, 20 августа, полки двинулись к Казани, Курбскому и Щенятеву приказано было стать ниже города за рекой Казанкой[76]. Вследствие этого приказания правая рука заняла позицию под самыми стенами города, вверх по течению Казанки, на тех самых лугах, которые расстилаются на северо-восток от кремля, между слободами Гривкой и Подлужной, до нынешней Нижней Федоровской улицы. Стан правой руки, занимавший и нынешнюю деревню

---

[70] Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс., г. III, № 9, стр. 326.

[71] Сказ. кн. Курб. стр. 15–16.

[72] Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс., г. III, № 9 стр. 325. Здесь говорится: «А приговорил идти государь на двое для вмещения людям, а сходится на поле за Алатырем».

[73] Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс. год III, № 9 стр. 338.

[74] Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс. год III, № 9 стр. 339.

[75] Там же, стр. 342.

[76] Там же, стр. 344. «А Правой руке приказал Государь стати ниже города за Казань реку».

Игумново[77], находился на низких и ровных местах, где были огромные болота, существующие, хотя уже и не в таком объеме, и доныне. Кремль, лежащий на чрезвычайно крутой, с этого места, горе, казался почти неприступным. Кроме каменных, Казань была окружена еще деревянной стеной, построенной из огромных дубовых деревьев в два ряда, набитой внутри хрящем и мусором. Эта деревянная стена почти везде имела в толщину до 4 $^1/_2$ сажен, и, в свое время, при младенчестве осадного искусства, считалась непреодолимой твердыней. Вот как отзывается летописец о казанских укреплениях: «Город же Казань тверд бяше паче меры, подобен каменной горе; стена дубовая рубленая в целых древесех, а в городне сыпан ил да хрящ[78]». Кроме сильных укреплений войску предстояло преодолеть много и других трудностей. Особенно затруднительно было положение правого крыла осаждающих. Пост, занимаемый Курбским, был самый трудный и опасный: стоявший на низкой, открытой местности, отряд его должен был более всех терпеть от пальбы с крепости, обстреливавшей все это пространство, а в тылу у него находилась луговая черемиса. Оставаясь верными Казани до самого её падения, эти свирепые дикари часто тревожили своими набегами лагерь правой руки.

По распоряжению Иоанна, город со всех сторон был окружен нашими укреплениями, и все средства к сообщению с окрестными пародами были отняты у казанцев. Сильно громили город русские пушки. Жители должны были в землянках искать спасения от ядер, летавших в город. Но стесненное положение не внушило им мысли о сдаче, и нужно было употребить серьезные усилия, чтобы заставить их покориться. Августа 29, Щенятев и Курбский, несмотря на сильную пальбу с крепости, поставили туры по берегу Казанки и стали за ними со своим полком[79]. Но труды и опасности не уменьшились. Луговые черемисы отгоняли наши стада и беспрерывными набегами тревожили стан от галицкой дороги. Курбский ходил против них и побил их на голову; но, опасаясь беспрестанно новых

[77] См. план казанской осады при «Истории Казани» Рыбушкина.
[78] Гист. о Казанск. Царстве, 231.
[79] Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс., г. III, № 9, стр. 351.

набегов, всегда стоял настороже и утомлял свой полк беспрерывной деятельностью: «Целые ночи, — пишет Курбский, я не смыкал глаз своих, охраняя вверенных мне людей и снаряд[80]». К этим трудам и опасностям присоединились еще бедствия естественные: полк Курбского чрезвычайно много терпел от дождей, очень обыкновенных здесь осенью. Беспрерывный ливень превратил низкую равнину в одно огромное болото. Суеверие было общей болезнью XVI века. Этот век был веком гаданий и чар, веком, в который вера в таинственные силы природы, в помощь злых духов достигла высшей степени. В Стоглаве мы находим разные постановления против волшебства, церковные наказания, определенные волшебникам; встречаем запрещение смотреть в Аристотелевы Врата, Рафли и т. п.[81]. Этой болезни не были чужды даже такие люди, которые целой головой были выше своих современников, например, Иоанн IV и Борис Годунов. Но суеверие не было уделом одних русских. Не менее сильно было оно и в западной Европе, где им заражены были даже замечательнейшие люди того времени[82]. Следовательно, это был общий недостаток тогдашнего общества. Вот почему Курбский, при всем своем образовании, явления, совершившиеся по действию естественных причин, объясняет чародейством. Я сказал, что осенью дожди в Казани дело очень обыкновенное. Но Курбский видит в этом действие темной силы, помогавшей врагам христианства. «Вкратце, — говорит он, — воспомянути достоит, яко они (т. е. татары) на войско христианское чары творили и великую плювию наводили: яко скоро по облежанию града, егда солнце начнет восходити, взыдут на град, всем нам зрящим, ово престаревшие их мужи, ово бабы, и начнут вопияти сатанинския словеса, машуше одеждами своими на войско наше и вертящеся неблагочинне. Тогда абие востанет ветр и сочинятся облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет такий дождь и сухия места в блато обратятся и мокроты исполнятся; и сие точию было над войском, а по сторонам несть, неточно по естеству аера (воздуха)

[80] Сказ. кн. Курбского, стр. 23.
[81] Стоглав. Рукопись, принад. г. профессору В. И. Григоровичу.
[82] Например, Валленштейн, соперник Густава Адольфа.

случашеся». Потом описывает Курбский, как исчезли чары поганские[83]. Но мы не должны упрекать Курбского в суеверии. Он только платил дань своему веку. Так летописец не знает, чем объяснить непонятную для него и, по-видимому, внезапную перемену, совершившуюся в Иоанне, царе добром и мужественном, кроме чародейства какого-то лютого волхва немчина Олисея, уверяя, что он «напустил на царя страхование и ненависть к русским людям[84]»; также в другом месте летописцы называют эту перемену «чуждою бурею, возшумевшею в тишине благосердия царского[85]».

Уже шесть недель длилась осада, а конец ее был еще далек. Несколько раз предлагал Иоанн пощаду жителям, давая им позволение выйти из города, куда угодно, с женами и детьми. Но они не хотели и слышать о сдаче: смерть на развалинах родного города предпочитали они жизни под властью иноверного, иноплеменного народа. Во многих местах стены были до основания сбиты нашей пальбой. Упорство казанцев заставило Иоанна решиться на взятие города штурмом. Накануне Покрова собрались к нему на военный совет воеводы и единодушно решили: идти на другой день на приступ. Каждому из них указан был пункт, на который должно направить удар. Курбскому приказано было ударить в Елбугины ворота[86], за которыми стоите ныне Пятницкая церковь, в Засыпкиной улице[87]. Князь Петр Михайлович Щенятев должен был подкреплять его[88].

Сигналом к начатию штурма должен был служить взрыв подкопа. За два часа до зари приготовился Курбский к штурму и, когда, при восходе солнца, раздался взрыв, он, устроив 12 тысячный отряд, вверенный ему, устремился к высокой башне, стоявшей пред самыми Елбугиными воротами. Безмолвно ожидали русских казанцы; ни одна пуля, ни одна

---

[83] Сказания кн. Курбского, стр. 27, 28.

[84] Полное Собрание Русских Летописей т. III, Псковская 1-я Летопись, стр. 368.

[85] Историко-критические отрывки, соч. Поготина, стр. 258.

[86] Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9, стр. 363.

[87] «Сретение Смоленской Божией Матери», соч. В. Сбоева в «Москвитянине», 1853 г. № 15.

[88] Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9, стр. 363.

стрела не бороздила воздуха. Но, едва наши приблизились к стенам на расстояние лучного выстрела, как дождь, посыпались на них стрелы и пули. Но шли русские воины вперед, с геройским забвением смерти, приставили лестницы, сломили татар и овладели стеною. Казанцы отступили, стали за Тезицким рвом, но все еще бились крепко, оспаривая каждый шаг земли. Выбитые отсюда превосходными силами русских, они бросились в царский дворец и еще несколько времени оспаривали победу. Видя, наконец, что все потеряно, они вышли из дворца чрез задние ворота в числе еще 10.000 человек, — остаток страшный для русских не числительной силой, а закоренелой ненавистью к России. В пылу сечи никто, кроме Курбского, не заметил отступления татар. Курбский мог соединить около себя только 150 человек воинов, число ничтожное в сравнении с неприятелем. Но не привык он считать врагов, и численное превосходство неприятеля не испугало его, как не испугало его на полях тульских двойное превосходство числа неприятелей. С своим маленьким отрядом он пресек беглецам дорогу, затруднял каждый шаг их, давая тем возможность главному войску разить с тыла, и, подаваясь назад, стал, наконец, в Сбойливых воротах (где после находилась церковь Св. Николая Тульского[89]). Здесь присоединились к нему еще два полка, при помощи их, он успел остановить стремление врагов. Передав своего царя князю Дмитрию Палецкому, казанцы начали прыгать со стен за город и направились к стану нашей правой руки; но, встреченные сильной пальбой с укреплений, они поворотили влево, двинулись вниз по берегу Казанки, разулись и перешли ее вброд. Курбский сел на коня и, с 200 всадниками, обскакав татар, пресек им дорогу. Смело ударил он на неприятеля. Но татар было еще 5.000 и притом самых отчаянных. Дорого заплатил Курбский за свою отважность. Послушаем, как рассказывает он о своем подвиге: «Давши татарам, — говорит он, — немного отойти от берега, мы ударили на них в то время, когда задний конец их отряда еще не успел выйти из реки. Цель наша была разрезать их отряд надвое. Прошу, да не сочтет

[89] «Сретение Смоленской Божией Матери».

меня кто-нибудь безумным и самохвалом! Я говорю чистую правду и не таю духа храбрости, данного мне от Бога; притом же я и коня имел весьма быстрого и бодрого. Всех прежде я ворвался во весь этот басурманский полк, и помню то, что во время сечи, трижды оперся в них конь мой; а в четвертый раз, сильно раненный, повалился, вместе со мною, в средине отряда их, и больше, по причине тяжких ран, ничего не помню. Очнувшись чрез несколько времени, я увидел, что надо мною, как над мертвым, плачут и рыдают двое моих слуг и двое других царских воинов. И увидел я себя обнаженным, покрытым многими ранами; а жизнь моя уцелела, потому что на мне была праотцовская броня, весьма крепкая; но всего более хотела, чтобы было так, благодать Христа моего, который заповедал ангелам своим сохранить меня, недостойного, во всех путях моих. Потом, уже после я узнал, что все храбрые, которых собралось уже было около трехсот и которые обещались вместе со мною ударить на неприятеля, не бившись с ним, отступили, или потому что некоторых из них, бывших впереди, татары сильно поранило, подпустя к себе близко, или, может быть, побоялись толщины полка; воротившись назад, они напали на врагов с тылу, и топтали их. Чело же отряда неприятельского шло беспрепятственно чрез широкий луг к великому болоту, где нет дороги для коней, а за этим болотом огромный лес. Потом, рассказывают, подоспел мой брат, о котором я уже говорил, и который первый вошел на городскую стену, застал их будто бы еще посредине этого луга, и пустя коня во всю прыть, ворвался в самое чело их полка так мужественно, так храбро, что трудно было бы поверить, если бы все не засвидетельствовали. Дважды проехал он сквозь неприятельский отряд, рубя врагов и обращаясь с конем посреди их. Когда же он врезался в них в третий раз, подоспел к нему на помощь один благородный воин, и вместе поражали они татар. Все, смотря на него с города, дивились, а не знавшие о выдаче царя думали, что это царь ездит среди татар. И так его изранили, что в ногах у него было 5-ть стрел, кроме других ран; но Божиею благодатию жизнь его была спасена, потому что броня была на нем весьма крепкая. И столько он был мужествен сердцем, что когда коня, находившегося под ним, так изранили, что не мог сдвинуться

с места, то выпросил другого у одного дворянина, служившего у царского брата и, забыв, нерадя о своих лютых ранах, гнал врагов до самого болота. И воистину имел я такого брата храброго и мужественного, и добронравного, и притом весьма разумного, и во всем христианском войске не было храбрее и лучше его; если бы нашелся кто, Господи Боже, да был таков же! Особенно же я сильно любил его и, скажу по правде, готов бы был положить за него душу свою и своею жизнию купить ему здоровье: потому что на другое лето он умер от этих лютых ран[90]». Итак, в день взятия Казани, Курбские ценой крови купили себе имя героев.

По возвращении из казанского похода Иоанн впал в тяжкую болезнь, и никто не надеялся на выздоровление его[91]. Тогда-то произошла известная крамола боярская, целью которой было возведение на престол князя Владимира Андреевича Старицкого. Так как эта крамола была делом стороны Сильвестра, то и Курбский, как член этой партии, необходимо должен был принять в ней участие. Сторона Сильвестра хлопотала о поддержании начал, господствовавших на Руси до времен Иоанна IV, следовательно, стояла за старину, поборником которой является пред нами и Курбский. Раскройте его сочинение: «История великого князя Московского о делех, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашима» и вы увидите, что все силы употребляет Курбский, чтобы доказать одну главную мысль: государство могущественно и благоденствует только тогда, когда царь слушается добрых советников, пока он управляется советом и рассуждением. Доказательства справедливости этого положения он видит в событиях Иоаннова царствования: до тех пор, по его мнению, был Иоанн в чести и славе, пока слушался Сильвестра и Адашева, а удалив их от себя, тотчас уклонился от милости и добродетели. Чтобы возвести свое положение на степень неопровержимой истины, Курбский противополагает блестящую эпоху Иоаннова правления с 1547–1560 г., эпоху действования и силы стороны Сильвестра, мрачным событиям второй половины его правления, ознаменованной

---

[90] Сказания кн. Курбского, стр. 35–37.
[91] Там же, стр. 39.

ужасами казней, нашествием иноплеменников, уничижением России, потому что царь удалял от себя сторону Сильвестра. Отсюда Курбский выводит заключение, что, для собственной пользы и славы, для пользы и славы Государства, царь необходимо должен советоваться с боярами. Откуда же взялось у Курбского такое убеждение?

Семена этого убеждения скрывались в прошедшем времени. У нас в древней Руси существовал *обычай совета*, вследствие которого князья во всех делах должны были спрашиваться мнения своих дружинников. Составляя совет княжеский, дружина, вместе с князем, решала все дела, касающиеся мира и войны, и управления областью, ему принадлежащей. По сформировании государства московского, место дружины заняла Дума Боярская. Значение этой последней было очень велико: здесь, под председательством великого князя, решались дела войны и мира, определялись меры по управлению государством. Если великий князь, умирая, оставлял малолетнего наследника, то правление переходило совершенно в руки Думы. Так было в малолетство Димитрия Донского. Случалось, что Дума Боярская управляла государством и при совершеннолетнем князе. Так было при слабом Иоанне II. Этим обычаем совета бояре сильно дорожили, потому что он придавал им особенный вес в государстве: чрез него делались они людьми, вместе с князем, *держащими землю.* Такое же понятие имели о них и сами князья. Умирающий Донской обратился к окружавшим его смертное ложе боярам со следующей речью: «Вами в бранех страшен бых и Божиею помощью низложих враги своя, и покорит их под себе; с вами великое княжение вельми укрепих и державу отчины своея соблюдох, великую честь и любовь свою к вам имех и под вами городы держах и великия власти, чада ж ваша в любви имех и никому ж вас зла сотворих, ни силой что отъях, ни досадих, ни укорих, ни разграбих, ни обесчестих, но всех чествовах и любих и в чести велицей держах, радовахся и скорбех с вами; вы ж не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей[92]». В духовных завещаниях князья постоянно

[92] Никон. Лет. IV стр. 187.

увещевали своих преемников слушаться совета бояр и воздавать им достойную честь. Так Симеон Иоаннович, в духовной грамоте, писанной в 1356 г., обращаясь к братьям, говорит: «А лихих бы есте людей не слушали и хто иметь вас сваживати, слушали бы отца нашего владыки Олексея, хто хотел отцю нашему добра и нам[93]». Дмитрий Иоаннович Донской в духовном завещании своем (1389 г.) говорит детям: «Бояр же своих любите, честь им достойную воздавайте против дела коегождо, без их думы ничтоже творите[94]». Далее в летописях, приводимых у Татищева, под 1366 годом, читаем: «Князь же великий Дмитрий Иванович советоваше со князем Владимиром Андреевичем и со всеми своими старейшими бояры, еже бы ставити град Москву каменный[95]». Или под 1368 годом: «Князь же Велики разуме, яко не добро его бояре о князе Михайле советоваша[96]». Из сказанного видно, что все роды дел решались князьями с совета боярского; что князья не только сами советовались с ними, но завещала советоваться и детям своим; следовательно, в древней Руси обычай совета был в полной силе. Но с тех пор, как московские князья успели сделаться сильнейшими владетелями в северо-восточной Руси, мало-помалу собрали к Москве удельная княжества, с тех пор обычай совета, как непременная обязанность князя, вследствие яснее понимаемой идеи самодержавия, начинает уничтожаться, принимать значение одной только пустой формы. Но само собой понятно, что исчезнуть вдруг, как и всякий другой обычай, он не мог, что это исчезновение происходило постепенно. В самом деле, мы видим, что Иоанн III, заставлявший трепетать пред собой бояр, внушавший им такой страх, что даже во время обедов, когда он, разгоряченный вином, засыпал, бояре, во все время его дремоты, не смели отворить рта и, молча, с трепетом ожидали его пробуждения[97] этот Иоанн III во всех почти делах советовался с боярами и без совета с ними ничего не предпринимал.

[93] Собрание Государственных Грамот и Договоров г. III, № 24.

[94] Там же, № 24.

[95] История Татищева, т. IV, стр. 350.

[96] Там же, т. IV, стр. 206.

[97] История Татищева, т. IV, стр. 212.

Так, намереваясь вступить в брак с греческой царевной Софией, он думает об этом с своими боярами[98]; так, оскорбленный новгородцами (1471 г.), он объявляет боярам свое намерение идти против Новгорода, «они же слышавше сие, советовали ему, упование положив на Бога, исполнить мысль свою над новгородцы за их исправление и отступление[99]». Часто в правление Иоанна III бывали даже прения в Думе Боярской при решении какого-нибудь вопроса. Так во время нашествия Ахмата бояре в Думе разделились на две партии: одна советовала отвратить нашествие татар дарами, другая — отразить силу силой[100]. Соблюдая обычай совета, Иоанн III допускал даже противоречие своим мнениям и жаловал еще того, кто противоречил ему. Так Иван Берсень говорит Максиму Греку: «Отец его (Василия III), князь велики, против себя встречу любил и тех жаловал, которые против него говаривали[101]». Равным образом и Курбский хвалит Иоанна III за то, что он любил советоваться с боярами и ничего не предпринимал без глубочайшего и многого совета[102]. Но иначе и быть не могло. Как Иоанн III, так и предшественники его имели слишком много врагов, с которыми должны были бороться. Внутри России не произошло еще объединения, а внешние враги со всех сторон напирали на нее: Димитрий Донской борется с ордою и Литвою за независимость, с Тверью и Рязанью за гегемонию Москвы; Василий Темный принужден отстаивать свои права на великокняжеский престол от притязаний удельных князей; Иоанн III во все время своего правления должен был бороться с ордою, старавшеюся напомнить Руси прежнее рабство, с Новгородом, хотевшим примкнуть к Литве, с Тверью и Литвою и Польшею, покровительствовавшими ей; следовательно, ему, а тем более его предшественникам, еще рано было думать об уничтожении старинного обычая спрашиваться совета боярского: уничтожив этот обычай, они возбудили бы к себе нерасположение

---

[98] Herbersteini Rerum Moscoviticarum Commentarii, стр. 9, 10.
[99] История Русская Татищева, стр. 6.
[100] Там же, стр. 15.
[101] Там же, стр. 47.
[102] Акты Арх. Эксп. т. I, № 172.

бояр, охладили бы их к интересам Москвы; следовательно, необходимым следствием несвоевременного уничтожения обычая совета были бы крамолы, а при таких обстоятельствах московским князьям трудно, даже, пожалуй, не возможно было бы выполнить свой план объединения Руси. Итак, мы должны допустить, что настоятельная, существенная необходимость побуждала Иоанна III и его предшественников не пренебрегать обычаем совета, а выполнение этого условия заставляло бояр преследовать интересы князя, как свои собственные.

В Василии III Иоанновиче заметно уже решительное стремление действовать самостоятельно, не стесняясь боярским советом; следовательно, образ действий Василия III противоположен образу действий Иоанна III. Должно заметить, что и положение Василия было уже совсем иное, нежели Иоанна III. Василий Иоаннович наследовал престол при самых благоприятных для усиления княжеской власти обстоятельствах: Новгород, сильный торговлей и богатством, прибежище врагов Москвы, оружием Иоанна III был обращен в московскую провинцию; Тверь, находившаяся под покровительством Литвы, опасная по предприимчивости её государей и приверженности к ним народа, вошла тоже в состав московских владений; значительная часть области князя рязанского была присоединена к Москве и хотя он и носил титул великого, но был государем только по имени; и как он, так и другой князь Василий Шемякин Северский были в полной зависимости от Москвы; иго татарское было свергнуто Иоанном III. Правда, на севере, в пределах московских, оставалась независимою вольная община Псков, т. е. удерживала, под верховным покровительством московского князя, свое древнее устройство; но эта самостоятельность была только особенною милостью московских князей к псковичам за их постоянно неизменную верность и преданность. Но и самая тень независимости Пскова, рязанского и северского княжеств была не по сердцу Василию III, уничтожена им, и, таким образом, положен конец раздроблению Руси. Итак, при Василии III, мы видим в Руси одно московское государство, которое поглотило все прочие независимые владения. Тихо и незаметно совершилось это окончательное уничтожение

уделов; современники жалели об участи Иоанна рязанского и Василия северского, окончивших жизнь свою в изгнании или темнице; но далее простого сожаления не простиралось их участие: современники скорбели об них только как о людях, а не восставали против отнятия у них владений, потому что поняли, что государство может быть крепким и сильным только при единстве власти и внутреннего управления. Вот самое лучшее доказательство, что учреждение, исполнив свое назначение, совершив свой круг, падает легко и незаметно, не находит себе ни в ком сочувствия, потому что общественное мнение против него. Итак, положение Василия III было далеко уже выгоднее положения его отца. Единовластительствуя в Руси, он мог уже думать и об уничтожении древнего обычая князей советоваться с боярами. Желая быть самодержцем в полном значении этого слова, он хотел поставить бояр в отношение слуг, обязанных неотложно, без рассуждения исполнять придуманные им меры. Он не терпит противоречия бояр — за это подвергает их наказанию. Берсень говорил Максиму Греку: «Здесь у нас старые обычаи князь велики (т. е. Василий III) переменил. Государь-де и упрям и встречи против себя не любить: кто ему встречу говорит, и он на того опаляется[103]». Эта же нерасположенность Василия выслушивать боярское противоречие видна и из дела о разводе его с Соломониею: бояре, осмелившиеся в этом случае осуждать решение Василия, были подвергнуты жестокому наказанию. Так князя Семена Курбского он «отогнал от очей своих[104]», — наказание по тогдашнему времени самое жестокое; иных заточил по темницам, других предал казни[105]. Мы имели бы полное право сомневаться в этих свидетельствах, потому что они принадлежат людям, нерасположенным к Василию, если бы иностранцы, бывшие в России, не сообщали нам того же. Барон Герберштейн так отзывается о Василии III: «Между советниками, которых он имеет, нет ни одного, пользующегося значением на столько, чтобы осмелился в чем-нибудь противоречить или противиться его воле[106]».

[103] Сказания кн. Курбского, стр. 46.
[104] Ак. Арх. Эксп. т. I, № 172.
[105] Сказания кн. Курбского, стр. 4–6.
[106] Там же, стр. 6.

Василий не только не терпел противоречия со стороны бояр; но и вовсе не хотел советоваться с ними, а, запершись сам — третей у постели, решал всякие дела[107]. Следовательно, при нем Дума Боярская потеряла прежнее значение. Разумеется, такое положение дел не могло быть одобрено боярами. Они не могли представить себе князя без советников, а потому, превратившись из людей, вместе с князем, держащих землю, в безгласных, безответных исполнителей его воли, конечно, не могли они быть расположены к Василию III. Они предрекали падение России, потому что «великий князь старые обычаи переменил, упрям, и не хочет, подобно отцу, старых обычаев держатися, и людей жаловать, и старых почитать[108]». Но, восстать открыто против Василия они не дерзали: возможность успеха была сомнительна, а неудача влекла за собой тяжкое наказание; потому все действия их против него ограничивались одним только бессильным ропотом, ни к чему не ведущими пересудами в четырех стенах и разными мелкими интригами. Терпеливо выжидали они случая, когда удобно, безопасно и с полной надеждой на успех можно будет обнаружить свои притязания. Как сильна еще была в это время старина видно из того, что она тяготела и над самим государем: стремясь действовать самостоятельно, он в то же время сбивался на прежние понятия, потому что и сам еще смутно, неопределенно сознавал идею государства, она еще не привилась и к нему самому. Лучше всего доказывают это последние слова его, обращенные к боярам; «вы же, бояре мои, — говорит он, — с вами русскую землю держах[109]». Таким образом, он говорит боярам, что вместе с ними, т. е. по их совету, правил Россией. Следовательно, идея государства не была еще ясно сознана Василием III, не сделалась для него, как для его сына, плотию и кровию, и, действуя в духе идеи новой, он полагал, что продолжается еще старый порядок вещей. Это видно еще из того, что Василий III, подобно отцу, называет себя *отчичем и дедичем,* наследственным господином своих владений, полагая, что правит Россиею, как отчиною, на тех же правах, как и удельный князь.

---

107 Herbersteini R. M. C. p. 12.
108 Ак. Арх. Эксп. т. I, № 172.
109 Там же.

Но и неясное еще стремление к самодержавию, обнаруженное Василием III, должно было поселить в боярах серьезное опасение за целость их прав. Они решились предупредить удар. По смерти Василия обстоятельства им благоприятствовали: Иоанн IV был младенец и умирающий Василий поручил боярам блюсти государство[110]. Но вместо того, чтобы общими силами, дружно отстаивать своп выгоды, бояре разделились на партии. Да между ними и не могло быть единодушия. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть, из каких разнохарактерных элементов сложилось боярство московское: оно составилось из старинных московских бояр, из потомков прежних удельных князей, из бояр удельных княжеств, слившихся с Москвой и, наконец, из иноземных выходцев. Непродолжительность существования московского государства в его тогдашнем виде не дала этим разнородным элементам слиться в одно тело. Оттого-то и не удивительно, что бояре московские делились на партии, одна другой неприязненные, хотя и стремились к одной цели. В малолетство Грозного попеременно действуют партии: коренных московских бояр, прожившихся удельных князей и выезжал. Эти партии свергают одна другую, одна у другой вырывают кормило правления. Тотчас по смерти великого князя Василия III партия старинных московских бояр, предводительствуемая любимцем вдовствующей великой княгини Елены, Телепневым-Оболенским, овладела правлением[111]. Елена была только по имени правительницей государства, а на самом деле вся власть сосредоточивалась в руках Оболенского и его стороны. Против этой партии выступили дяди юного царя, Юрий и Андрей Иоанновичи; они стремятся овладеть московским престолом, но умные, энергические меры Телепнева уничтожают их планы и злоумышленники заключены в темницы[112]. Такие поступки господствующей партии возбуждают негодование прочих партий и, после тщетной попытки, в лице Глинского, иноземных выезжан свергнуть Телепнева и его сторону, Шуйские,

---

[110] Летописец Норманского (в Времени. Об. Ист. и Древн. Росс. т. V), стр. 28.

[111] «Летописец» Нормантского стр. 29.

[112] «Служилые люди», соч. г. Беляева, стр. 31.

представители удельной партии, отравив Елену и умертвив Оболенского[113], захватила правление в свои руки. Но господство их не было продолжительно. Самоуправство, корыстолюбие и безрассудная жестокость Шуйских возбудили общее негодование; а потому Иван Бельский, на сторону которого склонился и митрополит Даниил, успел уничтожить их владычество. В лице Бельского теперь захватила правление партия выезжан. Но в руках Шуйских были сильные средства, да и сам Бельский поступал чрезвычайно неосторожно, оставив свободу этим заклятым врагам своим. Вследствие такой излишней кротости господство Бельского, а с ним вместе и партии выезжан, скоро кончилось: при помощи открытой силы Шуйские опять захватили в свои руки власть и начали свое дело преследованием Бельского и его стороны. Таким образом, партия истерявших свои права удельных еще раз восторжествовала; но опять ненадолго. Все опасались самовластия Шуйских, поэтому против них составился заговор, в котором приняли участие дяди государя, Юрий и Михайло Глинские. По их внушению Иоанн положил конец владычеству Шуйских, казнив главного из них князя Андрея, и правление перешло в руки Глинских. Таким образом, с падением Шуйских опять, в лице Глинских, начала господствовать партия выезжан; но владычество ее опять было кратковременно, — оно было уничтожено московской боярской партией, к которой примкнула и партия прожившихся удельных князей. Само собой понятно, что, при такой беспрерывной смене одной партии другой, бояре не могли успешно отстаивать своих притязаний. Правда, все эти партии имели в виду одну цель — держать землю вместе с царем, дать ему такое значение, чтобы он был только primus inter pares; но дело в том, что каждая из них, одержав верх, уничтожала все результаты усилий партии побежденной и, таким образом, выступая на политическое поприще, должна была вести дело сначала. Правда и то, что удельная и московская боярская партия наконец соединились, но было уже поздно: Иоанн мужал, а с

[113] Никоновская Летопись, т. VII, стр. 13—19. Чт. в Общ. Ист. и Древн. г. III, № 9, стр. 220.

летами развивалось в нем понятие об объеме его власти и об отношениях к нему подданных.

Что касается до характера этой последней партии, известной в нашей истории под именем партии Сильвестра и Адашева, то должно заметить, что она состояла из людей, вовсе не понимавших современных требований государства, из людей устарелых, составивших себе, в интересах старины, самое нелепое понятие о верховной власти, из людей, для которых не были доступны великие идеи Иоанна Грозного, которые себялюбивые расчеты ставили выше всего на свете. С такой точки зрения должны мы смотреть на эту партию.

Она открыла свои действия тем, что составила заговор с целью захватить власть в свои руки и воспользовалась для этого народным бедствием[114]. Вот как это было. В июне 1517 года вспыхнул в Москве пожар и большую часть города обратил в пепел. Народ был в отчаянии. В это-то печальное время заговорщики распространили слух, что Москва сгорела от чародейства Глинских. Несмотря на очевидную нелепость этой молвы, народ готов был всему верить: во-первых, потому что ненавидел Глинских, а во-вторых, потому что в тогдашний суеверный век отнюдь не казалось нелепым подобное обвинение. И вот вспыхнул страшный бунт. Умертвив дядю государева, Юрия Глинского, разъяренная чернь устремилась на Воробьевы горы, куда удалился юный царь. Заговорщики постарались внушить толпе, что Иоанн, сам виновный в народном бедствии, скрывает у себя главных злодеев — бабку свою Анну Глинскую и сына её Михайла. В то время, когда Иоанн, слыша вопли неистовой толпы, трепетал за жизнь свою[115], в эту критическую минуту предстал пред ним Сильвестр, «пришлец от Нова-Града Великого[116]». Послушаем, как рассказывает о явлении Сильвестра Курбский: «И в то время дивно бе, яко Бог руку помощи подал отдохнути земле христианской образом сим: тогда убо (т. е. во

---

[114] S. Herbersteini Rer. Mosc. Com. p. 19.

[115] Этот заговор мы можем приписать стороне Сильвестра, потому что в нем принимали участие: Шуйский, Темник Федоров, митрополит Макарий и другие лица, тотчас по выступлении её на политическое поприще ставшие в ряды её.

[116] Сказания кн. Курбского, стр. 186.

время упомянутого бунта черни), тогда, глаголю, гиринде к нему (Иоанну) муж презвитер чином, именем Селивестр, пришлец от Иова-Града Великого, претяще ему от Бога священными писаньями и строзе заклинающе его страшным Божиим именем, еще к тому и чудеса и аки бы явления от Бога поведающе ему: невем аще истинные, або так ужасновения пущаюше буйства его ради, и для детских, неистовых его нравов умыслил был себе сие[117]». Верно в этом рассказе только то, что Сильвестр, уже прежде известный Иоанну[118], явившись пред ним в эти страшные минуты, стал внушать ему, что возмущение народное явный знак гнева Божия за грехи Иоанновой юности, и, чтобы впечатление было полнее, прибавил к этому ужасновения от имени Божия и прещения Св. Писания. Таким образом, заговорщики всю вину общественного бедствия возложили на самого же Иоанна и справедливость этого доказывали Св. Писанием; следовательно, употребили во зло самую религию. И для чего? Чтобы при её содействии захватить власть в свои руки. Оскорбляя религию, они оскорбляли и самого Иоанна, оскорбляли, вопервых, тем, что выказывали не слишком высокое мнение об его уме, а во-вторых, тем, что, пользуясь набожностию его, самые святые чувства его обращали в посмеяние. Вот как сторона Сильвестра начала дело восстановления старины.

Бунтом и крамолой захватив в свои руки кормило государственного управления, заместив все государственные должности своими клевретами, сторона Сильвестра принялась за осуществление своих планов. Должно заметить, что она поступала в этом случае гораздо хитрее, гораздо искуснее всех прочих партий, действовавших при Иоанне Грозном; но всё-таки должно сказать, что она смотрела на Русь сквозь призму старинных, родовых начал, не понимала переворота, совершавшегося пред её глазами в жизни народа русского, не понимала Иоанна, считая его неспособным, по недостатку ума, управлять государством[119]. Правда, что, по прекрасному

---

[117] Сказания кн. Курбского, стр. 9.

[118] Там же, стр. 9.

[119] В 1541 г., по ходатайству Сильвестра, освобождено из темницы семейство кн. Андрея Старицкого.

выражению Карамзина, Иоанн был несчастнейшим сиротой державы русской[120]. Четырех лет остался он после отца, осьми по смерти матери; бояре, окружавшие его, небрегли о нем: слишком занятые собственными интересами, они не имели досуга подумать о воспитании царственного сироты, и, предоставленный самому себе, Иоанн вырос среди лишений разного рода, среди крамол боярских, потрясавших государство. Не раз должен был малютка-царь трепетать за собственную жизнь свою. Все люди, к которым с любовью склонялось юное сердце Иоанна, были удалены от него[121]. Бояре старались развить в нем только дурное, только те качества, которые составляют уничижение человеческой природы: Они развивали в нем жестокость, бездеятельность и совершенное нерадение о делах государственных. Как то, так и другое было с их стороны некоторым расчетом; партия, захватившая в свои руки власть, могла жестокостью царя устрашать своих противников, а пользуясь невнимательностью его к делам государственным, властвовать и делать, что ей будет угодно. Дело шло успешно; до самого московского пожара Иоанн только «гонял на исках и Христианом проторы учинял»[122], а бояре, пользуясь этим, грабили Россию, «свирепствовали», по выражению летописца, «аки лвове»[123]. Самовластие их возросло до того, что не только они сами, но и рабы их сделались владыками России и не менее господ своих угнетали народ: «Людие их были, аки зверие дивин до крестьян,» — говорит летописец[124]. Не было ни суда, ни расправы, никто не был уверен в собственности и личной безопасности[125]. Результатом такого правления были «слезы, и рыдание, и вопль мног по всей русской земле[126]». Но страдания народа не доходили до ушей Иоанна: он продолжал вести жизнь беспечную, веселиться с своими сверстниками. Эта

---

[120] Сказания кн. Курбского, стр. 188.
[121] История Госуд. Российского, т. VIII, стр. 49.
[122] Сказания кн. Курбского, стр. 183 и 184.
[123] Ист. Госуд. Росс., т. VIII, прим. 153.
[124] Полн. Собр. Русс. Лет., т. III, Псковская 1 летопись стр. 304.
[125] Там же, стр. 304.
[126] Гистория о Казанском Царстве, гл. 28.

беспечность породила в умах бояр мысль, что Иоанн неспособен управлять государством, и на этой мнимой неспособности его они основали свой план восстановления обычая совета, возведения его на степень права и обязательности для царя. Но деятельность их была деятельностью запоздалого — для торжества их убеждений нужно было воротить Русь назад, уничтожить несколько пережитых ею веков государственного развития. К такой-то партии примкнул Курбский, примкнул, потому что старый порядок не мог не быть в его глазах выгоднее нового.

Курбский принадлежал к числу людей, не понимавших, а может быть и не хотевших понять, что застой в жизни народа невозможен, что народ постоянно развивается, идет вперед, что, вместе с тем, постоянно возникают в нем новые идеи, новые потребности, между тем как старые становятся ненужными, бесполезными, а потому и выходят из круга общественной жизни, уступая место свое новым началам, которые получают право гражданства в обществе, становятся его насущной потребностью. Важный перелом, приготовленный историей, совершался, современно Курбскому, в жизни русского народа — переход родовой Руси в государственную. По неизменному историческому закону должны были теперь явиться две стороны: приверженцы новизны и защитники старины. Курбский, как мы уже видели, должен был стать и стал в ряды последних. Главной, задушевной его мыслью было восстановление обычая совета, сообщение этому обычаю обязательного для царя характера. Послушаем, что говорит он нам об этом: «Царь», — пишет он, — «добрыми советники, яко град претвердыми столпы утвержден, и любяй совет, любит душу свою, а не любяй совсем исчезнет, понеже яко бессловесным надлежит чувством по естеству управлятися, сице всем словесным советом и рассуждением[127]». Вследствие такого убеждения Курбский полагает для желающего хорошо царствовать необходимым правило: «Царю достоит быти, аки главе и любити мудрых советников, яко свои уды[128]» и, в доказательство своего положения, говорит, что если на небесах,

---

[127] Гистория о Казанском Царстве, гл. 28.
[128] Сказания кн. Курбского, стр. 11.

по свидетельству Дионисия Ареопагита, бесплотные ангелы управляются советом и рассуждением; то тем более «царь, хотя и почтенный от Бога царством, дарований, которых не дано ему свыше, должен искать не только у синклитов своих, но и у всенародных человек, потому что дар духа дается не по богатству внешнему, не по силе царства, но по правости сердечной. Убо не зрит Бог, — заключает он, — на могутство и гордость, но на правость сердечную и даст дары, сиречь елико кто вместит, добрым произволением[129]». Курбский хвалит Иоанна III за то, что он был «зело любосоветен и ничего не предпринимал без глубочайшего и многого совета[130]» и порицает Василия III за то, что он не слушался советов боярских, называет его «великим, паче же в прегордости и лютости, князем», сравнивает с его сатаной (фосфорос), мечтавшим погубить землю и море, поставить престол свой выше облаков небесных и сравниться с превышним[131]. Затем порицает Курбский монахов Иосифова Волоколамского монастыря, называя их «презлыми осифлянами, всему злому потаковниками и угодниками мирскими[132]» за то вероятно, что они всегда держали сторону великих князей против бояр, были поборниками идеи самодержавия, следовательно, сторонниками Василия III. Курбский восстает, против известного Вассиана, епископа коломенского, свергнутого боярами, называет его «прелютым сыном дьявола» за то, что он дал Иоанну IV совет — не иметь при себе советника мудрее себя[133]. Этот полезный и благоразумный совет, который мог дать только человек, преданный интересам царского дома, Курбский называет «силлогизмом сатанинским», внушенным самим дьяволом, ненавистником рода человеческого, «гласом дияволим, всякия злобы, забвения и презорства преполным. Этим советом», — продолжает Курбский, — «Вассиан пресек все жилы человеческого естества и, желая отнять у него всю силу и крепость, всеял безбожную искру в сердце царя, покаянием исправленного, и распространились по всей святорусской земле

---

[129] Сказания кн. Курбского, стр. 43.
[130] Там же, стр. 45.
[131] Там же, стр. 45 и 46.
[132] Там же, стр. 5 и 43.
[133] Там же, стр. 5.

пожар и гонение, от которых погибло бесчисленное множество славных людей и всенародных человеков[134]». Затем довольно удачно свидетельствами библейской истории он доказывает, что царь непременно должен советоваться с своими сигклитами и делать то, что они укажут ему. «Забыл ли еси, о епискупе! — говорит он, обращаясь к упомянутому епископу Вассиану, — егда советовал Давид со сигклиты своими, хотяще сосчитати людей израильских, яко речено: советоваша ему все сигклитове да не сосчитает, понеже умножил Господь люд израилев, по обещанию своему ко Аврааму, аки песок морский, и превозможе, рече, глагол царев: си речь не послушал советников и повелел считати люд дани ради большие. Забыл ли еси, что принесло непослушание сигхглптского совета и яковую беду навел Бог сего ради? Мало весь израиль не погибе, аще бы царь покаянием и слезами многими не предварил. Запомнил ли еси, что гордость и совет юных, а презрение старейших совету Ровоаму безумному принесло? И иная вся бесчисленная во священных писаниях о сем учащая оставя, вместо тех шептаний, пребеззаконный глагол царю христианскому, покаянием очищену сушу, во уши всеял еси». Наконец, обращаясь к истории России, говорит, что Иоанн III «был велик и славен в дальноконечных странах», потому что любил совет, а что Иоанн IV убил сына, долгое время принужден был усмирять мятежи в земле казанской, увидел пепел Москвы, помрачение славы России и своей собственной, потому что не стал слушаться совета своих мудрых сигклитов[135]. Одним словом, Курбский всячески старается доказать, что царь непременно должен советоваться с боярами, что только при таких условиях он может быть тверд на царстве, быть и грозой врагов и отцом своих подданных. Это убеждение было достоянием всех вельмож-родичей, стоявших у престола Иоаннова, этим убеждением дорожили они более всего на свете. Но, хлопотали они о восстановлении старинного обычая совета не из заботы о благе отечества, а потому что их выгоды того требовали: обычай совета, если бы им удалось возвести его на степень права, придавал им огромное

134 Сказания кн. Курбского, стр. 42, 43 и 46.
135 Там же, стр. 43, 44 и 46.

значение в государстве; следовательно, в основании их стремлений лежали расчеты чисто корыстные.

Несвоевременно Курбский и другие, подобные ему люди, вздумали ратовать за старину — страшного противника встретили они себе в лице Иоанна, который с светлым, глубоким умом соединял в себе непреклонную волю. Ясно, что при таком противовесии, при неуступчивости с обеих сторон должна была произойти кровавая, страшная борьба между Иоанном и приверженцами старины. Нашлись, без сомнения, люди, которые взяли на себя труд передать Иоанну, в каком духе действовал, по отношению к боярам, его отец. Да и сам Грозный не мог не понять, в какие отношения должны стать к нему его подданные и, принятием царского титула ознаменовав перемену прежних отношений, показал, что считает себя государем в том же смысле, какой имело у римлян слово caesar, у византийцев — βασιλεύς. В ответном послании к Курбскому излагает Иоанн свою теорию царской власти, теорию, основанную не на одном только отвлеченном мышлении; но на исторических данных, следовательно, на опыте минувшего времени. Прислушаемся к словам Иоанна. «Самодержавство русское, — говорит он, — Божиим изволением почин от великого князя Владимира Св., даже дойде и до нас смиренных скипетродержания русского царствия: не восхитихом ни под ним же царства, но Божиим изволением и прародителей и родителей своих благословением якоже родихомся на царствии, тако и возрастохом и воцарихомся Божиим велением и родителей своих благословением, свое взяхом, а не чюжее восхитихом[136]». Вследствие этого Иоанн думает, что все подданные обязаны беспрекословно повиноваться воле его, как государя прирожденного и, согласно учению св. писания, исполнять все его повеления: «Всяка душа владыкам предвладующим да повинуется: никая же бо владычества, еже не от Бога учинена суть, тем же противляйся власти Божию повелению противится». Отсюда выводит он следствие, что противящийся ему, противится вместе и Богу; стало быть, есть отступник, а это самое тяжкое преступление.

---

[136] Сказания кн. Курбского, стр. 44, 47 и 85.

«Сие, — продолжает Иоанн, — речено о всякой власти, еже убо кровьми и браньми приемлют власть; но я не восхищением, не кровию сел на царство, а получил его по наследству от прародителей и родителей моих; следовательно, неповинующийся мне, царю прирожденному, тем более противится Богу[137]». При таком высоком понятии о царской власти, как о власти, истекающей от Бога[138] Иоанн видел в боярах не людей, держащих землю, имеющих право говорить ему встречу, но слуг, обязанных беспрекословно повиноваться ему, был убежден, что имеет полное право жаловать и казнить их, как своих холопей[139]. Само собой разумеется, требуя от бояр безусловного повиновения, Иоанн приходил к тому заключению, что они не должны иметь притязания на право совета, стеснительное для верховной власти, несогласное с её достоинством; всякий, притязавший на это право, был в его глазах изменником, посягавшим на его права. «Се ли совесть прокаженная, — говорит он, — яко свое царство в своей руце держати, а работным своим владети не давати? И се ли сопротивен разуму, еже не хотети работными своими быти владенну? И се ли православие пресветлое, еже рабы своими обладаему и повелеину быти? Русское самодержавство изначала сами владеют всеми своими царствы, а не бояре и вельможи[140]». Курбский требует, чтобы царь во всем советовался с боярами, а Иоанн утверждает, что царь не должен находиться ни под чьим руководством: «Если царь есть самодержец, то он непременно должен управлять государством по своему усмотрению — вот убеждение Иоанна. «Како же и самодержец наречется, — говорит он, — аще не сам строит?» Итак, по мнению Иоанна, царь должен оставаться под опекой только на время малолетства, по достижении же им совершеннолетия опека должна кончиться: «в несколько лет», пишет он, «наследник есть младенец, ни чим же есть лучше раба, но под повелительми и приставники есть до нарока отча. Мы же благодатию Христовой дойдохом лет нарока отча и

[137] Сказания кн. Курбского, стр. 157.
[138] Там же, стр. 159 и 160.
[139] Там же, стр. 161.
[140] Там же, стр. 179.

под повелительми и приставники быти нам непригоже[141]». Никто не имеет права требовать от царя отчета в действиях, — один Бог судит его поступки: «Кто убо постави, — продолжает Грозный, — судию и властеля над нами? Доселе русские владетели не истязуемы были ни от кого же, но повольны были подовластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни пред кем[142]». Итак, по убеждению Иоанна, одна только царская власть должна иметь значение в государстве, все должно от нее проистекать и от нее зависеть, потому что государство, в котором нет единства власти, неминуемо должно пасть и погибнуть. Доказав это примером римской и византийской империи, Иоанн заключает: «Смотри же убо се и разумей, каково правление составляется на разных началех и властех, понеже убо тамо быша царие послушны эпархом и спгклитом и в какову погибель приидоша! Сия ли убо нам советуеши, еже к такове погибели прийти[143]». Сильвестр противозаконно и ко вреду для государства стремился приобрести власть и значение, потому что, по мнению Иоанна, «нигде же не обрящеши, иже не разоритися царству, еже от попов владому[144]». Доказав это византийской историей, Иоанн уверяет, что духовенство не может и не должно домогаться светской власти: «Когда, — говорит он, — Бог избавил израильтян от работы египетской, то одного Моисея поставил как бы царем и владетелем их, Аарону же брату его поручил только священство[145]». Одним словом, начитавшись библии и римской истории, Иоанн хотел быть таким же царем на Руси, какими были в Иерусалиме библейские цари Давид и Соломон, каким был в Риме Август, а в Царе-Граде Константин и Феодосий В. Вполне убежден был Иоанн в пользе для России этого нового порядка вещей и в неизмеримом превосходстве его пред старым. Приводя, в подтверждение своего убеждения, слова апостола Павла он сравнивает древнюю и новую Русь с ветхим и новым заветом:

---

[141] Сказания кн. Курбского, стр. 162.
[142] Там же, стр. 172.
[143] Там же, стр. 195.
[144] Там же, стр. 176.
[145] Там же, стр. 171.

«И аще, — говорит он, — якоже вместо креста обрезание тогда (т. е. в ветхом завете) потребно быша, тако и вам, вместо царского владения, потребно самовольство. Тщужеся со усердием люди на истину и свет поставити, да познают единого Бога и в Троице славимого и от Бога данного им государя; а от междоусобных браней и строптивого жития да престанут, ими же царствия растлеваются: аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же от междоусобных браней престанут. Или се сладко и свет, яко благих престати и злое творити междоусобными браньми и самовольством[146]». В этих замечательных словах заключается самое высокое понятие о царской власти: истина и свет для народа да познает он Бога и от Бога данного ему государя. Кроме государственного смысла эти слова имеют еще смысл исторический: неужели новый порядок вещей, при котором раздробленная Русь сплотилась в одно целое, приводилась к сознанию единства при едином царе, при котором явился порядок и смолкли усобицы, столько веков раздиравшие русскую землю, неужели этот новый порядок вещей хуже прежнего времени, ознаменованного одними кровавыми распрями и настроениями, едва не погубившими России? «Или се сладко и свет, яко благих престати и злая творити междоусобными браньми и самовольством». Это сознание своего царского достоинства, это высокое понятие о своей власти, понятие, полезное до очевидности, внушило Иоанну мысль управлять государством, не спрашиваясь совета боярского. Но тем не менее эта мысль должна была вызвать сильное противодействие со стороны бояр, ревнительных к своей прежней силе, своему прежнему значению. Иоаннова идея царской власти была новизной, решительно противоположной их задушевным убеждениям.

Теперь посмотрим, какие меры употребила сторона Сильвестра, чтобы эти убеждения бояр восторжествовали над убеждениями царя-нововводителя. Должно сознаться, что действовала она чрезвычайно хитро. Начала она с того, что Иоанн раскаялся во грехах своих[147]. Сильвестр сначала ограничился только тем, что поучал царя св. писанию и христиан-

---

[146] Сказания кн. Курбского, стр. 172.

[147] Там же, стр. 194–195.

ским добродетелям и, по собственному своему признанию, Иоанн повиновался ему, как достойному служителю Божию, в колебании и неведении[148]. Мало-помалу Сильвестр начал предписывать царю законы в самой домашней его жизни, назначая ему время покоя, деятельности и молитвы, делая строгие упреки за нарушение этих правил, и царь терпеливо сносил все это, полагая, что такое утеснение делается «дивные ради пользы, а не лукавства ради[149]». Доверенность Иоанна к Сильвестру возросла до такой степени, что ни один из государственных сановников не получал должности прежде, нежели ум и нравы его были испытаны Сильвестром. До нас дошел один акт, который мы и приведем в доказательство своих слов. Вот он: «Государю преосвященному Макарию митрополиту всея Руси и всему освященному собору, Благовещенский поп Селиверстишко челом бьет.... А про Артемия, бывшего троицкого игумена, сказывает Иван (Висковатый), что мне с ним совет был: ино, государь, до троицкого игуменства никако ж я его знал, и как избирали к Живоначальной Троице игумена на Серапионово место и того Артемия привезла из пустыни, и государь велел Артемию побыти в Чудове, а мне велел к нему приходити и к себе велел его призывати и смотрити в нем всякого нрава и духовные пользы[150]». Пользуясь такой неограниченной доверенностью царя, Сильвестр разумеется скоро приобрел огромное значение и влияние на дела. Вот, что рассказывает о нем современный летописец: «Сильвестр был у государя в великом жалованьи и совете духовном и думном, и бысть яко вся мога, и вся его послушаху, и никто же смеяше ни в чем же противитися ему, ради царского жалованья. Указывание и митрополиту, и владыкам, и архимандритам, и игуменом, и чернцем, и попом, и бояром, и приказным людем, и воеводам, и детем боярским, и всяким людем и, спроста реши, всякие дела и власти святительские и царские правяше, и никто же смеяше ничтож рещи, ни сотворити не по его повелению; и всеми владеяше, обема властьми и святительскими и царскими, якож царь и

---

148 Сказания кн. Курбского, стр. 11.
149 Там же, стр. 187.
150 Там же, стр. 189.

святитель, точию имени и седалища не имелше; но поповское имейте: но токмо чтим добре всеми и владеяше всем с своими советники[151]». Итак, вот каково было, по милости Иоанна Грозного, значение Сильвестра; но не оправдал он доверенности царя: «Восхитился властию, яко Илия жрец, нача совокуплятися в дружбу подобно мирским, сдружился со Алексе-Алексеем (Адашевым) и начата советовати отай царя, мняще его неразумна суща[152]». Пользуясь данным ему от царя правом испытывать сановников, Сильвестр ввел в боярскую думу своего единомышленника, князя Дмитрия Курлятева[153]. Этого мало. Он и Адашев начали поселять Дух своеволия между боярами и детьми боярскими, хотели законодательствовать в Боярской Думе. Мнения, предлагаемые Иоанном, несмотря даже на очевидную их пользу, всегда встречали себе противоречие. Само собой понятно, что при такой страшной силе стороны Сильвестра число преданных Иоанну людей уменьшалось ежедневно, а число её приверженцев более и более увеличивалось: первые не находили для себя в Иоанне надежного защитника от притеснений, а последние были щедро награждаемы[154]. Все лица искренно преданные, или только старавшиеся казаться преданными Иоанну, были удаляемы от него, потому что партия опасалась их честолюбия. Бывали случаи, что, по личной неприязни, Адашев ссылал в ссылку. Так в делах по местничеству читаем: «а Феодор Ласкирев на государевы розряды слался, что он со князем Васильем с Хилковым не был, а бил челом на князя Ондрея на Хованского и челобитье его записано, а в городничие в Казань послал был отца его по недружбе Олексей Адашев[155]». Хотя этот факт, доказывающий силу Алексея Адашева, есть уже довольно поздний — именно относится к 1555 году[156], но прежде значение Алексея Адашева долженствовало быть еще большим, потому что с 1553 года, со времени болезни Иоанна, начинается уже падение его. Естественно, что такое

---

151 Акты Археогр. Экспед. т. I, № 238.
152 Царственная Книга стр. 342.
153 Сказ. кн. Курбского, стр. 187 и 188.
154 Там же, стр. 188.
155 Там же, стр. 189.
156 Русск. Ист. Сборник, изд. Погодиным т. II, стр. 65 и 66.

страшное могущество стороны Сильвестра должно было сгруппировать около её представителей огромнейшее число приверженцев. Чтобы иметь понятие о многочисленности этой партии, достаточно только сказать, что все должности в государстве были замещены её членами[157]. Долго не мог понять Иоанн, к чему клонятся планы Сильвестра и Адашева, потому что как тот, так и другой удачно прикрывали свое честолюбие смирением, как тот, так и другой казались верными слугами отечества, презирающими личные интересы.

Одаренный пылкой душой, горячим сочувствием ко всему великому, отчетливо сознавший и объем своей власти, и свои отношения к подданным, Иоанн не мог допустить мысли, что ему принадлежит только «честь председания», следовательно, не мог сделаться послушным орудием стороны Сильвестра. Давно уже тяготила его зависимость от этой партии, но он не предпринимал никаких мер к уничтожению её, полагая, что, сознав несвоевременность своих притязаний, Сильвестр и Адашев сами откажутся ох них — ожидание напрасное. И вот, чтобы образумить их, Иоанн начал выказывать свое намерение действовать самостоятельно: несколько раз отвергает он совет бояр и следует своим собственным соображениям. Так, во время казанского похода 1552 г., когда страшная буря потопила на Волге суда, нагруженные припасами, воеводы советовали Иоанну снять осаду и возвратиться в Москву, чтобы открыть поход в следующем году; но Иоанн отверг этот совет, объявив, что останется даже зимовать под Казанью, если это будет нужно[158]. Бывали случаи, что Иоанн высказывал свои мысли и чувства относительно бояр. Так Курбский рассказывает, что, по взятии Казани, «аки бы на третий день царь отрыгнул нечто неблагодарно, вместо благодарения, воеводам и всему воинству своему; на единого разгневався, таковое слово рек: «Ныне, рече, боронил мя Бог от вас[159]». Эти слова Курбский объясняет ненавистью Иоанна к боярам. Но Иоанн имел полное право сказать так, потому что бояре, посылаемые прежде против Казани, часто допус-

---

[157] В приведенном нами свидетельстве значится, что Ласкирев послан был городничим в 7063 году.

[158] Сказ. кн. Курбского, стр. 188.

[159] Ист. Госуд. Росс. т. VIII, стр. 99.

кали подкупать себя. Так, например, при Василии III, в подобном преступлении обвиняли Бельских[160]. Наконец, во время того же казанского похода, Иоанн опять дал понять боярам, что хочет действовать, не стесняясь их советами. Курбский повествует, что когда, по взятии Казани, царь начал советоваться с боярами о мерах к устройству вновь покоренного края, они, следовательно и сам Курбский, бывший воеводой правой руки, убеждали Иоанна остаться в Казани до весны, чтобы довершить завоевание казанского царства, где обитало до пяти различных народов, по большей части еще не признававших над собой власти России; «он же, — продолжает Курбский, — совета мудрых воевод своих не послушал, послушал же совета шурей своих: они бо шептаху ему во уши да поспешится к своей царице, сестре их[161]». Иоанн имел, как мы увидим[162], основательные причины не послушать этого совета; но тем не менее сторона Сильвестра была недовольна самостоятельностью царя. Поэтому-то мятеж, вскоре в земле казанской вспыхнувший, она и провозгласила следствием гнева Божия на Иоанна за то, что он, превознесись гордости, совета мудрых воевод своих не послушал[163]. Со взятием Казани оканчивается первый акт борьбы Иоанна IV с притязаниями бояр: характер и отличительная черта её те, что Иоанн выказывает только стремление действовать самостоятельно.

Но не думали бояре уступать Иоанну: стремление к самостоятельности, обнаруженное им, только возбудило опасения стороны Сильвестра. Она увидела в Иоанне IV верного последователя отца; поняла, что влияние её непрочно, что рано или поздно настанет то время, когда она должна будет потерять свое значение, отказаться от своих притязаний. Для восстановления старины, для подавления рождающейся идеи государства, нужен был другой государь, который бы, воспитанный под влиянием старинных начал, склонился к старине; одним словом, нужно было свергнуть Иоанна с престола и возвести на его место удельного князя, тяготеющего к старине. На такой-то отважный шаг решилась сторона

---

160 Сказ. кн. Курбского, стр. 37.

161 История Гос. Росс. т. VII, пр. 271. S. Herbersteini Rer. Mosc. Com. p. 67.

162 Сказ. кн. Курбского, стр. 38.

163 В следующей главе сочинения.

Сильвестра, и удобный случай вскоре представился ей. Я имел уже случай говорить, что по возвращении из казанского похода Иоанн тяжко занемог, и не оставалось никакой надежды на его выздоровление. Верные бояре советовали ему сделать духовное завещание. Умирающий Иоанн принял этот совет; завещание было составлено и малолетний Димитрий, сын его, назначен единственным наследником престола и государства московского. Теперь-то открылось, наконец, к чему стремилась сторона Сильвестра: она отвергла присягу Димитрию и обнаружила явное намерение возвести на престол Владимира Андреевича Старицкого. Напрасно, напрягая последние силы, умирающий царь увещевал исполнить последнюю его волю: бояре не соглашались под предлогом опасения смут во время малолетства Дмитрия. Окольничий Феодор Адашев, отец любимца царева, выразился определеннее: «Тебе и сыну твоему, — сказал он Иоанну, — крест целуем; но Захарьина, Даниле с братьею, служить не хотити; сын твой еще в пеленах, а владеть наш Захарьиным. Мы же от бояр до возраста твоего беды видели многие». Отказываясь исполнить волю умирающего, крамольщики позабыли даже всякое приличие: они шумели и кричали над постелью его. Правда, некоторые из сторонников Сильвестра, именно Алексей Адашев, Дмитрий Курлятев и еще некоторые, присягнули, наконец, сыну Иоаннову; но остальные не хотели и слышать об этом. В то время как Владимир Андреевич деньгами старался склонить на свою сторону детей боярских, князья Петр Щенятев, Иван Пронский, Семен Ростовский и Дмитрий Немой-Оболенский старались склонить на его сторону народ. Крестоцеловальною записью хотел Иоанн заставить Владимира Андреевича не домогаться престола, но Старицкий князь отказался от присяги[164]. В эти критические минуты Иоанновой жизни выступил, наконец, на поприще и Сильвестр. Но, не защитником интересов Иоанна явился он, а хотел только своим вмешательством дать решительный перевес своей партии. Карамзин полагает, что, связанный дружбой с Владимиром Андреевичем, Сильвестр доброхотствовал ему из желания добра отечеству[165].

---

[164] Сказ. кн. Курбского, стр. 47.
[165] Царственная Книга, стр. 338–341.

По своей осторожности покойный историограф отказался признать участие Сильвестра в только что нами описанной крамоле решительным; он только предполагает, что Сильвестр участвовал в ней. Посмотрим же, как и в чем выразилось это участие? Когда бояре, верные Иоанну, не стали пускать их одру его Владимира Андреевича, то Сильвестр очень некстати возвысил голос в защиту Старицкого князя. В то время, когда для всей Москвы и для самого Иоанна происки и намерения князя Старицкого не были уже тайной, Сильвестр вздумал утверждать, что Старицкий князь доброжелатель Иоанну: «Зачем вы, — говорил он боярам, — не пускаете к государю князя Владимира: он ему доброхотствует». Разумеется, бояре не поверили этому заявлению Сильвестра, продолжали настаивать на своем, «и оттоле», говорит летописец, «бысть вражда межи бояр и Сильвестром и его советники[166]». Пользуясь огромным значением, указывая и воеводам, и боярам, и митрополиту, Сильвестр не мог не знать о слишком уже гласных замыслах Владимира Андреевича Старицкого, не мог не следить за ходом его дела тем более, что, со вступлением на престол другого государя, мог легко потерять то значение, которым пользовался при Иоанне. Уже князь Щербатов в своей «Истории России» понял характер Сильвестра, очертил его настолько верно, насколько позволил ему его исторический такт[167]; но большая часть наших историков продолжала приписывать Сильвестру и его стороне какую-то бескорыстную любовь к отечеству, не видя и не желая видеть, что у Сильвестра и его стороны на первом плане всегда стояли корыстные расчеты, которыми они никогда не думали жертвовать пользам отечества. Основываясь на данных, характеризующих нам Сильвестра, мы не можем предположить, чтобы он держал сторону кн. Старицкого из желания добра России. Скорее можно прийти к такому заключению: вероятно Сильвестр и его сторона заключили с князем Старицким выгодные для себя условия и, возводя его на престол, надеялись восстановить старину. Хотя крамольники и должны были присягнуть наконец Димитрию; но что же значила для них присяга? Прикладывая, после троекрат-

[166] Ист. Госуд. Росс. т. VIII, стр. 127.
[167] Царственная Книга, стр. 344.

ного требования царя, печать к крестоприводной грамоте, взятой с её сына, мать Владимира Андреевича сказала: «Что значит присяга невольная! и много бранных речей говорила», — прибавляет летописец[168]. Но еще разительнее видно своекорыстие стороны Сильвестра из следующего поступка кн. Димитрия Палецкого. Тотчас после присяги он послал сказать князю Владимиру, что готов, если только зятю его Юрию, брату Иоанна, дан будет удел, назначенный в духовном завещании отца, готов, вместе с прочими, хлопотать о возведении его на престол[169]. Вот как преданы были интересам России сторонники Сильвестра и Адашева! Вот польза, которую они, по словам Курбского, творили русской земле! Неужели не могли они понять, что междоусобие будет неминуемым следствием возведения на престол Владимира Андреевича мимо Иоаннова сына? Неужели не могли они понять, что нашлись бы люди, которые стали бы поддерживать Юрия Васильевича, что нашлись бы люди, которые бы

---

[168] Вот слова Щербатова: «Владимиру Андреевичу был воспрещен боярами вход к Иоанну. В таковых обстоятельствах единый из главных помощников сему князю был Благовещенского собора, что на Сенех, протопоп Селиверст. Сей священник был родом Новогородец, и хотя приял священный чин, но мысли и душа его любочестием исполнены были под видом благочестия и с саном священника был льстив и пронырлив, сими столь часто к нещастию народов качествами толикую приобрел себе милость от царя Ивана Васильевича, что он его не токмо духовного, но и гражданского совета соучастником учинил, и с такою силою, или лучше сказать с такою к нему поверенностью, что он, яко самовластитель в обоим сих правлениях, митрополиту, епискупам и боярам повелевал. Сей коварный муж, притворяющийся иметь совершенное усердие к государю, не оставлял тогда же нещися в случае премены защитников себе приобрести: чего ради прежде еще бывшего под гневом у Государя князя Владимира Андреевича из-под стражи на свободу попроси, и в милость к государю ввел и в сем случае, когда государь его и благодетель его в опасной болезни, коей отчаивались в его жизни, находился, но токмо, чтобы помышлять утвердить престол сыну его, явно стороны князя Владимира Андреевича себя оказал, укоряя бояр, что они сего князя к государю болящему не пускают и побуждая их в верности сему царскому родственнику, а к отречению присягать младенцу князю Димитрию; однако, когда та власть, которая силу его составляла, являлась к концу приближаться, то внутренне ненавидимого сего священника слова уже мало действия над боярами имели «Ист. России» т. VII, стр. 449 и 450.

[169] Царственная книга, стр. 346.

стали на стороне младенца Дмитрия? Ясно, следовательно, что пользы для России от возведения на престол Старицкого князя не предвиделось никакой, а Сильвестр и его сторона действовали так, потому что это казалось для них выгодным: ниспровергая порядок престолонаследия, начавшийся со времен Донского, они ворочали Русь на несколько веков назад и, возводя на престол воспитанного в старинных началах князя, надеялись на восстановление старого порядка вещей.

Об участии Курбского в рассказанной нами крамоле говорят только свидетельства самого Иоанна, других же положительных, неоспоримых доказательств мы не имеем. Итак, послушаем, что говорит Иоанн в письме своем к Курбскому: «Вы, — пишет он, — собацким своим низменным обычаем хотесте во царствии своем царей достойных истребити, в аще не от наложницы, и от царствия расстоящая колена хотесте воцарити[170]». Далее: «Нам, — говорит он, — немощию одержиму и зелне изнемогшу: тогда убо, еже от тебе доброхоты нарицаемии восшаташася, яко пиянии, с попом Сильвестром и начальником вашим Алексеем, мневше нас к небытию быти, забывше благодеяний наших и еще и своих душ, еще отцу нашему целовали крест и нам, еже, кроме наших детей, иного государства себе не искати: они же хотеша воцарити, еже от нас расстоящаяся в колене, князя Владимира; младенца ж нашего, еже от Бога данного нам, хотеша, подобно Ироду, погубили, воцарив князя Владимира[171]. А князя Владимира на царство для чего есте хотели посадити, а меня и с детьми извести[172]». Вот слова Иоанна. Вникая в них, мы видим, что характер их общий: они относятся и к Курбскому и к стороне Сильвестра вообще. Что бояре этой стороны действительно имели то намерение, какое приписывает нам Грозный, это не подлежит сомнению. Не подлежит сомнению и то, что Сильвестр и Адашев принимали участие в этой крамоле; следовательно, остается показать, на сколько слова Иоанна могут относиться к Курбскому? Сам Курбский, в ответных письмах своих к Грозному, оправдывает в этом деле только себя, ни

---

[170] Царственная книга, стр. 348.
[171] Сказ. кн. Курбского, стр. 190.
[172] Там же, стр. 190.

слова не говоря в пользу Адашева и Сильвестра. Вот, что он пишет: «А о Владимире брате вспоминает, аки бы есть мы хотели его на царство: воистину о сем не мыслих, понеже и недостоин был того[173]». Итак, относя и к себе сказанное Иоанном о замыслах Сильвестра и Адашева, Курбский защищается тем, что был недостоин думать о таком деле, как возведение на престол князя Старицкого. Но смирение, обнаруженное в этих словах Курбским, не искреннее; это только личина, которой в крайних случаях прикрывалась сторона Сильвестра, имевшая, по словам Иоанна, обычай устами благословлять, а сердцем клясть; говоря о добре, думать злое[174]. Чтобы оправдать себя, Курбский часто старается навязать Иоанну веру в то, во что и сам не верил. Можно указать несколько случаев, что один и тот же факт Курбский рассказывает в письмах своих к Иоанну иначе, нежели в других своих сочинениях. Так, например, в своей «Истории великого князя московского о делех»... повествуя о чудесах Сильвестра во время московского пожара, он сомневается в истинности их; «не нем, аще истинные, — говорит он, — або так ужасновения пущающе» и сравнивает эти чудеса с «мечтательными страхами», которыми родители приказывают рабам пугать сварливых детей[175]; а в письме к Иоанну защищает истинность этих чудес: «Ласкатели твои клеветали, — говорит он, — на оного презвитера, иже бы тебя устрашал не истинными, но льстивыми видении[176]». Таким образом, не признавая сам действительности этих чудес, Курбский в то же время старается убедить Иоанна, что чудеса-то были истинные, а ложными назвали их враги Сильвестра, старавшиеся оклеветать его пред Иоанном. Для чего же все это? Для того, чтобы опровергнуть мнение Грозного, назвавшего чудеса Сильвестра «детскими страшилами[177]». В этом же письме Курбский упрекает царя в клевете на такого великого и святого мужа, как Сильвестр, который снял на себя грехи его

---

[173] Сказ. кн. Курбского, стр. 224.
[174] Там же, стр. 233.
[175] Там же, стр. 168.
[176] Там же, стр. 9.
[177] Там же, стр. 229.

«и, взявши его от преявственнейших скверн, яко чиста, пред наичистейшим царем, Христом Богом нашим, исчистя покаянием, поставил[178]». Итак, во всех этих случаях Курбский не стыдился обманывать Иоанна, как не стыдился называть мучениками изменников, преданных казни[179]. Равным образом, в письмах своих к Иоанну и в своей «истории великого князя московского о делех»... Курбский жалуется, что Иоанн гнал его в России, что это гонение принудило его искать спасенья на чужбине[180]; а в своем духовном завещании пишет, что выехал в Литву по вызову Сигизмунда Августа[181]. Можем ли мы после всего этого наслово верить Курбскому, что он не принимал участия рассказанной нами крамоле? Сознавшись в этом пред Иоанном, он выставил бы себя преступником, достойным казни, следовательно, налагал бы вечное пятно на свою честь. Но чувство самосохранения преобладает в человеке: всякому свойственно желание оправдаться от преступления, приписываемого ему, хотя бы даже улика была на лицо, и часто на отъявленных злодеях можно видеть, что несмотря на все несомненные доказательства, что преступление совершено ими, они упорно отстаивают свою невинность. Прибавим, что, не говоря ни слова ни pro, ни contra участия стороны Сильвестра в этом деле, Курбский старается оправдать только себя: «я», говорит он, «об этом и не думал; да и куда мне думать о подобных вещах; а за других не ручаюсь». Так говорит Курбский, потому что не было никаких средств оправдать поведение Сильвестра и его стороны, а собственное его поведение в это время, вероятно, не слишком бросалось в глаза. Итак, хотя, как мы уже заметили, кроме слов Иоанна, у нас нет никаких других указаний на участие Курбского в замысле возвести Владимира Андреевича на престол; но для нас довольно и того, что есть, потому что, вследствие некоторых соображений, свидетельства Иоанна получают надлежащий вес. Выскажем эти соображения. Из разрядных книг и летописей не видно, чтобы Курб-

[178] Сказ. кн. Курбского, стр. 215.
[179] Там же, стр. 229.
[180] Там же, стр. 157.
[181] Там же, стр. 152.

ский был в это время куда-нибудь командирован; следовательно, можно предполагать, что он находился в Москве. Это предположение кажется нам тем более верным, что, тотчас по выздоровлении Иоанна, Курбский отправился с ним из Москвы в Кириллов-Белозерский монастырь. Допустив же, что Курбский во время болезни Иоанна жил в Москве, мы должны допустить и то, что он принимал участие в движении, совершавшемся пред его глазами: оставаться нейтральным он не мог; ему непременно должно было принять чью-нибудь сторону или князя Старицкого, или Иоанна. Нет сомнения, что он принял сторону первого: во-первых, нигде нет указания, чтобы Курбский присягнул младенцу Димитрию, а Курбский был в это время не последним лицом в государстве: он был советником в думе[182] и одним из замечательнейших воевод; во-вторых, не мог он оставаться нейтральным, потому что был членом партии, следовательно, необходимо должен был участвовать во всех её движениях. Возводя Владимира Андреевича на престол, сторона Сильвестра, без сомнения, видела в том свои выгоды, и мог ли Курбский, связанный тесною дружбою со многими из её членов, одушевленный теми же идеями, движимый теми же интересами, мог ли Курбский оставаться праздным зрителем совершающегося пред ним переворота, мог ли бездействовать, будучи одной из самых видных личностей, стоявших в рядах этой партии? В-третьих, корыстные расчеты всегда стоят у Курбского на первом плане. Мы видели, что, желая склонить на свою сторону детей боярских, Владимир Андреевич раздавал им деньги. Но ему мало было поддержки одних боярских детей, ему нужно было иметь опору в самих боярах, потому что без этого он не мог бы успеть в своем намерении, и бояре, со своей стороны, конечно не упустили удобного случая выторговать себе у него разные выгоды. Так мы уже знаем, что князь Дмитрий Палецкий за удел для зятя своего Юрия обещал ему свое содействие. На подобное предложение Палецкий мог решиться только в таком случае, если другим боярам было обещано за их хлопоты приличное вознагражденье. Не тогда ли же и Курбский выпросил себе ярославское

[182] Жизнь кн. Курбского в Литве и на Волыни, т. I, стр. 230.

княжество, потому что Иоанн, в первом своем послании, упрекает его за желание «изменным обычаем быти ярославским владыкой[183]». Гонец Иоанна, Колычов, посланный в Литву уже после бегства Курбского, должен был, сообразно данному ему наказу, сказать Сигизмунду Августу, что «Курбский учался звати вотчичем ярославским, да изменным обычаем, с своими советники, хотел на Ярославле государити[184]». До последнего времени во взгляде на царствование Грозного господствовало убеждение, что, мучимый страхом и подозрительностью характера, Иоанн беспрестанно мечтал об изменах тогда, как на самом деле этих измен не было. Но что же мы сделаем с грамотами, в которых бояре, как времен Иоанновых, так и до него бывших, сознаются в своей измене государству? При одном Грозном этих, так называемых, проклятых грамот насчитаем мы 23! Неужели все это мечта, неужели, имея пред собой эти документы, мы станем утверждать, что Иоанн выдумывал, что бояре изменяют ему? Не будет сильным опровержением этих грамот и то предположение, что они вынуждены силою у давших их. Неужели можно насильно заставить кого-нибудь сознаться в преступлении, которого он не сделал? Скажут: страх смерти заставлял бояр клеветать на самих себя. Возразим на это: неужели жизнь дороже чести и доброго имени, неужели человек с клеймом преступника может наслаждаться жизнью? Давши утвердительный ответ на эти вопросы, мы придём к тому заключению, что тогдашнее высшее общество на Руси не знало чувства чести, собственного достоинства, если оно терпело среди себя людей, торжественно, из любви к жалкой жизни, признавших себя врагами родной земля. Что же касается до стремления Курбского сделаться ярославским владыкой, то в этом нет ничего не естественного. Некогда родовое владение предков Курбского, Ярославль еще очень недавно вошел в состав московского государства. Воспитанный, как мы уже видели, в старинных понятиях, Курбский без сомнения считал ярославское княжество неотъемлемой собственностью своего рода и, разумеется, не мог не желать возвращения того, что, при

---

[183] Сказания кн. Курбского стр. 157.
[184] Там же, стр. 157.

неблагоприятных обстоятельствах, было потеряно его предками. Прибавим и: этому еще одно обстоятельство. Нося в России только титул князя Курбского, т. е. владетеля своей отчины Курбы, он принял в Литве титул князя ярославского и этим выказал свое притязание на ярославское княжество, потому что в древней Руси фамилии, по большей части давались по отчинам. Но, может быть, возразят, что подобное несвоевременное притязание со стороны Курбского было бы нелепостью. Отвечаем: Курбский мог понимать несвоевременность восстановления права отъезда, несвоевременность притязаний на обычай совета, несвоевременность быта родового, а все-таки хлопотал об этом. Наконец, в-четвертых, Курбский должен был стать на стороне Владимира Андреевича по той же самой причине, как и партия Сильвестра. Со вступлением на престол Старицкого князя торжествовало старинное родовое правило: старейшинство дядей пред племянниками. Для поддержания своего падающего значения бояре должны были поддержать юридические родовые отношения, противоположные развивавшейся идее государства; а этого они не могли сделать иначе, как только воротив Русь назад, чего действительно и достигали, возводя на престол Старицкого князя. Таким образом, все эти, предложенные нами, соображения должны вести к тому заключению, что во время болезни Иоанна Курбский был на стороне крамольников.

Но, к счастью для России, все усилия Сильвестровой стороны остались тщетными: Иоанн встал с одра болезни. Эта болезнь имела для него те благодетельные последствия, что открыла ему глаза, показала, чего домогается сторона Сильвестра, убедила его, что она хлопочет вовсе не о пользах и благе государства, а имеет в виду одни корыстные расчеты. Итак, за момент перемены в Иоанне мы должны принять болезнь его, а не смерть супруги его Анастасии[185]; следовательно, так называемая перемена к худшему, совершившаяся в Иоанне, не была внезапным следствием смерти его супруги; она только яснее выказалась в 1560 г., а началась с 1553 г. и постепенно созревала. Да иначе и быть не могло. В природе человеческой не бывает крутых переворотов, а все совершается

---

[185] Сказ. кн. Курбского, стр. XIII, примеч. под буквой *с.*

в гармонической постепенности, последовательности. Анастасия и не могла иметь на Грозного того сильного влияния, какое обыкновенно приписывают ей[186], она не могла сдерживать Грозного в пределах добра против его воли: такие сильные, энергические личности, как Грозный, не терпят чуждого влияния. Хотя и переменившийся в душе, Иоанн ничем не обнаружил этой перемены: по-прежнему он был добр и милостив; он не только не мстил тем из бояр, которые в минуты борьбы его со смертию выказали себя его противниками, но еще возвышал их. Так отец Алексея Адашева, решительнее всех действовавший в пользу Владимира Андреевича, был награжден саном боярина[187]. Иоанн думал, что сторона Сильвестра, тронутая этими милостями, этим забвением вины её, устыдится своих притязаний. Но вышло иначе. Зашедши слишком далеко, сбившись с предписанного законом и благоразумием пути, она уже не могла отступить. С самой дурной стороны выказав себя пред Иоанном, она продолжала действовать по-прежнему. Спрашивается, почему же Иоанн силой не удалил этой партии от участия в делах? Причина та, что он не хотел еще прибегать к крутым мерам. Но средства, употребляемые стороной Сильвестра для поддержания своего колеблющегося значения, скоро решили борьбу.

Со времени Иоаннова выздоровления отношения к нему Курбского обрисовываются ярче. К этому способствовал один случай. В дикой пустыни Белозерской св. Кирилл основал монастырь. Трудна была жизнь праведник, проведенная в борьбе с возмутителями покоя русской церкви[188]. Но ни трудность этой борьбы, требовавшей неутомимой деятельности, ни сила еретиков, нашедших себе опору при дворе, в вельможах и первосвятителе, ничто не устрашило св. мужа[189]. За то и велика была слава его. Преданный Василию III он завещал эту преданность Москве и ученикам своим. В его-то

---

[186] Карамзин считает смерть Анастасии за причину перемены в характере Грозного. «Анастасия, — говорит он, — унесла с собою в могилу добродетель Иоаннову. Здесь начало злу.» Ист. Гос. Рос., т. VIII, стр. 188.

[187] Карамзин, например.

[188] История Госуд. Российского, т. VIII, пр. 382.

[189] С ересью жидовствующих.

обитель, согласно обету, данному во время болезни, отправился Иоанн на богомолье. На пути к обители св. Кирилла лежал монастырь Песношский, где, современно описываемым нами событиям, доживал дни свои Вассиан, епископ коломенский, верный слуга и друг Василия III, свергнутый боярами[190]. Поездка в Кириллов монастырь делалась, вследствие этого обстоятельства, чрезвычайно невыгодной для бояр. Они могли предвидеть, что, проезжая чрез Песношу, Иоанн пожелает увидеть друга своего отца и побеседовать с ним. Опасались же они этого свидания, потому что знали, что Вассиан, как заклятой враг бояр, может внушить Иоанну, как управлял государством Василий III, разъяснить ему окончательно планы партии Сильвестра и цель, к которой она стремится и, таким образом, ее и без того уже упавшую в глазах Иоанна унизить еще более. Сообразив все это, Курбский, Алексей Адашев и другие лица, сопровождавшие Иоанна в путешествии, решились отклонить его от поездки в Кириллов-Белозерский монастырь. Но действовать прямо они не могли и, чтобы не подать никакого повода к подозрению, избрали своим орудием лицо, по-видимому, совершенно постороннее. В Троицко-Сергиевом монастыре, чрез который Иоанну лежал путь в Кириллов монастырь, жил в то время знаменитый своей учёностью Максим Грек, враг митрополита Даниила и Вассиана. Василий III Иоаннович сослал Максима Грека в заточение за сочинение его: «против оставляющих без вины жены конные», где он восставал против развода Василия с Соломонией и не одобрял нового брака его с Еленой[191]. При вступлении Иоанна на престол сторона Сильвестра и Адашева, вероятно имея в виду воспользоваться при случае дарованиями Максима Грека, облегчила его участь; он был освобожден из заточения и получил позволение свободно жить в Сергиевом монастыре[192]. Теперь настало время стороне Сильвестра требовать услуг от Максима и он,

---

[190] Митрополит и Елена, супруга Иоанна Младого, были на стороне еретиков.

[191] Сказания кн. Курбского стр. 42. Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9.

[192] Об этом сочинении см. Полевого «Историю Русского народа», т. V.

к сожалению, решился принять на себя недостойную роль, ему предложенную. Прибыв в Троицкий монастырь, Иоанн пожелал побеседовать с Максимом, а этот последний вдруг ни с того, ни с сего начал советовать царю оставить отдаленное путешествие в Кириллов монастырь, особенно же с женою и сыном новорожденным, говоря, что Иоанн с таким же успехом, как в Кириллове монастыре, может молиться Богу в Москве, что Бог, как вездесущий, всюду может слышать молитву, приносимую ему с усердием, что такое отдаленное путешествие безрассудно, что, вместо разъездов по монастырям, Иоанн должен позаботиться лучше об обеспечении вдов и детей воинов, павших под стенами Казани[193]. Вот как, по свидетельству очевидца Курбского, убеждал Максим Грек Иоанна отказаться от поездки в Кириллов монастырь. Прекрасен был, конечно, совет его, но все-таки Иоанн не мог понять, почему бы исполнение обета помешало ему заботиться о семействах павших под Казанью воинов. Имея слишком много причин быть подозрительным, Иоанн предположил в совете Максима Грека какие-нибудь новые затеи стороны Сильвестра, а потому и решился исполнить свой обет. Что же сделал Максим Грек? Вместо того, чтобы, видя настойчивость царя, замолчать, он, по словам Курбского, исполнился духа пророческого[194], т. е. прибегнул к угрозе, обыкновенному средству стороны Сильвестра в крайних случаях. Итак, действуя в духе и по наставлению её представителей, находившихся при Иоанне, Максим предрек последнему за его ослушание смерть сына Димитрия. Курбский, Алексей Адашев, священник Андрей Протопопов, Иоанн князь Мстиславский взялись передать царю это предсказание. Но все было напрасно: «Как бы диавол царем стрелял, — говорит Курбский, — до того монастыря, идеже епископ, уже состарившийся во днех мнозех, пребывал[195]». Таким образом, царь, вопреки расчётам Курбского и других, думавших предсказанием Максима запугать его, остался непреклонным. Курб-

[193] «История отношений между Русскими князьями Рюрикова дома», соч. г. Соловьева, 648.

[194] Сказания кн. Курбского стр. 10.

[195] Там же, стр. 41.

ский и другие его сообщники не сообразили, что с 1547 по 1553 год Иоанн много успел развиться, что, следовательно, средство, с блистательным успехом употребленное в 1547 г., спустя 6 лет не годилось: Иоанн 23-летний не мог быть напуган тем же, чего испугался Иоанн 17-летний. Эта уловка произвела теперь действие обратное: вместо ожидаемого испуга в Иоанне явилась сильнейшая настойчивость.

Не было более никаких средств отклонить свидание, которого так опасалась сторона Сильвестра. Любопытны подробности этого свидания, переданные нам Курбским, любопытны, потому что разоблачают пред нами ту цель, которая заставляла Курбского так настойчиво отклонять поездку Иоанна в Кириллов монастырь, раскрывают и причину негодования его на упорство царя. «Прибыв в монастырь, — рассказывает Курбский, — Иоанн отправился в келлию Вассиана и, зная, что последний был единомышленником и угодником отца его, спросил, «како бы могл добре царствовати и великих и сильных своих в послушестве имети?» «И подобало реши ему, — продолжает Курбский, — самому Царю достоит быти яко главе, и любити мудрых советников своих, яко своя уды, и иными множайшими словесы от священных писаний ему подобало о сем советовати и наказати царя христианского, яко же достоило епископу некогда бывшу, намеж престаревшемуся уже в летех довольных.» Он же что рече? Абие начал шептати ему во ухо, яко и отцу его дрсвле ложное сикованцие (клевета) шептал, и таково слово рекл: «Аще хощеши самодержцем быти, не держи собе советника ни единого мудрейшего себя: понеже сам еси всех лучше; тако будеши тверд на царстве, и вся имети будеши в руках своих! Аще буаеши иметь мудрейших близу собя, по нужде будеши послушен им». И сице соплете силлогизм сатанинский! Царь же абие руку его поцеловал и рече: «О аще и отец был бы ми жив, таковогo глагола полезного не поведал бы ми[196]». Итак, вот почему Курбский с Адашевым старались отклонить Иоанна от поездки в Кириллов монастырь, вот почему для этого они решились даже на такую крайнюю меру, как предсказание смерти сыну Иоанновну! Вообще со времени

---

[196] Сказ. кн. Курбского, стр. 42.

болезни Иоанновой можно обозначить новый фаз борьбы его с боярами. Характер этой борьбы следующий: аристократия, понявшая, что значение её не прочно, решается для поддержания себя на крайние меры; но её усилия разбиваются о непреклонную волю царя, и сама судьба ей не благоприятствует. Обе противные стороны в напряжении, но нет еще ничего решительного; только сторона Сильвестра потеряла то благоразумие, которым запечатлены её первые действия и меры, ею принимаемые, охлаждают последнее расположение, уничтожают остаток доверия к ней в Иоанне: в досаду царю по-прежнему она продолжает доброхотствовать Владимиру Андреевичу[197]. Законы сердца человеческого заставляют нас допустить, что Анастасия, со времени Иоанновой болезни, не могла быть расположена к стороне Сильвестра, хотевшей лишить престолонаследия сына её. Вероятно, этого нерасположения она не могла скрыть и от Иоанна. Такой же монетой платила ей и виновная сторона Сильвестра. Она начала распространять об Анастасии самую неблагоприятную молву, сравнивать ее со всеми нечестивыми царицами, а детей Иоанна не хотела называть и по имени[198]. Все опаснее и опаснее становились её замыслы: она хотела склонить на свою сторону народ, чтобы свое дело сделать делом народа. Иоанн пишет, что сторонники Сильвестра и Адашева приказали народу побить камнями Феодосия, епископа коломенского, ревностного слугу царского. Такая же участь постигла и других людей, преданных Иоанну. Так сторона Сильвестра изнуряла долговременным заточением казначея Никиту Афанасьевича Фуникова, заставляла его терпеть нужду и голод[199]. Это свидетельство Иоанна; но мы не имеем достаточной причины отвергнуть его: из других современных свидетельств открывается, что горе было тому, кто осмелился бы противодействовать Сильвестру[200], горе было тому, кто навлекал на себя нелюбье Алексея Адашева[201]. Дело об из-

---

[197] Сказ. кн. Курбского, стр. 42 и 43.

[198] Там же, стр. 190.

[199] Там же, стр. 190.

[200] Там же, стр. 210.

[201] Царственная Книга, стр. 312.

мене князя Семена Ростовского всего лучше доказывает то неблагоразумие, которое начало характеризовать действия Сильвестровой стороны после неудачной крамолы во время болезни Иоанновой. Этот вельможа, возведенный Иоанном в сан думного советника[202], во время болезни царя, вместе с прочими восстал против сына его[203]. Иоанн простил князя; но великодушие царя не тронуло виновного: он начал сноситься с польскими панами Станиславом и Воином, присланными в Россию для заключения вечного мира, открывал им тайны государственные, поносил пред ними Иоанна, супругу и детей его, и наконец решался бежать в Литву[204]. Вот что рассказывает об этом летописец: «В 1554 году в июле побежал в Литву князь Никито, княжь Семенов, сын Лобанов-Ростовской, и поймали его в Торопце дети боярские и привели ко царю и великому князю; и царь и великий князь велел его выпросить, от чего побежал, и князь Никита сказал, что его отпустил в Литву боярин князь Семен Ростовской к королю сказать про себя, что он к королю идет, а с ним братия его и племянники, а перед того посылал к королю князь Семен человека своего Бакшея опасно просить. И царь, и великий князь велел князя Семена поймать и выпросить его, князь Семен сказал, что хотел бежать от убожества и от малоумства, понеже скудота была у него разума, и всяким добрым делом, туне и в пустом изъедающа царское жалованье и домашняя своя[205]». Желая показать себя беспристрастными, бояре приговорили князя Семена к смерти, но в то же время митрополит Макарий, бывший на стороне Сильвестра, начал печаловаться пред Иоанном за обвинённого и наказание было ограничено тем, что князя Семена Ростовского выставили на позор и сослали на Белоозеро, а людей его распустили[206]. Не видя никакой возможности оправдать своего сотрудника, сторона Сильвестра «начала держать его в великом бережении и помогать всеми благими не только ему, но и всему его

---

[202] Это видно из приведенного нами выше дела Ласкирева.
[203] Ист. Госуд. Росс., т. VIII, пр. 393.
[204] Царственная Книга стр. 346.
[205] Сказания кн. Курбского, стр. 191.
[206] Никоновская Летопись, т. VII, стр. 212.

роду[207]». Должно думать, что во всех этих противозаконных поступках Сильвестровой партии принимал участие и Курбский: приписывая упомянутые нами преступления стороне Сильвестра, Грозный в то же время винит в них и Курбского[208]. Упреки Грозного тем более справедливы, что, во-первых, Курбский не оправдывается в преступлениях, приписываемых ему и его стороне, а, во-вторых, потому, что в письмах своих к Курбскому Грозный толкует об этих преступлениях как о событиях, известных всем и каждому, и самая краткость его рассказа, указание на имена действовавших в том или другом событии лиц, иногда даже простые намеки на происшествия, доказывают, что Иоанн говорил правду. Да и зачем было Иоанну лгать пред рабом-изменником? Для чего ему было клеветать на Курбского, и без того уже слишком виновного? «Чего ради, — пишет он Курбскому, — нам сих (т. е, изменников) облыгати? Власти ли своих работных желая, или рубища их худа, или коли бы их насыщатися? Како у кого? Но смеху ли подлежит твой разум»[209]. Вот что отвечает Иоанн Курбскому на жалобу этого последнего, что царь приписывает вельможам разные небывалые преступления. Разве как пред Курбским, так и пред своими подданными Грозный не сознавался в своем нравственном падении? Разве не сознавался он в том, что часто должен был прибегать и действительно прибегал к мерам слишком крутым[210]? В своем духовном завещании он является самым неумолимым, самым строгим судьёй своих проступков, и чистосердечно сознается пред потомством в грехах своих. Не считает он себя, подобно Курбскому, праведником, но говорит; «хотя и жив еще я, но Богу скаредными своими делы паче мертвеца сквернейший и гнуснейший, его же иерей видев не внят, Левит и той, возгнушався, премину мне. Понеже от Адама и до сего дни всех преминух в беззакониях согрешивших, сего ради всеми ненавидим есмь: Каиново убийство пришед, Ламеху уподобихся первому убийце, Исаву

---

[207] Никоновская Летопись, т. VII, стр. 212.
[208] Сказания кн. Курбского, стр. 191.
[209] Там же, стр. 191.
[210] Там же, стр. 180.

последовах скверным невоздержанием, Рувиму уподобихся осквернившему отчо ложе, несытства и иных многих яростию и гневом невоздержания[211]». Будет ли тот, кто так откровенно сознается в собственных недостатках приписывать другим небывалые пороки? Заметим еще, что большая часть преступлений, в которых Иоанн обвиняет бояр вообще и сторону Сильвестра в частности, подтверждается государственными актами, летописями и сказаниями современных русских и иностранных писателей. Почему же не поверим мы справедливости и других, взводимых Иоанном на сторону Сильвестра вообще и на Курбского в частности обвинений, не поверив потому только, что поступки, за которые Грозный упрекает и Курбского, и сторону Сильвестра или будучи не известны современникам, или оставленные ими без внимания, нигде, кроме сочинений Иоанна, не упоминаются? Наконец, Курбский сам вызвал Иоанна на переписку; Иоанн не начинал её, а только отвечал на письмо Курбского. В письмах Курбского заметно желание оправдаться, желание, вовсе не вызванное Иоанном. Откуда же родилось у Курбского оно, как не из сознания виновности. Иоанн обвиняет Курбского в разных преступлениях, а этот отвечает одними дерзостями, нисколько не оправдывая ни себя, ни других. В одном из писем своих к Иоанну Курбский сознается сам, что Сильвестр или нападал иногда на царя «кусательными словесы», или «крепкою уздою со браздами обуздывал невоздержание и преиздишнюю похоть и ярость его[212]», и извиняет это тем, что «лучше лоза или жезл приятеля, нежели ласкательные целования вражий[213]». Все это показывает, что не в выдуманных на досуге, а в действительно бывших крамолах и преступлениях обвинял Иоанн Курбского и сторону Сильвестра вообще. Оставив на время изложение развязки борьбы Иоанна со стороной Сильвестра, перейдем опять к прерванному нами рассказу о Кирилловском езде и других событиях, в которых Курбский принимал участие.

Угрюмый и печальный возвратился Иоанн в Москву из путешествия: во время плавания по реке Шексне преставился

---

211 Сказания кн. Курбского, стр. 152.

212 Там же, стр. 162 и 224.

213 Дополн. к Акт. Историч., т. I, № 222.

малютка Дмитрий[214]. Мы уже видели, в каком невыгодном свете выказал себя Курбский пред Иоанном во время этого, так называемого, Кириловского езда и с уверенностью можем сказать, что он принимал участие в открытой почти вражде своей партии против Иоанна, что это участие было вовсе не в пользу Иоанна; но этот последний, по-прежнему продолжал возвышать Курбского, доверял ему начальство над ратями, возлагал на него важные поручения. В октябре 1554 г. пришла весть, что на Россию двинулись ногайские татары. Немедленно отряжено было Иоанном войско для их отражения и начальство над левым крылом действующей армии вверено Курбскому. Но битвы с татарами не было: узнав, что русские готовы встретить их, они отказались от своего намерения напасть на Россию[215].·

Едва миновала одна опасность, как разразилась другая: в том же году вспыхнул страшный мятеж в земле казанской. Хотя русские успели утвердиться в столице казанского царства; но окрестные народы, бывшие подданные казанцев, не хотели признавать над собой власти Иоанна: луговая черемиса, арские татары, башкирцы и другие народы не только стеснили воевод в городе, но и начали нападать на области муромскую и нижегородскую, осаждали не только те крепости, которые были поставлены в земле казанской, но и в самой России. «Вот, к чему повело, — замечает Курбский, — первое презрение Иоанном совета воевод своих мудрых!» Мятежники отважились даже на битву с боярином Борисом Морозовым-Салтыковым, выступившим против них из Казани, разбили его на голову, перерезали его солдат, а самого взяли в плен и потом бесчеловечно убыли, не приняв даже выкупа[216]. Бояре советовали Иоанну навсегда оставить этот несчастный для России край, но такой малодушный совет был отвергнут царем. Он твердо решился удержать Казань за Россией и возложил это дело на знаменитых искусством и храбростью воевод Андрея Михайловича Курбского, Микулинского, Морозова и Шереметева. В Николин день, 6 декаб-

[214] Сказания кн. Курбского, стр. 230.
[215] Там же.
[216] Там же, стр. 47.

ря, выступили они из Нижнего Новгорода, назначенного сборным пунктом войск против Казани[217]. В этом последнем городе, дан был небольшой роздых войску; а потом Курбский с товарищами двинулся по арской дороге к засекам, устроенным неприятелями на крутой и высокой горе. Отрядив голов воевать по чувашской и ногайской дорогам, по рекам Каме и Меше, сама воеводы пошли по направлению к Арскому городку и Уржуму и на 10 дней пути углубились в неприятельскую землю[218]. «Было у казанских князей, — рассказывает Курбский, — более 15000 человек, и бились они с передовыми нашими полками и, сколько помнится, мы сразились около 20 раз. Пользуюсь знанием местности, укрываясь в лесах, они крепко противились нам; но везде терпели поражения. Самое время им не благоприятствовало: в эту зиму были большие снега, не было ясных дней, а потому врагов погибло очень много.» Целый месяц преследовали воеводы мятежников, побили их около 10.000[219], взяли в плен 6.000 мужчин и 15.000 жен и детей, сожгли город на Меше, построенный мятежниками, и, опустошив огнем и мечом все пространство от Казани до Камы, от Волги до уржумских пределов и на 250 верст вверх по Каме[220], взяв в плен Янчуру измаильтянина и Алеку черемисина, злейших врагов христианских[221], с торжеством возвратились в Москву[222] ко дню Благовещенья. Признательный к заслугам и доблести воевод царь украсил их золотыми медалями, а Курбского, сверх того, возвел в 1556 г. в сан боярина[223]. Итак, Иоанн отличал Курбского и так быстро возвышал его, что Курбский двадцати осьми лет был уже знатным вельможей.

Казанские мятежники были только устрашены походом русских, но не перестали враждовать против России, и много нужно было употребить усилий Иоанну, чтобы царство

[217] Рукописные Разряды, принадлеж. г. Проф. В. И. Григоровичу, л. 435.

[218] Сказания кн. Курбского, стр. 47.

[219] Рукописи. Разряды, л. 437 и 438. Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9, стр. 303.

[220] Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9 стр. 393—398.

[221] Сказания кн. Курбского, стр. 48.

[222] Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9, стр. 398.

[223] Сказ. кн. Курбского, стр. 48.

казанское de facto сделалось русской областью. В 1556 году восстала луговая черемиса. Укротить восстание Иоанн поручил Курбскому и этот последний в сентябре того же года, вместе с князем Фёдором Ивановичем Троекуровым, двинулся против мятежников[224]. Возвратясь из похода, Курбский опять должен был выступить в поле: в должности воеводы левой руки, он был послан в Калугу для охранения южной границы, угрожаемой нападением крымцев[225]; а потом, в том же году, стоял в Кошире, начальствуя, вместе с Щенятевым, правой рукой[226].

Между тем пробил последний час партии Сильвестра: более и более расходилась она с Иоанном и наконец должна была уступить ему. Изложим теперь события ливонской войны, потому что эта война была камнем преткновения для Сильвестра, Адашева и их стороны. До времен Иоанна IV главное внимание России было обращено на восток, и до самого Иоанна III внешние отношения, политика России ограничивались одними соседями. Да иначе и быть не могло: занятая раздорами своих многочисленных владетелей, примыкавшая с юга к орде, хотя и распавшейся на несколько частей, но все еще сильной, окруженная на западе Литвой, Польшей и орденом Меченосцев, отнявшими у ней владения, искони ей принадлежавшие, стремившимися поглотить и тот бедный остаток от древней Руси Ярослава Великого, который пользовался еще самостоятельностью, могла ли Россия при таких обстоятельствах и думать о расширении круга своих внешних сношений? Борьба извне с соседями, внутри с удельными князьями поглощала все время, занимала все усилия московских государей. Но, усиленное Василием Темным, несмотря на все несчастия его правления, окрепшее и

---

[224] Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс. г. III, № 9, стр. 398.

[225] Древн. Росс. Вивлиофика, изд. Новиковым, т. XX, стр. 41.

[226] Рукописи. Разряды, л. 471. Здесь говорится: «Лета 7064, сентября 8, Царь и Великий князь послал воевод в Казань кн. Ондрея Михайловича Курбского, да князя Федора Ивановича Троекурова, а велел им из Казани ходити воевать луговых людей». «Да со князем же Ондреем казанскими людьми с годовщики ходити Федору Ивановичу Бутурлину, а из Свияжского города свияжскими людьми ходити князю Семену, княж Иванову, сыну Гагарину».

сплотившееся в одно целое при Иоанне III, государство московское должно было выйти из своей обычной колеи. Брак Иоанна III с царевной Софьей, отраслью царственного дома Палеологов, императоров византийских, возвестил Европе о существовании московского государства, и вот один за другим начали при дворе Иоанна являться посланники пап, дожей венецианских, римских императоров. Но, как Иоанн III, так и сын его Василий, все-таки главное внимание обращали на ближайших соседей. Совсем иначе действовал Иоанн IV. Обеспечив восточные пределы покорением царств казанского и астраханского, дружбой с ногаями и блестящими победами над крымцами, Иоанн обратил все свое внимание на запад. Он постигал, что Россия может возвыситься над соседями, сделаться государством истинно могущественным только тогда, когда ознакомится с европейским образованием, усвоит себе европейскую цивилизацию, европейские науки и искусства. Эта мысль была задушевною мыслью Иоанна, это был его идеал, осуществить который он старался во все время своей жизни. Исполнением этой мысли он занялся с самого торжественного венчания своего на царство. Еще в 1547 г. отправил он в Германию Саксонца Шлиттена и поручил ему вызвать оттуда людей полезных для России[227]. Из наказа, данного этому Шлиттену видно, что не об одной материальной, но и об умственной пользе своего народа заботился Иоанн: кроме ремесленников, поручалось Шлиттену вызвать в Россию людей, сведущих в древних и новых языках, также геологов и юристов; из художников предписано было ему вызвать преимущественно архитекторов[228]. Хотя, вследствие коварства Ганзы и ордена Меченосцев, Шлиттен и не успел выполнить поручения[229], но Иоанн не думал отказываться от своего желания просветить Россию. С жаром брался он за каждый случай, могший сблизить Россию с западом, и этим объясняется радость его, когда капитан Ченселор, занесенный бурей в Двинский залив, прибыл к нему с грамотой Эдуарда VI, адресованной ко всем государям северных

[227] Древн. Вивлиофика, т. XIII, стр. 247.
[228] Там же, стр. 252.
[229] Ист. Гос. Росс., т. VIII, стр. 70.

и восточных стран. Этим же объясняется и тесная связь Иоанна с Англией, не ослабевшая до последних дней его жизни, несмотря на взаимные неудовольствия. Для этой же цели посылал он молодых людей за границу, чтобы, ознакомившись с европейскою образованностью, они могли распространять ее и в России. По свидетельству самого Курбского, ближний родственник Михаила Матвеевича Лыкова был послан для образования «за море во Ерманию и тамо навык добре Алеманскому языку и писанию: бо там пребывал немало лет и возвратился к нам в отечество[230]». Проникнутый такой идеей, Иоанн понимал, что для сближения с Европой России необходимо иметь приморские пункты, которые облегчили бы ей это сближение. Правда, Россия владела одним таким пунктом при устье северной Двины — Архангельском, где производилась торговля с Англией, но этот пункт сообщения был и слишком отдален, и неудобен. Самое удобное для сообщения Балтийское море было во власти ордена Меченосцев, в смутное время усобиц присвоившего себе земли, составлявшие исконную собственность России.

Итак, для открытия свободного пути в западную Европу нужно было завоевать Ливонию. С этой точки зрения мы должны смотреть на ливонскую войну.

Расчёт Иоанна был верен, надежда на успех несомненна. Орден Меченосцев, некогда знаменитый и могущественный, в это время быстро склонился к падению, причины которого лежали в самом основании его. Чуждые друг другу элементы, из которых он сложился, стремились к распадению. Сначала верховная власть в ордене принадлежала духовенству; но преобладание этого последнего скоро показалось рыцарям тягостным. Вследствие этого между духовенством, старавшимся удержать за собой верховную власть и между рыцарями, стремившимися присвоить ее себе, завязалась борьба, в которую вмешались и города, принявшие сторону духовенства, потому что рыцари сильно утесняли их. С покорением населявших прибалтийские земли язычников, с увеличением благосостояния забыли рыцари свою древнюю храбрость и воинственный дух. Живя в великолепных замках, они преда-

---

230 Historica Russiae monumenta, т. I, № CXXX.

вались неге и роскоши, утесняли народ, на счет которого роскошествовали. Расточительность их достигла высшей степени. Ко всему этому прибавились еще споры между самими рыцарями из-за владений, между протестантскою и католическою партиями, потому что идеи реформации скоро проникли и в орден, из-за религиозных убеждений, довершившие расстройство ордена. Чтобы продлить свое существование, Меченосцы соединили судьбу свою с Тевтонским орденом; но и это не помогло, потому что против них был самый дух времени. Все, подобные ордену, общества, учреждённая с известной целью, могут существовать только до тех пор, пока есть в них потребность, нужда; они должны рушиться и пасть, когда достигнется цель их учреждения, возникнут новые понятия, а с тем вместе, иные потребности. Сильно потрясена была в XVI столетии папская власть. Папский престол перестал уже давать законы Европе, и слово римского первосвященника не могло уже двигать сотни тысяч людей на край света для распространения власти римской церкви. Великое движение народов, продолжавшееся два столетия, сблизившее восток с западом, возвысив папскую власть, имело для неё и вредные последствия: европейцы познакомились на востоке с учеными трудами арабов, в них пробудился дух пытливости, любознательности, родилось стремление к просвещению, а с тем вместе и вопрос о правах церкви на светскую власть. При таком изменившемся направлении умов, явились Гогенштауфены, Гусс и Лютер, выступил на поприще Кальвин: все они действовали против пап и их мирских притязаний и своим учением потрясли громадное здание римской церкви в самом его основании. Пала власть папская в этой неровной борьбе, а вместе с ней, по законам неизбежной необходимости, пало и её творение — духовные рыцарские ордена. При изменившемся направлении умов, при изменившихся потребностях эти ордена были уже анахронизмом, каким-то дряхлым, бесполезным и бесцельным учреждением в общей жизни европейских государств. И вот, еще в XIV веке пал орден Рыцарей Храма. Орден Тевтонский (в Пруссии), видя невозможность устоять при таких обстоятельствах, примкнул к Польше, преобразился в герцогство и потерял самостоятельность. Оставался еще самостоятельный орден Меченосцев. Окруженный могущественными

соседями: Польшей, Швецией и Россией, орден этот, будучи еще слабее Тевтонского, разумеется, не мог существовать самобытно. Иоанн очень хорошо понял положение ордена, не безызвестны были ему и те виды, которые имели на орден Польша и Швеция; он понимал, что если не русские, то поляки или шведы покорят Ливонию, и решился предупредить их.

В поводах к этой войне не было недостатка. Орден старался препятствовать намерению Иоанна просветить Россию и с этою целью не пропускал к нам образованных иностранцев, желавших поступить в нашу службу. Благодаря интригам ордена, посольство Шлиттена не принесло России никакой пользы, а в Европе ходили самые нелепые слухи как о России, так и об её государе. Кроме того, по договору с Иоанном III, магистр Шлеттенберг обязался платить России ежегодную дань, но, по разным обстоятельствам, в течении целого полстолетия дань эта не была плачена. Иоанн IV потребовал уплаты дани и, получив отказ, объявил Меченосцам войну. Так началась 24-летняя война ливонская. Опять скажу, что главная цель Иоанна, с которой он, предприняв эту войну, была придвинуть Россию к Балтийскому морю и, включив ее в семью европейских государств, сделать участницей общеевропейских интересов. Нет сомнения, что Иоанн, если бы только удалось ему достигнуть этой цели, на целое столетие предупредил бы великое дело Петра.

Но война ливонская, как и многие другие планы Иоанна, не встретила себе сочувствия в современниках, не была ими одобрена. Что не нравилась эта война стороне Сильвестра, видно из слов Курбского. Смотря на политику России сквозь призму старинных убеждений и понятий, он не одобрял ливонской войны. Недоступна была для его понятий, отуманенных предрассудками и предубеждениями, высокая мысль Иоанна. По мнению Курбского, восток был более достоин внимания России, потому что отцы и деды обращали внимание только на него и, во что бы то ни стало, Курбский и сторона Сильвестра хотели внушить это убеждение и Грозному, советуя ему, вместо войны с Ливонией, лучше покорить Крым. Посмотрим, какие доказательства приводил Курбский в подтверждение превосходства своего мнения. «Послан был, — говорит он, — от Бога мор на ногайскую т. е. заволж-

скую орду. Послал на нее Бог зиму такую холодную, что весь скот попадал, а на лето и сами ногаи перемерли: живут татары только молоком от стад своих, а хлеба у них нет даже имени. Оставшиеся же в живых, видя, что явно послан на них Божий гнев, пошли, для пропитания, в перекопскую орду. Но Господь и там карал их: от солнечного зноя сделались засуха и безводие; там, где прежде текли реки, не только не стало воды, но и прокопав на три сажени землю, едва можно было достать ее. Итак, этого народа Измаильского очень мало за Волгой осталось, едва до 5000 способных носить оружие, а было число их подобно песку морскому. С Перекопа этих ногайских татар также прогнали, потому что и тогда был великий голод и мор. Некоторые очевидцы из наших, бывших там, уверяли, что от этой язвы в перекопской орде не осталось и 10.000 всадников. Настало тогда время для христианских государей отомстить бусурманам за кровь христианскую, много лет беспрестанно от них проливаемую, и успокоить навек и себя и свое отечество: потому что бывают они помазаны ни для чего иного, как только для суда правого и для охранения от нападения варваров царства, от Бога или вверенного. И нашему царю тогда некоторые синклиты, мужи храбрые и мужественные, советовали и неотступно требовали от него, чтобы он сам двинулся на перекопского (хана) с сильным войском, потому что самое время призывало к тому, да и Бог побуждал, ясно показывая, что хочет подать помощь, и как бы перстом указывал погубить вечных врагов его, кровопийц христианских и избавить множество пленников, томившихся в рабстве. И если бы помнил (царь) свое помазание, и совета добрых и мужественных воевод послушался, какую бы великую пользу приобрел и на этом свете, а в десять тысяч крат большую в будущем веке у самого Создателя Христа Бога, не отказавшегося пролить за род человеческий дражайшей крови своей! Если бы пришлось нам и души свои положить за христиан, много лет томившихся в плену, воистину эта добродетель обрелась бы пред Ним выше всех добродетелей, потому что Он Сам сказал: больше сия добродетели ничтоже есть, аще кто душу свою положит за други своя». Далее, описав удачный поход кн. Дмитрия Вишневецкого и Даниила Адашева в Крым, Курбский говорит: «Тогда

мы паки о сем царю и паки стужали и советовали: или бы сам потщился идти, или бы войско великое послал в то время на орду; он же не послушал, прекаждающе нам сие, и помогающе ему ласкателие, добрые и верные товарищи трапез и кубков и различных наслаждений друзи; а подобно уже на своих сродных и одноколенных остроту оружия паче, нежели поганом готовал, крыюще в себе оное семя, всеянное от предреченного епископа, глаголемого Топорка[231]».

Итак, вот как настойчиво и упорно требовал Курбский и вообще сторона Сильвестра войны с Крымом; вот как вооружался он против Иоанна за неисполнение этого требования. Но в том-то и выказывается дальновидный, проницательный ум Грозного, что ливонскую войну предпочел он крымской. Ежели мы даже не возьмём в расчёт тех планов, которые Иоанн предположил себе выполнить, воюя Ливонию; то и тогда мы должны не винить, а оправдывать его: война с Крымом ничего не предвещала России, кроме неудач и несчастий. Во-первых, многочисленного войска послать в Крым было нельзя: путь к Крыму пролегал по обширным, безлюдным степям; следовательно, действовать большей массой войск было невозможно, потому что негде было найти запасов для их продовольствия. Далее, само собой разумеется, в этих степях не было проложено дорог; а потому, не зная местности, войска легко могли сделаться жертвою неприятеля, знавшего всю степь вдоль и поперёк. Скрываясь в высокой траве, росшей в степи, татары, без всякого вреда для себя, могли нападать на войско и наносить ему большой урон. Даже спустя почти два столетия походы в Крым были сопряжены с страшными трудностями. Если ужасные препятствия нужно было преодолевать Минниху, если и тогда, при бесспорно лучшем устройстве войска, предводимого таким знаменитым полководцем, как Минних, эти походы стоили России только огромных издержек, потери множества людей, а не принесли ни малейшей пользы; то какую же выгоду могла извлечь из этой войны Россия XVI столетия? Даже в случае успеха, она не могла бы удержать за собой Крыма по чрезвычайному рас-

---

[231] Historica Russiae monumenta, т. I, № CXXX. Шлиттена задержали в Любеке под предлогом долга.

стоянию его от её пределов. Таким образом, едва бы русские выступили из Крыма, как татары опять заняли бы полуостров. Следовательно, Иоанн не предпринял этой войны, потому что не хотел без пользы губить людей и истощать казну. Во-вторых, орда крымская находилась под верховною властью Турции, которая стояла в это время на высшей степени могущества и славы: на престоле Оттоманской Империи сидел знаменитый Солиман, наполнивший Европу и Азию славой побед своих. С неудовольствием видел он падение мусульманских царств казанского и астраханского, предлагал крымскому хану помощь для восстановления их самостоятельности. Но хан отклонял это предложение, считая невыгодным для себя усиливать Порту, и без того уже страшную. Но Селим, несмотря на противоречие его, отрядил в 1565 году, по смерти уже Солимана, войско для восстановления мусульманского царства на берегах Ахтубы[232]. Без сомнения, если бы Иоанн начал войну с Крымом, Турция вступилась бы за эту землю, как за свою провинцию. Иоанн хорошо знал силы России, понимал, что время дальних завоеваний не настало для неё; хорошо было известно ему и могущество Турции, и знал он, что Россия еще не окрепла для борьбы с нею. Он понимал, что для успешной борьбы с Турцией, России необходимо познакомиться с европейским образованием, с европейским военным искусством, только при этих условиях могла она восторжествовать над опасной соперницей, которой трепетала Европа. Горячо любя Россию и её благо, Иоанн не хотел войны с Крымом, влекшей за собой опасную борьбу с Турцией, он хотел верного, и потому решился покорить Ливонию, слабую, стремившуюся к падению, но все-таки более полезную для России, нежели завоевание Крыма, где Россия опять-таки приходила в соприкосновение с одним востоком, от которого не предвиделось выгод.

Проследим теперь ход военных действий в Ливонии. Без сомнения, Иоанн объяснял боярам, как неосновательно требуют они войны с Крымом, раскрывал им и те важные причины, которые побудили его воевать Ливонию; но они продолжали настаивать на своем. Итак, должна была произойти борьба

[232] Сказания кн. Курбского, стр. 107.

между этими двумя противоположными стремлениями: царь отстаивал свое право, действовать самостоятельно, сторона Сильвестра защищала отвергаемый Иоанном обычай совета. На ливонскую войну должны мы смотреть, как на третью фазу борьбы Иоанна с притязаниями аристократий — эта борьба достигла теперь с той и другой стороны крайнего ожесточения. Раздраженный долговременным сопротивлением стороны Сильвестра его планам, ожесточенный её упорным стремлением восстановить старину, выведенный из терпенья её изменами и крамолами, Иоанн наложил, наконец, на нее свою тяжкую руку, и путем казней решился остановить её противозаконные замыслы. Ливонская война представляется нам той преградой, о которую разбились замыслы Сильвестра и Адашева. И сам Иоанн придает ей это значение, и он видит в ней причину казней и ожесточения своего. «Брань, — говорит он, — еже на Германы: тогда посылали есмя слугу своего, даря Шиг-Алея, и боярина своего и воеводу князя Михайла Васильевича Глинского с товарищи, Герман воевати, и от того времени от попа Селивестра и от Алексея и от вас какова отягчения словесами не пострадах, их же несть подробну изглаголати. Еже какова скорбного ни сотворится нам, то вся сия Герман ради случися[233]». Сторона Сильвестра прибегала даже к самым оскорбительным для Иоанна средствам: все болезни, приключавшиеся Иоанну или комунибудь из его семейства, она выдавала за следствие ослушания боярского совета[234]. Дерзость её дошла до того, что она осмелилась судить царя, как частного человека, в деле Курлятева и Сицкого[235]. Не лучше были и военные подвиги её членов. Хотя, зимой 1557 г.[236], предводительствуя сторожевым полком, Курбский, вместе с другими воеводами, и вторгнулся в Ливонию[237], хотя, благодаря беспечности рыцарей, для которых отнюдь не были тайной приготовления Иоанна к войне, воеводы наши опустошили их владения, нигде не

---

[233] Сказания кн. Курбского, стр. 63 и 64.
[234] Ист. Госуд. Росс., т. IX, пр. 244—252.
[235] Сказания кн. Курбского, стр. 200.
[236] Там же, стр. 191.
[237] Там же, стр. 191.

встретив отпора, хотя они воевали Ливонию целый месяц; наголову разбили рыцарей, сделавших вылазку из Дерпта; не дошли только 50 верст до Риги и 30 до Ревеля и, в конец разорив Ливонию, благополучно возвратились в Ивань-Город[238]; но важного ничего не было сделано. Единственным следствием этого похода была просьба немцев о мире. В ожидании их послов Иоанн приказал до 24 апреля прекратить военные действия[239]. Но немцы нарвские нарушили это перемирие[240]; а потому война возгорелась с новой силой.

Вслед за взятием нашими войсками Нарвы, совершившимся 11 мая[241], явились в Москве послы магистра. Он соглашался заплатить дань; но царь хотел уже совершенного подданства Ливонии[242]. Так как это требование было рыцарями отвергнуто, то война, начавшаяся опять, имела уже совершенно иной характер: в первый раз русские вступили в Ливонию с целью одного опустошения, а теперь с целью завоевания. Но действия воевод не соответствовали ожиданиям. В том же году летом царская рать, под главным начальством князя Петра Ивановича Шуйского, должна была двинуться в Ливонию из Пскова. Передовым полком этой рати должны были командовать Курбский и Даниил Адашев[243]. Курбский, когда получил это назначение, не отправлял никакой должности, жил во Пскове по своей надобности, а не по царскому указу. Вместо того, чтобы, сообразно повелению, выступить в поход как можно скорее, он и сам главнокомандующий тронулись с места только после семи царских указов[244]. Овладев Сыренском, городом, стоявшим при истоке Наровы из Чудского озера[245], воеводы двинулись к Нову-Городку Немецкому и Юрьеву.

---

[238] Карамзин полагает начало Ливонской войны с 22 января 1558 г., а в Разрядах, изданных Новиковым, сказано: «Лета $^{7063}/_{1537}$ послал царь и Великий Князь на Ливонские Немцы Царя Шиг-Алея, да Астраханского Царевича Коибулу Абубекова сына». Древн. Росс. Вивл., т. XIII, стр. 269.

[239] Древн. Росс. Вивлиофика, т. XIII, стр. 270.

[240] Сказания кн. Курбского, стр. 54—55.

[241] Никон. Лет. т. VII, стр. 304.

[242] Там же, т. VII, стр. 306.

[243] Никон. Лет., т. VIII, стр. 308.

[244] Там же, стр. 310.

[245] Древн. Вивлиофика, т. XIII, стр. 272.

Новый-Городок (Нейгауз) был осажден Курбским[246]. Мужественный Укскиль фон Паденорм, комендант этой крепости, защищался упорно. Осада длилась более месяца и была так трудна, что сам Курбский говорит: «Едва возмогохом взяти его (т. е. город), бо зело тверд был[247]». Во время осады Нейгауза магистр Фирстенберг, коммондоры и дерптский епископ, стояли только в 30 верстах от крепости за вязкими болотами; но не подали ни малейшей помощи осажденным. Когда же весть о взятии Нейгауза пришла в их стан, они поспешно обратились в бегство. Курбский преследовал магистра, но не мог настичь его, а епископ был разбит в 30 верстах от Дерпта[248], куда бросился с остатками своего войска. Курбский и другие воеводы осадили Дерпт. Мужественно отстаивали немцы город: «Бишася с нами крепце, — говорит Курбский, — яко же достоит рыцарским мужем[249]». Наконец, беспрестанная стрельба из пушек сокрушила стены крепости и 18 июля она сдалась[250]. Хотя таким образом воеводы действовали медленно, хотя действия их не соответствовали приготовлениям Иоанна, несмотря на то царь наградил их щедро[251].

Между тем, поверив слухам, будто все силы Иоанна устремлены против Ливонии, Девлет-Гирей собрал до 100.000 воинов и двинулся на Россию. Иоанн немедленно отрядил войско на защиту южных пределов. В числе воевод послан был против крымцев и Курбский: он назначен был воеводой в Мценск и получил под свое начальство правое крыло армии[252]. Но и на этот раз крымцы поспешно возвратились назад.

Попытка крымского хана напасть на Россию не произвела никакой перемены в ходе военных действий. По миновании опасности, грозившей с юга, Курбский был послан на прежний театр военных действий. Война ливонская принимала все более и более серьезный характер. Старик Фиретенберг

---

[246] Сказания кн. Курбского стр. 200. Древ. Вивл. Новикова, т. XIII, стр. 272–273.

[247] Сказ. кн. Курбского стр. 39.

[248] Древн. Вивл., т. XIII, стр. 275. Сказ. кн. Курбского, стр. 59.

[249] Сказ. кн. Курбского стр. 59.

[250] Ист. Гос. Росс., т. VIII, стр. 170.

[251] Сказ. кн. Курбского, стр. 60.

[252] Bray: Histoire de la Livonie, t. I, p. 70.

сложил с себя в 1558 году достоинство магистра и юный Готгард Кеттлер был облечен в этот сан. Одаренный замечательным умом, энергическим, твердым характером, новый магистр совершенно изменил положение дел. Явившись на собрании рыцарей, он объявил им, что настало время тяжкими жертвами искупить спасение отечества, пробудил в них воинственный дух, наполнил орденскую казну деньгами, нанял войско в Германии, снискал заступничество императора Фердинанда, склонил королей польского, шведского и датского подать помощь гибнувшей Ливонии. Театр войны расширился: Иоанн должен был теперь бороться с тремя державами да, сверх того, защищать Россию от крымцев, всегда готовых внести огонь и меч в её пределы; силы Иоанна разделились; лучшие воеводы его Курбский, Воротынский и другие были посланы защищать южную границу, угрожаемую крымцами; а в Ливонии дела принимали все более и более неблагоприятный для России оборот. Называя Ливонию сирой вдовицей, беззаконно терзаемой Иоанном[253], сторонники Сильвестра начали явно изменять, явно не радеть о пользах отечества. Так Дмитрий Курлятев и кн. Репнин, отряженные против рыцарей, дозволили 10.000 немцев взять в виду всего русского войска Ринген и истребить тамошний гарнизон. Хотя Курлятев и успел одержать верх над братом магистра, но вслед за тем сам магистр наголову разбил Репнина: Курлятев и Репнин действовали до такой степени неудачно, что немцы могли бы овладеть самым Дерптом, если бы только хотели этого[254]. Не лучше действовал и Алексей Адашев: будучи послан в Ливонию с войском, он провел целое лето в бездействии. Только зимой он выступил, наконец, в поход, который сопровождался гибелью множества людей, побитых литовцами и рыцарями[255]. Далее, в 1560 году воевода Захария Плещеев дважды потерпел поражение от магистра, и в одной из битв потерял более 1200 человек убитыми и взятыми в плен[256]. Вследствие таких неудачи, происходивших от

---

[253] Сказ. кн. Курбского стр. 60, 200.
[254] Рукописные Разряды, л. 286–287.
[255] Сказ. кн. Курбского стр. 200.
[256] Ист. Гос. Росс., т. VIII, пр. 542.

явной небрежности, явного нерадения воевод[257], дух русских войск, по свидетельству самого Курбского, упал до того, что многочисленные полки обращали тыл пред неприятелем, в несколько раз слабейшим[258]. Чтобы поправить дело, Иоанн послал в Ливонию Курбского с Алексеем Адашевым и дал им войско многочисленное[259]. Главное начальство над этим войском было вверено царем Курбскому[260]. Блистательно выказалось при этом случае и доверие царя к Курбскому и высокое мнение его о военных талантах последнего. Послушаем, как рассказывает нам об этом сам Курбский: «Вводе мя царь в ложницу свою и глагола ми словесами, милосердием растворенными и зело любовными, и к тому со обещаньми многими: принужден бых, рече, от оных прибегших воевод моих, або сам итти сопротив лифлянтов, або тебя, любимого моего, послати, да охрабрится паки мое воинство, Богу помогающу ти; сего ради иди и послужи ми верне[261]». Воеводы двинулись сначала к Белому Камню (Вейсенштейну), крепости, находившейся в 18 верстах от Дерпта, взяли крепкий замок Фегсфеер, принадлежавший епископу ревельскому, опустошили богатую Коскильскую область. Поразив потом под самым Вейсенштейном отряд немецкий, узнав от пленников, что магистр и другие орденские военачальники с 9 полками конными и пешими стоят в 18 милях оттуда за вязкими болотами, Курбский в ночь выступил против них и рано утром достиг болот, за которыми скрывалось немецкое войско. Целый день шел по этим болотам отряд Курбского и если бы магистр ударил в это время на русских, то истребил бы их совершенно. Перейдя болота и дав кратковременный роздых своему отряду, Курбский пред закатом солнца двинулся на магистра и в самую полночь ударил на него. Битва длилась полтора часа. Русские имели на своей стороне ту выгоду, что, стоя против неприятельских огней, могли удобнее

---

257 Сказ. кн. Курбского стр. 207.

258 Летописец Нормантского, стр. 133–134 (в Врем. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., т. V).

259 Там же, стр. 134.

260 Сказ. кн. Курбского, стр. 69.

261 Сказ. кн. Курбского, стр. 207.

целить в немцев. Когда же приспело остававшееся назади запасное войско, русские двинулись вперед, сломили неприятеля и гнали его целую милю до реки, где мост подломился под бегущими и довершил их расстройство. На восходе солнца Курбский возвратился к магистрову стану, захватил орденский обоз и со 170 пленников ушел обратно в Дерпт.

После пятидневного роздыха, Курбский двинулся к Феллину, где засел старый магистр Фирстенберг. Скрыв в засаде все войско, Курбский отрядил к стенам крепости несколько сотен татарской конницы, чтобы выманить магистра с гарнизоном на открытое поле. Действительно магистр дался в обман, вышел из города со всем войском, попал в засаду и обязан своим спасением только быстроте своего коня. Пробыв в поле 7 или 8 месяцев, Курбский с торжеством и добычей возвратился в Дерпт[262].

Но, как и должно было ожидать, царь не был доволен подобными действиями. Летом того же 1559 г. он послал в Ливонию новых воевод и с ними новое войско из 40.000 человек. Целью похода был Феллин[263]. В этом походе участвовал и Курбский: он был воеводой передового полка[264]. Осада Феллина длилась три недели, и все действия воевод ограничивались стрельбой по городу из больших орудий[265]. Курбский с отрядом своим был послан под Кесь[266], и получил приказание опустошить окрестности Риги. Он выдержал две битвы: поразил немцев под Кольмаром, разбил под Кесью Полубенского, отряженного против русских гетманом Иеронимом Хоткевичем и, опустошив рижские окрестности, возвратился в стан под Феллин[267]. Вскоре после того сдался и Феллин: удачным выстрелом русские успели произвести пожар в городе и гарнизон сдался на капитуляцию, выговорив себе свободное отступление[268]. Это было в 1560 году[269].

---

[262] Рукописи. Разряды, л. 310.
[263] Сказ. кн. Курбского, стр. 69–70.
[264] Там же, стр. 70–71.
[265] Там же, стр. 72.
[266] Древн. Вивлиоф., т. XIII, стр. 310.
[267] Сказ. кн. Курбского, стр. 76.
[268] Древн. Вивлиоф., т. XIII, стр. 316.
[269] Полн. Собр. Русск. Лет. т. III, Псковская 1-я лет., стр. 312.

После таких ударов Меченосцы потеряли всякую надежду сохранить свою самобытность: несчастная осада Лаиса и роковая битва при Эрмисе, 2 августа 1560 года, совершенно сокрушили силы ордена. Опустошенная неприятелем, покрытая пеплом и кровию, изнемогшая от тяжких усилий в неровной борьбе с могучим противником Левония предпочла покориться другим державам, а не иноверной, ненавистной России. 28 ноября 1561 года, магистр Кеттлер признал польского короля Сигизмунда Августа государем Ливонии, выговорив себе Курляндию и Семигалию в качестве наследственного герцогства. Другие государи спешили также поживиться на счет слабого ордена. Король датский Фридрих купил для брата своего Магнуса епископство эзельское; а король шведский Эрик XIV убедил эстонцев признать себя подданными Швеции. Таким образом, владения ордена распались на несколько частей: Швеция взяла Гаррию, Ревель и половину Вирландии; Магнус овладел Эзелем, Готгард Кеттлер Курляндией и Семигалией, а остальные части были заняты нашими войсками; следовательно, чтобы приобрести себе всю Ливонию, Россия должна была теперь вести войну с тремя державами. Не устрашился Иоанн числа своих врагов и, верный задушевной своей мысли приблизить Россию к Балтийскому морю, смело и отважно шел навстречу им: у него было войско опытное, были полководцы искусные и, по всем расчетам, успех долженствовал увенчать его усилия.

Давно уже Польша неприязненно смотрела на успехи нашего оружия в Ливонии, давно она объявила уже войну России, но решительно стала действовать только с 1561 года, когда овладела частью орденских земель. Должно сознаться, однако ж, что сначала и Россия, и Польша действовала слабо: военные действия состояли только в обоюдном опустошении областей. Так в 1562 году, находясь с войском в Великих Луках для защиты западной границы России[270], Курбский ворвался в Литву и выжег посад Витебска; это было в июне[271], а в августе литовцы подступали к Невлю, но не могли взять его и, разграбив волости, удалились. Курбский пошел против них, но важных послед-

---

[270] Сказ. кн. Курбского, стр. 76–77.
[271] Histoire de la Livonie, t. I, p. 70.

ствий этот поход не имел: Курбский только добыл у литовцев языка[272]. Наконец, в 1563 году Иоанн вздумал нанести Литве решительный удар и сам повел войско к Полоцку, считавшемуся главным оплотом Литвы с востока. Сторожевой полк рати был под начальством Курбского[273]. Генваря 31 город был осажден, 7 февраля взяты внешние укрепления, а 15 и самый город. По завоевании Полоцка Иоанн назначил Курбского первым воеводой в Юрьев или Дерпт[274]. Это был новый знак доверия царя к Курбскому, потому что Юрьев был чрезвычайно важен для России; но доверенность царя не оправдалась.

Крепчала брань на полях Ливонии, крепчала и борьба Иоанна со стороной Сильвестра. 1560 год был роковым годом для неё. Видя, что охлаждение его к Сильвестру нисколько не исправило этого последнего, зная, что Сильвестр попрежнему продолжает злословить его[275], видя, что сторона Сильвестра, преследуя свою задушевную мысль: «Царь должен быть только главой и любить мудрых советников своих, яко свои уды, ничего не предпринимать без глубочайшего и многого совета», готова этой мысли пожертвовать интересами и благом России, Иоанн, «сыскав измены собаки Алексея со всеми его советники[276]», положил в 1560 году конец влиянию Сильвестра и Адашева. Милостиво поступил Иоанн с крамольниками: Алексей Адашев послан был воеводой в Ливонию[277], а Сильвестр, видя, что сторона его лишилась уже своего значения, потеряла доверенность Иоанна, оставил двор и удалился в один пустынный монастырь, лежавший во 100 милях от Москвы[278]. Сильвестру, а равно и сыну его было оставлено все их имущество: Иоанн желал судиться с Сильвестром не земным судом, но «пред агнцем Божиим[279]». Ни один

---

[272] Счетное местническое дело княгини Ульяны Троекуровой с Екатериной Кутурлиной в Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., т. IV. Смесь, стр. 15. Древн. Вивлиоф., т. XIII, стр. 325.

[273] Полн. Собр. Русск. Лет., т. III, 1-я Псковск. Лет., стр. 314.

[274] Древн. Рос. Вивл., т. XIII, стр. 330.

[275] Там же, стр. 336.

[276] Там же, т. XIII, стр. 336.

[277] Сказ. кн. Курбского, стр. 192.

[278] Там же, стр. 192.

[279] Ист. Гос. Рос., т. IX, пр. 8.

из сторонников Сильвестра и Адашева не был предан казни; Иоанн хотел усовестить крамольников милосердием. Все меры его ограничились только тем, что он взял с подданных клятву не принадлежать к стороне Сильвестра и Адашева, не стараться о возвращении её представителям прежней силы, прежнего значения в государстве[280]. Но крамола не умерла с падением главных крамольников. В письме своем к Курбскому Иоанн говорит, что, несмотря на присягу, сторонники павшей партии, все-таки старались возвратить прежнее значение своим предводителям. «От нарицаемых тобой мучеников, — пишет он Курбскому, — и от согласных им наша заповедь ни во что ж положиша и крестное целование преступивше, нетокмо отсташа от тех изменников, но и большими начаша им помогати и всячески промышлять, дабы их на первый чин возвратити и на нас лютейшее составити умышление[281]». Нет ничего естественнее несправедливее этих слов Грозного: ни одного примера не найдем мы, чтобы партия когда-нибудь падала без сопротивления, чтобы с падением её прекратилось и её бытие; она живет и действует до тех пор, пока возможно ее существование; она продолжает борьбу с противной партией до тех пор, пока в этой борьбе не истощит своих сил. Следовательно, нисколько не погрешим мы против истины, если заключим, что с удалением стороны Сильвестра с политического поприща, силы её нисколько не ослабели. Да, и можно ли предположить, чтобы эта сторона, считавшая в рядах своих столько замечательных талантов, без боя, без сопротивления до последней капли крови *поступилась* Иоанну теми выгодами, которые отчасти уже успела, отчасти имела в виду приобрести; пример Курбского, пример многих других доказывает совершенно противное. Мы видим, что Иоанн боролся с этой партией до последних дней своих, она не примирилась с ним и на закате его бурной жизни, она беспрестанно строила против него ковы, она довела его до такого отчаяния, что он не шутя думал искать спасенья в чуждой земле[282], что он не надеялся даже на возмож-

---

[280] Сказ. кн. Курбского, стр. 82.
[281] Там же, стр. 192.
[282] Там же, стр. 192.

ность вступления своих сыновей на престол[283]. Но для блага России провидение спасло своего помазанника: могучего, сильной рукой потряс он сословие боярское; но борьба не прекратилась. Она длилась и после его смерти. На короткое время бояре успели даже взять перевес и Василий Шуйский, представитель аристократии, вступили на престол; но другие аристократы, завидуя Шуйскому, приготовили ему гибель. По падении Шуйского аристократия достигла высшей степени значения: в смутное время, в период междуцарствия, её представители успели захватить в свои руки верховную власть — это *семибоярщина.* Но идея государства, по-видимому, заглушенная, уничтоженная, восторжествовала и благословенный дом Романовых довершил её развитие. Мы сочли нужным высказать все это для доказательства своего убеждения, что поборница старины, сторона Сильвестра и Адашева хлопотала о восстановлении своего прежнего значения. Главное дело заключается здесь не в личности Сильвестра или Адашева, но в той идее, которую они олицетворяли и доколе жила эта идея, до тех пор и они должны были находить себе защитников; а жила эта идея и по смерти Иоанна Грозного.

Само собой понятно, что Сильвестр и Адашев не только не остались невнимательными, к этому старанию своих защитников; но и, вероятно, убеждали их действовать решительнее. Наконец Иоанн прибегнул к более действительным мерам; но и в этом случае вполне выказался его истинно царский характер. Он не осудил сам Сильвестра и Адашева, он созвал для суда над ними собор из знатнейших светских и духовных особ и, предложив на их рассмотрение преступления обвиняемых, требовал суда строгого и беспристрастного. Один только голос раздался на соборе в защиту обвиняемых — то был голос митрополита, требовавшего, чтобы виновные были призваны на собор для оправдания. Заступничество митрополита объясняется тем, что он сам принадлежал к стороне Сильвестра. Но требование митрополита было отвергнуто: все собрание осудило Сильвестра и Адашева, как преступников. Сильвестр сослан был в заточение в Соловецкий монастырь, Алексей Адашев остался

---

[283] Сказ. кн. Курбского, стр. 192.

воеводой в Феллине[284]; когда же, вместо того, чтобы, видя милость Иоаннову, усовеститься, смириться, Адашев начал опять интриговать[285]; то Иоанн приказал отвезти его в Дерпт и держать там под стражей[286]. Чрез два месяца после этого Адашева не стало: он умер от горячки[287]. Так пали Сильвестр и Алексей Адашев!

Само собой понятно, что падение Сильвестра и Адашева неприятно подействовало на Курбского, связанного с ними и единством интересов и узами тесной дружбы; само собой, понятно, что он не одобрял этой решительной меры Иоанна[288], и не мог не желать, чтобы друзья его возвратили свое прежнее значение. Но все было тщетно, все усилия поддержать старое бесплодно: раздраженный крамолами, потерявший всякое терпение, Иоанн прибег наконец к казням, думая страхом смерти смирить непокорных. Ср своей стороны партия Сильвестра, раздраженная потерей своего влияния, гибелью своих представителей, озлобленная мгновенным уничтожением своих долголетних усилий, начала против царя «больше стояти и изменяти», а царь с своей стороны «начал жесточайше против нее стояти[289]». Таким образом, борьба старины с новыми началами ожесточалась все более и более. Так до сих пор мы видели в Курбском только нерадивого иногда исполнителя царских приказаний, теперь видим уже в нем изменника. Одна только любовь к отечеству могла примирить его с идеями Иоанна; но, проникнувшись с самых ранних лет своей жизни ненавистью к Москве, Курбский не был проникнут любовью к отечеству. Отец не мог внушить ему этого святого чувства, потому что сам, по всей вероятности, не имел его. Чувство любви к отечеству требует самоотвержения, пожертвования общей пользе личными интересами; следовательно, подчинения частных желаний общему благу. Но какого же самоотвержения мы будем искать у боярина, который при малейшем нарушении своих, не говорим

---

[284] Он думал бежать в Англию и вел об этом переговоры с Елисаветой.

[285] Эта опасения высказывает Иоанн в своем духовном завещании.

[286] Сказ. кн. Курбского, стр. 78—81.

[287] Там же, стр. 81.

[288] Там же, стр. 82.

[289] Там же, стр. 82.

уже прав, но и мелочных выгод, отказывался служить отечеству[290]? Следовательно, преобладающим чувством большей части бояр времен Иоанна Грозного был эгоизм, а при господстве этого чувства они не могли хлопотать ни о каких других интересах, кроме собственных, личных. Нет нужды приводить доказательства в подтверждение сказанного нами: их слишком много. Общая язва того времени коснулась и Курбского. Правда, в своих сочинениях он высказывает часто скорбь о покинутом отечестве, называет его землею Божией, оплакивает свое изгнание из него[291]; но слова его не оправдываются действиями, из которых видно, что отечество было для него там, где выгодно. Такие безотрадные явления в жизни гражданских обществ, такая настроенность исторических деятелей могут существовать только тогда, когда в жизни народа совершаются какие-нибудь важные перевороты. Эти времена перехода общества от одного состояния к другому самые мрачные, самые тяжкие в жизни народов, и не будь идеи, одушевляющей деятелей этих времен, они были бы самыми безотрадными страницами истории. Обыкновенно в эти времена пред глазами историка развертывается страшная картина измен и гонений; но в них есть та утешительная сторона, что из борьбы рождается новый, лучший порядок вещей. При таком состоянии переходных времен истории, при том ожесточении, с каким борются между собой защитники старого и нового, естественно не всегда действует в них высокая справедливость: цель как тех, так и других, во чтобы то ни стало остаться победителями, удержать за собой поле битвы. Надобно принять в соображение и нравы тогдашнего времени. Читайте сочинения русских и иностранных писателей Иоаннова и вскоре за ним последовавшего времени, и вы увидите, в каком жалком состоянии была тогда народная нравственность. Вот как описывает нравственность русских немец Матвей Шаум, служивший около 1613 года в шведском войске: «Правда, — говорит он, — что мы сами недостойные грешники, по пословице concutimur in nostris vitiis, не видим собственных пороков; но русские всех на свете грешнее по

---

290 Сказ. кн. Курбского, стр. 78–90.

291 Там же, стр. 225.

причине своего закоренелого суеверия, несмотря на то, что они только себя называют святым народом, а всех прочих скверными басурманами. Ибо хотя они заняли у греков истины христианской веры, но под видом и под именем христиан остаются прямыми варварскими язычниками. Сверх того, они погрязли в содомском грехе, и никак не могут быть вразумлены, сколь велик сей грех в Св. Писании, а потому и не наказывают, как должно, за оный. Некоторые оскверняют себя кровосмешением. И сие не есть уже случайность, но сделалось обыкновением, басней за столом, препровождением времени и достославным рыцарством. Я не говорю уже об их обжорстве и пьянстве, о вероломстве, злоковарстве, клятвопреступничестве, воровстве, обманах в покупке и продаже, измене, плотоугодии между ближайшими друзьями. Да и как не быть у них таковым грехам обыкновенными, когда они не знают слова Божия и не слушают проповеди... Да и «Отче наш» они прочитать не умеют, не говорю уже о других заповедях или о других частях св. катехизиса[292]». Конечно, это изображение неудовлетворительного состояния нравственности русского общества относится к позднейшему времени смут; конечно, многое в этом свидетельстве уже слишком преувеличено, по обыкновенному расположению большей части иностранцев выставлять в русском народе одну только дурную сторону. Если даже допустим мы действительное существование на Руси таких пороков, какие исчисляет Шаум, то и тогда Русские не будут еще грешнее других. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать изображение состояния Германии после тридцатилетней войны, и мы увидим, что в пороках перевес будет на стороне благочестивых немцев[293]. Должно, впрочем, сознаться, что свидетельство Шаума «главных чертах подтверждается Стоглавом[294], посланием Макария митрополита к свияжскому войску[295] и, наконец, посланиями Иоанна к разным монастырям[296]; хотя, руководясь

---

[292] Это видно из местнических счетов.

[293] Сказ. кн. Курбского, стр. 152.

[294] Tragoedia Demetrio Moscovitica стр. 3; в иностранных сочинениях и актах, относящихся к России, собр. Оболенским, тетрадь 1.

[295] Особенно гибельно подействовала тридцатилетняя война на религиозные убеждения.

[296] См. вопросы Иоанна собору.

этими документами, нельзя приписать русскому народу и третьей части тех преступлений, которыми награждает его Шаум. Безнравственность тогдашнего общества открывается в том, что в борьбе с царем бояре не пренебрегали никакими средствами; безнравственность тогдашнего общества скорее заключается в бесчувственном эгоизме и, вследствие этого, в нерадении о благе общественном. При таком положении дел измена Курбского была делом обыкновенным. Рассмотрим теперь обстоятельства этой измены.

Деятельность Курбского в России заключилась 1563 годом. Осенью этого года он сразился с литовцами под Иевлем и был разбит. Упрекая Курбского в этой неудаче, Иоанн пишет: «То ли ваша бранная храбрость, иже под градом Невлем пятью на десять тысящ четыре тысящи не могосте побити и не токмо уже победисте, но и сами от них, инчтоже успевше, едва возвратистеся[297].» Рассказ польского историка Мартина Бельского подтверждает слова Иоанна. У Бельского читаем[298]: «В 1563 году (осенью) на сейме варшавском получено радостное известие из Литвы о поражении нашими 40.000 россиян под московским замком Невлем. Коронный гетман Флориан Зебржидовский, сам будучи болен, отрядил из Озерищ Черского каштеляна, Станислава Лёсневельского с 1500 польских воинов и 10-ю полевыми орудиями к Невлю, близ коего расположилось 400.000-е войско неприятелей. Лёсневельский, узнав достоверно о силе их, приказал ночью развести во многих местах огни, чтобы отряд его казался многочисленнее и стал на весьма выгодном месте, имея с двух сторон воду. Рано утром устроил он свое войско, расставил орудия в скрытых местах и ждал нападения. Вскоре показались москали: их так было много, что наши не могли окинуть их взором. Русские же, видя горсть поляков, дивились их смелости, и московский гетман, князь Курбский, говорил, что одними нагайками загонит их в Москву. Наконец, сразились. Битва продолжалась с утра до вечера. Сначала москали, имея превосходные силы, одолевали, но наши устояли на поле битвы и перебили их весьма много:

[297] Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс., г. III, № 9.

[298] Например, в Троицкий Сергиев монастырь.

пало по крайней мере семь или восемь тысяч, кроме утонувших и побитых во время преследования. Наш урон был незначителен... Так Господь Бог даровал нам вовсе неожиданную победу к удивлению москалей. Товарищ Курбского, приписывая ему всю неудачу, упрекал его в проигранной битве. Он же, указав на наше войско, отвечал на упреки: «Они еще здесь. Попробуй, не удастся ли тебе лучше, чем мне. Я же не хочу измерять сил своих вторично, потому что знаю поляков». Крупский был ранен и, опасаясь, что товарищ обвинит его пред великим князем, бежал к нам: король дал ему поместье Ковель и др. В гербе его был лев». В этом рассказе Мартина Бельского, неверном в своих подробностях, отзывающемся самохвальством, несомненно, по нашему мнению, только то, что Курбский, предводительствуя превосходными силами, был разбит под Невлем поляками и бежал в Польшу.

Мы смотрим на бегство Курбского из России как на измену. Да мы и не можем смотреть иначе. Так же смотрит на это событие и Грозный. «Собацким изменным обычаем, — пишет он Курбскому, — преступил крестное целование и ко врагам христианства соединился еси[299]». Но Курбский считает эти слова Иоанна клеветой: «А еже пишеши, — говорит он в письме своем к царю, — аки бы тобе не покорился и землей твоей хотел владети, изменником и изгнанцем нарицающе мене: сие отвещание оставляю явственного ради от тебе навету или потвару. Бог есть свидетель на мою душу, иже не чую ся винна пред тобой ни в чесом же[300]». Итак, мы видим, что Курбский не хочет признать своего бегства из России изменой и название измены, данное этому поступку Грозным, считает клеветой; а Грозный не хочет смотреть на бегство Курбского иначе, как на измену. Рассмотрим теперь: каким образом мог родиться у них совершенно противоположный взгляд на один и тот же факт?

В древней Руси боярин пользовался одним важным правом — в случае неудовольствия на своего князя переходить на службу к другому князю. Так поступил, например, при Калите московский боярин Иакинф. Оскорбленный предпочте-

---

[299] Сказ. кн. Курбского, стр. 214.
[300] Там же, предисловие, стр. XV–XVI.

нием, оказанным Калитой вновь прибывшему в Москву киевскому боярину Родиону Несторовичу, он перешел на службу к тверскому князю[301]. Переходили бояре на службу другого князя и тогда, когда в этом переходе видели свои выгоды. Так со времени усиления Москвы тверские бояре, оставляя тверскую службу, переходили на службу московскую, потому что последняя представлялась им выгоднее первой[302]. Это право бояр переходить со службы одного князя на службу другого называлось *отъездом.* Отъезд не считался изменой, но был законным правом боярина, как человека свободного[303] и, в своих договорных грамотах, князья обязывались не держать *нелюбьи* на отъезжиков. Так в договорной грамоте великого князя Симеона Ивановича с братьями, писанной в 1341 г., читаем: «А боярам и слугам вольным воля; кто поедет от нас к тобе великому князю, или от тобе к нам, нелюбья не держати[304].» В договорной грамоте князя Дмитрия Иоанновича Донского с двоюродным братом его, князем Владимиром Андреевичем, относящейся к 1362 году, говорится: «А бояром и слугам вольным воля. А хто будет бояр и слуг к тобе, брату моему молодшему, от мене отъехал до сего докончанья, или по сем до кончаньи к тобе приедет, на тых ми нелюбья не держати; такожде и от тебе брата моего молодшего ко мне бояр и слуг хто приехал, нелюбья не держати[305]». Мало этого: князья обязывались наблюдать неприкосновенность находившихся в их уделах отчин этих отъезжиков. Тот же Димитрий Донской так договаривается, в 1368 г., с князем Михаилом Александровичем: «А кто бояр и слуг отъехал от нас к тобе, или от тобе к нам, а села их в нашей отчине, великом княженьи, или в твоей отчине в Твери, в ты села нам и тобе не вступатися[306]». Это последнее обстоятельство было чрезвычайно невыгодно для князей: бояре, отъехавшие от князя (а отъезд всегда предполагает взаимное неудовольствие), могли из своих отчинных людей составлять враждебную для

---

[301] Сказ. кн. Курбского, стр. 161.
[302] Там же, стр. 235.
[303] Ист. Гос. Росс., т. IV, стр. 142 и 149.
[304] Там же, т. VI, пр. 285.
[305] Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, № 23.
[306] Там же.

князя силу в его собственном уделе и, в случае военных действий, ставить его в затруднительное положение. Вред, проистекавший из отъезда, князья старались уменьшить тем, что в договорных грамотах постановляли, чтобы боярин, не несший на себе службы какого-нибудь князя, например, московского, не приобретал без его позволения отчин в его уделе. Вследствие этого постановления московским боярам запрещалось приобретать отчины в тверском княжестве, а тверским в московском. С усилением Москвы, государи её начали стремиться к уничтожению права отъезда, и это стремление выразилось в отнятии отчин у отъезжиков[307]. Да, со времени усиления Москвы, право отъезда должно было и само собой уничтожиться, потому что боярам некуда было отъезжать. Сильнейшими после Москвы были Рязань, Тверь и Новгород; но рядом договорных грамот они обязывались держать имя великого князя *честно и грозно,* признавать его старейшим; следовательно, сознавали невозможность борьбы с ним. Куда же было отъезжать боярам? К тверскому князю? Но тверской князь не мог бороться с Москвой, а потому и не решался принимать к себе московских отъезжников, опасаясь раздражить тем московского князя, с которым желал быть в мире. Равным образом и князь рязанский не мог решиться на борьбу с Москвой, ясно доказавшей ему превосходство своих сил[308]. При Василии Темном мы встречаем еще примеры отъезда. Так боярин Василий Дмитриевич отъехал к Юрию, дяде Тёмного. Со вступлением на престол Иоанна III, когда Россия объединилась, составила одно целое; когда Новгород, постоянное прибежище врагов Москвы[309], сделался областью московского государства; когда тверское княжество потеряло свою самобытность, когда остальные части России: Псков, Рязань и Северское княжество сохраняли только тень самостоятельности, завися во всем от воли великого князя московского, — право отъезда должно было сильно стесниться. Вследствие рождающейся идеи государства отъезд в орду и Литву стал считаться изменой; следователь-

[307] Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, № 27.
[308] Там же, № 28.
[309] Там же, № 31.

но, уже преступлением, а не законным правом. Бояр, отъезжавших в орду и Литву, обыкновенно ловили на дороге и предавали казни. Часто наказывали даже за одно намерение изменить России. В одной летописи, под 7001 годом, рассказывается следующее происшествие; «да и на Бельского Лукомский сказал, што он хотел бежать в Литву и за то пойман (Бельский) и послан в Галич в заточенье[310]». По духовной грамоте Иоанна III, писанной до 1504 году, бояре, оставлявшие службу великокняжескую, лишались уже своих отчинных владений: «А бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и куплями не отъехать от моего сына Василья; а кто отъедет и земли их моему сыну[311]». Клятвенными записями Иоанн III обязывал бояр своих не отъезжать из московского государства и требовал, чтобы другие бояре поручались в верном исполнении этих записей. До нас дошла клятвенная запись князя Даниила Холмского, в которой он обязывается служить великому князю верно и не отъезжать никуда[312]. Дошла до нас и поручная запись Воронцова по Данииле Холмском; поручитель обязывается, в случае бегства Холмского, внести 250 руб. в великокняжескую казну, тогда как села и вообще все имущество Холмского поступало в таком случае в казну[313]. Василий III еще более настаивал на уничтожение вредного права отъезда, и от его времени дошли до нас 10 таких же записей, в которых бояре клялись не отъезжать ни к кому от московского государя[314], без ведома его не сноситься ни с Литвой, ни с ордой, и представлять все, получаемые оттуда, письма на его рассмотрение[315], предоставляли ему полную волю казнить как самих их, так и детей их в случае отъезда или другой какой-нибудь вины[316]. Итак, мы видим, что, по мере перехода Москвы из княжества удельного в государство, право отъезда было все более и более стесняемо и признавалось уже не за право, а за преступление, заслуживающее

---

[310] Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, №№ 49 и 52.
[311] Во время борьбы Димитрия Донского с Олегом Рязанским.
[312] Так Шуйские служили Новгороду до самого его падения.
[313] Летописец Норманского, стр. 7.
[314] Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, № 144.
[315] Там же, № 103.
[316] Там же, № 104.

смертной казни, Иоанн IV Грозный, в течение всей своей жизни, неуклонно преследовавший идею государства, стремившийся к уничтожению всех прав боярских, несогласных с ней, противодействовавших её развитию, не мог оставить неприкосновенным и права отъезда боярского, как нисколько несообразного с идеей государства, где воля каждой, индивидуальной, личности, должна подчиняться общей воле, должна согласоваться с её требованиями; где частное лице свои интересы должно приносить в жертву интересам общественным; где следовательно всякое отступление от этого правила есть своеволие, отрицание закона; следовательно преступление. На основании таких понятий Иоанн IV уничтожает всякое покушение к отъездам из России и установляет строгий надзор по границам. При малейшем подозрении отъезда с подозреваемого бралась клятвенная запись, в которой он обязывался не оставлять государства, ближние и родственники его обязывались за него поруками со взносом огромных денежных сумм: 10, 20 или более тысяч рублей[317]. Всех этих записей дошло до нас 23! Несмотря, однако ж, на такую строгость, попытки к отъездам были. Так, в 1553 году, князь Семен Ростовский вздумал бежать в Литву. Самая многочисленность клятвенных записей показывает, что право отъезда боролось еще с возникающего идеей государства, и боролось очень сильно, — явление очень естественное. С одной стороны, боярам не хотелось отказаться от этого важного права, потому что оно обеспечивало их независимость от князя, давая им законное право оставлять его при первом покушении его на какое-нибудь из их преимуществ, а с другой стороны для совершенного уничтожения этого права Россия еще не созрела. Идея государства в полном и сознательном виде начала развиваться при Иоанне IV, и много еще времени нужно было пережить народу, чтобы проникнуться этой идеей, сознать ее, а вместе понять и те требования, какие налагала она на каждого члена общества. Итак, как никакая новая идея не прививается к обществу без борьбы, то и государственная идея должна была вступить в борьбу с идеей, господствовавшей до этого времени на Руси, идеей ей совер-

[317] Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, № 146.

шенно противоположной — именно с идеей родового быта. Право отъезда, как порождение этого быта, должно было вступить в спор со старанием государя уничтожить его, старанием, порожденным ясным сознанием идеи государства. Доказательством существования этой борьбы служат упомянутые нами клятвенные записи, многочисленные отъезды боярские в Иоанново время. Итак, право отъезда нашло себе защитников, в числе которых был и Курбский. В ответе своем на второе послание Иоанна он пишет: «Затворил еси царство Русское, сиречь свободное естество человеческое, яко во адове твердыне; и кто бы из земли твоей поехал, по пророку, до чужих земель, яко Иисус Сирахов глаголет: ты называешь того изменником; а если изымают на пределе, и ты казнишь различными смертьми[318]». Таким образом, мы видим, что Курбский восстаёт против Иоанна за уничтожение права отъезда, полагая, что каждый боярин, как свободный человек, имеет полное право отъезжать в другие земли, если сочтет нужным, и что, следовательно, в этом отъезде нет никакого преступления; таким образом, мы опять видим, что Курбский вовсе не понимал или не хотел помять переворота, совершавшегося в его время на Руси, видим, что московское государство в его глазах было тоже удельное княжество, и вследствие таких-то превратных понятий он не считает изменой бегства своего из России. «А еже пишеши, — говорит он Иоанну, — аки бы тобе не покорился, изменником и изгнанцем нарицающе меня, сие отвещание оставляю, явственного ради от тебе навету или потвару[319]». Но Иоанн имел полное право называть Курбского изменником: еще до него право отъезда было стеснено, и отъезд в чужие края был признан как государями московскими, так и самими боярами, за измену: бояре соглашались подвергать себя наказанию за попытку к отъезду[320]; следовательно, они считали отъезд уже не законным правом, а преступлением. Таким образом, запрещение отъезда сделалось непременным государственным законом, следовательно, Курбский, как нарушитель закона,

---

[318] Собр. Госуд. Грам. и Дог., № 162.
[319] Там же, № 162.
[320] Там же, №№ 179 и 181.

сделался преступником. Наконец, называя Курбского изменником, Иоанн был справедлив и потому, что при государственной идее, которую неуклонно преследовал во всю жизнь свою, он и не мог смотреть на отъезд иначе, как на измену. Лице государя при этой идее не отделялось от государства, и если бояре признавали прежде отъезжика изменником князя[321], то теперь, при нераздельности интересов государя и государства, измена первому была вместе изменой и последнему.

Теперь остается решить вопрос, что побудило Курбского изменить Иоанну и России. По свидетельству польского историка Мартина Бельского и одной рукописи, хранящейся в московском архиве, страх смерти заставил Курбского бежать из России. Рассказ Бельского приведен уже нами в своем месте. В упомянутой же рукописи читаем следующее: «В то же лето (1563) в граде Юрьеве ливонском быша воеводы князь Андрей Михайлович Курбский, да зять его князь Михайло Фёдорович Прозоровский. Князь же Андрей, уведав на себя царский гнев и недождався присылки по себя, убояся ярости царевы. Помянув же прежние свои службы и ожесточися: рече же супружнице своей сице: Чесо ты, жено, хощеши: пред собою ли мертвым мя видети, или за очи жива мя слышати! Она же к нему рече, яко неточно тя мертва хошу видети, но ниже слышати о смерти твоей, господина моего, желаю! Князь же Андрей прослезився и целова ю и сына своего девятолетна суща, и прощение сотворив с ними и чрез стену града Юрьева прелезе, ключи же врат градных поверзе в кладезь; некто же верный раб его, именем Васька, пореклому Шибанов, приготовя князю своему кони оседланы вне града, и на них седоша, и к литовскому рубежу отъехаша, и в Литву приидоша[322]». В своем письме к Иоанну Курбский говорит: «Коего зла и гонения от тебя не претерпех, и коих бед и напастей на мя не подвигл еси! А приключившимися различные беды поряду, за множеством их не могу ныне изрещи: понеже горестию еще души моея объят бых и от земли Божия туне отогнан бых, аки тобою понужден. Не испросих умиленными глаголы, не умолих тя многослезным рыданием, и воздал еси

---

[321] Сказ. кн. Курбского, стр. 235.
[322] Там же.

мне злыя за благия, и за возлюбление мое непримирительную ненависть[323]». На основании этих свидетельств и составилось мнение, что Курбский бежал из России, страшась смерти.

Но такое мнение не совсем основательно. Приведённые нами сейчас слова Курбского, вероятные с первого взгляда, делаются, при внимательном рассмотрении, сомнительными до того, что мы можем признать их клеветой. Во-первых, никакого зла и гонения Курбский не терпел от Иоанна. Напротив, описывая жизнь его в России, мы видели, что Иоанн постоянно возвышал его, давал ему самые лестные награды, следовательно, был расположен к нему, а не гнал его. Да и сам Курбский называет себя любимцем Иоанна[324]. Во-вторых, Иоанн всегда имел доброе мнение о Курбском. Это видно из того, что царь давал ему часто важные поручения. Так, видя неудачные действия воевод наших в Ливонии и упадок, вследствие этого, мужества в войске, Иоанн посылает туда Курбского, «да охрабрится паки русское воинство[325]». Курбский не оправдал доверенности царя, действовал медленно, выступал в походы в такое время года, которое вовсе не было удобно для военных действий, и, само собой разумеется, подобные походы сопровождались бесполезной гибелью войска. Конечно, такой образ действий не мог прийтись Иоанну по сердцу, и он, вероятно, не раз горячо отзывался о Курбском[326]. Но мы не видим все-таки, чтобы Курбский подвергался царской опале: он по-прежнему оставался воеводой и думным советником. По собственному своему сознанию, Грозный до последней минуты был расположен к Курбскому. «Аще бы не было на тебе, — пишет он Курбскому, — нашего милосердия, не бы возможно было тебе угоизнути к нашему недругу, аще бы наше к тебе гонение было, яко по твоему злобесному разуму писал еси[327]». Между тем, причин к этому гонению было очень много. Так, говоря о действиях воевод Сильвестровой стороны во время войны ливонской, Иоанн

---

[323] С. Г. Г. и Д., т. I, № 162.

[324] Ист. Гос. Рос., т. IV, пр. 324.

[325] Сказ. кн. Курбского, стр. 372.

[326] Там же, стр. 152–153.

[327] Там же, стр. 70.

пишет Курбскому: «А за такие ваши послуги, еже выше рехом, достойны есте были многих опал и казней, но мы еще с малостию опалу свою к вам чинили; аще бы по твоему достоинству и ты б к недругу нашему не уехал, и в таком деле, в коем бы нашем граде избыл еси, утекания тебе сотворити было невозможно. Коли бы мы в том тебе не верили, и мы бы тебя в ту вотчину свою не посылали[328]». Нельзя не согласиться, что Иоанн вполне логически опровергает упрек Курбского. В самом деле, мог ли бы Курбский бежать из России, если бы Иоанн действительно хотел казнить его? Неужели, в случае гнева своего на Курбского, Иоанн не мог бы поступить с ним так же, как поступил с Сильвестром и Адашевым? Потеряв доверие к Адашеву, Иоанн лишил его должности коменданта Феллинского, а приказал держать под стражей в Юрьеве, назначив Курбского наместником последнего города[329]. Не ясно ли видны из этого и доверенность Иоанна Курбскому и его доброе мнение о нем? Итак, сообразив все сказанное нами, мы должны заключить, что не гонение, не страх смерти заставили Курбского бежать из России, а что-нибудь другое.

В письмах царя к Курбскому мы находим следующее объяснение этого бегства: «Ты же, — пишет царь, — тела ради душу погубил еси, и славы ради мимо текущие нелепотную славу приобрел еси[330]». Или: «Ради привременные славы и сребролюбия, и сладости мира сего, все свое благочестие душевное с христианской верой и законом попрал еси[331]». Наконец: «Како же убо и ты не со Иудою-предателем равно причтеся. Якоже бо он на общего Владыку всех, богатства ради возбесился и на убиение предаст: тако же убо и ты с нами пребывая, и хлеб наш ядяше, и нам служити соглашаше, на нас злая в сердце собирание[332]». Из слов Грозного видно, что Курбский изменил России из корыстных расчётов. Нетрудно доказать истину этих слов: они оправдались с изданием в свет археографическою комиссией актов: «Жизнь князя

---

[328] Сказ. кн. Курбского, стр. 70.
[329] Там же, стр. 193, 161.
[330] Там же, стр. 201.
[331] Там же, стр. 207.
[332] Там же, стр. 82.

Курбского в Литве и на Волыни». Начав борьбу с могущественным Иоанном, Польша, как и всегда, была слаба, потому что не имела ни твердой монархической власти, ни прочного внутреннего устройства. Следовательно, нисколько не удивительно, что тогдашний король польский и великий князь литовский, Сигизмунд Август прибегнул к коварству и интригам, обыкновенному орудию слабого против сильного. Он вступил в сношения с московскими боярами, известными и знатностью своего родами ратными и административными способностями и, поставляя им на вид жестокость Иоанна, убеждал их оставить Россию, где нечего было ждать им, кроме казни, кроме самой черной неблагодарности от свирепого царя. В награду за измену Сигизмунд обещал им богатые земли в Литве, равенство в правах с папами литовскими, обещал богатство, честь и славу. Так он склонял к измене бояр: князя Ивана Дмитриевича Бельского, князя Ивана Фёдоровича Мстиславского, князя Михайла Ивановича Воротынского, Ивана Петровича (Федорова), писал к ним грамоты сам, приказывал писать и гетману литовскому Хоткевичу. Дошли до нас и ответы бояр на эти грамоты. Все они относятся к 1567 году[333]. Охотно принимал на свою службу Сигизмунд Август и способных детей боярских, толпами бежавших из России, и давал им поместья в Литве. Дети боярские пользовались там правами шляхты и за службу в королевском войске получали жалованье. Так, в 1563 году, в уезде Кременецком мы находим москвитянина Владимира Заболоцкого с отрядом во 150 человек конницы[334]. В 1564·г. несколько десятков боярских детей, предводительствуемые Богданом Шашковичем, бежали в Литву[335]. Наконец, в Киеве на польской службе находились князья Хованские с боярскими детьми[336]. Держась такой политики, Сигизмунд Август естественно не мог оставить без внимания и Курбского, знаменитого родом, несомненным талантом полководца, и славного своими победами над татарами, ливонцами и литовцами; естественно, что он старался залучить и Курбского в свою службу.

[333] Сказ. кн. Курбского, стр. 159.
[334] Там же, стр. 160.
[335] Там же, стр. 169.
[336] Древн. Рос. Вивлиоф., т. XV, стр. 29–72.

Не отличаясь горячей любовью к отечеству, Курбский не заставил долго уговаривать себя и согласился на измену.

Из дела о возвращении, по смерти князя Курбского, в казну Ковельского имения открываются обстоятельства, вполне подтверждающие высказанную Иоанном мысль, что Курбский изменил отечеству из корыстных расчётов. Доказывая свои права на Ковель и земли, к нему принадлежащие, наследники Курбского представили в королевский суд два закрытые листа: один Радзивила, литовского коронного гетмана и папа Евстафия Воловича, другой Сигизмунда Августа, писанные к Курбскому. В этих листах король и Радзивил приглашали князя Курбского, оставив царскую службу, выехать в Литву. Потом они же представили в суд другое письмо Радзивила, где Курбскому, по выезде его из России, обещано приличное содержание, и другое письмо короля, в котором король обещает ему свою милость[337]. Вероятно, Курбскому не совсем неприятно было подобное предложение; но он тянул время, желая получить от Короля выгодные и определённые условия. Не отказывался он от измены России, но требовал, чтобы король вновь подтвердил свое обещание — дать ему выгодные поместья в Литве; чтобы сенаторы поклялись в верном выполнении этих обещаний; чтобы, для проезда в Литву, король прислал ему опасную грамоту, в которой бы обозначалось, что Курбский отъезжает в Литву не как беглец, а по королевскому вызову. Только получив все эти документы, Курбский изменил наконец своему государю законному и приехал в Литву, «будучи обнадежен», как говорит он сам в своем духовном завещании, «его королевскою милостию, получив королевскую охранительную грамоту и положившись на присягу их милостей, панов сенаторов[338]». Кроме того, Сигизмунд Август в жалованных грамотах, данных Курбскому на разные поместья, говорит: «Князь Андрей Михайлович Курбский Ярославский, наслышавшись и достаточно осведомившись о милости нашей господарской, щедро оказываемой всем нашим подданным, приехал к нам на службу и в наше

---

[337] Жизнь кн. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 143–267.
[338] Там же, т. II, стр. 268.

подданство, будучи вызван от нашего господарского имени[339]». Вот неопровержимые свидетельства, из которых открывается, что Курбский бежал вовсе не потому, чтобы терпел гонение от царя, что не был он «туне отогнан от земли Божией[340]», бежал не потому, чтобы «слышал угрозы царя и сведал, что ему готовится гибель[341]», но изменил отечеству «славы ради мимо текущие и ради сребролюбия в сладости мира сего», как говорит Иоанн в письме своем к нему[342]. Не носит эта измена на себе характера мгновенной решимости и неизбежной необходимости, какой представляет се приведенное нами выше известие одной рукописи, но имеет характер глубокой обдуманности и произвола. Тяжела для души эта убийственная холодность, с которой Курбский обдумывает свою измену: Курбскому не выгодно служить России; Сигизмунд Август приглашает его на польскую службу, сулит ему большие выгоды. Если бы опасность грозила жизни Курбского, он, без сомнения, поспешил бы согласиться на предложение польского короля. Но ему мало одних обещаний, он хочет, чтобы ему поручились за исполнение их и, когда увидел, что в выполнении этих обещаний можно быть уверенным, что измена выгодна, он решается изменить отечеству. Все это ведет к тому заключению, что Грозный вовсе не хотел смерти Курбского и не готовил ему гибели. Если бы Курбский бежал в Литву действительно из страха смерти, то, вероятно, он сделал бы это и без приглашения короля, потому что ему, без сомнения, было известно, как хорошо принимает король русских изменников. Видно, что Курбский делал свое дело не торопясь, даже слишком не торопясь, потому что для окончания всех переговоров, какие он вел с Сигизмундом Августом, требовалось много времени. Эта медленность есть лучшее доказательство, что насчет жизни своей Курбский был совершенно покоен.

Самое поражение русских литовцами под Невлем имеет, по нашему мнению, связь с этими переговорами и еще более

---

339 Жизнь кн. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 229.
340 Там же, т. II, стр. 198.
341 Там же, т. II, стр. 233.
342 Там же, т. I, стр. 10.

увеличивает преступление Курбского. Нам кажется, что это поражение не было обыкновенной неудачей. Рассмотрим обстоятельства битвы под Невлем. Примем ли мы число поляков и русских, участвовавших в этой битве, какое даст нам Мартин Бельский, или то, какое дает Иоанн Грозный в письме к Курбскому, мы придём к следующему выводу: Курбский был, вероятно, уже в заговоре с поляками; иначе, с такими ничтожными силами, они не осмелились бы показаться пред русским войском тем более, что русские в это время не были невеждами в военном деле: они умели побеждать не только крымцев, но и шведов, рыцарей, да и самых поляков, действовавших по европейской тактике, и побеждали не одним численным превосходством. Следовательно, трудно полякам было бы разбить их, особенно если мы примем в расчёт страшную несоразмерность в числе тех и других, если бы не было измены со стороны полководца русского. Странно и то, как могли поляки в виду неприятеля занять выгодную позицию. Подойти к нашему войску внезапно они не могли: без сомнения, Курбский рассылал разъезды, которые должны были добывать языка, а впасть в оплошность ему, знал о близости неприятеля, было нельзя. Что он знал о приближении поляков видимо из того, что едва неприятель успел выстроиться, как Курбский напал на него. Курбский во всех битвах, в которых только участвовал, выказал отличные военные дарования, и ни одной битвы не было, из которой бы не вышел он победителем; а потому как-то странно, что он, опытный полководец, а не новоук в деле войны, показал такое неуменье разбить вчетверо слабейшего неприятеля, уступил ему выгоды местности. Все это должно привести нас к тому заключению, что Курбский, решившись уже на измену и обеспечив свою будущность договором с Сигизмундом Августом, хотел таким поступком приобрести благоволение Сигизмунда, раздражить Иоанна и нанести ему вред. За справедливость этого мнения говорит известие, что тотчас после своего поражения Курбский бежал в Вольмар, занятый литовцами[343].

[343] Сказ. кн. Курбского, стр. 152. Ист. Госуд. Росс., т. IX, стр. 34.

Мы уже имели случай заметить[344], что пребывание в России не было выгодно для Курбского не потому, чтобы у него мало было имущества и владений, но по другим обстоятельствам. Стремясь к развитию и упрочению в России идеи государственной, Иоанн понимал, что в государстве право на почести имеют не одни знатные родичи, что личные достоинства должны обусловливать значение человека в обществе, что знатность рода должна преклоняться пред дарованиями и заслугами отечеству. Не встречая в боярах сочувствия к своим высоким идеям, видя в них один холодный эгоизм, одни корыстные расчёты и совершенное равнодушие к интересам отечества, Иоанн начал возвышать людей худородных, ввел их в Думу боярскую, установил для них новое звание думных дворян. Особенно доверял Иоанн этим новым людям и часто посылал их промышлять государевым делом мимо воевод, а воеводам приказывал быть вместе с ними за один. Так было в походе под Кесь в 1579 г.[345]. Такой мерой, без сомнения, хотел Иоанн парализировать притязание знатных родичей на исключительное значение в государстве. Казалось, что думные дворяне и дьяки, возвышенные Иоанном из ничтожества, всем обязанные ему, долженствовали быть верными слугами царя, сочувствовать его интересам, всеми силами помогать ему в осуществлении великих планов его и способствовать к утверждению в России нового порядка вещей. Опираясь на превосходство своего образования, на расположение и внимание царя, эти худородные должны были составить сильную оппозицию боярской партии, старавшейся из чисто корыстных расчетов поддерживать старину. Новым людям не нужно было стараться о восстановлении старины: эта старина была слишком безотрадна для них. Новый порядок вещей воззвал их из ничтожества, а потому они должны бы стать на стороне новых идей нового порядка. Такое стремление Иоанна не могло не обратить на себя внимания бояр, чрезвычайно ревнительных к сохранению своего веса и значения в государстве. Естественно, что они не могли одобрить меры, клонившейся к ослаблению этого значения,

[344] Ист. Гос. Росс., т. IX, стр. 34.
[345] Сказ. кн. Курбского, стр. 212 и 160.

что она усилила их нерасположение к государю и желание противодействовать ему даже ко вреду отечества[346]. Эту ненависть и нерасположение к Иоанну за меры, предпринимаемые им к обузданию боярства разделял и Курбский, и он ничего не видел в этих мерах, кроме вреда для государства. Он не мог понять высоких предначертаний Иоанна и смотрел на них сквозь призму старинных понятий. Вследствие такой настроенности Курбский видел в этой великой мере Иоанна только доказательство его безумной свирепости, его врожденной ненависти к боярам, его стремления ко злу, наследованного от деда и отца, а отнюдь не желание пользы своему отечеству. Послушаем, что говорит нам Курбский: «Писари же наши русские, им же князь великий зело верит, и избирает их не от шляхетского рода, ни от благородна; но паче от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих, подобно по пророку глаголющу, хотяше един веселитися на земли[347].» Вот как Курбский, а разумеется и прочие бояре объясняли великую мысль Иоанна. Так Тимофей Тетерин, подобно Курбскому бежавший в Литву, в письме к воеводе Михайле Яковлевичу Морозову высказывает свое негодование на возвышение дьяков: «Есть у великого князя, — пишет он, — новые верники дьяки, которые его половиной кормят, а большую себе емлют, которых отцы вашим отцам в холопство не пригожались, а ныне не только землею владеют, но и головами вашими торгуют[348].» При ясном и светлом взгляде на права государя в отношении подданных, Иоанн понимал, что все в глазах его должны быть не более, как слуги его и отечества. Так, упрекая Курбского в измене, он пишет: «Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова! Еже бо он свое благочестие соблюде, при вратех смерти стоя, и ради крестного целования тебе не отвержеся. Ты же убо своего благочестия не поревновал оси, единого ради слова моего гневна, не токмо свою едину душу, но и всех прародителей и родителей души погубил еси, понеже Божиим изволением, деду нашему великому государ-

---

[346] Там же, стр. XV–XVI и пр. 213.

[347] См. этого сочиненья стр.

[348] Служилые люди, соч. Г. Беляева, стр. 48. (во Временн. Имп. Общ. Ист. и Др., т. III).

рю Бог их поручил в работу, и они, дав свои души, и до смерти своей служили, и вам, своим детям, приказали служити и деда нашего детям и внучатом[349].» Из этого видно, что боярин в глазах Иоанна был таким же слугой ему и государству, каким боярину раб его: какой раб тебе Васька Шибанов, говорит он Курбскому, такой же раб и ты мне. Иоанн требовал от бояр безусловного повиновения его воле не из корыстных, себялюбивых расчётов. Пламенно желая добра народу, разумея под этим словом не одни привилегированные сословия, Иоанн хотел возвысить подавленный, не имевший никакого значения средний класс народа, давая ему доступ к службе государственной. Очевидно, что, при такой перемене обстоятельств, худородные должны были сравняться с великородными (боярами): те и другие были равно слуги царя. Всеми силами старается доказать Курбский вред, проистекающий от исполнения этой мысли царя, мысли которая, в наших глазах, ставит Иоанна выше его века, заражённого предрассудками, упорного в старинных убеждениях. Какие же доказательства приводит Курбский в подтверждение своего положения, что от людей не шляхетского рода Россия ничего не получила, кроме вреда? Во-первых, пишет он, во время нашествия крымцев, от писари мудрые разглашали, что должно было скрывать и тем расстроили план, составленный воеводами, при точном исполнении которого крымцы не имели бы возможности спастись, и были виной поражения Ивана Шереметева, встретившегося со всей неприятельской силой и принуждённого, несмотря на страшную несоразмерность в числе войск, вступить в бой[350]. Во-вторых, по его мнению, эти худородные были виновниками несчастной перемены в Иоанне и бедствий, постигших Россию в последнее время его правления[351]. Из этого мы видим, что Курбский сильно был недоволен старанием Иоанна дать доступ к службе всем подданным, а не одним боярам. Причина очень

---

[349] Так в битве под Кесью недовольные распоряжением царя, подчинившего их думным дворянам, воеводы бежали с поля битвы, покинув артиллерию и своих товарищей, и московское войско потерпело страшное поражение от литовцев и немцев. Врем. Об. Ист. и Др. Росс., т. II, стр. 48.

[350] Сказ. кн. Курбского, стр. 49.

[351] Там же, стр. 374.

простая: в своих делах по службе Курбский должен был часто приходить в столкновение с этими незнатными, должен был иногда стоять наравне с ними. Равнодушный к выгодам общим, Курбский был уже слишком занят знаменитостью своего происхождения. Он не упускал, при всяком удобном случае, намекнуть на свое происхождение от потомка св. Владимира, Феодора Ростиславича, бывшего некогда великим князем и причисленного к лику святых[352]. Сознание знаменитости прохождения ни на минуту не покидало Курбского: даже, изменяя отечеству, он счел для себя унизительным явиться в Литве простым беглецом, потому что это несогласно было с тем понятием, какое он составил себе о значении своем в обществе. Он потребовал, чтобы король написал в своей грамоте, что Курбский выехал в Литву по его вызову[353]. Итак, не унизительно ли было для него, потомка Владимира св., стать по службе на одну доску с теми людьми, которые не могли представить никаких архивных доказательств знаменитости своего происхождения. Не видя никакой возможности возвратить боярину его прежнего значения — человека, держащего землю, потому что падение стороны Сильвестра и Адашева возвестило падение и старого порядка вещей, Курбский должен был или, выкинув из своей головы попечение о своей знатности, стать, подобно худородным и чужеродным, в ряды слуг государя, или оставить отечество, где не представлялось более никаких законных средств к сопротивлению воле государя, стремившегося к нововведениям. Курбский избрал последнее, потому что в первом случае должен был поступиться своими правами и, верстаясь с худородными, нанести поруху чести своего рода. Таким образом, к неудовольствию на царя за уничтожение обычая совета, присоединилось еще новое неудовольствие за возвышение людей неродовитых и доверенность к этим последним. Это неудовольствие и было причиной бегства Курбского. Итак, мы видим, что он был поборником еще одного боярского права, именно местничества, потому что иначе нельзя объяснить причины негодования его на царя за возвышение худо-

[352] Сказ. кн. Курбского, стр. 161.
[353] Там же, стр. 50.

родных и доверенность к ним. Постараемся рассмотреть, в чем состояло местничество и в заключение изложим истинную причину бегства Курбского.

Местничество, т. е. право считаться старшинством по службе, было древнейшим, исконным нравом боярского сословия. Источник его — родовой быт наших предков. Это право было драгоценнейшим правом бояр и в продолжение двухвекового стремления московских государей уничтожить это право, они всеми силами старались поддержать его. Вследствие стремления Иоаннова дать людям незнатного происхождения, наравне с боярами, доступ к службе, местничество должно было совершенно уничтожиться. Теперь понятно, почему Курбский восстаёт против Иоанна за его доверенность к писарям русским. Рассмотрим это право в его историческом развитии и покажем усилия московских государей к его уничтожению.

Г. Погодин говорит: «Местничество было московским продолжением удельной системы точно так, как во всей Европе образовалось из феодализма преимущественно придворная аристократия. Удельные, потеряв, уступив свои княжества, вступив во двор московского князя, принесли свои взаимные отношения и свои понятия о старшинстве, согласные, впрочем, или одинокие, что касается до родства, с понятиями знатнейших родов, как в Москве, так и во всей России[354]». С этим мнением почтенного деятеля на поле отечественной истории нельзя согласиться. Да и сам он, в третьей статье своей о местничестве, опровергает уже свое мнение. «Ясно, — говорит он, — что местничество, основанное на службе и родовом старейшинстве, велось между знатными родами в продолжение удельного периода точно так, как и между княжескими; между последними оно было источником войн, как между первыми искони источником споров[355]. Действительно, местничество никак не может быть принято за московское продолжение удельной системы. Оно вытекает из того же родового быта, следствием которого было раздробление Руси. В местнических спорах главную роль

---

[354] Сказ. кн. Курбского, стр. 78–90.

[355] Эти намеки беспрестанно встречаем мы во всех его сочинениях.

играет *род, отечество*[356], в них, по преимуществу, господствуют родовые понятия, старшинство одного рода перед другим. Если родич поступался своим старшинством другому, то наносил *поруху* не только своей чести, но и чести всего своего рода[357]. Итак, старейшинство играло в местничестве ту же важную роль, как и в княжеских спорах. Местники утягивают друг друга службой, значением своих предков[358] их тяжебными делами и родством[359]. Следовательно, родовые отношения играют в местничестве главную роль, стало быть источник его — те же родовые юридические отношения, которые были причиной раздробления Руси, и начало местничества восходит к древнейшим временам, а не ко времени Иоанна III, учредившего разряды, как думает Карамзин[360]. Еще г. Погодин догадался, что во время удельного периода существовало местничество. Действительно, мы видим следы его в княжеской дружине. Когда еще не образовалось понятия о собственности частной, семейственной, князья, переходя из одного стольного города в другой, приводили с собой обыкновенно и новую дружину, к которой они, как естественно, должны были питать больше расположения, иметь большую доверенность, нежели к дружине, остававшейси после предшественника в этом городе. Такое предпочтение, оказываемое князем дружине, с ним пришедшей, само собой разумеется, возбуждало негодование в прежде бывшей в этом городе, старой дружине. Следствием этого неудовольствия были смуты, обнаружившиеся очень рано: старым дружинникам, разумеется, не хотелось потерять того значения, которым пользовались они при прежнем князе. Следы этого неудовольствия мы видим в летописях. Так, об отце Владимира Мономаха, Всеволоде I, читаем: «Нача любити смысл уных свет створя с ними, си же начата завадити и него — давати дружины своея первые, и людей недоходити княже правды[361].» Под именем *уных* мы должны разуметь

---

[356] Жизнь кн. Курбского в Литве и на Волыни т. I, стр. 233.
[357] Историко-критические отрывки стр. 180.
[358] Там же, стр. 233.
[359] Русский Историч. Сбор., изд. Погодиным, т. II, стр. 2.
[360] Там же, т. II, стр. 270.
[361] Там же, т. II, стр. 74, 374, 2.

здесь вновь пришедших с князем из Переяславля и Чернигова дружинников, потому что смешно предположить, чтобы Всеволод, человек уже пожилых лет, избирал себе в советники юношей. С явным негодованием говорит летописец и о Святополке Изяславиче, что он более любил советоваться с пришедшими с ним, нежели с киевскими дружинниками. «Святополк же, не здумав с большою дружиною от нею и стрые своего, совет сотвори с пришедшими с ним[362]». Еще резче выказывается эта ненависть старых дружинников к новым во время борьбы Ольговичей с Мономаховичами. Киевляне, убеждая Изяслава Мстиславича сменить Ольговича, говорят ему: «Ты наш Князь поиди Ольгович не хочет быть аки в задничи[363]».

Из этого мы видим, с одной стороны стремление новых дружинников занять важные места в княжестве, а с другой старание старых удержать их за собой, основываясь на прежних правах. Что же, как не это стремление, и было главной идеей местничества? Таким образом, начало местничества совпадает с первыми князьями Рюрикова дома. Если же мы не встречаем примеров местнических счетов между дружинниками при первых князьях, то причина, без сомнения, та, что главное начальство над ратями было в руках князей, а дружинники были только исполнителями княжеских распоряжений и занимали те места, которые указывал им князь. Следовательно, если и должно было происходить местничество, то оно возможно было только между князьями, как предводителями рати. Это мы в самом деле и видим. Князь, как главнокомандующий, должен был «ездитии напреди полком своим». Это место в дружине было самым видным и из-за него-то часто происходили между князьями споры, оканчивавшиеся иногда размолвкой. В Лаврентьевской летописи читаем следующее: «Володимер Глебович посла ко Игореви, прося у него ездити напреди полкам своим; Игорь же не да ему того; Володимер же разгневася и возратися[364]».

---

[362] Русский Историч. Сбор., изд. Погодиным, т. V, стр. 1.
[363] Ист. Гос. Рос. т. VI, стр. 213.
[364] Полн. Собр. Русск. Лет., т. I, Лаврентьевская лет., стр. 93.

С 1332 года мы находим уже явные признаки местничества между боярами, заступившими место дружинников. Так, в Ростовской летописи под этим годом рассказывается следующее обстоятельство: по приглашению великого князя московского Иоанна Даниловича Калиты приехал в Москву служить один из киевских вельмож Родион Несторович, и с ига княжата и дети боярские и двора его, до 1.700 человек. «Князь же великий прият его с радостию и даде ему боярство в Москве и устави ему большинство над всеми в те поры бысть на Москве боярин Акинф Гаврилович (отъехавший в Москву по смерти великого князя Андрея Городецкого, умершего бездетным), и не восхоте быти под Родионом в меньших, и отбежа в Тверь и с ним дети и внуцы его». Отъехав в Тверь Акинф вооружил против Калиты тверского князя и, предводительствуя тверского ратью, устремился на московские владения. Калита засел в Переяславле, опасаясь потерять этот важный город. Акинф осадил князя. Но Родион Несторович подоспел на выручку Калиты, и разбив в кровопролитном бою Акинфа, «и главу его, взоткнув на копие, привезе к Иоанну и рек: се, господине, твоего изменника, а моего местника глава[365]!» Родион здесь ясно говорит о местничестве. Акинф, не желая поступиться Родиону, своим первенством, не желал быть в меньших, отъехал. Подобный же пример был и в 1338 году. Когда Александр Михайлович Тверской, был прощен Ханом и, после долгого пребывания на чужбине, возвратился, наконец, в Тверь; то многие тверские бояре, оставив его, перешли на московскую службу. Причиной было то, что Александр прибыл из Пскова в Тверь с новыми любимцами, из которых курляндец Доль сделался первостепенным сановником его двора. Следовательно, старые тверские бояре должны были стать ниже его[366]. Наконец, следующего обстоятельства нельзя объяснить ничем, кроме местничества. Когда, по смерти тысяцкого Василья Вельяминова, Димитрий Донской уничтожил в Москве сан Тысяцкого, бывший наследственным, то сын Василья, Иван, отъехал в Тверь, потому что ему *не приходилось, непригоже было* нахо-

---

[365] Кенигсб. Нитор, стр. 135.
[366] Ипатьевская Лет., стр. 23.

диться у одного дела с боярами[367]. Итак, примеры местничества мы находим ранее 1500 года, как думает Карамзин[368], и ранее 1477 года, как думает г. Погодин[369]. Из приведенных нами фактов открывается, что единственным средством, для старых дружинников, заменяемых новыми людьми, было право отъезда, которым они и пользовались, которое и поддерживали до последней крайности. Но, как мы уже видели, с того времени, когда Москва собрала около себя всю северо-восточную Русь — это право отъезда должно было отжить свой век: внутри России дружинникам отъезжать было некуда, а отъезд в орду, Литву и другие земли стали считать уже изменой. Между тем, с присоединением к Москве удельных княжений, с принятием в московскую службу выезжих людей других государств, увеличилось при московском дворе число бояр. Там явились и удельные князья со своими боярами, там были и старинные московские бояре, там были и литовские и ордынские выходцы и проч. Само собой разумеется, что каждый из них старался занять видное место и от того должны были происходить беспрестанные столкновения, беспрестанные споры между ними о местах. И, действительно, местничество усилилось до такой степени, число местнических дел до того увеличилось, что Иоанн III, вызванный не произволом, а существенною необходимостью, учредил Разрядный Приказ, где должны были разбираться дела по местничеству.

Так как бояре занимали все высшие должности в государстве по службе военной, придворной и гражданской, то и местничество происходило не в одной только военной службе. Ни одно знаменательное для государства событие, как то: торжественные праздники, царские выходы и царские обеды, церемониалы представления посланников, не обходилось без местничанья и влекло за собой споры, неудовольствие, судебное разбирательство по местничеству[370]. Нечего и говорить, как стеснительны были для государя это счеты:

---

[367] Полн. Собр. Лет. т. I, Лавр. Лет., стр. 134.
[368] Ист. Гос. Рос., т. IV, пр. 325.
[369] Там же, т. IV, стр. 142.
[370] О местничестве соч. Проф. Соловьева, (в Моск. Сборн. 1847 года).

при каждом назначении на службу нужно было разбирать *вместно* или *непригоже* такому-то быть с таким-то, потому что в противном случае неминуемо должны были произойти споры и неудовольствия. Особенно вредно для государства было местничанье в высшей службе. Мы говорили уже, что местничество основывалось не на личных достоинствах состязателей, а на старшинстве родов целого поколения. Следовательно, правительство, назначая на службу воевод, должно было брать во внимание не таланты, не личные достоинства назначаемых лиц, но службу их предков. Часто люди с дарованиями, с талантами должны были оставаться в тени, на втором плане, потому что не имели архивных доказательств своей знаменитости. Следствием всего этого было то, что правительство часто принуждено было поручать начальство над войском людям, иногда вовсе неспособным только потому, что они были отличены знаменитостью предков, вели род свой от какого-нибудь знаменитого родоначальника. В случае же нарушения этого правила немедленно возникали споры и часто, когда государство гибло от нашествия неприятелей, воеводы, не слушаясь указов государевых, в поте лица утягивали друг друга старшинством, силились доказать, что такому-то не вместно быть с таким-то. Правительство должно было наблюдать даже, чтобы в его наказах воеводам, имена их были написаны по порядку их старшинства, потому что невнимательность вела за собой неминуемые споры[371].

Само собой разумеется, что местничество, дававшее боярам законное право не слушаться царских повелений, не могло нравиться московским государям: оно сковывало им руки, не давало им никакой возможности назначать на службу те лица, которые, по их мнению, были бы достойны доверия, если эти лица должны были стать выше родословных лиц. Самые указы царские ничего не значили для местничества, и боярин даже ставил как бы в достоинство себе, что не взял списков и не хотел ехать на место, назначенное ему царем, потому что видел в этом назначении поруху своей родовой чести. При своем стремлении к идее государства, князья московские, став в разлад со стариной, не могли поладить и с

---

[371] Ист. Гос. Рос., т. VI, стр. 58.

местничеством, порождением старины. Это нерасположение их к местничеству выразилось в самых наказаниях, которым подвергались искатели, *не в свою меру бившие челом.* Часто для предотвращения споров правительство определяло: *«Быть на службе без мест»*. Но эта мера не всегда могла быть удачна и нисколько не уменьшала споров. Иоанн IV Грозный более всех предшественников своих понимал вред, наносимый государству местничеством и стремился к его уничтожению; в 1550 году он издал указ, которым повелевал: «В полках быти княжатам и детям боярским с воеводами без мест ходити на всякие дела с воеводами для вмещения людям и в том их отечеству унижения нету: которые будут впредь в боярех или в воеводах и они считаются по своему отечеству». Но в этом же указе он определяет, в каких полках может быть допущено местничанье, «а воеводам в полках быти: большой полк да правая рука, да левая рука по местам; а передовой полк да сторожевой полк меньше одного в большем полку большего воеводы; а до правой руки и до левой руки, и в большем полку до другого воеводы дела нет; с теми без мест. Кто с кем в одном полку послан, тот того и меньше. А воевод государь прибирает, рассуждая их отечество; и кто кого дородился, то может ратный обычай содержати[372]». Таким образом, уничтожая местничество княжат и детей боярских с воеводами, этот указ в то же время даст воеводам право местничаться между собой и налагает обязанность на государя, при назначении воевод, принимать во внимание их отечество. Очень хорошо понимал Иоанн, что, определяя воеводу на место, правительство должно руководиться не отечеством, а личными достоинствами определяемого; но, при всей пылкости своего характера, должен был терпеть местничество, зная, что уничтожение этого права еще несвоевременно. Прибегни Иоанн к мерам крутым, эти меры еще более бы раздражили против него окружавших его, и без того им не довольных и готовых, при первом удобном случае, повредить ему. И вот перед нами открывается странное зрелище: строго преследуя всякое сопротивление бояр его воле, Грозный в то же время терпеливо сносит их ослушание при назначении на места. Мало этого.

[372] Историко-критич. отрывки, стр. 180.

Любя исторические разыскания вообще, он часто сам занимается разбирательством местнических счетов, сам выводит длинные поколенные росписи тяжущихся лиц и с 1559 до 1581 года, когда ожесточенный изменами и противодействием бояр, он решился путем казней укротить строптивых, в эту мрачную эпоху насчитываем по одним разрядным до 50, а по другим до 90 случаев, местничества. Грозный решал местнические споры скоро и благоразумно. Они оканчивались обыкновенно тем, что челобитчика ставили ниже того, на кого он жаловался; часто прекращались они и тем, что местничавшимся лицам не давали счету, а иногда, для избежания споров, переводили воевод из одной пограничной службы в другую — разводили. Но всего чаще встречается следующее решение. «Служить без мест, а как служба минется, тогда и счет будет дан[373]». Случалось, что без суда Грозный выдавал челобитчика головой[374].

---

373 Русск. Ист. Сб. т. II, стр. I, ст. Иванова о местничестве.

374 Назначенный на место (в какой бы то ни было службе: или придворной, или военной, или гражданской) боярин справлялся с своими *родословцами, с разрядными памятцами,* вместно или не пригоже служить ему с таким-то и, если назначение царя находил неправильным, немедленно подавал ему челобитную, требуя суда. Для выраженья этого требования употреблялись разные термины: боярин просил дать ему счет в отечестве с таким-то и велеть этот счет слушать боярам (Русск. Ист. Сборн. Погод, т. II, стр. 7), что бы он не был бесчестен в отечестве своем (там же, стр. 36), чтобы не было от иных родов порухи его отечеству (там же, стр. 270). Приняв челобитную, государь чрез царедворцев отдавал приказ, боярам Разрядной избы, судить челобитчика. Дело начиналось тем, что челобитчик клал пред боярами челобитную, или без нее мог искать словом: «А будет учнеш на князе Иване и без челобитные словом искати, и мы тебя и без челобитные с князем Иваном судим» (там же, стр. 4). За тем начиналось самое производство дела: соперники старались утягать друг друга следующими документами: во-первых, *разрядными, памятями,* где помещались выписки из разрядов, показывашие, какие места занимали на службе или сами соперники, или их отцы, или деды и т. д. Во-вторых, *родословцами,* на которые слались, чтобы показать, что по самому родословному дереву такому-то с таким-то *равным быть нельзя* и служить вместе *непригоже.* Это называлось *утягивать лесвицею.* В-третьих, *памятями или наказами царскими,* адресованными к какому-нибудь воеводе или чиновнику. Тот, чье имя в этих наказах было написано выше имени другого воеводы или чиновника, признавался старшим тех, чьи имена стояли ниже, а самым старшим считался тот, к кому наказ был адресован. В-четвертых, *счетными делами родственникове.* Эти дела приводили в доказательство своего старшинства, указывая, что по этим счетам родичи их были *поставлены тому-то в версту глаз в глаз* или

Итак, Иоанн терпел местничество, но в то же время принимал и средства к уничтожению вредных последствий, проистекавших для государства из этого права. Объявляя походы без мест, отстраняя споры невместными грамотами, он не только предупреждал вредные последствия местнических счетов, но и незаметным образом отучал воевод от местничества.

утягали такого-то. Да и потому, Государь, меньши быти меня, холопа твоего, Юшка Пильемова, деду княж Федорову, князю Ивану Васильевичу Лыкову мочно, что, лета 7077 мая в 1 день, дядя мой, Юшков, Замятня Иванович Сабуров *утягал* князя Петра Семеновича Серебренова» (там же, стр. 107). В-пятых, *летописцами,* на которых слались для доказательства своего старшинства; «да шлюсь, Государь, на летописцы, каковы Оболенские с Полевыми; вели нас, Государь, счесть летописцы» (там же, стр. 113). В-шестых, *сдавались на государевы разряды.* Это называлось и *случаем.* Здесь соперники указывали, кто из них или из их предков и какие места занимал при войске. В доказательство своего старшинства представляли так же: а) государевы жалованные грамоты, б) разводные и с) невместные грамоты.

Счеты эти велись со стороны соперников с особенным жаром и часто употребляли выражения очень резкие, например: «писал безделье чем бы отбить» (там же, стр. 313); «он хочет волочить» (там же, стр. 43), «пишет не зная, а говорит не ведая» (там же, стр. 314); «а хотя бы по его враком и правда была»(там же, стр. 310); «глупает» (там же, стр. 377); «плутает» (там же, стр. 310).

Споры тянулись часто очень долго. Противники прибегали к разным уловкам и проделкам, не гнушались и плутнями, напр., подскабливали грамоты (там же, стр. 129) и бояре, обязанные разбирать дело должны были поверять подлинность документов, представленных соперниками, должны были справляться с разрядными книгами; действительно ли существовали такие разряды, на какие опирались соискатели, поверять по родословным приводимые ими в доказательство родословцы, подыскивать государевы наказы, на которые слались противники и т. д. Часто нужно было посылать гонцов, даже в отдаленные места, к тем лицам, у которых хранились разные документы, упоминаемые тяжущимся. Иногда сами челобитчики просили, чтобы им дана была отсрочка до прибытия родственников, без которых они не могут тягаться в отечестве. Так князь Андрей Иванович Голицин, подав в 1582 году челобитную о местех на князя Александра Ивановича Шуйского, просил Государя, чтобы производство дела было приостановлено до прибытия его дяди, говоря, что ему «без дяди памятей положить нельзе, потому что молод и без дяди тягаться не умеет.» Государь дал ему сроку на 2 недели с условием, чтобы по истечение этого срока дело было непременно начато (там же, 328). Все это, очевидно, требовало много времени, а между тем повеления Государя не исполнялись, соперники не хотели занять мест, им назначенных.

Видим, однако, что Грозный принимал и более действительные средства к уничтожению ненавистного ему местничества. Он учредил опричнину, которая была повторением древней дружины. Опричники должны были знать только своего вождя, повиноваться его повелениям, забыть для него все прошедшие предания и разорвать связь со всем окружающим. Из такого значения опричнины само собою вытекло то следствие, что она спутала все местнические счеты. Это видно из того, что во всех последующих счетах указывают на нее, как на случайное нарушение права, которого не должно принимать в расчёт: «То деялось в опричнине, а хотя и будет такой разряд и был, а то была государева воля в опричнине, а в том государь волен[375]». Но и в страшной слободе Александровской возмущали царя местнические споры и быть без мест было единственным на них ответом[376]. Земские и опричные воеводы, действуя вместе, не считались местами[377].

Еще одну важную перемену мы видим при Грозном в местнических счетах возвышение служебного значения бояр над родовым. С его времени бояре в своих тяжбах начинают ссылаться не на родословные, а на разряды. Так в деле князя Лыкова с Пожарским, 1609 года[378], Лыков говорит: «И то, государь, князь Димитрий пишет, не зная, а лесвицею меня, холопа твоего, считает напрасно со всеми Оболенскими князьями, и то, государь, знатко, что князь Димитрий пособляет своей худобе и своему отечеству, а считает меня, государь, лесвицею со всем Оболенским родом мимо разрядов государевых[379]». Или князь Андрей Дмитриевич Хилков, в 1588 году, в своем местническом споре с Ласкиревым, писал в челобитной государю: «А Феодору, государь, не токмо што брата моего Василья, и меня, холопа твоего, меньши быти льзя по твоим государевым разрядам и твоему государеву жалованью[380]». В этом обстоятельстве видно явное стремление Иоанна унизить родословную гордость аристократии.

---

375 Акты Исторические, т. I, № 154.
376 Синбирский Сборник, изд. Валуевым, т. I, стр. 32.
377 Русск. Истории Сбора, т. II, стр. 40.
378 Синбирский Сборник, т. I, стр. 16 и 17.
379 Врем. Общ. Ист. и Др. Рос., т. II.
380 Синб. Сб. т. I, стр. 19.

Кроме этих средств Иоанн употреблял к ослаблению местничества косвенные средства. Этим косвенным, но не менее действительным, средством было возвышение людей неродословных, худородных; так Иоанн приблизил к себе дьяков, полагал, что, при больших познаниях, при опытности своей, они могут быть ему полезнее бояр, выдвигал в ряд вельмож людей чужеродных и незнатных. Так он возвысил род Годуновых. Разумеется, эта новые роды должны были составлять противовесие старинным родам. Но подобное обстоятельство не могло быть одобрено боярами, потому что эти новые люди *заезжих,* лишали прежней важности. Естественно, что в них родилось желание оттеснить от престола новую аристократию. Это желание вполне выразилось в нападках на род Годуновых; но Годуновы были во всех тяжбах оправданы[381]. Эта же ненависть к новым людям, эта же напыщенность знатностью рода проглядывает и у Курбского в его сочинениях.

Из множества местнических дел, дошедших до нас, ни в одном не участвовал Курбский Андрей Михайлович. Но отец его, Михайло Михайлович, в 7047 году, местничался с Репниным. В разрядной книге под этим годом мы читаем: «А князь Михайло Курбский писал, что ему в передовом полку в других быти нельзе того, для что князь Петр Репнин в большем полку другой. А коли был под Казанью брат князя великого, князь Дмитрий Иванович, тогда отец его, князь Михайло Карамыш в передовом полку большой, а княжь Петров отец, князь Иван Репнин, был в левой руке большой же[382]». Впрочем, хотя и нет указаний на то, чтобы князь Андрей Курбский с кем-нибудь считался отечеством, но мы должны предположить и в нем стремление к местничанью. В том мы убедимся, если, во-первых, возьмем в соображение, что Курбский был представителем старшим. Ревностный защитник старинных прав и преимуществ боярского сословия, он долженствовал быть защитником и права бояр считаться местами, как одного из важнейших и древнейших прав. В своей «истории Иоанна», Курбский выражает негодование на возвышение худородных и доверенность к ним Иоанна, потому что эти

---

381 Русск. Ист. Сборн. т. II, стр. 295.

382 Там же, стр. 62.

люди были не от шляхетского рода. «Писари же наши русские, — говорит он, — им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичев, или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих, подобно, по пророку глаголюту, хотяще един веселится на земли[383]». Этого негодования Курбского ничем нельзя объяснить, кроме местничества. В старину исключительно бояре были доверенными лицами государей, потому что одни они занимали все важные места в государстве. Теперь же они должны были поделиться своим преимуществом с людьми незнатными, иногда и сравняться с ними. Понятно, что они негодовали на Иоанна, наносившего, совместничеством неблагородных, «поруху» их родовой чести. В-третьих, описывая казни Иоанна, исчисляя жертвы его гнева, Курбский обращает особенное внимание на их родословную. Например: «потом побиено князя Александра Ярославова, и князя Владимира Курлятева, сыновца оного Димитрия, и были те оба... по роду влекомы от Великого Владимира, от пленицы великого князя Михаила Черниговского, иже убиен от безбожного Батыя[384]». Или: «тогда же убиен от него (Иоанна), княжа Суздальское, глаголемый Александр, с сыном своим Петром: бо те княжата суздальские влекомы от роду Владимира святого, и была на них власть старшая русская между всеми княжаты, боле двусот лет» и т. д.[385]. Или: «в те же лета побиты братья мои, княжата ярославские, влекомые от роду княжата смоленского, святого Феодора Ростиславича, правнука великого Владимира Мономаха[386] и проч. Одним словом, говоря о казненных, Курбский старается вывести их родословную, желая этим, без сомнения, сделать еще более тяжкой вину Иоанна. Наконец, в-четвертых, в письмах своих к Иоанну, поставляя ему на вид свое происхождение, Курбский желает как бы показать этим, что ему вовсе не следует быть слугой Иоанна, потому что этот последний происходит из младшей линии дома Мономахова, именно от младшего сына Мономахова Юрия, а Курбские от

---

[383] Синбирский Сборник, стр. 54.
[384] Там же, стр. 21.
[385] Рукописные Разряды, л. 262.
[386] Сказ. кн. Курбского, стр. 49.

второго сына Мстислава Великого, Ростислава. Так в первом Письме Курбского к Иоанну читаем: «Призываю на помощь государя моего праотца князя Феодора Ростиславича[387]», а в ответе его на второе письмо Иоанна: «аще и зело многогрешен есмь и недостоин, и обаче рожден бых от благородных родителей, от племени ж великого князя Феодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добре веси от летописцев русских, иже тое пленнцы княжата не обыкли тела своего ясти и крове братии своей нити, яко некоторым издавна обычай, як о первее дерзнул Юрий московский в орде на святого великого князя Михаила Тверского, а потом и прочие, сущие еще во свежей памяти и пред очима, что Углецким учинено и Ярославичем и прочим единые крови, и како их всеродне заглажено и потреблено[388]». Все это сказано Курбским не без цели. Он хочет показать, что происходит от одного и того же корня с Иоанном, происходит от старшей, а не от младшей линии; что предок его угодник Божий, а не какой-нибудь Юрий, и что, следовательно, ему вовсе неприлично быть рабом и слугой Иоанна, потому еще, что «по родовой лесвице» он (Курбский) «не приходится ему (Иоанну) в версту». Язык Курбского в приведенных нами местах чрезвычайно сходен с языком местничества. Курбский старается доказать свое превосходство пред Иоанном своим родом. Это доказательство самое употребительное в местнических счетах. Как «единоколенный» Иоанну[389] и старший в роде Мономаховом, Курбский, разумеется, тяготился своей зависимостью от царя, младшего родом и, по единству происхождения, считал себя равным ему. Так в ответном письме его Иоанну читаем: «Уже не токмо единоплемянных княжат, влекомых от рода великого Владимира, различными смертьми поморил еси[390]». Принимая в соображение эти обстоятельства, мы не можем не признать истинным обвинение Курбского в том, что он «изменным обычаем хотел сделаться Ярославским владыкою[391]». В-пятых, Курбский признает свое

---

[387] Сказ. кн. Курбского, стр. 94.
[388] Там же, стр. 94.
[389] Там же, стр. 96.
[390] Там же, стр. 154.
[391] Там же, стр. 233.

бегство из России отъездом. Он вооружается за право бояр отъезжать из России в Литву и не признает законными проклятых грамот, данных боярами Иоанну III, Василию III и, наконец, самому Иоанну IV в том, что они не будут отъезжать из России. Он считает эту клятву вынужденной, и, следовательно, ничего не значущей[392]. Мы знаем, что отъезд всегда происходил вследствие размолвки, нелюбья на князя, и что причиной его всегда были неудовлетворенные князем местнические счеты. Это мы видим в отъезде дружинников при первых князьях, видим в отъезде боярина Акинфа от Калиты, бояр тверских от Александра Михайловича Тверского, в отъезде известного нам, боярина Василия Дмитриевича к Юрию, дяде Василия Тёмного. Все эти отъезды произошли вследствие местничества, как мы уже видели. Рассмотрим теперь отъезды во время Грозного. В регенство Елены выше всех стоял любимец её Телепнев-Оболенский. Знаменитые родичи из бояр должны были повиноваться этому человеку, между тем как, по убеждению своему, они считали себя более вправе управлять государством. И вот, когда им не удалось возвести на престол ни Юрия, ни Андрея Старицкого, дядей Грозного; то Симеон Бельский и Иван Ляцкой бежали в Литву, считая для себя унизительным повиноваться Оболенскому. По падении Сильвестровой стороны, Курбский и другие знатные родичи решаются тоже бежать в Литву. Причина очень ясна: с падением стороны Сильвестра, они должны были выйти из той роли, которую играли до того времени, должны были потерять свой вес и значение, посторониться пред новыми лицами, возвышенными и приближенными к престолу волею самодержца. Следовательно, как Курбский, так и другие родичи «были заеханы» этими новыми людьми, были оттеснены на 2-й план, должны были играть роль второстепенную. Во всех сочинениях Курбского, относящихся к Иоанну, резко и сильно проглядывает негодование его на новых людей. Уступив добровольно этим новым людям значение в государстве, Курбский «наносил поруху» не только себе, но и всему роду своему, а из дел по местничеству открывается, что боярин скорее согласился бы потерять жизнь, нежели посту-

---

[392] Сказ. кн. Курбского, стр. 154.

питься кому-нибудь своим старейшинством. Так, Котошихин рассказывает, что даже во время царских обедов бояре садились за стол по старшинству, что, считавшие себя равными, не хотели сидеть один ниже другого, а, обыкновенно, или уезжали домой или отпрашивались у царя куда-нибудь в гости. Иногда царь уважал их просьбы, а иногда приказывал сидеть за столом, и если боярин не садился, то его сажали насильно: «А как посадят его сильно, — продолжает Котошихин, — и он под ним (т. е. под тем, кого считал равным или низшим) не сидит, и выбивается из-за стола вон, и его не пущают и разговаривают, чтобы он царя не приводил в гнев и был послушен; а он кричит: хотя де царь велит ему голову отсечь, а ему под тем не сидеть и спустится под стол, и царь укажет его вывесть вон, или послать в тюрьму, или до указу себе на очи пущать не велит[393]». Из этого свидетельства видно, что боярин готов был лучше потерять жизнь, нежели поступиться кому-нибудь старшинством. В Курбском мы видим человека, пропитанного старинными убеждениями, человека, для которого старина была блестящим светилом, путеводной звездой. Пламенно преданный ей, не пощадивший для неё своего доброго имени, неужели он мог простить царю нарушение одного из древнейших прав боярских, — местничества? Заезжаемый, оттесняемый от престола новыми людьми, Курбский решился оставить Россию, потому что не имел никаких средств после падения своей партии восстановить прежнее её значение. Таким образом, на отъезд Курбского можно смотреть и как на следствие местничества, и уверение Иоанна, что Курбский бежал из корыстных расчётов, а не опасаясь за жизнь — совершенно верно.

Бегство Курбского в Литву относится к 1564 году, Карамзин и другие наши историки, вероятно, основываясь на приведенной нами уже рукописи[394], говорят, что Курбский убежал в Литву с одним слугой своим Шибановым[395]. Но, в предисловии Курбского к книге «Новый Маргарит», мы читаем: «Понеже уже и слуги моего и брата превозлюбленного и верного кровь пролияша… который здравие мое от гонения

---

393 Сказ. кн. Курбского, стр. 220.
394 Там же, стр. XVI.
395 Там же, стр. 231 и 235.

на своей вые вынес со другими слугами». Этот слуга был Иван Иванович Калымет[396]. Следовательно, с Курбским бежали многие люди, а не один Шибанов. Русский посол Афанасий Нагой доносил Иоанну: «А отъехал де, государь, от тебя Андрей Курбский и с ним многие люди[397]». Тщательные разыскания открыли, что с Курбским бежало в Литву много других москвитян и что, следовательно, он прибыл туда не как беглец, а явился с значительной свитой. Многие из этих москвитян служили Курбскому с молодых лет, разделяя с ним воинские труды, а другие принадлежали к опальным фамилиям, подпавшим гневу Иоанна. С Курбским выехали в Литву: Иван Иванович Калымет, Михайло Яковлевич Калымет, Иван Мошнинский, служивший Курбскому с юных лет, Симон Маркович Вешняков, Гаврило Кайсаров, Меркурий Невклюдов, Иосиф Никитич Тороканов-Пятый (все эти фамилии упоминаются в синодиках Грозного, Кирилл Иванович Зубцовский, Василий Кушников, Кирилл Невзоров, Яким Невзоров, Иван Посник Вижевский, Иван Посник Глинский, Посник Ростовский, Иван Посник Меньшой Туровицкий, Петр Вороновецкий, Андрей Барановский, Петр Сербулат, Захария Москвитин, Василий Лукьянович Калиновский[398].

По прибытии в Литву, Курбский, 4 июля 1564 г., получил от короля жалованную грамоту на владение *на вечные времена* ковельским имением. Эта грамота дана была в Бельске. Права Курбского на владение Ковлем не были в ней определенно высказаны. Правда, в ней употреблено было выражение: *навечно;* но не прибавлено ему и потомкам его, не сказано и того, что Курбскому предоставляется полное право свободно распоряжаться этим имением[399]. По литовским законам такая грамота не давала еще права вечной и полной собственности. Далее, для действительности пожалования не было еще достаточно воли одного короля; для этого нужно было собрание генерального сейма. Конституцией или поправкой брестской было постановлено, что чужестранцам не

---

[396] Котошихин, стр. 36.
[397] См. этого сочинения, стр. 231.
[398] Ист. Гос. Росс., т. IX, пр. 107.
[399] Жизнь кн. Курбского в Литве и на Вол., т. II, стр. 362.

иначе могут быть раздаваемы в собственность поместья, принадлежащие к столу королевскому, как на генеральных сеймах с разрешения панов сенаторов, всех сословий и земских послов[400]. Кроме ковельского имения, Курбский получил еще староство Кревское в виленском воеводстве. Пожалование это также было противозаконно: король не имел права раздавать иностранцам никаких должностей в великом княжестве литовском[401]. Прежде вступления во владение имениями, ему пожалованными, Курбский должен был оказать услуги своему новому отечеству и государю. В это время Россия была в войне с Польшей. Убедив Сигизмунда действовать против России решительнее, Курбский убедил его не жалеть золота для приобретения союза крымского хана[402]. Советы изменника не остались бесплодными, и, в 1564 году, сильное королевское войско двинулось к Полоцку, занятому нашим войском. Пылая ненавистью к Иоанну, Курбский не только не устыдился сам поднять меч против отечества, но, что еще ужаснее, вооружил на свой счет 200 человек конницы. К этому отряду присоединил он и беглых москвитян-изменников[403]. Но поход против Полоцка был безуспешен: советов Курбского не слушали, потому что не доверяла ему, как изменнику; простояв 17 дней под стенами крепости, поляки со стыдом ушли восвояси[404]. По возвращении из этого похода, Курбский, согласно воле короля, был введен во владение пожалованными ему имениями. Это было в 1565 году[405].

Ковельское имение, пожалованное Курбскому, было одним из богатейших и многолюднейших коронных владений. Отсюда, по рекам Бугу и Висле, были отправляемы в Данциг и Эльбинг лесной и хлебный товары[406]. В селе Гоншине добывали железную руду. Немалый доход получался с звероловства и пчеловодства. О количестве народонаселения Ковля можно судить из того, что ковельцы, во время нападений на

---

[400] Там же, т. I, стр. 3, прим. 6.
[401] Жизнь кн. Курб. на Литве и Бод., т. 11, стр. 194.
[402] Там же, т. II, стр. 195.
[403] Slat. Litowsk. 1529, roz. I, art. XXV.
[404] Slat. Lit. 1529 г., roz. I, art. III. Zbior praw Litewkich. Poznan. 405.
[405] Ист. Гос. Росс. т. IX, стр. 39.
[406] Жизнь кн. Курбск. в Литве и на Вол., т. II, стр. 194.

имения соседивших с ними владельцев, составляли отряд из трех или более тысяч человек, вооруженных пушками, сановницами, саадаками, луками, рогатинами и другим оружием[407]. Так, в 1575 году, урядник князи Андрея Вишневецкого объявлял, что 1 августа этого года князь Курбский наслал урядников своих ковельских с ковельскими мещанами открытой силой на имение Вишневецкого, что их было несколько сотен конных и пеших, вооруженных ружьями, рогатинами и луками[408].

Ковельское поместье заключало в себе город Ковель с замком, местечко Вижву с замком, местечко Миляновичи с дворцом и 28 сел. Все оно было разделено Курбским на три волости: ковельскую, миляновскую и вижовскую. К первой принадлежали: город Ковель, села: Гридковичи, Шайно, Хотешово, Нюйно, Красная Воля, Мошчоная, Дубовая, Обланы, Вербка, Гоншино, Бахово, Скулин, Стебли, Мостища и Верхи. К вижовской волости принадлежали: Вижва и села: старая Вижва и Воля; а к волости миляновской: местечко Миляновичи и села: Порыдубы, Селища, Годевичи, Зелово, Туровичи и Клевецкая[409]. Все эти местечки существуют и доныне, и считается в них 8907 ревизских душ[410]. Для управления каждой волостью Курбский поставил особого урядника из числа бежавших с ним московских изменников. Урядник ковельский был значительнее вижовского и миляновского — последние представляли ему наличные деньги и прочие доходы; он заведовал казной Курбского, его оружием и платьем, а отчет в управлении отдавал одному Курбскому[411]. Урядником ковельским был Кирилл Зубцовский.

Обеспечив себя поручением управления своим единоземцам, которые, по необходимости, должны были защищать его интересы, потому что судьбу свою связали с его судьбой, Курбский, зимой 1565 года, с 15.000 королевским войском вторгнулся в область Великих Лук. В жалованной грамоте, данной Курбскому на город Ковель, король хвалит князя за

---

[407] Ист. Гос. Росс., т. IX, пр. 124.
[408] Жизнь кн. Курб. в Лиг. и на Вол., т. II, стр. 194.
[409] Там же, т. II, стр. 154.
[410] Там же, т. I, стр. V, прим. 13.
[411] Там же, т. I, стр. 58.

мужество и храбрость, оказанные в этом походе: «находясь», говорит он, «на службе нашей господарской, князь Курбский был посылаем вместе с рыцарством нашим, воевать земли неприятеля нашего московского, где служил нам, господарю, и республике доблестно, верно и мужественно[412]». Все подвиги Курбского во время этого похода состояли в разграблении церквей и опустошении сел. В своем послании к Иоанну он сам сознается в этом: «Принужден бых, — пишет он, — от короля Сигизмунда Августа Луцкия волости воевати, и тамо зело стерегли есмы с Корецким князем, иже бы неверные церквей Божиих не жгли и не разоряли; и воистину не возмогох, множества ради воинства, устрещи; понеже пятьнадесять тысящей тогда было войска, между которыми не мало было оно варваров измаильтеских (татар), ово других еретиков, обновителей древних ересей, врагов креста Христова, и без нашего ведома, по исхождению нашему, закрадшеся нечестивые, сожгли едину церковь и с монастырем[413]».

В большом расстройстве нашел Курбский, по возвращении из похода, свои имения. Пользуясь его отсутствием, князья и паны княжества литовского, земли Волынской, паны польские и земляне коронные, имевшие земли и оседлости около его поместья ковельского, открытой силой захватывали земли, принадлежащие к волости ковельской, присвояли их себе и заселяли своими крестьянами[414]. С другой стороны, право владеть ковельским имением, предоставленное Курбскому королем, оказалось на деле невозможным. Село Ковле, из которого после образовался город Ковель, было отчиной князей Любартовичей-Сангушков. В 1515 году Сигизмунд I дозволил князю Василию Михайловичу Сангушку образовать из села город и дал ему магдебургское право. Князь Василий Сангушко уступил Ковель знаменитой королеве Боне, и, с этого времени, Ковлем постоянно заведовали королевские старосты; они собирали королевские доходы, творили суд крестьянам и шляхте. В своих действиях эти старосты руководствовались литовским статутом и особенными повелени-

---

[412] Жизнь кн. Курб. в Лиг. и на Вол., т. I, стр. 245.
[413] Там же, т. I, прим. 14.
[414] Там же, т. I, стр. 199.

ями короля. Владея укрепленным ковельским замком, они обязаны были, вместе с боярами путными, панцирными и землянами, являться на службу. На основании магдебургского права, менцане города Ковля составляли общину, имевшую свой суд, свое управление и свое цеховое устройство. Каждогодно, в первый понедельник после нового года, они избирали из среды себя 8 опытных, степенных и ученых мужей; а из этих 8 староста избирал 4·ратманов, из которых одного назначал бургомистром. Ратманы заведовали городскими доходами, расходами, полицией и взыскивали штрафные деньги, которые делили между собой. Бургомистр сменялся ежемесячно. Судебная власть была в руках войта и лавников (присяжных заседателей). Войта избирал из мещан староста, а лавников избирали из среды себя сами мещане. Как тот, так и другой избирались на всю жизнь и составляли *местский суд,* который заведовал уголовными и гражданскими делами мещан и вел свои актовые книги. На войта и лавников апеллировали бургомистру и ратманам, на этих — старосте ковельскому, а на решенье последнего — королевскому суду. Ремесленники составляли особые цехи, и каждый цех имел свое огнестрельное оружие, свои законы и начальников. Для управления цехом избирались ежегодно цехмистр и четыре брата.

Ковельские мещане имели право свободно и беспошлинно закупать воск, хмель, мед и скот по всем селам староства ковельского; они могли брать, в пользу казны, десятину с лесу и сушеной рыбы, взимать пошлину подужную, померную, мостовую, весовую и воскобойную[415]. В таком виде поступил во владение князя Курбского город Ковель. Власть Курбского нисколько не превышала власти бывших ковельских старост: он должен был заботиться о спокойствии и безопасности города, об исправном исполнении государственных повинностей; он имел право суда над боярами, землянами и крестьянами ковельскими, и мог требовать первых на королевскую службу. (Мещане ковельские пользовались личной свободой и имуществом на основании магдебургского права, а евреи состояли под защитой королевских привилегий, да-

---

[415] Жизнь кн. Курб. в Лиг. и на Вол., т. I, стр. 10.

вавших им важные права). Если бы король захотел подчинить Курбскому все эти сословия на основании вотчинного права; то нарушил бы основные законы государства.

Желая определить, на каких правах Курбский, без нарушения коренных государственных установлений, может владеть замком и областью ковельской, Сигизмунд Август, 25 февраля 1567 года, дал ему новую жалованную грамоту, которой Ковель был пожалован Курбскому только ленным правом. В этой грамоте Король объявлял, что имение ковельское есть собственность королевская, что Курбский получил от короля это имение только для своего содержания; но что право владеть им, как собственностью, остается за королем[416]. Далее король объявлял, что Курбский может и должен владеть этим имением на том же самом основании, на каком управлялось оно от короля по смерти Боны, и также обязан отправлять для короля военную службу, как и шляхта великого княжества литовского[417]. Следовательно, Курбский не мог располагать Ковельским имением, т. е. не мог ни продавать, ни закладывать, ни завещать его кому-нибудь. По смерти Курбского это имение должно было перейти к сыну его или в казну, если бы после Курбского не осталось потомков мужеского пола. Получив на таких условиях ковельское поместье, Курбский не мог быть доволен королем, потому что нисколько не вознаграждался за московские свои владения, которые покинул обольщенный королевскими обещаниями. Желая вознаградить его за потери, Сигизмунд Август грамотой, данной 23 ноября 1567 года, пожаловал ему волость смединскую на том же праве, как и Ковель. Все доходы, собираемые с этой волости, поступали в собственность Курбского. Другой грамотой, от 27 июля 1568 года, король пожаловал Курбскому в волости упитской следующие села: в войтовстве повешмянском — Повешмяны, Екелишки, Поверсмы, Поберли, Лису; в воотовстве пуринском — Пурины, Сонтовтово; в войтовстве сколминовском Довчишки, Елконданы, Миняны; в войтовстве илкоголовском Поедупы, Крештишки — всего 10 сел с 4.000 десятин земли. Эти земли пожалованы были

[416] Сказания кн. Курбского, стр. 232.
[417] Жизнь кн. Курбск. в Литве и на Волыни, т. I, стр. 1.

Курбскому и его потомству на вечные времена с обязательством отправлять военную службу[418].

Главной задачей Курбского, по отношению к обществу, было достижение полной, безотчетной самостоятельности, чтобы никакая внешняя сила не полагала препон его воле, не сковывала его желаний. Поэтому основное правило его было: во всех своих действиях следовать указанию своих выгод, не стесняться законами; а признавать их силу, давать им значение только тогда, когда в них нет противоречия его интересам. Закон терял силу в глазах Курбского, как скоро становился в разлад с его расчётами. Одним словом, Курбский хотел быть сам законодателем для себя. Принужденный в России стать в уровень с прочими подданными Иоанна IV, следовать указаниям, исполнять, часто противоречившие личным выгодам, повеления своего государя, он, несмотря на запрещение, еще Иоанном III, отъезда, отъезжает из России и таким образом нарушает закон, потому что считает это выгодным для себя. Слабость литовских законов, крайнее бессилие королевской власти в Литве и Польше дали возможность Курбскому вполне выказать свой гордый, надменный характер; к Курбскому, как нельзя лучше, привилось своеволие польских и литовских магнатов, и Сигизмунд Август, вызовом его надеявшийся приобрести самого деятельного, ревностного помощника в борьбе с сильной Москвой, скоро увидел, что в Курбском приобрел себе подданного в высшей степени строптивого, непокорного и неблагодарного. Самовольно присвоил себе Курбский титул князя Ковельского и в письмах своих к Иоанну подписывался всегда: «княжа на Ковлю» Пожалованным ему на содержанье имением он начал распоряжаться, как полной собственностью. Так, жалованной грамотой 1572 года июня 10 дня, он отдал Ивану Калымету в вечную и потомственную собственность, с обязательством отправлять военную службу, села: Смунь и Сушки; а Андрею Барановскому — село Борки и три дворища в Мостищах. Без королевского позволения записывая этим лицам в вечную собственность имения, Курбский явно нарушал законы великого княжества литовского[419].

---

418 Жизнь кн. Курб. в Лиг. и на Вол., т. II, стр. 230.

419 Там же, т. I, стр. 9.

Скоро начал он нарушать и права, и привилегии своих ковельских подданных. Его урядник ковельский, Иван Калымет, посадил, в замке Ковле, в помойную яму, куда напусканы были пиявки, несколько жидов, запечатал их лавки и пивницы будто бы за то, что эти жиды не хотели заплатить «Таврину Перекрещенцу долга в 500 коп. грошей литовских. Возный владимирского повета Тихон Оранский, отряженный для производства следствия, не был впущен в замок, а когда спросил вышедшего к нему на замковый мост Ивана Калымета, по какому праву он поступает так с жидами, то получил ответ: «Разве пану не вольно наказывать своих подданных не только тюрьмой или другим каким-нибудь наказаньем, но даже и смертью? А я, что ни делаю, все то делаю по приказанию своего пана, его милости, князя Курбского; ибо пан мой, князь Курбский, владея имением ковельским и подданными, волен наказывать их, как хочет, а королю, его милости, и никому другому нет до того никакого дела. Но как жиды ссылаются на короля, то пусть король их и защищает, а я их из-под ареста не выпущу». Угнетенные жиды отправили депутатов на люблинский сейм, где находился тогда и князь Курбский. На сейме последний настаивал на том, что имеет право распоряжаться жидами, как подданными; а ковельский урядник даже приказал жидам, в определенный срок, выехать из города.

Теперь-то в первый раз король декретом своим дал знать Курбскому, как ограничены права его на владение Ковлем. Несмотря на свое сопротивление и досаду, Курбский, вследствие этого декрета, должен был выпустить жидов из-под ареста. Но так как Курбскому казалось оскорбительным для его чести и не согласным с знатностью его рода сознаться, что над ним есть власть, которой он должен подчиняться, что есть лицо, которое может ему приказывать; то, освобождая жидов, он объявил, что делает это из уважения к ходатайству великого канцлера польского Валентия Добенского и великого польского коронного маршала пана Фирлея, а не вследствие королевского повеления[420]. Дело это окончилось тем, что Декретом своим от 1569 г. король объявил, что ковельские жиды, как собственные его подданные, должны ненарушимо пользоваться своими правами

---

[420] Жизнь кн. Курб. в Лиг. и на Вол., т. I, стр. 12.

и привилегиями. В заключение король назначил штраф, которому должен будет подвергнуться Курбский за неисполнение этого декрета[421].

Раздражая короля своеволием, Курбский был, в отношении к равным себе, самым беспокойным соседом. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на количество его тяжебных дел. Дорого платился ему тот, кто наносил ему какое-нибудь оскорбление или задевал его интересы. Мстя за обиду, часто мелочную, Курбский с толпой вооруженных слуг врывался во владения своего недруга, жег, грабил и убивал людей. Случалось, что поступал он так и не из мести, но единственно из желания корысти, имея в виду только грабеж и разбой. Если кто-нибудь требовал от него удовлетворения за обиду, то он обыкновенно отвечал угрозами. Итак, расскажем теперь отношения Курбского к соседям. Однажды Курбский сделал нападение на Смедынь, имение князя Чарторыйского. Чарторыйский жаловался королю на такое самоуправство. Этот последний приказал Курбскому удовлетворить Чарторыйского за убытки. Но Курбский отвечал королевскому посланцу: «Я не велю вступаться в землю смедынскую, а приказываю защищать свою землю. А если смедынцы будут присвоят себе мою вижовскую землю, острова, которые описаны в королевской грамоте, то я прикажу ловить их и вешать, потому что та земля моя вижовская, а не смедынская. А что касается до удовлетворения, которого смедынцы требуют от крестьян и урядников моих за обиду и вред, то я им в том суда давать неповинен; ибо если что урядники и крестьяне мои сделали, то сделали, защищая мою землю. А скота и овец, крестьянке смединской, Омельяновой, я возвращать не велю, потому что этот скот должен принадлежать мне[422].

Таким образом, не слишком-то испугался Курбский строгого декрета королевского и вскоре, без всякой даже видимой законности, завладел Туличовым, имением Красенских[423]. Красенские подали жалобу королю, который приказал Курбскому немедленно возвратить имение законным его владетелям. Декрет получен был Курбским уже после смерти короля. Королев-

---

[421] Жизнь кн. Курб. в Лиг. и на Вол., т. I, стр. 16–18.
[422] Там же, т. II, стр. 197.
[423] Там же, т. I, стр. 1–13.

ский коморник, Вольский, посланный с этим декретом, должен был долгое время странствовать по имениям Курбского прежде, нежели мог увидеть его. Получив сведение, что Курбский находится в Миляновичах, Вольский поехал туда, но сторожа заперли перед ним ворота и объявили, что князя Курбского в Миляновичах нет, что он уехал в Гридковичи, а урядник Миляновский не велел пускать Вольского в местечко. В то же время слуга Курбского, Захария Москвитин, выйдя к воротам, сказал, что Курбский уехал в Ковель. Таким образом, Вольский поставлен был в недоумение, где искать Курбского. Подумав, он решился прежде ехать в Гридковичи. Здесь его также не пустили на двор и сказали, что Курбский в Миляновичах. Отсюда Вольский поехал в Ковель и, когда его и здесь также не пустили в замок, потребовал, чтобы о нем доложили ковельскому наместнику или войту; но получил ответ, что и тот, и другой находятся вместе с Курбским в Миляновичах. Поехал опять Вольский в Миляновичи и потребовал, чтобы сторожа доложили об нем или самому князю, или тамошнему уряднику, чтобы этот последний мог дать ему о князе верные сведения. Наконец, ковельский войт Матуш Трошковский и ковельский урядник Кирилло Зубцовский вышли к нему и объявили, что князь Курбский уехал в Круную к воеводе киевскому. Но приключения Вольского этим еще не кончились. Погрозив ему палкой, Кирилло Зубцовский прибавил, чтобы он не смел более ездить в имения князя Курбского. Узнав от слуг князя Острожского, что Курбский находится в Турийске, Вольский поехал туда и подал Курбскому, приехавшему вслед за ним из Миляновичей, королевский декрет, повелевавший возвратить Туличов Красенским. Но Курбский не взял указа королевского и произнес слова, которые, как нельзя лучше, характеризуют его: «Ты, пан Вольский, ездишь ко мне с мертвыми листами, потому что когда помер король, то и все листы его померли. Когда приедешь ко мне с листами от живого короля, то такие листы я приму от тебя с честию и буду поступать согласно с ними, а этих листов, как умерших, не беру. Да хотя бы ты и от живого короля приехал ко мне с листами, то я тебе и никому другому Туличова не уступлю[424]». Я заметил, что эти слова чрезвычайно хорошо

[424] Жизнь кн. Курб. в Лиг. и на Вол., т. II, стр. 196.

характеризуют Курбского. Руководясь одними эгоистическими побуждениями, он не был способен чувствовать благодеяний, ему оказываемых. Благодетель в его глазах имел цену только до тех пор, пока можно было от него ожидать еще чего-нибудь. В противном случае, Курбский готов был пожертвовать им, если только это влекло за собой большие выгоды. Возьмем, например, отношения его к Иоанну Грозному. Мы уже видели, что Грозный умел ценить дарования Курбского, отличал от толпы и быстро возвышал его на поприще службы государственной — в какие-нибудь шесть лет Курбский из детей боярских первой статьи сделался думным советником, одним из первейших бояр московского царства[425]. Сам Курбский, как мы уже видели, говорит, что Иоанн питал полную доверенность к его талантам, делал ему важные поручения, в лестных выражениях отзывался о нем[426]; одним словом, высоко ценил его. Но чем же этот, любимый Иоанном[427], человек заплатил своему царю и благодетелю? Выгоды требовали от него измены, и он продал верность к законному государю, от которого не видал ничего, кроме добра, бежал в Литву и, мало этого, заклеймил еще Иоанна именем палача, тирана, кровопийцы, обременил память его страшными преступлениями, чтобы оправдать свою измену в глазах потомства. Не лучше, как мы сейчас видели, он поступил и в отношении к своему новому государю Сигизмунду Августу. Сигизмунд Август осыпал Курбского благодеяниями, заботился, сколько мог, о благосостоянии, о выгодах его и, в награду за это, увидел одну черную неблагодарность. Своеволие и самовластие Курбского даже возбудило в шляхте серьёзные опасения. На люблинском сейме 1569 г. она жаловалась на него и потребовала у Сигизмунда Августа, чтобы имения, пожалованные, вопреки литовским законам, Курбскому, были отобраны. Но король не уважил этой просьбы, объявив, что Ковель и староство Кревское даны Курбскому по важным причинам государственным[428]. Заступничество короля сохранило Курбскому имения, но не могло пробудить

---

425 Жизнь кн. Курб. в Лиг. и на Вол., т. I, стр. 3–6.
426 Там же, т. I, стр. 38.
427 Там же, т. I, стр. 39–45.
428 Сказания кн. Курбского, стр. 157.

чувства благодарности в его черствой душе, и он же, по смерти Сигизмунда Августа, издевался над его приказаниями.

Скучно было Курбскому в Литве, и он решился искать для себя развлечения в семейной жизни. В 1571 г. вступил он в брак с княгиней Марьей Юрьевной, урожденной Голшанской. Отец её, князь Юрий Колтайский, был женат на Марии, урожденной княжне Сангушковне. Дочь их, Марья Юрьевна, о которой сейчас будет речь, была за мужем за Андреем Якубовичем Монтолтом, от которого имела двух сыновей Яна и Андрея. По смерти первого мужа своего, она вышла за Михаила Тишковича Козинского, от которого имела дочь Варвару, бывшую за князем Юрием Збаражским[429].

По смерти Козинского, Марья Юрьевна сделалась владетельницей обширных и богатых поместий. Имения принадлежали ей следующие: вместе с сестрой своей Анной Юрьевной, выданного за Олизара Кирдея Мылского, Марья Юрьевна владела родовой собственностью Голшанских, Дубровицей; в виленском повете принадлежало ей имение Шишели, а в повете владимирском — Крошты[430]. Кроме того, князь Александр Полубенский подарил ей свою часть в Звоне Великом Дубровицком, принадлежавшую жене его Софье Юрьевне, урожденной Голшанской[431]. Сверх этих родовых владений, Марья Юрьевна располагала еще имениями, записанными ей прежними мужьями. По литовским законам жених, пред вступлением, в брак, давал невесте вековую запись — записывал ей, в обеспечение приданого, третью часть своего недвижимого имущества. Первый муж Марьи Юрьевны, Андрей Якубович Монтолт записал ей, на вечные времена, имения: Жирмоны и Болтеники в лидском повете и Орловкишки в ошмянском, а второй, Михаил Козинский-Осмиговичи в Владимирском повете[432]. Кроме этих имений, Марья Юрьевна принесла Курбскому в приданое богатое движимое имущество, состоявшее в золотых и серебряных вещах, посуде и богатых одеждах. В табунах, находившихся в

---

[429] Сказания кн. Курбского, стр. 70.
[430] Там же, стр. 70.
[431] Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. I, стр. 10.
[432] Там же, т. I, стр. 157.

её имениях — Дубровицком и Болтениках, находилось 500 лошадей, кроме рогатого и мелкого скота.

Что касается до личных свойств Марьи Юрьевны, то она отличалась набожностью. Перед ней постоянно лежали: евангелие, одна доска которого была вся серебряная, вызолоченная, а другая обложенная красным бархатом; эта оправа стоила 48 грошей польских, а самое евангелие (рукописное) стоило ей 4 копы грошей; крест серебряный, вызолоченный, стоивший 48 злотых, кипарисный ковчежец довольно значительной величины, в котором находилось много образов и мощи многих святых, оправленные в серебро; вещи необходимые для церкви: миро и мощи, доставленные ей за большую цену патриархом иерусалимским. Некоторые из этих вещей достались Марье Юрьевне от отца её, князя Юрия Голшанского, а другие от тетки, княгини Андреевой-Соколинской, Василисы Сангушковны[433]. Марья Юрьевна вообще очень любила душеспасительные книги: у неё были псалтырь, евангелие учительное, 2 октоиха и книга, называемая сборник, — все эти книги она покупала за значительную цену[434].

Вступая в брак с княгиней Марьей Юрьевной, происходившей из древнейшей фамилии, Курбский имел в виду, кроме богатства, еще родство с важнейшими литовскими фамилиями, что для него, как иностранца, было чрезвычайно важно: вельможи в Литве и Польше управляли и королем, и государством. Чрез Марью Юрьевну Курбский вступал в родственную связь с князьями Сангушками, из которых особенно был дружен с ним князь. Роман Сангушко, воевода Брацлавский, славный победой над московскими войсками, роднился с Збаражскими, Соколинскими, Полубенскими, Сопегами, Монтолтами и Воловичами. Имея такое сильное родство, Курбский и сам приобретал более значения и важности и, в случае нужды, мог надеяться на сильную помощь.

Но не сопровождался этот брак теми последствиями, каких ожидал от него Курбский. Прельщенный богатством и знатностью рода Марьи Юрьевны, он упустил из виду два

---

[433] Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. I, стр. 180.
[434] Там же, т. I, стр. 157.

важные обстоятельства: во-первых, Марья Юрьевна выходила за него уже в пожилых летах, пережив двух мужей; во-вторых, от первого брака у ней было двое сыновей, естественно делавшихся врагами Курбскому, потому что богатые владения их матери переходили к нему. В самом семействе Голшанских никогда не было согласия, — были одни беспрерывные раздоры и тяжбы. Жена Курбского беспрестанно ссорилась за дубровницкое имение с сестрой своей Анной Юрьевной Голшанской. Муж Анны Юрьевны, Олизар Кирдей Мылский, вмешивавшийся в эти ссоры, постоянно наносил обиды как жене Курбского, так и самому ему; нападал на имения Марьи Юрьевны; старался вымышлять разные клеветы с целью обесславить ее, или заводил тяжебные дела, чтобы нанести ей убыток[435]. Сама Анна Юрьевна с шайкой вооруженных слуг нападала иногда на имения соседних помещиков. Она и её муж отнимали у Марьи Юрьевны земли, портили границы, производили грабежи и разбои в её дубровицком поместье. Однажды Анна Юрьевна напала на сестру свою в дороге и отняла у неё движимого имущества ценой на 2.500 коп. грошей литовских[436]. Сыновья Марьи Юрьевны, Ян и Андрей Монтолты, были известны своим буйным характером, нападали на земли соседних владельцев, занимались грабежами и разбоями. Их двоюродная сестра Анна Монтолтовна, по объявлению её мужа, пана Згличинского, и по собственному её признанию, открыто вела развратную жизнь. Получив деньги от подкомория владимирского, она отправилась на ярмарку в Сокаль и, с жолнером Николаем Ковнацким, с которым здесь познакомилась, бежала от мужа. Когда, по приказанию короля, Ковнацкий возвратил её мужу, она опять бежала с Андреем Меньком, слугой подкомория кременецкого. Муж поймал, ее в Сенине, имении Кирдеевой, и представил в суд. Ян и Андрей Монтолты уговорили ее даже отравить мужа. При помощи слуги своего Андрея Менька, с которым имела непозволительную связь, она достала черную ящерицу, приготовила из неё отраву и подала своему мужу в

---

[435] Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. I, стр. 281–158.
[436] Там же, т. I, стр. 160.

леще во время ужина, а слуги эту же отраву поднесли подкоморию Семашку в питье, а жене его в меду[437]. Вот каковы были новые родственники князя Курбского, и мог ли он ждать от них чего-нибудь доброго?

Литовские законы требовали, чтобы приданое, принесенное невестой жениху, было обеспечено третью частью недвижимого имущества последнего. Вследствие этого, 8 сентября 1567 г., Курбский испросил у короля позволение обеспечить приданое будущей своей супруги ковельским или другими из данных ему поместий. Основываясь на соизволении короля, он дал невесте своей, в обеспечение её приданого, оцененного в 17.000 коп. грошей литовских, меновую запись на Миляновичах и на поместьях своих упитских. Марья Юрьевна также записала Курбскому в вечную собственность имение свое Осмиговичи в повете Владимирском, уступив ему это имение за 4.000 коп. грошей, литовских. В 1576 г. она вновь утвердила за Курбским свои вотчинные имения: Дубровину в повете пинском, Шешели и Крошты в повете Виленском, которые уже прежде записала за ним[438]. Таким образом, Курбский сделался теперь богатейшим вотчинником, владетелем чрезвычайно обширных поместий. Казалось, он достиг теперь своей цели, — обеспечил будущность свою и своего потомства, потому что на королевские имения даны были ему чрезвычайно ограниченные права. Но вышло иначе. Лишившись теперь всякой надежды когда-нибудь наследовать имения Марьи Юрьевны, родственники ёе начали питать к Курбскому непримиримую злобу. Особенно неутомимо действовал против него Олизар Кирдей Мылский. Беспрестанно оскорблял он Курбского и его жену, беспрестанно грозил им, грабил их крестьян, одним словом, старался всячески вредить. Ян и Андрей Монтолты, сыновья Марьи Юрьевны, также не оставались праздными зрителями этой разладицы родственников. Они принимали к себе тех из людей Курбского, которые наносили ему какой-нибудь ущерб. Вот, например, Один случай: 8 июля 1575 года Курбский проезжал из Литвы в Ковель. Во время этой поездки,

---

[437] Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. I, стр. 160.
[438] Там же, т. I, стр. 70.

мальчик Матвей Гинейко украл у него и его жены бланкеты за их печатями и собственноручными подписями, золотой перстень, дюжину серебряных ложек и с этими вещами убежал к Яну и Андрею Монтолтам[439].

Вскоре одно обстоятельство еще более усилило нерасположение к Курбскому родственников его жены. В марте 1576 года Марья Юрьевна сделалась тяжко больна. Отчаиваясь в выздоровлении и желая предотвратить все споры, могущие возникнуть, по смерти ее. За её имение, она написала духовное завещание, которым утверждала за мужем своим, князем Андреем Курбским, прежде уже записанные за ним, имения: Дубровицу, Шешели и Крошты, объявляя, что родственники её не имеют более на эти поместья никакого права. Сыну своему Андрею Монтолту отказала она один только Болтеники, да завещала ему и другому сыну Яну заложенные Орловкишки и Жирмоны с тем, чтобы, выкупив эти поместья, они нераздельно владели ими. Кроме того, она завещала своим сыновьям несколько серебряных вещей, панцирей и шишаков. Желая уничтожить возможность всякой подделки, она прибавляет в своем духовном завещании: «Если окажутся у кого-нибудь записи на имения, уступленные мной мужу моему; то уверяю по совести, что я этих имений никому, кроме мужа, не записывала[440]». Это завещание, устранявшее всех родственников Марьи Юрьевны от наследства, естественно в высшей степени ожесточило их против Курбского.

Хотя изменник по расчёту Курбский не мог привыкнуть к земле, где все было ему чужое, где не было у него ни одного воспоминания дорогого сердцу; он постоянно грустил «между человеки тяжкими и зело негостелюбными и к тому в ересех различных развращенными[441]». Беспрерывные ссоры и тяжбы, ветреная и разгульная жизнь шляхты, продажной и ничтожной, не могла прийтись по сердцу суровому москвитянину. С родины приходили к нему безотрадные, страшные вести: жена, сын его и мать погибли в темнице; Грозный царь «истребил различными смертями братию его, единоколенных

---

439 Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. I, стр. 154.

440 Там же, т. I, стр. 184–186.

441 Там же, т. I, стр. 72–73.

княжат Ярославских», отнял его имения и взял себе, погубил друзей его, разделявших его убеждения[442] — все это отравляло жизнь Курбского. Далее, изменяя отечеству, он надеялся найти в Литве богатство; но обманулся: участь его потомства не была обеспечена. Он надеялся найти отраду в семейной жизни; но и это не удалось ему. «Чтобы не потребиться в конец грустью», занялся он науками: изучал латинский язык, переводил Цицерона, занимался философией. «Аз же, — говорит он (когда дошли до него слухи о гибели древних боярских родов), — вся сия ведах в слышах, и бых обнят жалостию, и стисняем отовсюду унынием, и снедающе те нестерпимые, предреченные беды, яко моль, сердце мое. Помянух и обращахся в скорбех ко Господу моему со вздыхании тяжкими и со слезами, просяще помощи и заступления, да отовратит гнев свой и да не презрит унынием потребитися, и утешающимися в книжных делех и разумы, высочайших мужей прехождах. Прочитах и рассмотрях физические (физика есть книга Аристотельская, коя в себе замыкает прироженую, або естественную философию, и есть зело премудра), и обучахся и навыках, аттических (также и аттика, десять книг Аристотельских, кои научают наилепшей философии, сиречь обычаю любомудрия, и человеческому роду наипаче зело потребнейша). Часто ж обращахся и прочитах сродные, мои Священные Писания, ими же праотцы мои по душе воспитаны». Но изучение одних языческих писателей не удовлетворяло Курбского. «Однажды, — пишет он, — бывши еще в России, спросил я Максима Грека: все ли сочинения великих восточных учителей переведены с греческого языка на славянский, и есть ли они у сербов, болгар или других славянских народов? Максим Грек отвечал мне, что многие из этих сочинений не переведены не только на славянский; но даже и на латинский язык, потому что греческие цари строго запрещали это. Но, когда турки осадили Константинополь, последний царь Константин отправил библиотеку в Родос и Венецию. По падении же Константинополя, патриарх бежал с церковной библиотекой в Венецию, и венециане перевели на

[442] Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. I, стр. 52–53.

латинский язык книги, привезенные им, и, отпечатав, распространили повсюду». «Аз же, — продолжает Курбский, — сие слышах от прелюбезневшего учителя моего и, приехав уже мне ту (т. е. в Литву) от отечества моего, с сожалением потщахся, латинскому языку приучатися того ради, иж бы могл преложити на свой язык, что еще не преложено, им же наших учителей чуждые наслаждаются, а мы гладом духовным таем, на свой зряще, и того ради немало изнурих в граmотических, и в диалектических, и в прочих науках приучался. Егда уже по силе моей навыкох им, тогда купих книги и умолих юношу к переводу, именем Амброжия, от родителей христианских рожденна, зело в писаниях искусна суща, а верх философии внешние достигши. И первое протолковах с ними с латинского в словенско все главы с книг Златоустовых, што он исправил на сем свете будучи[443]» и проч.

Такая жизнь Курбского не могла быть приятна Марье Юрьевне, и она скоро раскаялась, что записала ему все свои имения. Желая поправить дело и освободиться из-под власти угрюмого мужа, она приказала своей девке Раинке и брату её, Матвею, подломать кладовую старосты ковельского Кирилла Зубцовского и, похитив хранившиеся там документы на дубровицкое имение, переслала чрез Ждана Мироновича, писаря своего мужа, к сыну Яну Монтолту, хотела и сама убежать к последнему; но Курбский запер ее в ковельском замке. Несмотря на строгость надзора, Марья Юрьевна находила средства пересылаться с Андреем Монтолтом; вербский игумен Симеон и калики перехожие передавала её письма. В этих письмах она умоляла пана Андрея избавить её от заключения или тайно, или открытой силой.

Один случай увеличил охлаждение Курбского к жене. Делая обыск, по случаю похищенья упомянутых документов, Курбский нашел, в сундуке княгини мешок с песком, волосами и другими снадобьями. Оказалось, что Марья Юрьевна выпросила все это у одной старухи, как средство снискать любовь мужа. Узнал также Курбский, что, раздраженная теперь против него, Марья Юрьевна старалась добыть от этой же старухи какого-нибудь зелья, только уже не для приобретения любви, а для отравы

[443] Жизнь кн. Курб. в Литве и Вол., т. I, стр. 72–77.

мужа. Не остался глух к просьбам матери и Андрей Ментол: злобясь на Курбского по известной уже нам причине, он разъезжал с толпой вооруженных людей в окрестностях Коваля и Милянович, ловил и подстерегал Курбского по дорогам, делал засады с намерением лишить его жизни. Видя, наконец, безуспешность своих поисков, он открытой силой наехал на волость скулинскую, принадлежавшую Курбскому, сожег заготовленные там запасы бочечных досок, схватил сторожей Курбского, изранил некоторых из них, а других, связав, увез с собой и, желая узнать, где находится князь Курбский, приказал их пытать. Мало этого. Сделав столько вреда Курбскому, Андрей Монтолт начал еще дело судебным порядком. Он объявил, что Андрей Курбский неблагопристойно избил его мать, а свою жену, княгиню Марью Юрьевну, измучил ее и посадил в жестокое заключение, что она, вследствие таких побоев и мучений, уже умерла. Для дознания на месте истины этого обвинения, отряжены были в Миляновичи возные Григорий Вербский и Тихонович Оранский. Возный, допущенный к княгине, нашел Курбского больным. Он лежал на кровати, а княгиня сидела подле него на скамейке. На вопрос Курбского о причине посещения, возный объявил ему жалобу Андрея Монтолта. «Вот, пан возный, смотри, — сказал ему Курбский, — жена моя сидит в добром здоровье, а дети её выдумывают на меня такие вещи». Потом, обратясь к княгине, сказал ей: «Говори, княгиня, сама». Марья Юрьевна отвечала очень двусмысленно: «Что мне и говорить, милостивый князь, когда сам возный видит, что я сижу[444]». Недовольный таким исходом дела, брат Андрея, Ян Монтолт подал жалобу королю. В этой жалобе он обвинял Курбского в суровом обращенье с Марьей Юрьевной, говорил, что она терпит от Курбского побои только за то, что не записывает за ним своих владений, которые должны принадлежать её сыновьям. Ян Монтолт уверял, что мать его Марья Юрьевна чуть жива и если умрет, то, непременно, или от побоев, или от яда, а потому просил короля запретить Курбскому жестокое обращенье с женой своей, а их матерью, и дозволить ей развестись с ним[445].

---

[444] Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. II, стр. 308.
[445] Там же, т. II, стр. 303.

Вследствие этой жалобы Курбский, в 1578 г., был позван на суд королевский и должен был приехать во Львов. Но до королевского суда не дошло, и обе стороны согласились предоставить решение дела третейскому суду, составленному из друзей каждой стороны. Третейский суд решил, что Курбский должен развестись с женой. При этом случае предписывалось ему выполнить следующие условия: во-первых, из 15.000 коп. грошей, данных в долг Марье Юрьевне, должен был простить 13.800 коп. грошей; а остальные 1.200 коп. Марья Юрьевна обязывалась уплатить ему; в обеспечение этого обязательства Курбский удерживал за собой Дубровицу, уступив Марье Юрьевне на содержание до тех пор, пока будет владеть дубровицким имением, имение Шешели, а имение Крошты и, по возвращении Дубровицы, Шешели должны будут принадлежать ему пожизненно. Имением дубровицким Курбский должен был владеть до римско-католического праздника Нового Года (т. е. до 1579 г.) и, за две недели до этого срока, Марья Юрьевна и сын её Ян Монтолт должны были заплатить Курбскому 1.200 коп. грошей. Во все время владения дубровицким имением, т. е. от 1 августа 1578 года до 1 генваря 1579 года, Курбский обязывался: не жечь смолы в пустошах и лесах дубровицких, не делать бочечных досок; отступить от этого обязательства мог он только в том случае, если деньги не будут ему выплачены в срок. Свое обязательство он обеспечивал закладом 3.000 коп. грошей литовских. Кроме того, Марья Юрьевна заложила Курбскому, за 150 коп., много церковных вещей. Записью от 2 августа того же года Курбский обязался возвратить ей все эти вещи, если она представит ему взятые ею деньги, вместе с 1200 коп. к 17 декабря того же года[446]. Во-вторых, согласившись на развод с Марьей Юрьевной, Курбский должен был, по окончании дела духовным судом, отпустить ее от себя со всей учтивостью. Утвердив в Ковле, куда Курбский и Марья Юрьевна возвратились из Львова, своими подписями постановления третейского суда, отправились они вместе во Владимир, где епископ и утвердил их развод[447].

[446] Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. II, стр. 304.
[447] Там же, т. I, стр. 79–82.

В это время в Литве ничего не значило расторгнуть брак; слабость светской законодательной власти отразилась и на власти духовной; как в делах уголовных и гражданских взаимное соглашение прекращало процесс и исследование, так и в делах, касающихся развода, достаточно было взаимного согласия супругов на развод. Недовольные друг другом, супруги являлись сперва в уряд, где представляли друг на друга жалобы, изъявляя согласие на развод. За тем это дело переходило в суд духовный, и, не имея возможности противиться укоренившемуся обычаю, духовная власть приводила в исполнение решение уряда или третейского суда. Так, на основании приговора третейского суда, Владимирский епископ Феодосий утвердил развод Курбского с Марьей Юрьевной.

Получив разводную, Курбский отпустил Марью Юрьевну с должной честью, дав ей коляску, запряженную четверкой лошадей с тем, чтобы, приехав к себе на квартиру, она прислала к нему обратно экипаж и лошадей[448]. При этом случае слуги и крепостные люди Марьи Юрьевны отступились от неё, и за лучшее почли остаться у Курбского[449].

Развод с Марьей Юрьевной не избавил Курбского от неприятностей и обид со стороны её родных. Когда слуга и кучер Курбского, привезшие Марью Юрьевну в дом князя Юрия Збаражского во Владимире, хотели возвратиться домой с экипажем; то воевода Минский, Николай Сопега, бывший при разводе посредником со стороны Марьи Юрьевны, приказал слугам своим палками переломать кучеру руки и ноги, а экипаж и лошадей удержать. Получив известие о таком насилии, Курбский отправил других слуг с возным Жданом Цирским требовать возвращения экипажа и лошадей. Выйдя к присланным, Сопега поносил Курбского бранными словами, грозил ему и людям его, посылаемым в Литву, и, наконец, приказав выбрать из экипажа вещи Марьи Юрьевны, возвратил его Курбскому[450].

Сама Марья Юрьевна также не оставалась в бездействии. Несмотря на то, что 2 августа 1578 г. Курбский объявил, что

---

[448] Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. I, стр. 79–82.
[449] Там же, т. I, стр. 107–114.
[450] Там же, т. I, стр. 137.

дарит ей 15.000 коп. грошей, взятых под залог дубровицкого имения, и не будет взыскивать этих денег ни с неё, ни с её потомства[451], она, того же числа, месяца и года, подала жалобу на Курбского, в которой писала, будто он, отпуская ее от себя, удержал её движимое имущество, состоявшее из золотых и серебряных вещей, взял к себе и не хотел возвратить всех дел по дубровицкому имению, как то: жалоб на обиды, показаний урядников и соседей, записей третейского суда, судебных решений и вводных листов, решений судов гродских и земских о взыскании с пана Олизара Кирдея Мылского и жены его Анны Юрьевны Голшанской на имении дубровицком; удержал два табуна дубровицкий и болтеницкий, четыре четверки лошадей выездных, экипажи, служителей и проч. В то же время она жаловалась, будто Курбский удержал у себя, неизвестно за чем, служанку её Раину, подверг се, неизвестно за что, таким жестоким мучениям, что она едва ли останется в живых[452].

Неизвестно, какой ход имело это дело; только 30 декабря 1578 г. Марья Юрьевна объявила, что, получив от Курбского полное удовлетворение за приданое, приняв свое дубровицкое имение в совершенной целости, она уничтожает все свои жалобы и объявления, поданные когда-либо на бывшего её мужа, Курбского, обязуется не вводить его более ни в какие затруднения и это обязательство обеспечивает закладом 1700 коп грошей, которые, в случае неисправности её, может взыскать с неё всякий суд и уряд[453]. В начале 1579 г. и Раина, служанка Марьи Юрьевны, объявила пред старостой, судьёй и урядниками Владимирскими, что все, прежде объявленное ею пред возными, каких бы то ни было поветов, к бесславию и поношению Марьи Юрьевны Голшанской и князя Андрея Михайловича Курбского, было ложью, которую она выдумывала в гневе и по внушению людскому. Это объявление, сделанное в присутствии, со стороны Курбского, Петра Вороновецкого, а со стороны Яна Монтолта, пана Пенковского, было записано в гродские книги[454].

---

[451] Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. I, стр. 137.
[452] Там же, т. I, стр. 162.
[453] Там же, т. I, стр. 137–139.
[454] Там же, т. I, стр. 123–124.

Занятый тяжбами и семейными раздорами, Курбский мало принимал участия в государственных делах. Только в 1573 г. марта 16 дня, он был выбран депутатом на элекцию или избрание короля. Четвёртого апреля, в субботу на фоминой неделе, он, вместе с прочими депутатами, должен был явиться к предводителю депутатов земли волынской, чтобы с этим последним отправиться в селение Камень под Варшавой, где должен был избираться король[455]. Спустя два года, татары ворвались в волынскую область. Курбский поспешно выступил против них со своим отрядом, со всеми слугами и боярами[456].

Обманувшись в расчётах приобрести большое значение в Литве посредством брака с Марьей Юрьевной, Курбский ухватился за другое средство. В правление последнего из Ягеллонов, Сигизмунда Августа, довершилось соединение Литвы с Польшей. Но, когда, по-видимому, все было окончено, когда, по-видимому, приведена была к концу вековая задача Ягеллонов, в Польше и Литве усилилось движение, вызвавшее сильное противодействие католиков, — распространился протестантизм. Иезуиты, явившиеся защитниками католицизма, не ограничились борьбой с протестантами, — начали борьбу и с православными, борьбу, окончившуюся отпадением от Польши Малороссии и присоединением последней к России. Вскоре после прибытия Курбского в Литву здесь началась Уния, и борение латинства с православием было в полном разгаре. Все усилия употребляли католики, чтобы православных обитателей литовского княжества заставить признать над собой власть папы и войти в лоно католической церкви. Курбский восстал против этого и явился ревностным защитником православия. Он писал письма к православным, убеждая их быть твердыми, непреклонными, крепко держать веру отцов своих; советовал не вступать в споры с иезуитами, не ходить в их беседы, разоблачал хитрости и заблуждения иезуитов[457]; переводил сочинения знаменитых церковных писателей с целью показать, что в эти сочинения внесено еретиками[458]; одним словом, выказывал

---

455 Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. I, стр. 128–136.

456 Там же, т. I, стр. 163–166.

457 Там же т. I, стр. 166–167.

458 Там же, т. I, стр. 48–49.

неутомимую ревность в деле поддержания православия, угрожаемого страшными опасностями. Но предположить, что в этом случае он действовал из чистых побуждений, кажется, невозможно. Прочитав внимательно сочинения Курбского, мы увидим, что везде Св. Учение служить у него средством к достижению какой-нибудь, отнюдь не высокой цели; следовательно, везде оно играет у него роль страдательную. Употребление во зло религиозных убеждений другого, по его мнению, ничего не значило, если только это было полезно для злоупотребляющего. Так, говоря о чудесах Сильвестра во время московского пожара, признавая их только детскими страшилами, поведанными, впрочем, от имени Божия, Курбский не только не винит Сильвестра за оскорбление религиозных чувств Иоанна, но и оправдывает его тем, что этой уловкой он выполнил свой план стать в челе правления[459]. Даже другим советует Курбский прибегать к таким мерам для достижения желаемого. Так, например, он говорит, что Вассиан Топорков должен был бы Св. Писанием доказать Иоанну, что царь непременно должен окружить себя советниками и любить их как свои уды, и сам, на основании Св. Писания, доказывает это положение[460]. Одним словом, все свои устарелые, сделавшиеся противозаконными, притязания Курбский старается поддержать учением Св. Писания. Неуважение Курбского к религии часто доходило до явной насмешки и презрения. Так, бежав из России по расчёту, он говорит, что со слезами будет жаловаться Владычице Богородице и св. Феодору Ростиславичу за то, что Иоанн принудил его бежать из отечества[461]. Мы знаем, что этого принуждения со стороны Иоанна не было; знаем, что Курбский изменил добровольно, потому что счел измену выгодной для себя, следовательно, на Иоанна жаловаться было не за что. Но всё-таки за мнимое гонение Курбский грозит царю судом Божиим[462]. Часто, желая оправдать свои поступки, Курбский давал превратный смысл приводимым им местам Св. Писания. Так, оправдывая бегство свое из России, он

---

[459] Жизнь кн. Курбского, в Литве и на Вол., т. I, стр. 66.

[460] Сказ. кн. Курбского, стр. 261.

[461] Так Курбский переводил беседы Златоустого.

[462] Сказ. кн. Курбского, стр. 9.

говорит, что поступил в этом случае согласно заповеди Христа Спасителя, сказавшего ученикам своим: «Аще гонют вы во граде, бегайте во другой[463]». Но Курбский забыл, что Божественный Учитель завещал последователям своим верность к отечеству, покорность верховной власти, а; если и сказал эти слова, то разумел здесь гонение за веру, которого в нашем отечестве никогда не было. Часто Курбский доходит в своих сочинениях до явного кощунства. Так, оправдываясь в том, что действовал против отечества, он говорит, что Давид, принужденный Саулом оставить землю израильскую, так же воевал свое отечество да еще в союзе с поганским царем; а он, Курбский, воюет Россию с Царем христианским[464], следовательно, действует гораздо благороднее Давида. Из истории нам известно, что ни под каким видом не соглашался Давид поднять оружие против отечества и Саула, которого считал помазанником Божиим, следовательно, Законным владыкой Израиля; знаем, что Давид оплакал трагическую смерть Саула и отмстил за нее филистимлянам. Таким образом, для оправдания своих противозаконных поступков, Курбский клеветал на того, кого Бог избрал из среды людей и поставил выше всех земнородных. Приведем другое доказательство: Иоанн пишет Курбскому, что сила животворящего креста предает в его руки города германские и низлагает врагов его[465]; Курбский, отвечая царю на это письмо, извещает о победах поляков над русскими и говорит, что животворящие кресты, о которых упоминает Иоанн, поломаны от некоего жабки (лягушка)[466]. Все эти свидетельства мы привели для того, чтобы показать, как глубоко была испорчена нравственная природа Курбского, что для него не было ничего святого; что самая заветная драгоценность человека, — ·религия была для него только средством к удовлетворению эгоистических побуждений.

Руководясь такими соображениями, мы придём к тому заключению, что стремление Курбского к поддержанию, защите православия проистекало не из религиозной ревности, а из причин иного рода. К несчастию, не редкость видеть в ис-

---

[463] Сказ. кн. Курбского, стр. 43–45.
[464] Там же, стр. 154.
[465] Там же, стр. 134.
[466] Там же, стр. 231.

тории подобные примеры. Разительное доказательство — реформация. По нашему мнению, лучшее объяснение деятельности Курбского в пользу православия, объяснение, совершенно с его характером согласное, будет следующее: господствующею верою в великом княжестве литовском была православная; народ и вельможи литовские были преданы ей; она была залогом русской народности, которую поляки старались уничтожить, следовательно, сильную оппозицию должно было встретить и встретило действительно желанье польских королей ввести в Литве католичество. Такое положение дел было выгодно для Курбского. Застеняемый сильными магнатами, он не мог играть значительной роли, не мог иметь сильного влияния на дела; а, склонившись на сторону оппозиции, мог, при своем образовании, рассчитывать, что сделается одним из главнейших её членов и, при удачном ходе дела, может вынудить у короля и магнатов утверждение за ним, в качестве родовой, полной собственности, пожалованных ему имений, а при богатстве и обширности этих последних, приобрести в обществе значение и вес. Вот чем, по нашему мнению, можно объяснить ревностное заступничество Курбского за дело православия, а не истинной ревностью его к пользам церкви, чего никак не следует из предыдущего; Курбский никогда не действовал бескорыстно: действия его всегда имели на заднем плане эгоистические расчёты. Возвращаюсь к изложению дальнейшей деятельности его в Литве.

Разведясь с женой, Курбский, согласно требованию церковных законов, не мог вступить во второй брак до её смерти. Но мы несколько раз имели уже случай видеть, что законы не играли важной роли в глазах Курбского, и вот, 26 апреля 1579 года, он вступил в брак с дочерью покойного пана Семашка, старосты кременецкого, Александрой. Род этой новой супруги Курбского ни богатством, ни знатностью не равнялся с родом его первой супруги Голшанской. Отец её Петр Семашко был старостой кременецким, а мать Софья происходила из дому Боговитинов. Петр Семашко имел трех сыновей: Яроша, Петра и Василья и трех дочерей: старшая, Анна была замужем за Федором Петровичем Загоровским; вторая, имя которой неизвестно, — за Василием Павловичем, а третья, Александра, оставшись сиротой, жила с братьями. Мать

завешала ей третью часть имения Добрятина и половину своих стад. Братья Александры Семашковны были небогатые шляхтичи. Еще до свадьбы они были знакомы с Курбским и, за 1600 коп. грошей литовских, заложили ему половину своего родового имения, Добрятина[467].

Литовский статут требовал, чтобы жених пред свадьбой давал виновую запись в обеспечение приданого невесты. Деньги, золотые и серебряные вещи, жемчуг и дорогие камни оценивались вдвойне, и вся сумма обеспечивалась третьего частью недвижимого имения жениха. Получив за женой 800 коп. грошей литовских, Курбский объявил, что получил приданого на 6.000 коп., следовательно, должен был записать невесте 12.000. Основываясь на позволении покойного короля Сигизмунда Августа, он записал приданое на своих литовских поместьях, составлявших третью часть всего его имущества, именно на местечках Криничине и Упитопотоках и на селах, к ним принадлежавших. На другой день после брака Курбский записал жене своей за 4.000 злотых польских, взятых для крайней надобности, половину, заложенного ему братьями её, имения Добрятина с тем, чтобы она владела им вечно, а если братья её захотят это именье выкупить, получила бы с них 1600 коп. грошей литовских[468]. В тот же день Александра Петровна Семашковна объявила, что братья, отдавая ее замуж, согласно с литовским статутом выделили ей из четвертой части наследственного имущества наличными деньгами, золотом, серебром и другого движимостью 800 коп. грошей литовских; что, получив от них плату сполна, она освобождает. Теперь и на вечные времена от платежа как их самих, так и жен, и детей их, отрекается от всех вотчинных имений и движимого имущества, оставшегося после отца и матери, и не будет требовать вена и приданого. В случае нарушения этой записи обязывалась она заплатить уряду 800 коп., а другие 800 коп. кому-нибудь из родственников[469]. Курбский был доволен своей молодой женой. В своем духовном завещании он называет ее «женой милой», говорит, что

---

[467] Сказ. кн. Курбского, стр. 232.
[468] Там же, стр. 225.
[469] Там же, стр. 234.

она оказывала ему доброхотные услуги, верность и благородные поступки; что она вела себя верно, услужливо и благородно, когда он был здоров, а в болезни усердно и искренно услуживала ему и прилагала большое старание о поправлении его здоровья с немалыми для себя издержками[470].

В 1580 году княгиня Александра Петровна родила дочь княжну Марину, а в 1582 году, обрадовала своего мужа рождением сына, князя Димитрия.

Недолго наслаждался Курбский семейным счастием. В 1579 г. король польский Стефан Баторий всеми силами королевства действовал против России, обязанный, как ленный владетель, явиться на службу с определённым числом воинов, Курбский с беглыми москвитянами и своими боярами должен быль стать под знамена короля и польской республики. Еще раз, на закате дней своих обнажил он меч против отечества. 29 июня 1579 г. король объявил, что князь Андрей Михайлович Курбский-Ярославский отправляется, вместе с ним, против московского царя с немалым своим отрядом, и так как государственными законами и постановлениями сеймов определено, что жолнеры, урядники и лица, добровольно отправляющиеся на войну, должны быть свободны от всякого суда, то повелел, чтобы, все тяжбы, иски и судебные решения, касающиеся Курбского, были приостановлены до возвращения его из похода[471]. К отряду своему Курбский присоединил еще 86 наемных козаков и 14·гусар. На содержание этого отряда, согласно приказанию короля, он употребил подати с польских своих имений за 1579 год. Курбский храбро бился под Полоцком[472]. Бесчестя своими поступками русское имя, он в двух письмах к Иоанну из Полоцка и Сокола торжественно выразил радость об уничижении России.

Здесь конец торжеству Курбского. Своим примером он доказал, что для изменников не существует прочного счастья. Беспрестанные неудачи преследуют его со времени полоцкого похода. По случаю войны с московским государем, на варшавском сейме, в 1578 г., определено было произвести во

---

[470] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I. стр. 173–174.

[471] Там же, т. I, стр. 170–175.

[472] Та же, т. I, стр. 176–177.

всех королевских имениях воеводств киевского, брацлавского и волынского набор военных людей, называемых гайдуками. Для набора этих гайдуков король отправил ротмистра своего Щасного Ляшевского, который, объезжая королевские имения, выбирал самых рослых и крепких людей на службу королевскую. Ляшевскому было приказано произвести набор и в имениях князя Курбского. Таким повелением король ясно показал, что не признает Курбского ни вотчинным, ни даже ленным владельцем ковельского именья, а только своим державцею или управляющим. Оскорбленный этим повелением, ставившим его наравне с безземельной шляхтой, Курбский упорно воспротивился королевскому декрету и не позволил ротмистру набирать гайдуков в своих имениях. Разгневанный Баторий отправил к нему, 20 июня 1580 года, из Вильны грозное послание: называя Курбского державцею ковельским, он приказывал ему, в ближайший вторник после праздника Успения, явиться на суд короля и сената и защищаться против инстигатора королевского. В заключение король объявлял, что за сопротивление его декрету и постановлению сейма Курбский должен будет внести штраф, положенный законом, а за непослушание и сопротивление заплатить лишением уряда и всего имущества, да сверх того должен заплатить за вред, нанесенный этим непослушанием и оцененный в 10.000 гривен[473]. Как успел Курбский отклонить королевский гнев, не известно; только король, 10 июня 1581 года, листом своим объявил, что благородный князь Андрей Михайлович Курбский-Ярославский, по особенному своему усердию к нему и республике, отправляется сам особой своей на службу против московского царя и посылает на свой счет немалый отряд людей своих; что потому на время его продолжительного пребывания на королевской службе должны быть приостановлены все касающиеся его дела[474]. Покрытый ранами и убитый горем Курбский не надеялся на долгую жизнь и, 5 июня 1581 года, написал свое первое духовное завещание. Назвав себя здесь князем Курбским, яро-

[473] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I, стр. 179–180.
[474] Там же, т. I, стр. 179–180.

славским и ковельским, он приказывает похоронить себя в ковельском монастыре в Вербке у ног духовника своего, священноинока Александра. В этом завещании Курбский распоряжается королевскими имениями совершенно самовольно. Он говорит, что эти имения пожалованы ему Сигизмундом Августом как в замену оставленных им в московском государстве владений, так и за верную службу республике и королю; что так как королевской жалованной грамотой разрешено ему передавать эти имения потомству, то он завещает жене своей именье Миляновичи в пожизненное владение, а город Ковель с замком, местечко Вижву с замком, в Литве местечко Криничино и Упитопотоки завещает своей дочери, княжне Марине. Но Курбский не имел никакого права поступать так, потому что королевскою жалованной грамотой позволялось ему передавать свои имения только потомкам мужеского пола, а если бы их не было, имение должно было перейти опять в казну. Половину Добрятина, заложенного ему Семашками, Курбский уступал жене, а именье Смедни, Кенов и Ворколабишки отказал своему потомству. Князю Константину Острожскому он завещал доспехи свои: зерцала булатные, шишак и поручи булатные золочения; а слуге своему Кириллу Зубцовскому — саблю, оправленную серебром. Написав это завещание, назначив в нем, в случае своей смерти, опекунами семейства своего Константина Острожского, кравчего великого княжества литовского, Василия Павловича и Кирилла Зубцовского, и обеспечив судьбу своего семейства, Курбский, в июне 1581 года, выступил в поход к Пскову, куда стремилось многочисленное королевское войско, чтобы завоеванием этой твердыни проложить путь к Москве. Но судьба не допустила Курбского еще раз поднять руку против отечества: еще в Литве, в имении своем Криничине, он тяжко заболел и не мог следовать за войском[475], а потому отряд его пошел к Пскову под начальством Кирилла Зубцовского. Листом своим, от 12 октября 1581 года, король объявил, что Курбский, хотя в настоящее время и больной, все-таки считается на королевской службе; что поэтому все дела,

[475] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. II, стр. 54.

касающиеся его, должны быть приостановлены до возвращения его из похода[476]. Кирилл Зубцовский с отрядом Курбского храбро бился под стенами Пскова. Сенаторы засвидетельствовали пред Баторием о доблести и верности благородного Кирилла Зубцовского, засвидетельствовали, что он прежде под Полоцком и Великими Луками, а теперь под стенами Пскова служил доблестно и верно, как прилично храброму рыцарю. Желая изъявить свою милость, король пожаловал Зубцовскому городничество луцкое пожизненно со всеми землями и прибытками. Эта жалованная грамота дана была в обозе под Полоцком 10 октября 1581 года[477]. Больной Курбский приказал перенести себя из Криничина в любимое местечко свое Миляновичи, куда с большим трудом и усилиями был перевезен на носилках, утвержденных между двумя лошадьми[478].

С этого времени до самой смерти несчастья постоянно преследовали Курбского и не давали ему возможности сколько-нибудь оживить свою душу, растерзанную скорбью. Видя неблаговоление к нему Стефана Батория, его прежние враги опять подняли голову, явились и новые. Мы видели уже, что Марья Юрьевна Голшанская, прежняя супруга Курбского, объявила его свободным от всяких взысканий с её стороны; но теперь, вероятно, подстрекаемая своими сыновьями, ненавидевшими Курбского, она снова начала стараться вредить ему, обвиняла его в незаконном расторжении с ней брака, требовала от него удовлетворения за нанесённые будто бы ей обиды и за удержанное имущество. Это было в 1581 году. Король издал декрет, которым повелевал сперва чрез духовный суд решить дело о разводе, как самое главное, а потом уже приступить к решению дела об удержании Курбским имущества бывшей его жены. Сроком суда назначено было 23 июля того же года[479]. Но Курбский не явился в суд, потому что в это время началась война с Россией, и король листами своими от 10 июля и 12 октября повелел, чтобы, по случаю отправления Курбского в поход, все, касающиеся его, судебные дела были

[476] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I. стр. 189–191.
[477] Там же, т. I, стр. 201–202.
[478] Там же, т. I, стр. 222.
[479] Там же т. I, стр. 216–217.

приостановлены. В декабре того же года митрополит снова позвал Курбского и епископа Феодосия на суд, но посланец митрополичий не мог вручить позовного листа Феодосию, потому что возный Ждан Цирский отказался присутствовать при этом деле[480]. Окончательный срок назначен был 17 генваря 1582 года, но 6 генваря Курбский объявил, что, посещенный от Бога создателя тяжкой болезнью, он не может явиться в срок к митрополиту, чтобы дать ответ княгине Марье Юрьевне. Возный Ждан Цирский, отправленный для освидетельствования Курбского, объявил подстаросте Владимирскому, что нашел Курбского действительно больным[481]. Между тем, Курбский старался принимать свои меры. Хотя он и развелся с женой своей, но по церковным законам не мог вступить в новый брак, пока жива была его прежняя жена, а равным образом и она не могла выйти замуж до смерти Курбского. Итак, вступив вопреки церковному уставу в брак новый, Курбский должен был опасаться, что брак его будет признан незаконным, а, следовательно, будут признаны незаконными и дети, родившиеся от этого брака, не будут иметь права на обладание пожалованными ему королем имениями, которые можно было передавать только законным детям мужеского рода. Желая отвратить это несчастие и как-нибудь выйти из своего затруднительного положения, Курбский, 20 июля 1581 г. приказал Ивану Семеновичу Ласковичу Чернчицкому, Землянину Луцкому, Зыку Тимофею Князскому и возному повета владимирского Ждану Цирскому записать в градские книги донос о преступных связях Марьи Юрьевны с слугой Жданом Мироновичем. Поименованные лица свидетельствовали об этом как очевидцы[482]. Такое обвинение могло послужить к оправданию Курбского, потому что в этом случае как развод его, так и новое супружество делались законными; но дело тем не кончилось. Марья Юрьевна продолжала требовать церковного суда. Митрополит киевский и галицкий, не полагая окончательного решения, представил королю свое мнение, что развод Курбского с Марьей Юрьевной находит противным

---

[480] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I, стр. 213–215.
[481] Там же, т. I, стр. 222.
[482] Сказ. кн. Курбского, стр. 455–456.

каноническому праву и незаконным, потому что ни муж, ни жена не представили никаких законных причин к расторжению брака; что, хотя бы развод был совершен и по законной причине, то все-таки Курбский, при жизни прежней жены, не мог вступить в новый брак. Объявив развод Курбского с Марьей Юрьевной и новый брак с Александрой Семашковной противозаконными, митрополит жаловался королю, что Курбский оказывает непослушание его духовной власти, не является к нему на суд, не только не допускает к себе посланцев его с позовными листами, но и велит бить их. Не смея отправить к Курбскому, известному своим буйным характером, позовного листа, митрополит просил защиты у короля. Известно, что Курбский часто оскорблял посланцев королевских и нередко, особенно при Сигизмунде Августе, не хотел исполнять даже королевских повелений. Но теперь обстоятельства переменились. Стефан Баторий, отличавшийся твердым и стойким характером, не мог допустить, чтобы Курбский, совершенно чуждый в его королевстве, изменник, которого он всегда мог лишить всего, своевольничал. 15 февраля 1582 г., он выдал декрет, которым предписывал, чтобы князь Курбский не отваживался ни сам лично, ни чрез своих приятелей и слуг оскорблять посланцев королевских и митрополичьих, и чтобы, соблюдая пристойность, вел себя спокойно; в противном случае Баторий грозил Курбскому взысканием пени в тысячу коп. грошей. В том же году, марта 16 дня, дворянин Павел Волк, посланец королевский, и священник Виленского собора Пречистенской церкви Иван Павлович Никольский явились в Миляновичи, где жил Курбский, и вручили ему: первый — означенный декрет, а второй — позов митрополита на суд. Далее, Павел Волк подал другой декрет королевский, данный в Вильно 15 февраля, которым повелевалось Курбскому непременно явиться на суд митрополита, не извиняясь более никакими причинами. Декрет повелевал Курбскому явиться на суд духовный чрез шесть недель, считая от 16 марта, следовательно, в первых числах июня месяца[483].

Неизвестно, какой исход имело это дело, но, судя по духовному завещанию, написанному Курбским 24 апреля 1583 года,

---

[483] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I, стр. 203–204.

можно заключить, что окончилось обоюдной мировой сделкой. Вот что Курбский пишет в этом завещании: «А что касается бывшей жены моей, «княжны Марьи Юрьевны, урожденной Голшанской, которая позывала меня на суд к его королевской милости и к митрополиту, то я заключил с нею мировую сделку на вечные времена согласно с решением «митрополита и на основании записей, данных друг другу. В этих записях подробно означен вечный нам уговор, и поэтому бывшей жене моей княжне Марье Юрьевне, урожденной Галшанской, уже нет более никакого дела ни до меня, ни до моего имущества»[484].

Во время этой тяжбы Курбского с Марьей Юрьевной многие из его подданных жаловались на него королю. Панцирный боярин ковельский Кузьма Порыдубский жаловался королю, что, в прошлом 1574 г., князь Курбский наслал открытой силой слуг бояр и крестьян своих на имение его Трублю, на его дом и, не уважая прав и привилегий шляхетских, забрал все его имущество, приказал схватить его самого с женой и детьми и, в продолжение шести лет, держал в жестоком заключении, а имение Трублю отнял, присоединил к ковельскому замку и отдал во владение Петру Вороновецкому. Заявляя, что имение Трубля было вотчинное шляхетское, Козьма Порыдубский просил короля о возвращении ему этого имения. Вопреки заявлению Курбского, что все ковельские имения со всеми людьми, живущими в них, пожалованы ему в вечную собственность; что Кузьма Порыдубский, как слуга его, не может просить на него, король декретом своим, от 20 марта, объявил, что Кузьма Порыдубский есть панцирный боярин, свободный шляхтич, и приказал возвратить ему, как имение его Трублю, так и захваченное у него движимое имущество, и дать ему надлежащее удовлетворение за обиды, убытки и тюремное заключение. Мало этого. Когда Кузьма Порыдубский жаловался, что некоторые злые люди, по наущению Курбского, умышляют на жизнь его, король дал ему 25 марта охранительную грамоту, в которой объявлял, что берет Кузьму Порыдубского на два года под свою королевскую защиту, и всякому, кто осмелился бы сделать зло ему, жене и детям его, объявлял свою немилость королевскую и грозил

---

[484] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I, стр. 218–220.

наказаниями, нарушителям и противникам охранительных грамот законами определенными[485].

Яцко Кузьмич Жаба Осовецкий боярин ковельский владел слободой Осовцем, принадлежавшею к ковельской волости. Эта слобода пожалована была Яцку королевой Боной[486] с тем, чтобы он отправлял службу наравне с прочими боярами ковельскими и владел Слободой до тех пор, пока это угодно будет королеве. Отправляясь в поход, 1581 г. Курбский требовал, Чтобы Яцко Осовецкий отправился с ним на войну, исполнял свою службу и оказывал ему надлежащее повиновение. Но Яцко Осовецкий грубо отвечал: как «прежде этого я не ездил на войну, с его милостию, «князем Курбским, так и теперь не поеду и никакого «послушания я не обязан оказывать, его милости, князю». Ковельский урядник князя Курбского Гаврило Кайсаров приказал Осовецкому по истечение 8 недель выехать из имения Осовца. Но так как Жаба Осовецкий и не думал повиноваться этому приказанию, то Курбский велел выгнать его вооруженной рукой. Октября 31, он отправил для исполнения этого определения своего ковельского урядника, Гаврила Кайсарова с толпой слуг и бояр, вооруженных как на войну. Яцки не было дома. Избив плетьми его жену, Кайсаров прогнал ее из Осовца и отнял у Осовецких все имущество. Яцко подал жалобу на Курбского в уряд Владимирский, но уряд не мог решить этого дела, потому что с одной стороны Курбский, основываясь на королевской жалованной грамоте, которой Ковель, со всеми принадлежащими к нему селами и местечками и со всеми живущими в них людьми, боярами панцирными и слугами, отдан был ему в потомственное владение, считал Осовец, принадлежавший к Ковлю, своим владением, а Яцку Осовецкого — своим слугой; с другой стороны Яцко, ссылаясь также на жалованную грамоту, данную ему королевой Боной на имение Осовец, считал себя независимым и необязанным служить и повиноваться Курбскому. Уряд Владимирский отослал это дело на суд королевский. Король решил дело в пользу Яцки Осовецкого и приказал ввести его во владение Осовцем, а Курбскому

[485] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I, стр. 221–222.
[486] Там же, т. I, стр. 204–213.

заплатить Яцке за проторы и убытки, за побои и раны, нанесенные его жене. Впрочем, король предоставил Курбскому право, дав Яцке надлежащее удовлетворение, позвать его в суд за неисполнение обязанностей. Королевский коморник, Ян Гродзинский, сентября 24, представил Курбскому в Миляновичах королевский декрет и вводный лист. Выйдя из себя, князь Курбский обругал Гродзинского «непристойными московскими словами»; не признал его королевским посланцем и не дозволил ввести Яцки во владение, говоря, что не верит королевскому повелению и представленным ему листам. Но скоро одумался, велел догнать посланца и сказать ему, что, не противясь воле королевской, дозволяет ввод Яцки во владение. Наконец, 28 февраля 1583 г. Курбский заключил с Яцком Осовецким мировую сделку, по которой Яцко обязался не требовать от Курбского удовлетворения за обиды и убыток, нанесенный ему отнятием Осовца, а Курбский обещал не звать Яцка в суд за непослушание и неисполнение обязанностей.

Едва начала приходить к концу тяжба Курбского с Яцком, как крестьяне Смединские, 21 июля 1582 г., подали на князя жалобу королю. В своей просьбе они обвиняли Курбского в том, что он заставляет их работать сверх повинностей, которые они исполняли прежде королю; что он сверх того вынуждает с них большие подати, отнял у них землю, испокон веку им принадлежавшую, и разделил между своими боярами, а их, крестьян, оставил ни при чем. Жаловались и на то, что Курбский приказал слугам своим, пану Ивану Чернчицкому и Меркурию, уряднику Миляновскому, захватить посланных ими к королю с жалобой крестьян, продержал их четырнадцать недель в тюрьме и выпустил не прежде, как по заплате 8 коп. грошей выкупа. Высказав все это, крестьяне просили милостивой защиты короля. Король дал им листы, один к князю Курбскому, в котором приказывал не обижать крестьян смединских, а другой к писарю гродскому Андрею Романовскому. Узнав об этом, Курбский приказал, как показывали крестьяне, Феодору Зыку Князскому и друг, своим слугам поймать крестьян и отнять у них королевские листы. Спустя шесть дней, Феодор Князский явился в уряд и объявил, что не получал от Курбского приказания отнимать и не отнимал королевских листов у крестьян. Вслед за тем возный

Ждан Цирский записал в гродские книги показание священника смединского, Карпа, который утверждал, что крестьяне смединские в его присутствии изорвали королевский лист в корчме во время ссоры с арендаторами. Наконец, 19 октября, возный Голубь Сердятинский представил Курбскому декрет королевский. Король требовал, чтобы крестьянам смединским было заплачено за убытки; чтобы они не были притесняемы; чтобы их привилегии не нарушались более и чтобы возвращено было им пограбленное у них имущество. Курбский отвечал возному: «Я давно готов возвратить им все, что у них пограблено, если они желают помириться со мной, а чего я у них не брал и чего грабить не приказывал, того возвращать не буду!» Хотя возный Ждан Цирский, 25 октября, объявил, что крестьяне смединские оказывали непослушание Курбскому, своевольничали и во многих притеснениях обвиняли Курбского ложно, но Курбский, хорошо зная характер Батория и вероятно чувствуя себя не совсем-то правым, исполнил королевский декрет[487].

Но не от одних поляков терпел Курбский оскорбления: его соотечественники, вместе с ним бежавшие, начали изменять ему. Первый решился изменить Курбскому, по наущению княгини Марьи Юрьевны, москвитянин Семен Маркович Вишняков. Он бежал и поступил на службу к Андрею Монтолту, заклятому врагу Курбского. Вишняков выдумывал на своего бывшего господина разные клеветы, поносил его и грозил сделать ему зло. Однако же Курбскому удалось, 13 августа 1578 г., схватить этого неблагодарного слугу[488]. Потом изменил Курбскому слуга его, Меркурий Невклюдов, урядник миляновский. У Невклюдова хранились ключи от казны Курбского. Украв золота и серебра на несколько тысяч коп. грошей литовских, он бежал[489] ночью на 8 генваря 1586 г.

---

[487] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I, стр. 223–220.

[488] Там же, т. I, стр. 239.

[489] Бона Сфорца, дочь Иоанна Сфорца, князя Миланского и Изабеллы Арагонской, племянницы Альфонса II, короля Неаполитанского, вышла замуж в 1518 году, скончалась в 1559 году в Баре, городе Неаполитанском, и была супругой Сигизмунда I, скончавшегося в 1548 году. Мнение поляков об этой королеве выражено в следующих стихах:

Ut Parcae parcunt; ut luci lumine lucent;
Ut Bellum bellum, sic Bona bona fuit.

(Польск. Лет. с 964–1764 г., стр. 103.)

Несчастья следовали за несчастьями. Не успел еще Курбский опомниться после этих двух измен, как должен был защищаться от взведённого на него обвинения в убиении москвитянина Петра Вороновецкого. Петр Васильевич Вороновецкий был человек образованный, чему служат доказательством книги, найденные у него после его смерти. Вместе с князем Курбским он бежал из России и, по прибытии своем в Литву, получил от короля жалованные грамоты на имения Вороновцы и Дунаев. Пан Бесщастный дал ему имение Немеринцы, и сам Курбский дал населенную землю в Трубле[490]. Петр Вороновецкий пользовался доверенностью Курбского, который давал ему важные поручения. Так во время тяжбы с Василием Красенским Петр Вороновецкий был уполномочен Курбским произвести взыскание денег с имения Красенского, а во время тяжбы с Кузьмой Порыдубским Вороновецкий защищал дело Курбского пред лицом короля. Курбский доверял даже Вороновецкому бланковые листы за своей подписью с печатью. Из этого видно, что между Курбским и Вороновецким существовали самые дружеские отношения. В 1582 г., 9 августа, Петр Вороновецкий вдруг получил приказание немедленно явиться к Курбскому в Миляновичи. Прибыв туда, он имел с Курбским тайный разговор и получил приказ отправиться тотчас назад; но едва только выехал со двора, как слуга Курбского Посник Туровицкий, на улице пред дворцом князя, выстрелил в него из ружья и смертельно ранил. Курбский приказал тотчас зарыть труп, а, чтобы избежать нарекания, подал жалобу на Посника Туровицкого[491] и принял деятельные меры, чтобы вдова Вороновецкого Настасья Котовна не могла подать жалобы. Он приставил к ней стражу в её доме в Порыдубах, и эта стража, сообразно его приказанию, никуда не выпускала её со двора[492]. Все имущество покойного князь поручил Иосифу Пятому Тороканову[493], приказав ему до времени хранить все в целости. Потом два шляхтича Стефан Шарапович Вороновецкий и

---

[490] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. II, стр. 80–90.
[491] Там же, т. II, стр. 90–120.
[492] Там же, т. II, стр. 141–155.
[493] Там же, т. I, стр. 139–141.

Дмитрий Васильевич, вероятно по желанию Курбского, записали в градские книги два показания свои о том, что Настасья Котовна не была женой Петра Вороновецкого, а была за мужем за Емельяном Петрохилевичем, у которого пан Петр Вороновецкий останавливался на квартире; что Настасья, бежав от этого мужа, пришла во двор Вороновецкого в Вороновцы, и пан Петр принял ее за кухарку и держал ее у себя не как жену, а только как кухарку[494]. Но чтобы еще более, так сказать, выгородить себя из этого дела, Курбский позвал к себе возного Ждана Цирского и, показывая вид, что в высшей Степени огорчен смертью Петра Вороновецкого, упросил возного отправиться к жене покойного и спросить ее, намерена ли она продолжать тяжбу с Посником Гавриловым, которого считала убийцей своего мужа. Вороновецкая отвечала, что продолжать иска не будет, и прибавила к этому следующие слова: «Мне нет нужды, хотя бы не только мой муж пропал, но пропало и все москвитяне, служащие у князя Курбского. Пусть злой не долго живет на свете». Когда же от неё потребовали бланковые листы за подписью князя Курбского, то она не согласилась отдать их[495].

Как ни бдительны были стражи, Настасья Вороновецкая нашла, однако ж, случай убежать и укрылась в Мацеев, имение князя Андрея Вишневецкого, воеводы Волынского. Знакомец её Валентий Негалевский взялся подать жалобу на Курбского. Негалевский сначала отправился с этой целью во Владимир; но, увидев здесь более десяти конных слуг князя Курбского, приезжавших проведать об нем, не осмелился подать жалобы в уряд владимирский, а, выехав тайно из города, отправился в Кременец, где и подал жалобу и записал ее в гродские книги[496]. Настасья Вороновецкая обвиняла Курбского в убиении её мужа, отнятии имущества, долговых расписок, грамот королевских и завещания покойника. Для доказательства законности прав Настасьи на имение покойного, Негалевский представил, в замену отнятого Курбским, другое завещание покойного и записал его в гродские книги.

---

494 Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I, стр. 181–182.

495 Там же, т. II, стр. 129.

496 Там же, т. II, стр. 127.

Этим показывал он, что Курбский беззаконно поступил, отняв у вдовы имущество. Лишенная всего достояния, находясь в крайней бедности, сирота Настасья Вороновецкая не могла продолжать судебного иска, для которого нужны были издержки. Чтобы поддержать свое семейство, она вступила в брак с Григорием Петровичем, слугой князя Андрея Вишневецкого, и вместе с мужем своим заключила мировую сделку с князем Курбским, объявив, что все обвинения, взнесённые ею на Курбского, ложны; что она получила полное удовлетворение и не намерена продолжать тяжбы. Это заявление Настасьи Вороновецкой не может еще служить доказательством невинности Курбского, против которого говорят самые обстоятельства дела. Если бы Курбский не участвовал в убиении Вороновецкого, то за чем нее было бы ему приказывать зарыть убитого без освидетельствования; за чем было приставлять стражу к жене покойника, с целью отнять у неё возможность прибегнуть под защиту закона; зачем было ему препятствовать тем людям, которые вызывались защищать беспомощную, бедную женщину; зачем было ему отнимать у неё последнее состояние, сбереженное быть может её мужем на черный день? Эти обстоятельства заставляют нас подозревать, что Курбский был истинным виновником убиения Вороновецкого.

Хотя Настасья Вороновецкая, по бедности своей, и не могла искать на Курбском, но правое дело нашло защитника. Явился другой мститель. Это был брат убитого Петра Вороновецкого — Иосиф Пятый Тороканов. Захватив порученное ему на сохранение имение покойного, и приняв название Калиновского, он бежал и подал королю жалобу, в которой обвинял Курбского в убиении брата, в отнятии у него самого имущества. Стефан Баторий немедленно взял Тороканова под свою защиту и приказал князю Курбскому возвратить просителю отнятое у него имущество. В высшей степени огорчен был Курбский такой явной немилостью короля, однако же скрыл свою досаду и принял лист короля с должным почтением[497]. Курбский отправил к королю просьбу, в которой писал, что настоящая фамилия Иосифа — Тороканов; а что название Калиновского, никогда до сих пор им неносимое, принято им

[497] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. II, стр. 128.

самовольно; что Тороканов рукоданный слуга его (Курбского); что, похитив порученное ему на сохранение имущество покойного Вороновецкого, бежал неизвестно куда. Стефан Баторий уважил на этот раз просьбу Курбского и листом своим от 18 февраля 1583 года, предписал, согласно жалобе Курбского, всем обывателям воеводств киевского, волынского и брацлавского подвергнуть Тороканова, как бездомового, установленному законами взысканию. Тороканов не думал, однако ж, смириться. Он приглашал пана Оранского ехать с ним вместе ко двору жаловаться на Курбского. Чтобы иметь под рукой какое-нибудь доказательство действительной виновности Курбского в смерти Петра Вороновецкого, шурин Тороканова, пан Ян Оранский написал на бланковом листе за подписью Курбского следующее письмо к Поснику Туровицкому: «Милый брат Посник Туровицкий! Ты завязал губу Петру Вороновецкому, так завяжи же губу и Пятому Тороканову. Слышу, что он хочет позывать нас к королю об убиении Петра Вороновецкого. Когда позовет меня в суд, то и мне будут хлопоты, и ты от беды не уйдешь». Имея в руках такое письмо, Тороканов твердо был убежден, что ему удастся обвинить Курбского пред королем, потому что Курбскому нельзя было не признать этого письма своим: оно было за его подписью и печатью. Когда же был обнародован королевский декрет, которым повелевалось задержать Тороканова, он сделал нападение на имение Калиновцы, избил, измучил и грозился сжечь с женой и детьми крестьянина Курбского Федора Заспита. Наконец, 14 марта 1583 года, наряжен был суд над Тороковым. Суд приговорил, что Иосиф Пятый Тороканов, как не имеющий никакой оседлости, как беглый слуга рукоданный, который, забыв страх Божий, все благодеяния господина своего, распускал об нем разные нелепые слухи и причинил ему много вреда, согласно с повелением короля, должен быть выдан князю Курбскому с тем, чтобы Курбский присягнул, что Тороканов есть действительно слуга его. Но Курбский, не решаясь сам определить ему наказание, советовался с приятелями своими, как поступить ему в этом деле. Вскоре Тороканов и жена его объявили в уряде, что все обвинения, записанные ими на Курбского о грабеже и разбое и убиении Петра Вороновецкого, были вымышленные; что

письмо Курбского к Поснику Туровицкому было подложное, и обязались возвратить захваченное имение покойного Вороновецкого. Далее они объявляли, что освобождают Курбского от всяких исков и что в противном случае готовы подвергнуться всякому наказанию, какое только Курбскому угодно будет назначить[498].

Во время тяжбы с Торокановым Курбский лежал больной в любимом своем местечке Миляновичах. Быстро угасала бурная жизнь этого замечательного человека. Изменив отечеству в надежде больших выгод в Литве, Курбский поздно увидел, как жестоко, обманулся. Он, потомок Владимира Мономаха, должен был смиряться пред ковельскими жидами, должен был уступать какому-нибудь Кузьме Порыдубскому или крестьянам смединским. Изменяя отечеству, он хотел себе лучшего; он надеялся, что, при бессилии королевской власти и при слабости законов, в Литве он найдет для себя более свободы; думал, что там удобнее может выказать свое самовластие, дать волю своему неуступчивому, не хотевшему знать никаких законов характеру, но обманулся: его ставили там наравне с безземельным, ничтожным шляхтичем. Эти обстоятельства должны были сокрушить, разбить гордую душу Курбского. Он должен был влачить жизнь свою на чужбине, как одинокий странник между людьми негостеприимными. Самые близкие к нему люди — изменники, бежавшие вместе с ним, изменяли ему, умышляли на его жизнь[499]. Оставшиеся ему верными погибли лютой смертью[500]. Покрытый ранами в битвах, данных за славу и честь родины, и в битвах, целью которых было унижение её, терзаемый горестями, пораженный несчастиями, снедаемый тоской душевной, Курбский слабел день ото дня и был дряхлым стариком, еще не достигнув старости. В последние годы жизни Курбского в характере его произошла разительная перемена. Нет уже в нем той энергической решимости, нет той горячности, которой запечатлены его прежние поступки. Виной этого был непреклонный характер Степана Батория. Видя нерасположение короля

---

[498] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. II, стр. 139.
[499] Там же, т. II, стр. 122.
[500] Там же т. II, стр. 124–125.

к Курбскому, со всех сторон поднялись враги его, которых он, благодаря своему беспокойному, сварливому характеру, нажил очень много. Со всех сторон посыпались на него жалобы, и король, не разбирая, справедливы или нет эти жалобы, всегда решал их не в пользу Курбского. Иногда природная пылкость Курбского готова была высказаться; но он тотчас сдерживался, понимая, что король хочет вызвать его на какую-нибудь дерзость, чтобы потом иметь законное право лишить владений, что однажды и хотел уже исполнить. Этим объясняются покорность и смирение, которые оказывал Курбский Баторию. Главная беда Курбского состояла в том, что у него не было в Литве отчинных владений, а потому, скрепя сердце, он должен был повиноваться даже несправедливым требованиям короля и с горестью должен был видеть, что первый необдуманный поступок может лишить его средств к существованию.

Видя приближение смерти, Курбский составил, 24·апреля 1583 года, свое второе духовное завещание. Он приказывает похоронить себя в ковельском монастыре Святой Троицы в Вербке у ног своего духовного отца, священноинока Александра. Определив количество денег, которые по смерти его должны быть розданы по церквам духовенству и бедным, Курбский завещает все свое имущество жене своей Александре Семашковне и потомству своему, княжне Марине и князю Димитрию. Как человек умный, Курбский очень хорошо видел положение своего семейства, знал, что оно по смерти его оставалось беззащитным, понимал, что воспользуются первым поводом к отнятию у его семейства имений, которые не были имениями отчинными, но были пожалованы за измену. Вследствие таких горестных предчувствий гордый князь совершенно упал духом и, поручая свое осиротелое семейство королю, умоляет последнего оказать милостивое внимание его вдове и детям, и своей верховной властью защитить их от обид и притеснений, и этим вознаградить верную, доблестную и правдивую службу своего наименьшего и подножнейшего слуги. Исполнение завещания Курбский поручает королю, а опекунами жене своей и детям, и своему имуществу назначает своих благодетелей, которых милостью и любовью пользовался при жизни, именно: маршала земли волынской и

воеводу киевского, князя Константина Острожского, кравчего великого княжества литовского, старосту Владимирского, Станислава Красицкого, обозного королевского и старосту любимского и болемовского, шурина своего Василия Петровича Семашка и свояков своих пана Ивана Хренцицкого, подсудка земского луцкого и пана Кирилла Зубцовского, городничего луцкого, своего родственника и друга. *Нижайше* просит Курбский, чтобы эти опекуны, милостивые и расположенные к нему при жизни, оказывали по смерти его благодеяния и его семейству и защитили сирот его от обид и притеснений.

Распределяя между наследниками свои поместья, Курбский напоминает в этом завещании, что он получил их не как беглец, нуждавшийся в средствах к существованию, но что эти поместья пожалованы ему грамотами Сигизмунда Августа в вознаграждение за имения московские, которые он оставил, обнадеженный в королевской милости, получив для проезда охранительную грамоту королевскую и удостоверенный присягой сенаторов в исполнении обещаний королевских. Получив право записывать вено жене своей, он записал Александре Семашковне, как третью часть своего недвижимого имущества, оцененную в 12.000 коп. грошей, в Литве местечко Криничин и Упитопотоки со всеми принадлежащими к ним селами. Но чтобы вознаградить Александру Семашковну за её верную службу, за её попечения о нем во время болезни, Курбский отдал ей в пожизненное владение имение Миляновичи со всеми селами, к нему принадлежавшими и со всеми доходами, с него получаемыми, с тем условием, чтобы по смерти Александры Семашковны это имение перешло к сыну Курбского князю Димитрию. Половину заложенного ему Семашками имения Добрятина Курбский опять завещал жене своей. Доходы с остальных имений: Смедина, города Ковля и местечка Вижвы, равно как и с принадлежащих к ним сел, жена Курбского должна была употребить на воспитание своих детей: Димитрия и Марины, Деньги, обеспеченные на имениях Добрятине и Смедине, Курбский приказывал детям своим, князю Димитрию и княжне Марине, разделить поровну по достижении ими совершеннолетия. Все свое движимое имущество, которого, как пишет

Курбский, у него осталось немного, потому что оно издержано было на службу королю, на содержание многочисленных слуг и на тяжбы с разными лицами, он завещал жене своей Александре Семашковне с тем, чтобы она распоряжалась этим имением как собственностию; а одежды, деньги наличные и отданные в долг табуны и все, что находится в Ковле и Вижве Курбский завещал сыну своему Димитрию, а, в случае смерти детей, все имущество завещал он навечно жене своей. Курбский просил князя Константина Острожского взять его детей к себе на воспитание, если бы жена его вздумала опять выйти замуж; а имущество и поместья взять кому-нибудь из опекунов в управление. Вместе с тем Курбский завещал, чтобы слугам, которые доблестно и верно служили ему, королю и республике, не делаемо было никаких обид, чтобы им предоставлено было владение записанными им имениями под условием службы его жене и детям. Далее Курбский просил, чтобы опекуны заплатили долг слугам его, если он только кому из них что-нибудь должен, чтобы все рабы его, по его смерти, были отпущены на волю. Что же касается Марьи Юрьевны, то он объявлял, что ей нет более никакого дела как до него, так и до его имущества. Опекунам приказывал он истребовать с данцигского купца Юрия Аркеля и москвитянина Михайла Сарыгозина деньги, данные им под расписку, и присоединить к наследству детей, объявлял, что Кирилл Зубцовский имеет право удерживать в своем владении имения Кены и Ворколабишки, что он отдал надлежащий отчет в управлении имениями, представил сполна все суммы, находившиеся у него в руках, и что опекунам не нужно требовать с него отчета и причинять ему какие-либо затруднения. Присовокупив, что по важным причинам уничтожил прежнее свое завещание, которое теперь теряет всякую законность, Курбский требовал, чтобы это его второе завещание было везде соблюдаемо во всей силе и по всем статьям, как законный акт[501]. В тех местах этого завещания, где Курбский просит у короля покровительства своему семейству, он не походит на самого себя: здесь говорит пред нами не тот пламенный, ре-

[501] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. II, стр. 132.

шительный Курбский, не тот Курбский, который не считал ничего выше себя на свете, не хотел знать никакой власти и закона, это говорит пред нами человек, убитый горем, человек, для которого миновалось счастье, для которого нет отрады в настоящем, надежды в будущем. Вот какое сильное влияние имеют на человека события: и натуры сильные и крепкие, сталкиваясь с неблагоприятными обстоятельствами, изнемогают, падают в борьбе. Долго и напряженно воля и энергия человека борются с этими препонами; но бесполезны, напрасны их усилия; они падают в неравной битве, они разбиваются об эти препоны. Поразительное явление открывается тогда взорам наблюдателя: слабеет могучая сила воли, умирают энергия и деятельность и на место их встают бездеятельность, робость, равнодушие ко всему, что приводило в напряжение силы душевные; так было с Курбским, так было и с другими личностями, еще более замечательными.

Желая вероятно еще более обеспечить свое семейство, окружив его верными и преданными людьми, Курбский, 3 мая 1583 года, записал Ивану Мошнинскому двор и землю в волости ковельской, в имении Селище, в благодарность за верную службу ему и республике при отражения татарских на Волынь набегов и в войне с великим князем московским, именно под Полоцком, под Великими Луками и под Псковом. Мошнинский за пользование этими землями должен был, подобно другим землянам ковельским, отправлять военную службу на коне, не платя более как самому Курбскому, так и его потомству никаких повинностей[502].

Написав завещание в местечке своем Миляновичах, Курбский переехал в Ковель, где и скончался между 6 и 24 числами мая 1583 года. Согласно завещанию покойного, тело его погребено было в монастыре Вербке. На погребение явились его слуги, земляне и бояре княжеские. Опекуны, по обычаю Волынской земли, сделали распоряжение об управлении имением покойного, слуги и бояре предъявили грамоты, пожалованные им Курбским, а заимодавцы — долговые требования. Опекуны признали грамоты покойного действительными и, постановив

[502] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. II, стр. 157.

решение об уплате долгов, записали свои распоряжения и поручили их княгине Курбской для исполнения и руководства[503].

Вслед за этим возный Ждан Цирский совершил, 23 мая ввод княгини Курбской во владение завещанным ей имением. Бояре, крестьяне, земляне всех трех волостей собраны были в ковельский замок, где княгиня Курбская, явившись пред ними, объявила себя их госпожею; они признали её права и в присутствии возного начали оказывать ей послушание. Затем возный вручил княгине Курбской опись оставшегося после её мужа имущества, и она, согласно с завещанием покойного, вступила в свои права[504].

Но княгиня Курбская недобросовестно исполняла волю покойного мужа: начала отнимать у бояр и землян имущество и земли, не хотела платить долгов, предавалась удовольствиям и заводила непристойные балы с жолнерами. От худого управления имение скоро начало приходить в расстройство[505]. Княгиня возненавидела москвитян, верно служивших покойному князю и преданных его семейству. Зная опытность и испытанную верность Кирилла Зубцовского, Курбский поручил ему уряд ковельский, но княгиня удалила Зубцовского и поручила управление пану Сокольницкому, не оказавшему семейству Курбского никаких услуг. Мало этого, она подсылала убийц к Ивану Мошнинскому, войту ковельскому, покушалась умертвить Ивана Посника, урядника Вижовского, отняла у Андрея Барановского пожалованное Курбским имение[506]. Заботясь о благе детей Курбского, Кирилл Зубцовский несколько раз извещал опекунов о худом управлении имением, и Константин Острожский несколько раз увещевал княгиню Курбскую исправиться. Но все было напрасно, и потому наконец Гаврило Кайсаров, Кирилл Зубцовский и Иван Кушников подали жалобу на княгиню опекунам. Опекуны нарядили, 25 февраля 1585 года, следствие в Ковле и уполномоченным своим поручили, разобрав дело, удовлетворить обиженных[507].

---

503 Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. II, стр. 163–180.

504 Например, Иван Иванович Калымет.

505 Жизнь кн. Курбского в Литве и на Вол. I, стр. 230–242.

506 Там же, т. I, стр. 243–243.

507 Там же, т. I, стр. 151–281.

Недолго княгиня Курбская владела ковельским имением. Польское правительство только и ждало смерти мужа её, чтобы возвратить это имение в королевскую казну. Еще в год смерти Курбского королевские комиссары явились в волость смединскую и, уплатив наследникам Курбского 1.000 коп. грошей, присоединили ее к королевским имениям. Сигизмунд III начал явно преследовать и семейство Курбского, и людей, преданных этому семейству. В 1588 году сожжен был крестьянами один из сподвижников Курбского, москвитянин Андрей Барановский. Он был владетелем села Борки, пожалованного ему Курбским. Без всякого суда и исследования Сигизмунд отдал это село в ленное владение своему писарю Флориану Семеновичу Олешку[508]. Вслед за тем Красенские предъявили свои права на Туличов, тяжба о котором началась еще при жизни Курбского. Это имение, по повелению короля, долженствовало быть возвращено Красенским[509]. Наконец, королевское казначейство донесло Сигизмунду, что наследники Курбского противозаконно владеют ковельским имением и получают доходы с него. На основании этого донесения король определил отобрать у наследников Курбского ковельское имение, а за пользование им взыскать с них 100.000 злотых. Королевский прокурор получил приказание начать с ними формальный иск, и вследствие этого княгиня Курбская, её сын Димитрий и опекуны позваны были в королевский суд, чтобы вести с королевским прокурором тяжбу о противозаконном владении ковельским имением; марта 14 дня 1590 года явились на суд восьмилетний Димитрий со своим адвокатом Бруякою и опекунами. Станислав Красицкий обозный королевский по болезни не явился и вместо себя прислал уполномоченного.

Понимая, что жалованные грамоты Курбскому на имение Ковель, как неутвержденные сеймом, не могут служить неоспоримыми доказательствами прав его потомков на владение, Бруяка старался, не предъявляя документов, доказать, что иск, начатый королевским судом, противозаконен. Ссылаясь на законы великого княжества литовского, Бруяка доказывал, что настоящее дело не подлежит суду королевскому,

---

508 Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I, стр. 245–247.
509 Там же, т. I, стр. 250.

а земскому или сейму; что позов к суду недействителен, потому что опекуны не означены в этом позве поименно, что сын Курбского, как несовершеннолетний, не может явиться на суд. Основываясь на этих доказательствах, Бруяка требовал, чтобы решение дела было отложено до совершеннолетия Димитрия Курбского, или было передано на рассмотрение сейма. Но королевский прокурор, давая превратное толкование законам, опроверг эти доказательства. Соглашаясь с мнением прокурора, суд приказал подсудимым продолжать процесс. Напрасно Бруяка протестовал против такого решения: его протест был отвергнут королем, и подсудимые должны были представить документы, на основании которых владели имением ковельским. Теперь дело можно было уже считать потерянным. Сначала подсудимые представили письма короля Сигизмунда Августа, литовского гетмана Радзивила и подканцлера Воловича к покойному Курбскому; потом они представили грамоту 1564 года, которой пожаловано было Курбскому право полной собственности на ковельские имения, грамоту 1567 года, которой эти имения предоставлены были ему на ленном праве. Они представили и другие акты, из которых можно было видеть, что Курбский распоряжался имениями на праве полной собственности. Нетрудно было королевскому прокурору доказать недействительность всех этих актов. Письма, как частные, не могли служить доказательством, а грамота 1564·года была отменена грамотой 1597 г., и, следовательно, была незаконной.

По окончании судебных прений дело было представлено на рассмотрение короля. Апреля 4·в заседании коронных литовских сенаторов, в присутствии короля, обе тяжущиеся стороны подробно излагали весь ход дела. Выслушав мнение сенаторов, король, чтобы обдумать дело основательно и благоразумно решить его, отложил решение до другого времени, и, 5 мая, в присутствии короля и в полном собрании сенаторов объявлено было наследникам Курбского окончательное решение. Ни князь Димитрий, ни опекуны его не явились к слушанию решения, присутствовали только уполномоченный княгини, Николай Суликовский и родной брат её Семашко. Декретом своим король объявил, что покойный Курбский получил ленное право на Ковель незаконно и пользовался им неправильно, что поэтому имение его освобождается от лен-

ной зависимости и присоединяется к коронным владениям. Вслед за тем Андрей Фирлей, зять бывшей княгини Курбской Марьи Юрьевны Голшанской, представил жалованную грамоту на пожизненное владение ковельским имением. Эта грамота была признана законной, и король в то же заседание постановил, что наследники Курбского должны передать ковельское имение Андрею Фирлею под штрафом 100.000 злотых польских. Суликовский и Василий Семашко протестовали против этого решения от имени княгини Курбской, но на этот протест никто не обратил внимания[510]. Княгиня Курбская от себя и от имени своих детей записала в уряде гродском Владимирском жалобу на незаконное решение королевского суда и объявила, что в свое время будет вести с коронным подканцлером иск судебным порядком[511].

Щасный Дремлик, дворянин королевский, был послан в Ковель для исполнения королевского декрета. Пригласив к себе генерального возного повета холмского, княгиня Курбская ожидала Щасного в замке ковельском. Ночью 15 июня 1590 года, гайдуки Андрея Фирлея, под начальством пана Держка, ворвались в Ковель. Сторожа и слуги князя Димитрия Курбского были изранены, а некоторые даже убиты. Держек с бранью и угрозами выгнал княгиню Курбскую из города и, прибывший затем Щасный Дремлик с трудом мог удержать слуг и гайдуков Фирлеевых от дальнейших оскорблений. Курбская уехала в село Перевалы к Дороте Фаличевской. Между тем Щасный Дремлик, принимая для передачи Фирлею город Ковель, нашел, что Курбская вынесла из замка огнестрельное оружие, ограбила церкви и причинила множество оскорблений мещанам ковсельским. Поэтому они приказал арестовать её до дальнейшего повеления королевского и отдал на поруки Дороте Фаличевской под закладом 100.000 польских злотых[512].

Завладев Ковлем, Фирлей начал преследовать москвитян, слуг покойного Курбского, получивших от него имения в волости ковельской. Первый Кирилл Зубцовский подвергся его преследованиям. С отрядом вооруженных людей конных и

[510] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I, стр. 258–262.
[511] Там же, т. I, стр. 242–251.
[512] Там же, т. I, стр. 172.

пеших Фирлей напал на имение Зубцовского Белин, стрельбой из ружей и карабинов выгнал Зубцовского вон, разграбил все его имущество[513]. Потом Фирлей напал на имение Долгоносы, принадлежавшее москвитянину Василию Кушникову[514]. Такая же участь постигла и москвитянина Ивана Мошнинского, верного слугу Курбского: слуги и бояре Фирлея напали на его имение Селище, окружили его дом и, захватив его самого, отправили с женой и детьми в Миляновичи, где они томились в жестоком заключении[515].

Княгиня Александра Петровна уехала с детьми в свои литовские владения. Вот какая участь постигла семейство Курбского. Что касается до Марьи Юрьевны, то дальнейшая жизнь её неизвестна. Знаем только, что в 1584 г. она была в Киеве, где записала своему любимцу Ждану Мироновичу 200 коп. грошей за его верную службу[516]; а 1585 г. октября 8 числа она разделила имение между своими детьми[517]. Княгиня Курбская Александра Петровна скончалась между 1601 и 1608 годами. Сын Курбского князь Димитрий Андреевич наследовал большую часть отцовских маетностей в Литве, основал в своем имении Криничине римско-католическую церковь Св. Апостолов Петра и Павла для распространения римско-католической религии и умер в половине XVII века, после 1645 г.[518]. При переходе в католицизм он получил имя Николая и в актах литовской метрики называется Димитрием — Николаем или Nicolaus Demetrius[519]. Он вступил в брак с Кристиной Еугердовною, от которой имел двух сыновей Яна и Андрея. Первый был гродским писарем упитским и владел на ленном праве· Фольварком Борклан в местности криничинской[520]. Второй с честью и славой служил Владиславу IV и Яну Казимиру на поле ратном. Оба короля в лестных выражениях отзываются·в своих грамотах о мужестве его в битвах.

---

513 Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. I, стр. 305–307.
514 Там же, т. I, стр. 307.
515 Там же, т. II, стр. 212.
516 Там же, т. I, стр. 211.
517 Там же, т. II, стр. 214.
518 Там же, т. II, стр. 226.
519 Там же, т. II, стр. 216.
520 Там же, т. II, стр. 233.

Особенно Ян Казимир уважал его за необыкновенную храбрость, оказанную им на войне с казаками за неизменную преданность государю, оставленному вельможами·войском и народом в злополучное время нашествия Карла X, короля шведского. Доблести его были награждены почетным званием маршалка упитского[521]. Князь Димитрий Андреевич имел еще дочь Анну, бывшую замужем сперва за Романом Сумароковым судьею вилькомирским, а потом за Адамом Соколовским[522].

Род Курбского угас в Литве около 1777 г., как видно из грамоты Станислава Августа Понятовского, потому что внуки Яна и Андрея не оставили потомства. То же самое говорит и польский историк Окольский в своем сочинении Orbis Polonus. (1641 г. 1, стр. 506.). Но из дел нашего государственного архива известны правнуки его, князь Александр и князь Яков, дети Кашпера Курбского, которые выехали в Россию из Польши в первые годы соцарствования Иоанна и Петра Алексеевичей. Оба они изъявили готовность служить новым государям верой и правдой за милость, оказанную их предками прадеду их князю Андрею Курбскому[523]. Можно думать, что у князя Димитрия Андреевича был еще третий сын Кашпер, владевший местностями в Витебском воеводстве. Имя Курбского в последний раз упоминается в 1693 г., «когда князю Александру, сыну Борисову Крупскому учинено наказанье: бить кнутом за то, что жену убил[524]».

Вот все, что нам известно о жизни и деяниях Курбского и его потомстве[525]. Должно заметить, что история жизни Курбского в Литве и на Волыни гораздо богаче фактами и резче обрисовывает его личность, нежели история жизни его в России, рассеянная по разным памятникам в виде отрывочных и неполных известий. Причина этого заключается в том, что летописи наши не имеют обычая сообщать нам подробных сведений о жизни и деяниях частных лиц, что в них личность Курбского нисколько не выдвигается из ряда других личностей, окружавших престол Иоанна.

---

[521] Жизнь кн. Курбск. в Лит. и на Вол., т. II, стр. 23.

[522] Там же, т. II, стр. 291.

[523] Там же, т. I, стр. 294.

[524] Акты Литовской Метрики, № 28, в Сказ. кн. Курбского.

[525] Сказ. кн. Курбского, стр. 470.

II

Кроме политической деятельности, Курбский ознаменовал себя деятельностью литературной. Как писатель-историк, он чрезвычайно важен для нас в том отношении, что в его сочинениях выказывается вполне приверженец старинного порядка. Слог сочинений Курбского сильно отзывается влиянием латино-польской учености. Язык его сочинений, церковнославянский, но испещренный польскими, латинскими и немецкими словами, исполненный неправильных выражений и оборотов. Изложение его, вообще живое, часто доходит до одушевлённого, особенно там, где Курбский излагает свои убеждения. Сочинения Курбского разнообразны. До нас дошли следующие: 1) «История Великого Князя Московского о делех, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашима». 2) Переписка его с Иоанном. 3) Предисловие на Новый Маргарит, распадающееся на главы: первая содержит собственно «предисловие на книгу словес Златоустовых, глаголемую новый Маргарит; в той же части жалостна и плачу достойная история кратка и о плодех ласкателей»; а вторая, «сказание о знаках книжных». 4) Письма к разным лицам: к князю Константину Острожскому; к Марку, ученику Артемия; к Козьме Мамонычу; 2 письма ко Кадиакону Чаплию; к пану Феодору Бокею Печихвостовскому; 2 письма к княгине Ивановой Черторыжской; к пану Древинскому; к пану Остафию Троцкому; к Семену Седларю; к Вассиану, старцу Пскопечерскому. 5) История Флорентийского Собора и, наконец, 6) Переводы бесед Златоуста. Все эти сочинения писаны Курбским после бегства его из России. Из них особенно важны для русской истории: «История Великого Князя Московского о делех» и переписка с Иоанном. В этих сочинениях Курбский ясно выражает свои притязания, притязания древних дружинников, а особенно князей-родичей. Эти сочинения суть колос старинной Руси с её родовым бытом, олицетворившейся в Курбском. Таким образом, вместо сухой и слишком монотонной летописи, мы читаем в этих сочинениях живую, страстную речь борца за старину, всеми силами старающегося доказать превосходство старых начал пред новым началом государственным. Летопись часто скрывает от нас внутренние причины явлений, она дает нам

одни сухие факты; но Курбский излагает в своем сочинении те побудительные причины, которые заставляли его действовать так, а не иначе, излагает свои задушевные убеждения. Это-то обстоятельство и делает для нас сочинения Курбского драгоценными. В порыве страсти, порицая весь образ действий Иоанна, Курбский часто употребляет сильные, резкие эпитеты, к которым любит прибегать русский человек в критические минуты жизни.

Несмотря, однако ж, на всю важность Курбского истории Иоанна и переписки с Грозным, мы не можем приписать им достоинства исторической верности и беспристрастия. Поэтому наши историки весьма опрометчиво поступали, приняв их в основание своих исследований об Иоанне. Вследствие недостатка критики у одних[526] Иоанн вышел какой-то странной личностью: он то не заботится о государстве, то делается вдруг отцом своих подданных, то вдруг ни с того, ни с сего превращается в мучителя и тирана. У других[527] он представлен человеком без воли, тупым и ни к чему дельному неспособным. К такому заключению пришли под влиянием сочинений Курбского, относящихся к Иоанну. Но эти сочинения не могут служить для нас достоверным источником, мы не можем поручиться за несомненность и истину сообщаемых Курбским известий. К этому можно прийти даже путем самых простых соображений. Эти соображения следующие: 1) Курбский проникнут был ненавистью к Иоанну и под влиянием этой страсти он писал историю его царствования и свои письма к нему. Следовательно, ни беспристрастного, верного взгляда на Иоанна, ни правильной оценки его действий и причин, руководивших им, видеть здесь невозможно. Естественно, что Курбский, ненавидя царя, скорее готов был винить, нежели оправдывать его. 2) Историк может быть достоверным тогда, когда он не принадлежит ни к какой партии, когда он выше всех партий. Но мы знаем, что Курбский принадлежал к партии Сильвестра и Адашева и, следовательно, должен был писать в её интересах. Потому он скрывает от нас дурные, противозаконные поступки этой партии,

---

[526] Сказ. кн. Курбского, №№ 24, 27, 28.

[527] Там же, № 32 и 29.

оставляя на долю Иоанна как можно более преступлений. 3) Подчиняясь этой цели, Курбский искажает самые факты, чтобы тем сильнее обвинить Иоанна. 4) Не должно доверять Курбскому и потому еще, что он описывал многое понаслышке. Так после 1564·г. он не мог быть уже свидетелем казней, совершенных по повелению Грозного, потому что жил вне России, а описывал их по слухам, которые, без сомнения, были распространяемы врагами Грозного и, вероятно, для большей поразительности, с своей стороны еще более преувеличивал подробности. 5) Курбский не заслуживает доверия, как изменник, преступник государственный и ожесточенный враг России и её царя: он не мог не сознавать всей тяжести своей вины, и естественное желание оправдать ее в глазах потомства необходимостью — заставило его приписать Иоанну все преступления, какие только может совершить человек. 6) У Курбского мы часто встречаем противоречие самому себе, а это обстоятельство окончательно уничтожает достоверность его показаний, служит доказательством, что истина, вопреки желанию его, пробивалась у него наружу. Этих соображений мы никак не должны упускать из виду при критическом рассмотрении сочинений Курбского, относящихся к Иоанну, потому что при помощи таких соображений мы можем поверить истинность или ложность обвинений, взводимых им на Грозного. Вследствие таких соображений мы должны заключить, что Курбский как представитель старых начал, следовательно, как враг начал новых, воплотившихся в Иоанне, не может быть признан достоверным историком. Поэтому необходима строгая критическая оценка его сочинений, которая послужит опять доказательством, что он ненавидел Грозного, потому что расходился с ним в убеждениях.

Рассмотрим сначала его «Историю Великого Князя Московского о делех». Касательно достоинства этого сочинения должно заметить, что оно проникнуто одной основной мыслью. Мысль, которую предположил себе Курбский доказать в этом сочинении та, что государь непременно должен слушаться своих советников. Он берет в пример Иоанна и доказывает, что Иоанн, злой и развращенный от природы, был мудрым и храбрым государем до тех пор, пока слушался сво-

их советников, и что все несчастия его царствования и жестокость его к подданным были следствием того, что он, по совету ласкателей, решился не держать советника мудрейшего себя. Таким образом, из самой задачи, которую Курбский предположил себе выполнить, видно, что это сочинение писано под влиянием духа партий и что, следовательно, в нем нельзя ожидать верного взгляда на Иоанна и образ его действий; видно, что Курбского история Иоанна должна быть подвергнута строгой критической оценке. Это сочинение состоит из 9-ти глав. Так как пределы нашего сочинения не дозволяют слишком подробного разбора этого произведения, то мы укажем только на замечательнейшие места его и, по возможности, поверим историческое достоинство приводимых Курбским фактов.

В самом начале своей истории, Курбский выказывает ненависть свою к Иоанну. «Часто спрашиваемый многими благородными и светлыми мужами о причине перемены к худшему, совершившейся в Иоанне, я решился, — говорит он, — после долгого сопротивления, частых ради вопрошаний, нечто рещи отчасти о случаях приключишхся таковых, и ответах им, аще бы из начала по ряду рех, много бы о том писати, яко в предобрый русских князей род всеял диавол злые нравы, наипаче же женами их злыми и чародейцами, яко и во израильтеских царех, паче же которых поимовали от иноплеменников, но сия вся оставя, изреку и о том самом настоящем. Яко глаголют многие премудрые: доброму началу и конец бывает добр, такожде и сопротив: злое злым скончавается[528]». Итак, Курбский говорит, что поводом к написанию им истории Иоанна была просьба многих благородных, не знавших, чем объяснить перемену, совершившуюся в Иоанне; а в V главе своей истории пишет: «О царю, прежде зело любимый от нас! Не хотел бы малые сея части презлости твоей изрещи; но преодолен бых и принужден любовию Христа моего и ревностию любви распаляхся по мученицех, от тебя избиенных неповинне, братиях наших[529]». Далее, описав казни, совершенные Иоанном, говорит: «И сие краткое сего ради

[528] Сказ. кн. Курбского, № 34.
[529] Сказ. кн. Курбского, № 35.

произволихом написати да не отнюдь в забвение приидут[530]». Таким образом, Курбский противоречит самому себе: сначала он говорит, что написал «историю» по просьбе, а потом пишет, что повествует о пороках Иоанновых, потому что ревностью распаляется по мучениках и пишет историю их для того, чтобы они не были забыты. Из этого противоречия вытекает, что Курбский писал историю не по просьбе, но по своему желанию. Заставить его писать о том, о чем он не хотел, никто не мог. Допустить, что он описал свирепость Иоанна из любви к убиенным, нельзя, потому что Курбский был эгоист, и из всей «истории» его мы видим, что она написана им для того, чтобы показать, что он по необходимости изменил отечеству, где не было воздаяния ни верности, ни заслугам, и уже в самом начале своей «истории» выказывает цель свою обвинить Грозного. По мнению Курбского, источник зла лежал в самом происхождении Грозного от «жен иноплеменичих», под которыми он разумеет Софью, супругу Иоанна III, и Елену Глинскую, супругу Василия III и мать Иоанна IV.

Софья Палеолог принесла с собой в Россию византийские понятия о царской власти. По прибытии Софьи, Иоанн окружил себя блеском и величием, явился монархом, пред которым должны были преклоняться со страхом Рюриковичи и Гедиминовичи. Эту перемену современники приписывали Софье[531], а потому понятна ненависть их к ней, понятна ненависть к ней и Курбского. Перейдем теперь к рассмотрению того, в чем винит Курбский Софью и Иоанна III. В V главе истории своей, обращаясь к Иоанну Грозному, Курбский говорит: «Тако же и дед твой, со Гречкой бабой своей, сына предоброго. Иоанна, ох первой жены своей, от Тверские княжны святые Марии рожденного мужественнейшего и

---

[530] Сказ. кн. Курбского, № 35, стр. 470.

[531] Там же, стр. XXVII. В Московских Ведомостях 1838 года, № 12, стр. 95, в выписке из протокола заседаний Археологической комиссии напечатано: «служащий в департаменте податей я сборов титулярный советник Игнатий Крупский представил две грамоты»; в выноске к этим словам; «сии грамоты достались г. Курбскому по наследству от отца, у которого они хранились в древнем Фамильном архиве.» Следовательно, род Курбских и теперь еще существует. Повеств. о России, соч. Арцыб. т. III, кн. VI, стр. 465, прим. CCLXXIII.

преславного в богатырских исправлениях, и от него рождённого, боговенчанного внука своего, царя Димитрия, с матерью его святой Еленой, свою смертоносным ядом, а того многолетним заключением темничным, последи удавлением погубиша, отрекшись и забывши любови сродства[532]». Таким образом, мы видим, что Курбский обвиняет Иоанна в отравлении сына, удавлении внука Дмитрия и в отравлении его матери, — обвинения совершенно не имеющие никакой основательности. Иоанн III любил сына своего, назначил его себе соправителем, а по смерти своей великим князем всея России, посадил его на великом княжении тверском. Как же мог он решиться отравить его и наложить на себя упрек в сыноубийстве? Софья также не могла решиться на это, потому что рано или поздно это дело могло разъясниться, и тогда она подвергалась страшной опасности. Посмотрим, что говорит летопись о смерти Иоанна Младого. «Той же зимы (1490) месяца марта в з҃, с субботы на неделю в 11 час нощи преставися благоверный и христолюбивый великий князь Иван Иванович всея Русии, старийший, первый его великие княгини Марии, дочери великого князя Бориса Александровича, и положиша его в церкви Архангела Михаила в Москве, идеже все прародители его лежат. Жив всех лет лв҃, и к҃ деней. А болел камчюгом в ногах, ходил, и видев лекарь жидовин Мистр Леон похваляся рече великому князю Ивану Васильевичу, отцу его: яз излечу сына твоего, великого князя Ивана от тоя болезни; а не излечу яз, и ты меня вели казнити смертною казнию. И князь великий няв тому веру повеле ему лечити сына своего великого князя Ивана, лекарь же даст ему зелие пити, и жещи нача стькляницами по телу, вливая горячую воду, и оттого ему бысть тяжчас и умре. И того лекаря Мистра Леона велел князь велики поимати и после сорочин сына своего, великого князя Ивана, повеле его казнити смертной казнью, головы ссещи; они же ссекоша ему голову на Болвановии, апреля кв҃[533]». Вот, что мы читаем в летописи о смерти сына Иоанна III. Нет сомнения, что летописец не забыл бы

532 У Карамзина в его истории Госуд. Российск. т. VIII и IX.

533 У Погодина в его «Историко-критических отрывках».

упомянуть, что молодой великий князь отравлен, не упустил бы упомянуть даже в таком случае, если бы ходил об этом хотя слух. Но, по всей вероятности, это сказание Курбского об отраве изобретено им самим, или дошло до него по слуху и составлено врагами Софьи и Иоанна III — боярами.

Также нелепы и неосновательны и другие обвинения, взводимые Курбским на Иоанна III, именно: обвинение в том, будто он ввергнул в темницу и приказал удавить внука своего Димитрия и отравить мать его Елену. По смерти Иоанна Младого возник вопрос о том, кто должен быть наследником престола, сын его Димитрий, или сын Иоанна III от Софьи — Василий. Первый имел несомненное право на престол, как старший в роде, потому что отец его умер, быв великим князем, равным Иоанну; а последний имел более преимущества в глазах Иоанна, как рожденный от царственной крови Палеологов, воспитанный в новых понятиях и, следовательно, всего более способный поддержать новый порядок вещей, начинавшийся в России. Но честолюбивая мать Димитрия Елена составила заговор с целью возвести на престол сына своего. В этом заговоре приняли участие и многие знатные вельможи, потому что ненавидели Софью и не ожидали никакой выгоды для себя в случае вступления на престол сына её Василия, воспитанного в понятиях византийских. Наместник московский князь Иван Юрьевич и воевода Симеон Ряповский действовали при этом случае как явные враги Софьи и приверженцы Елены и Димитрия[534]. Они, без сомнения, надеялись на возвращение старого порядка вещей в том случае, если царем будет Димитрий. Но Софья и сын её Василий имели также много приверженцев. На их стороне были младшие сановники двора; и вот противная сторона решилась прибегнуть к интриге, чтобы погубить Софью, сына её и их приверженцев. Она внушила Иоанну, что Василий, недовольный расположением его к Димитрию и подстрекаемый дьяками Гусевым и Стромиловым, князем Иваном Палецким и др. хочет бежать в Вологду, чтобы, захватив государственную казну, вооружиться против него. Разгневанный Иоанн

---

[534] Сказания кн. Курбского, стр. 4.

приказал схватить и казнить мнимых заговорщиков, посадил под стражу Василия и удалил от себя Софью, на которую донесли, что она хочет отравить Димитрия и Елену и для этой цели принимает у себя чародеек с зельем[535]. Итак, бояре успели в своем намерении: Иоанн, «по диаволю действу», как говорит летопись, «восполеся на сына своего князя Василья и на жену свою великую княгиню Софью[536]».·Из этих слов видно, что гнев Иоанна III на сына и жену самые современники считали злом, потому что приписывают его «диаволю действу». Нет сомнения, что, сообразив и зрело обсудив все обстоятельства этого дела, Иоанн мог понять, что преступления, приписываемые его сыну и супруге, были одной клеветой, изобретенной ненавистью бояр к ним и к новому порядку вещей; он понял, чего стараются достигнуть бояре удалением Василья и Софьи и возведением на престол Димитрия. Вследствие этого он подал руку примирения Софье и её сыну. Потом, «Изведав все крамолы бояр» Иоанн явился строгим судьей, приказал казнить Симеона Ряполовского и, уважив ходатайство духовенства, повелел Ивану Юрьевичу Патрикееву вместе с старшим сыном, постричься в монахи, а младшего посадил под стражу[537]. Вслед затем, «он начал нерадеть о внуке[538]», сделал сына своего Василия великим князем Новгорода и Пскова и отвечал псковским послам, просившим не раздроблять Руси: «И неволен я в своем внуке и в своих детех? Но кому хочу, тому дам княжество[539]». Наконец «весною 1502 г. (апр. 11 в понедельник), положил князь велики опалу, на внука своего великого князя Димитрия и на его матерь Елену; и он того дени не велел их поминати в октеньях, ни нарицати великим князем, посади их за приставы». А 21 апреля, «князь велики Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего Василья, благословил и посадил на великое княжение владимирьское и московское и всея Руси Самодержцем, по благословению Симона митрополита всея

---

[535] Сказания кн. Курбского, стр. 88.
[536] Там же, стр. 89.
[537] Акты Арх. Эксп. т. I, № 172.
[538] Сказания кн. Курбского, стр. 87.
[539] Софийский Временник, изд. Строевым, ч. II, стр. 235.

Руси[540]». Иоанн не мог иначе поступить. Казнить Ряполовского он имел право, как крамольника, и притом он казнил его не без суда, что показывает слово *изведав.* Он казнил Ряполовского как врага блага государственного. Следовательно, эта казнь не может быть ставима в упрек ему.

Удаляя внука от престола, Иоанн руководился любовью к России. Он знал, что Димитрий по самому воспитанию своему не мог быть приверженцем нового начала — начала государственного, от которого Россия могла получить и славу, и величие. В смерти своего внука он не был виновен, равно и в смерти матери·его; Елена умерла, хотя под стражей, но все-таки своей смертью, когда Софьи не было уже на свете[541]. Димитрий умер 1509 года; следовательно, уже по смерти Ионна III[542]. Курбский говорит, что Иоанн и Софья «поморили Димитрия темничным заключением, а потом удавлением». Действительно, летописец говорит, что Иоанн III посадил внука своего «в камень и железа на него возложил[543]». Но он скончался в 1509 г. Герберштейн так рассказывает о его смерти «alii fame ilium ac frigore, pars fumo suffocatum putant[544]». Но летописец говорит следующее: «Февраля 21 преставися благоверный князь Велики Дмитрей Ивановича всея Руси в нужде и в турьме[545]». Таким образом, внук Иоанна III скончался не при нем, а при Василии Иоанновиче и летописец не определяет причины смерти Димитрия. Что же касается до выражения его *в нужде и турьме*, то это не показывает еще, что Димитрий терпел недостатки, был лишен света солнечного, как говорит Карамзин[546]; но слово нужда означает неволю, принуждение; следовательно, это слово здесь значит лишение, отсутствие свободы, а не средств к существованию, потому что такому толкованию этих слов противоречит самое завещание Димитрия, из которого видно, что он имел огромные богатства и свой двор. Так в своем духовном завещании он ис-

---

540 Ист. Гос. Росс. т. VI, стр. 171.
541 Там же, т. VII, пр. 444.
542 Соф. Врем., ч. II, стр. 257.
543 Ист. Гос. Росс., т. VI, пр. 451 и 454.
544 Степенные книги, II, стр. 160.
545 Ист. Гос. Росс., т. VI, пр. 455.
546 Соф. Врем., ч. II. стр. 269.

числяет множество драгоценных вещей, подаренных ему частию Василием III, упоминает о своем дворе, боярах, детях боярских, дьяках и постельничих[547]. Каким же образом могло случиться, что Димитрий, окруженный многочисленным, блестящим двором и обладающий значительными богатствами, умер от голода? Итак, преступления, приписываемые Курбским Иоанну III и Софье: умерщвление Иоанна Младого, сына его и жены, не имеют в подтверждение свое ничего для историка, могут быть сочтены за выдумку, изобретенную ненавистью.

Далее Курбский обвиняет Иоанна в том, что, не довольствуясь смертью внука и его матери, он «к тому брата единоутробного, Андрея Углицкого, мужа зело разумного и мудрого тяжкими веригами в темнице за малые дни удавил, и двух сынов его от сосец матерних оторвавши… о умиленно к услышанию и тяжко ко изречению человеческая злость в толикую презлость превозрастаема, пачеж от христианских начальников!.. многолетним заключением темничным нещадно поморил... и других, братию свою, ближних ему в роду, овых разогнал до чуждых земель, яко Верейского Михаила и Василия Ярославича; а других, в отроческом веку еще сущих, такоже темничным заключением, на скверной и проклятой заветной грамоте... о увы! о беда! ко услышанию тяжко!.. заклинающе сына своего Василья, повелел неповинных погубим неотрочне[548]». Но Андрей Углицкий был далеко не прав. В 1479 г. Иоанн III отставил луцкого наместника князя Ивана Оболенского-Лыко за разные злоупотребления. Но этот, оскорбясь, отъехал к брату Иоаннову князю Борису. Иоанн потребовал выдачи отъезжика; Борис воспротивился и, вместе с братом своим Андреем Углицким, отъехал в Литву, негодуя на то, что великий князь притесняет их; что, примышляя к Москве владения, не дает им части в этих примыслах; что присвоил себе удел Юрия. Прибыв в Литву, Борис и Андрей просили короля управить их в обидах с великим князем и помочь им. Иоанн изъявлял готовность к примирению; но братья не хотели и слушать его[549]. Во время этих

---

[547] Соф. Врем., ч. II, стр. 273.
[548] Софья умерла в 1503, а Елена в 1505. Соф. Врем. ч. II, стр. 271.
[549] Летописец, содержащий в себе Рос. Ист. с 852–1598 г., стр. 206.

раздоров двинулись против России Ахмат и Ливонские рыцари. Воспользовавшись такими затруднительными обстоятельствами, братья заставили Иоанна «даться на всю их волю» и возвратились в Россию[550]. Но ни Андрей, ни Иоанн III естественно не могли уже доверять друг другу, и как велика была эта недоверчивость видно из того, что когда боярин Андреев Образец уведомил своего князя, что великий князь хочет схватить его, то Андрей тотчас хотел бежать в Литву; но, одумавшись, послал к князю Ивану Юрьевичу спросить, за что гневается на него великий князь. «Князь же великий клятся ему небом и землею и богосильным Творцом всея твари, что у него ни в мысли того не бывало[551]». В 1491 г. весной, Иоанн приказал братьям своим Борису и Андрею отправить, вместе с его войсками, воевод на помощь угрожаемому татарами Менгли-Гирею. Борис исполнил повеление; «а князь Андрей Васильевич воеводы и силы своея не слал[552]». Раздраженный непослушанием, Иоанн приказал посадить Андрея в тюрьму за то, что он изменил, «преступил крестное целование, думал на великого князя Ивана Васильевича, на брата своего старейшего, с братьею своею, со князем Юрьем, и со князеди Борисом, и со князем Ондреем, да и к целованию их привел на том, что им на великого князя, на брата своего старейшего стояти за одного, да грамоты свои посылал в Литву к королю Казимиру, одиначеся на великого князя, да и сам с братом своим, со князем Борисом Васильевичем, отъезжал от великого князя, да посылал грамоты свои к царю Ахмату Большие Орды, приводяху его на великаго князя и на руськую землю ратью, да с великого князя силою на ордыньского царя воеводы своего не посылал; а все то чиня измену великому князю, преступая крестное целование[553]». Таким образом, Иоанн должен был заключить в темницу Андрея, потому что последний постоянно противился пользе государства, был изменник. Но удавить его веригами не мог: во-первых, потому что по словам летописца, «зело

---

550 Herberslcini R. M. C. p. 9.

551 Софийский Врем. ч. II. стр. 283.

552 Ист. Гос. Росс. т. VII, стр. 112.

553 С. Г. Г. и Д. т. I, № 147.

любил его[554]». Во-вторых, мы не можем верить свидетельству Курбского, потому что летописец ничего не упоминает об этом. Из летописи, напротив, видно, что Андрей умер естественной смертью: «Тоя же осени, 1494 г., преставися князь Андрей Больший, а сидел в тюрьме на Москве на казенном дворе великого князя два года и 47 дней[555]». Кроме того, из слов Иоанна III, сказанных, митрополиту, который печаловался об Андрее: «жалми добре брата моего и не хочу погубить его, а на себя порока положить, и свободити не могу[556]» видно, что Иоанн III по чувству родственности вовсе не желал лишить жизни своего брата, хотя и преступника; но не мог освободить его из темницы по чувству любви к России, которой в жертву должен был принести родственную любовь. Иоанн не мог освободить из темницы Андрея во-1-х, потому что Андрей был изменник, государственный преступник и родство его с Иоанном только увеличивало тяжесть преступления; во-2-х, не мог освободить потому, что знал, что Андрей старался переманить к себе на службу его людей и составить из них себе партию разумеется не для доброй цели; в 3-х, не мог освободить его и по важным государственным соображениям, именно: он опасался, что Андрей будет искать великого княжения, смутит детей Иоанна и произведет междоусобие, которое погубит плоды всех усилий Иоанна и предаст Россию в жертву татарам[557]. Следовательно, заключая в темницу брата, Иоанн поступил как великий человек, ставивший общее благо выше родственных связей, и не порицать, но прославлять его за этот поступок должна история: он не сделался братоубийцей; но и спас Россию от усобиц.

Курбский говорит, что Иоанн разогнал до чуждых земель Михаила Верейского и Василья Ярославича. Но мы знаем, что не Михаил, а сын его Василий бежал в Литву, злобствуя на Иоанна III; а Михаил, отец Василия, умер спокойно в 1485 г. в своем верейском уделе, отказав этот удел Иоанну[558], а Василий

---

[554] Сказ. кн. Курбского, стр. 87.
[555] Соф. Врем.. ч. II, стр. 203.
[556] Там же, ч. II, стр. 290.
[557] Там же, ч. II, стр. 232.
[558] Там же, ч. II, стр. 238.

Ярославич умер в Вологде в заточении[559]. Итак, мы видим, что все обвинения, взведённые Курбским на Иоанна III, неосновательны; следовательно, мы в праве их совершенно отвергнуть.

Теперь изложим взгляд Курбского на Василия III. Курбский обвиняет его «во многих злых и сопротив закона Божия делах[560]». Но мы не знаем за этим государем подобных дел. Вот что говорит о нем Карамзин: «Василий не был гением, но добрым правителем, любил государство более собственного великого имени, и, в этом отношении, достоин вечной хвалы, которую не многие венценосцы заслуживают. Рожденный в век еще грубый и в самодержавии новом, для коего строгость необходима, он по своему характеру искал средины между жестокостью ужасною и слабостию вредною, наказывал вельмож и самых ближних, но часто и миловал, забывал вины[561]». Из этих слов видно, что Василий не был государем злым. Но бояре не были расположены к нему, как сыну Софьи, «чародейки греческой[562]», как к верному последователю принесенных ею новых понятий; поэтому, еще при жизни отца, они старались удалить его от престола и не успев в своем намерении, ненавидели его, когда он был уже государем, ненавидели за то, что он «сам-третей решал все дела у своей постели[563]» и, вследствие этой ненависти, толковали в худую сторону всякий поступок его. Теперь посмотрим, в каких злых и законопреступных делах был виновен Василий по мнению Курбского? Женившись в 1505 г. на Соломонии из рода Сабуровых, Василий в 1525 г., с разрешения митрополита Даниила, развелся с ней, потому что она была неплодна и государство должно было остаться без наследника, и вступил в брак с Еленой, дочерью Глинского. Это явление не было уже явлением новым. Симеон Гордый поступил точно так же, и никто не толковал его поступка в худую сторону. Но поступок Василия Курбский, равно как и другие бояре, считал законо-

---

[559] Соф. Врем., ч. II, стр. 239.
[560] Там же, ч. II, стр. 240.
[561] Там же, стр. 246.
[562] Москвитянин 1845 г., № 10.
[563] Там же.

преступным. Вот слова Курбского: «Живши с женою своею первою Соломонидою двадесять и шесть лет, остриг ее во мнишество, не хотящу и не мысляшу ей о том, и заточил в далечайше монастырь, от Москвы больше двухсот миль, в земле Каргопольской лежащ, и затворити казал ребро свое в темницу зело нужную и уныния исполненную, сиречь жену ему Богом данную, святую и неповинную. И понял себе Елену дщерь Глинского, аще и возбраняющих ему сего беззакония многим святым и преподобным[564]». Василий имел законную причину развестись с Соломониею, потому что она была неплодная. Он решился на это с дозволения церкви и по совету бояр[565]. Следовательно, партия противоречила ему уже противозаконно. Между тем Курбский называет Соломонию святой, как и мать Дмитрия Елену, за то только, что она, не желая вовсе идти в монастырь, должна была постричься.

Кто же были, по словам Курбского, эти святые и преподобные, восставшие против развода Василия с Соломонией? Курбский пишет, что противился разводу Василия с Соломонией «Вассиан, сродник ему сущь по матери своей, а по отце внук княжати литовского Патрикиев, который, презрев славу мира, вселился в пустыню, и жестоко и свято препровождал житие свое во монашестве, подобно великому и славному древнему Антонию; и потом Семен Курбский, с роду княжат смоленских и ярославских, святую жизнь которого хвалит Герберштейн, бывший послом великого цесаря христианского Карлуса. «Он же, — продолжает Курбский, — предреченный Василий Великий, паче же в прегордости и лютости, князь не только их не послушал так великих и нарочитых мужей, но оного, блаженного Вассиана, по плоти сродника своего, изымав заточити повелел, и связанна св. мужа, аки злодея в прегорчайшую темницу к подобным себе в злости презлым Осифляном, в монастырь их отослал и скорого смертию уморити повелел. Они же, лютости его скорые послушницы, и во всех злых потаковишцы, паче же еще и подражатели, умориша его вскоре. И других святых мужей овых заточил на смерть, от них же един Максим-философ, а других

---

[564] Ист. Гос. Росс. т. VI, стр. 291.
[565] Соф. Врем., ч. II, стр.227.

погубити повелел, их же имена зде оставлю. А князя Семена от очей своих отогнал даже до смерти его[566]». Но во-1-х, уподобление Курбским Вассиана св. Антонию слишком дерзко. Жизнь Вассиана никак не может сравниться с жизнию этого великого мужа. Вот что пишет о Вассиане Зиновий, ученик Максима Грека: «Вассиан первее взволи пустынное житие жити, последиже волею великого князя в монастыре Симонове живяше; но не изводи же Вассиан брашна Симоновского ясти: хлеба ржаного, и варения от листвия капустного, и от стеблия свекольного, и каши, застроенные его соком избойным, овож млеком, творящим скорое изеучение, и млека промзглого, ни пива, чистительного желудку, монастырского не прияше, яко сие брашно и пиво монастырь от деревень имать[567]. Сего ради монастырского брашна и пива Вассиан не ядяше и не пияше. Яде же монах князь Вассиан приносимое ему брашно от трапезы великого князя: хлебы чисты, пшеничны, крупичаты, и прочая брашна, заслажаемая и многопестротне застрояемая, вся, яже обычне на трапезу великого князя приносятся, яже от рыб, и масла, и млека, и яиц; и благоговейный монах Вассиян-князь разистрова в брашне от Симонова монастыря, ради стяжания двою тысящу вытей: тако бо слышах древле, яко Симонова две тысящи вытей имать, не разиствоваше же Вассиан в бращне от великого князя, имеющего тмы тмам вытей… Пияшеж нестяжатель сей романию, бастр, мушкатель, ренское-белое вино[568]». Из этого видно, что Вассиан вовсе не провождал жития жестоко в монашестве и подвижничестве; а был, напротив, очень не равнодушен к удобствам жизни. Во-2-х, мы видим, что Василий III, сослав Вассиана в Иосифов Волоколамский монастырь вовсе не приказывал монахам умерщвлять его; но что он умер там от грубой монастырской пищи[569], к которой не привык от излишнего постничества. Итак, обвинение Василия в смерти Вассиана есть ложь, изобретенная ненавистью.

Что касается до князя Семена Курбского, то вот что рассказывает о нем Герберштейн: «Simeon Fedorowicz, a Kurba

---

566 Сказ. кн. Курбского, стр. 4.
567 Ист. Гос. Росс. т. VII, стр. 106.
568 Сказ. кн. Курбского, стр. 127 и 129.
569 Акты Арх. Эксп. т. I, № 172.

patrimonio suo Kurbski dictus, homo senex, sobrietate singulari, ac ipsa vitae ridigitate, qua ab ineunte aetate usus est, valde exhaustus multis jam annis esu carnis abstinuit: piscibus quoque Solis, Martis et Saturni tantum diebus vescebatur, Lunae vero Mercurii et Veneris ab iisdem jejunii tempore abstinebat[570]». Из этого свидетельства мы видим, что и Курбский в первый раз, вопреки своему обычаю, представил факт не в искаженном виде. Но эта умеренная и постническая жизнь Семена Курбского могла быть удивительной только для иностранца. Не только прежде, но и после в России это явление слишком обыкновенное. Эта постническая жизнь не давала еще Семену Курбскому права противоречить намерению государя, в котором ясно выразилась любовь к России, намеренно, одобренному церковью и боярами. Сопротивляясь воле монарха, Курбский, равно как и Вассиан и Максим Грек, обнаруживал непослушание, мятежнический дух; а потому Василий имел полное право отогнать его, как непокорного, от очей своих. Следовательно, удаления Вассиана, Семена Курбского и Максима Грека нельзя ставить в вину Василию; оно было законно, потому что они явились ослушниками его воли.

Потом Курбский переходит к изображению царствования Иоанна IV. Самое начало его повествования уже выказывает его пристрастие, его нерасположение к царю, побornику нового порядка вещей. «Тогда», т. е. по удалении Максима Грека, Вассиана и Семена Курбского, «зачался нынешний Иоанн наш, и родилась в законопреступлению и в сладострастию лютость[571]». Но в браке Василия с Еленой не было законопреступления. Во-первых, развод дозволялся церковью; во-вторых, этот развод совершен был митрополитом, а потому брак Василия с Еленой был законным, совершенным по уставу церкви. Но боярам не нравился этот брак, потому что совершен был вопреки их желанию и уничтожил те расчёты, которые они основывали на бездетности Василия. Не нравился им этот брак и по другой причине: Соломония была из русского боярского рода; следовательно, по необходимости,

---

[570] Сказ. кн. Курбского, стр. 4.
[571] Ист. Гос. Росс. т. VII, пр. 276.

родственники её приближались к престолу, а вместе с собой приближали и приверженцев, сторонников своих, которые являлись, без сомнения, защитниками боярских интересов. Елена была дочь иноземного отъезжика, для неё все в России были чужды, а, следовательно, она приближала к престолу только своих родственников-иноземцев, и они оттесняли русских бояр, а сами становились на первом плане. Это-то самое, как кажется, и было причиною той страшной ненависти бояр к Елене, которую разделяет и наш Курбский. Он считает ее женой злой и чародейкой. От сочетания двух лиц таких, как Василий и Елена, не могло родиться другого дитяти, кроме Грозного, которому было врождено семя зла. «Но и сие к тому злому началу еще возмогло, — говорит Курбский, — понеже остался от отца своего зело млад, аки дву лет; но не многих же летех и мати ему умре[572]». Но и здесь Курбский впадает в противоречие с самим собой. Доказывая, что виной жестокостей Иоанна было рождение от Василия и Елены, Курбский вдруг говорит, что дурные качества Иоаннова характера развились от того, что отец и мать его рано умерли; а его «начали воспитывать великие и гордые паны, а по их языку боярове.» Здесь очевидное противоречие предыдущему. Какое воспитание Василий мог дать своему сыну, если был «велик только в прегордости и лютости»? Какое воспитание могла дать ему мать его, «злая и чародейка»? Могли ли родители, способные только ко злу, направить Иоанна к добру? Следовательно, смерть отца и матери не должна бы быть гибельной для развития Иоаннова.

Поставив себе задачей в своем сочинении доказать, что Иоанн мог быть добрым государем только в то время, когда слушался советов боярских, Курбский ничего не говорит о кознях бояр во время малолетства Грозного, ничего не говорит об их своеволии и безначалии; не говорит и о том, что они отравили мать Грозного, ненавистную им, ничего не говорит о беззаконном властвовании Шуйских, об их наглости и грабительстве, потому что, изложив все эти обстоятельства, Курбский не мог бы достигнуть цели своего сочинения.

[572] Сказ. кн. Курбского, стр. 5–6.

Но мы имеем непререкаемые свидетельства наших летописей и актов о своеволии бояр. Так в розыскном деле о побеге за границу Петра Фрязина говорится: «И нынеча как великого князя Василья не стало и великой княгини, а государь нынешний мал остался, а бояре живут по своей воле, а от них великое насилие и управы в земле никому нет, а промеж бояр великая рознь, того деля мыслил отъехати прочь, что в земле Русской великий мятеж и безгосударство[573]». В псковской летописи, под 1541 г., говорится о правлении Шуйских следующее: «В тыя же лета, Господу Богу попущу за умножение грех ради наших, быта наместники во Пскове свирепы, аки лвове и люди их, аки звери дивии до крестьян; и начата поклепцы добрых людей клепати, и разбегошася добрые люди по иным городам, а игумены честные из монастырей избегоша в Новгород от князя Василия Ивановича Шуйского, да от князя Василия Ивановича Репнина-Оболенских князей[574]». Обо всем этом Курбский не говорит ни слова, потому что подобные обстоятельства могли послужить к извинению жестокости Грозного. Задача его — показать постепенное развитие в Иоанне природной, по его мнению, свирепости. Он говорит, что Иоанн начал с того, что стал сперва убивать бессловесных животных, бросал их с высоких крылец, а достигши 15 лет, начал и «всенародных человеков уроняти и творить самые разбойнические дела», а пестуны хвалили его за это, говоря. «О храбр будет сей царь и мужествен!» Потом, когда Иоанну исполнилось 17 лет, они начали его подущать мстить свои недружбы «един против другого и первее убиша мужа пресильного, зело храброго стратига и великородного, иже был с роду княжат литовских единоколенен кролеви польскому Ягайлу, именем князь Иван Бельский[575]». До самого того времени пока Глинские не захватили в свои руки правления в летописях нет никаких известий о жизни Иоанна; а рассказу Курбского мы не можем верить тем более, что в нем видно явное противоречие истине. Во-первых, Иоанну в то время, когда

---

573 Вассиан вооружался против того, что монастыри имеют множество отчин.

574 Сказ. кн. Курбского, пр. 5.

575 Ист. Росс. Иерархии т. II, стр. XXVI и XXVII.

последовала смерть Ивана Бельского, не было 17-ти лет. Он родился в 1530 г., а это случилось в 1542 г.; следовательно, Иоанну было тогда только 12 лет. Во-вторых, бояре не заискивали нисколько расположения Иоаннова, а даже против воли его губили тех, кого хотели. Вот что читаем об умерщвлении Бельского: «Тоя же зимы (1542 г.) генваря 2, пойман бысть великого князя боярин, князь Иван Федорович Бельский, без великого князя ведома, советом боярским, Кубенских да Палецкого и иных того ради, что его государь князь великий у себя в приближении держал[576]». Смерть Бельского была нужна врагу его князю Ивану Шуйскому, и он послал детей боярских в Белоозеро, где Бельский находился в заточении, «они же, ехав тайно, без великого князя ведома, боярским самовольством князя Ивана Бельского убили[577]». Итак, Иоанн не принимал участия в этом деле.

«По мале же времени, — продолжает Курбский, — он же сам (т. е. Иоанн) повелел убити такожде благородное едино княжа, именем Андрея Шуйского, с роду княжат Суздальских[578]». Действительно Иоанн предал Шуйского жестокой казни; но Шуйский вполне заслуживал этого и казнь была действием правосудия. Во-первых, Шуйский был в высшей степени корыстолюбивый и неблагонамеренный человек. Вот отзыв об нем летописца: «А князь Андрей Михайлович Шуйский, а он был злодей; не судя его писах, но дела его зла на пригородех, на волостех, старые дела исцы наряжая, правя на людех, ово сто рублей, оно боле, а во Пскове мастеровые люди все делали на него даром и большие люди подаваша к нему дары[579]». Во-вторых, он не оказывал ни малейшего уважения к особе государя. Так, вместе с Кубенскими, вопреки Иоаннову приказанию, сослал в Кострому Феодора Воронцова, избив его в Думе в присутствии Иоанна; а потому, в декабре 1544 г., следовательно, чрез 2 г. после смерти Бельского, Иоанн не мога того терпети, что бояре бесчиние и самовольство чинят, без великого князя веления, своим советом, мно-

---

576 Herberstcini R. M. C. p. 54.

577 Сказ. кн. Курбского, стр. 6.

578 Там же, стр. 6.

579 Акты Историч. т. I, № 140.

гие убийства чинят, велел поимати первосоветника их, князя Андрея Шуйского, и велел предати его псарем, и псари взяша и убиша его[580]».

«Потом, аки по двух летех, — пишет Курбский, — рубил трех великородных мужей: единого ближнего и сродника своего, рожденного с сестры отца его, князя Иоанна Кубенского, иже был у отца его великим земским маршалком; а был роду княжат Смоленских и Ярославских, и муж зело разумный и тихий в совершенных уже летех[581]». Курбский называет Кубенского мужем тихим, вероятно, только потому, что Кубенский был с роду княжат смоленских и ярославских, а на деле Кубенский вовсе не отличался кротостью. В 1542 г., Кубенский помогал князю Ивану Васильевичу Шуйскому в его противозаконном старании приобрести власть открытой силой, и был участником в убиении Бельского. В 1544 г., вместе с Шуйским Андреем, бросился в Боярской Думе на Феодора Воронцова, любимца Иоаннова, вопреки воле царя, и здесь опять ослушался Иоанна. В 1545 г. он подвергся опале за то, что «великому князю не доброхотствовал, и многие неправды чинил, и многие мятежи и многих бояр без великого князя веления побили». Но, вняв просьбе митрополита, Иоанн простил его. Потом, в 1546 г., снова подверг его опале и опять простил; но в том же году приказал казнить Кубенского «по его неудобству прежнему и за то, что многие мзды взимал в государстве во многих государских и земских делах[582]». Хотя это обвинение и считается клеветой[583]; но, судя по прежним поступкам Кубенского, может быть и справедливо. Нам кажется, что для доказательства справедливости этого обвинения, достаточно сказать, что Кубенский был сторонником Шуйских.

«Вкупе побиени с ним (с Кубенским) Феодор и Василий Воронцовы, родом от немецка языка, а племени княжат решских[584]». Феодор Воронцов был любимцем Иоанна; но скоро обнаружил свои честолюбивые замыслы: он требовал, чтобы

[580] Полн. Собр. Лет. т. III. Псковская летопись, стр. 304.
[581] Сказ. кн. Курбского, стр. 6–7.
[582] Чт. в О. И. и Др. т. III. № 9, стр. 246–247.
[583] Там же, стр. 247.
[584] Сказ. кн. Курбского, стр. 7.

Иоанн никого не приближал к себе без его ведома, «а кого государь пожалует без Федорова ведомства и Федору досадно[585]». Эти неуместные притязания должны были произвести в Грозном, при вспыльчивом характере его, холодность к Воронцову. В 1546 г. этот последний вместе с Кубенским подвергся опале и был прощен. Но вскоре случилось одно обстоятельство, которое ускорило гибель Воронцова. Это известное возмущение 50-ти новгородских пищальников в 1546 г. Иоанну донесли, что Кубенский и Воронцов были виновниками этого восстания. Обвинение имело вид правдоподобия, а потому Иоанн без дальнего исследования приказал казнить Федора и Михайла Воронцовых за ту же вину, за какую казнил и Кубенского[586]. Таким образом, мы видим, что Андрей Шуйский, Иван Кубенский, Федор и Василий Воронцовы были казнены как виновные, и потому их казнь нельзя ставить в вину Иоанну. Казнь преступников не кладет на государя печати жестокости, но, как явный знак заботливости о благе народа, увеличивает честь его. Но Курбский скрыл преступления казненных и представил их жертвами Иоаннова кровопийства. Курбский упоминает еще о казни Феодора Невежи, сына Богдана Трубецкого, Михаила, князя Ивана Дорогобужского и Феодора, сына Ивана Овчины, любимца Елены[587]. Но эти лица, вероятно, казнены уже после, потому что в летописях не упоминается под этими годами об их казни.

За грехи Иоанна, еще в юности его, по уверению Курбского, Россия подвергалась нападениям «ово от царя перекопского, ово от татар ногайских, сиречь заволжских, а наипаче и горше всех от царя казанского, сильного и можного мучителя христианского, иже под властию своею имел шесть языков различных, ими же безчисленное и неисповедимое кровопролитие учинял так, иже уже все было пусто за осмнадесять миль до московского места. Тако ж и от перекопского або от крымского царя и от ногай вся русская земля аж по самую Оку реку спустошена[588]». Но и в этом рассказе Курбский

---

[585] П. С. Р. Л, 1-я Псковская Лет. стр. 304.
[586] Чт. в Об. Ист. и Др. Рос. т. III. № 9, стр. 252–253.
[587] Сказ. кн. Курбского, стр. 7.
[588] Чтен. в Общ. Ист. и Древн. Росс., т. III, № 9, стр. 246, 252, 253, 256, 258.

остался верным своему правилу: все бедствия России приписывать Иоанну. Мы знаем действительно, что Россия в малолетство Грозного подвергалась опустошительным набегам казанцев, крымцев и ногайских татар, знаем, что вследствие этих набегов она была почти до самой Москвы обширным пепелищем. Но виной этого был не Иоанн, виновниками бедствий России были бояре. Корыстолюбивые ревнители только собственных выгод они небрегли о пользе и безопасности отечества. При малолетстве государя, каждый из них старался только нажиться. Они грабили города и области хуже самых татар, грабили не только сами, но и слуги их и, в то время как казанцы опустошали Россию, не выходя из восточных пределов её, крымцы громили южные её пределы, бояре, занятые крамолами, «не двигали ни волосам» для защиты отечества[589]. Вот как описывает летописец тогдашнее состояние России: «тогда», т. е. по смерти, Василия, «князем, и бояром, и вельможам, и судиям градским, самоволием объятьи, и в бесстрашии живущим, и не право судящим, но по мзде, и насильствующим людем, и никого же боящимся, понеже бо великий князь бе юн, и ниже страха имущим и небрегущим от сопостат российския земли. Тамо бо языцы погании христиан губяху и воеваху аде же боляре и воеводы мздами и налогами, и великими продажами христиан губяху. Такожде и обычные дворяне и дети боярские и рабы их творяху, на господей своих зряще. Тогда же во градех и селех неправда умножися, и восхищения, и обиды, татьбы и разбои умножишася, и буйства и грабления многа. И во всей земли бяше слезы и рыдания и вопль мног[590]». Итак, на чью же голову должны пасть бедствия России? Иоанн еще был слабый младенец. Ему ли было защищать Россию? Очевидно, эта обязанность лежала на великих и сильных его; но они не думали о защите отечества. Итак, мы видим, что и этот факт с умыслом искажен Курбским, которому долженствовали быть известны обстоятельства малолетства Грозного. Но эти обстоятельства выставляли бояр в неблагоприятном свете, а потому Курбский счел за лучшее обвинить в несчастиях России Иоанна.

---

589 Чтен. в Общ. Ист. и Древн. Росс., т. III, № 9, стр. 258.
590 Сказ. кн. Курбского, стр. 7.

Верный адвокат своих собственных действий и действий своей партии, Курбский, говоря о московском пожаре и возмущении черни, утверждает, что это бедствие было явственным гневом Божиим за грехи Иоанна[591]. Но из предыдущего мы знаем, что это было делом интриги и заговора человеческого, а Курбский молчит о нем, чтоб не выказать преступлений своей партии. Но, называя Михаила Глинского «начальником всему этому злу[592]», Курбский тем самым дает понять, что ему не безызвестна была та нелепая молва, посредством которой Сильвестрова партия успела возмутить суеверный и легкомысленный народ; показывает, что и сам ненавидел Глинского. Причиной нерасположения Курбского и других бояр к Глинским были местнические счеты. Этим, кажется, всего лучше объясняется ненависть бояр к их роду. Дело в том: Глинские, приобрев самое высокое место в государстве, *заехали* старинных бояр и оттеснили их от престола; в этом-то и лежала причина ненависти бояр к Глинским. Совпадение в повествовании Курбского двух событий, именно: московского пожара и возмущения черни с явлением Сильвестра пред Иоанном с угрозами прямо наводит на мысль, что это восстание было делом Сильвестра и его приверженцев. Из слов Курбского видно, что Сильвестр явился пред Иоанном в то самое время, когда этот последний трепетал пред чернью, требовавшей головы Михаила Глинского. Но Курбский помог и этому неудобству. Он придает явлению Сильвестра какую-то таинственность. Сильвестр у него является как бы посланником Божиим, он как бы упал с неба и очутился пред Иоанном. Вот как рассказывает Курбский это событие: «Тогда убо (т. е. во время возмущения черни), тогда, глаголю, прииде к нему един муж, презвитер чином, именем Селивестр, пришлец от Новограда Великого претяще ему от Бога священными писаньми и строзе заклинающе его страшным Божиим именем; еще к тому и чудеса и аки бы явления от Бога поведающе ему: не вем аще истинные, або так ужасновения пущающе, буйства его ради, и для детских неистовых его

---

591 Царствен. вп. стр. 124.

592 Чтен. в Общ. Ист. и Древн. Госс., т. III, № 9, стр. 259.

нравов умыслил был себе сие[593]». Но мы достоверно знаем, что Сильвестр был известен Иоанну гораздо ранее этого времени. Как священник придворного Благовещенского собора он был постоянно на глазах у Иоанна и как человек, обладавший отличным даром слова, естественно обращал на себя внимание царя и рано получил на него влияние. Мы знаем, что еще в 1541 г., по ходатайству и по мысли его, освобождено было из темницы семейство князя Андрея Старицкого[594]. Следовательно, и этот факт передан Курбским неверно. «С ним (т. е. Сильвестром) соединяется во общение Алексей Адашев, в то время любимый царем и подобный в некоторых нравех ангелам». Добродетели этого последнего были, по словам Курбского, так велики, что их «неподобно было бы изъявить пред грубыми и мирскими человеки[595]». Вероятнее всего не надобно говорить об этих добродетелях, потому что они не выгодно бы подействовали на мирских человеков.

Описав явление Сильвестра и Адашева, Курбский задает себе вопрос, что же они сделали полезного русской земле? Но в ответе на этот вопрос Курбский и делает промах. Желая выказать как можно в более выгодном свете предводителей своей партии, он рассказывает об их действиях и этим-то разоблачает тот замысел, который хотели осуществить они. Сильвестр и Адашев уздают царя, в *самовольстве без отца воспитанного* (опять противоречие с предыдущим) и крови уже напившегося всяческие, согласных его отдаляют от него, наказуют опасне благочестию, заставляют его поститься и молиться, отгоняют от него прелютейших зверей, сиречь ласкателей, соединяются с Макарием митрополитом и, очистив царя покаянием, сподобляют его святых тайн Христа и возводят на такую высоту, что все окрестные народы дивятся его благочестию и обращению[596]; одним словом, партия Сильвестра делает то же, что делали и все партии, т. е. она удалила от дел сторону Глинских. Это видно из следующих слов Курбского, относящихся к Сильвестру и Адашеву: «И к

---

[593] Сказ. кн. Курбского, стр. 8.
[594] Там же, стр. 8.
[595] Ист. Гос. Росс. т. VIII, пр. 77.
[596] Ист. о Казанск. Царстве гл. 28.

тому еще и сие прилагают: собирают к нему советников, мужей разумных и совершенных, во старости мастистей сущих, благочестием и страхом Божиим украшенных; других же, аще и в среднем веку, також предобрых и храбрых... И нарицались тогда оные советницы у него избранная рада; воистину но делом и изречение имели: понеже все избранное и нарочитое советы своими производили, сиречь: суд праведный, нелицеприятен, яко богатому, тако и убогому, еже бывает в царстве наилепшее[597]». Но, во-первых, избранной радой советники Иоанна никогда не назывались и в летописях им не приписывается ничего, а все приписывается Иоанну, что и справедливо, как мы после увидим; во-вторых, праведного и нелицеприятного суда не может никогда быть при господстве партии. Это неизменный закон. Само собой разумеется, что партия, ревнительная к своим интересам, не даст праведного суда тому, чьи виды не согласны с её стремлениями, или кто не входит в число её приверженцев. Но, с другой стороны, она должна щадить последних в случае совершения ими преступления, оправдывать их в ссорах с своими врагами, или с людьми, к ней не принадлежащими, даже если бы закон говорил в пользу этих последних. Из дальнейшего хода рассказа Курбского видно, что партия Сильвестра и Адашева должности по областям и при войске замещала своими приверженцами и раздавала им в награду земли, «удаляя паразитов, сиречь подобедов[598]», вероятно своих противников. Итак, вот сколько пользы для России сделала партия Сильвестра. Но из всего этого рассказа скорее выходит, что она действовала для себя, для своих выгод, а не для выгод отечества.

В повествовании Курбского замечаем еще другой важный недостаток, который мешает верить в истину его. Перевороты в государстве не могут совершаться мгновенно — они всегда требуют известного времени, и количество этого времени бывает больше или меньше смотря по важности переворота. Из слов Курбского видно, что партия Сильвестра, захватив в свои руки правление, в одно мгновение все преобразовала в России и из слабого государства, расстроенного

---

597 Сказ. кн. Курбского, стр. 8–9.
598 Там же, стр. 9.

безрассудным правлением молодого даря, вдруг образовала государство сильное и страшное для соседей. Таких резких переходов в истории не может быть. Здесь во всем мы видим строгую последовательность и постепенность. Из могущественного и благоустроенного государства не может мгновенно сделаться государство слабое, тем более нельзя в один момент дать силу государству слабому и расстроенному. Вероятно, партия Сильвестра и Адашева застала Россию не такой расстроенной и слабой, какой изображает нам её Курбский. Впрочем, он описал так положение России не без цели, — он имел в виду представить в большом блеске заслуги Сильвестра и Адашева и очернить царя в глазах потомства за неблагодарность к таким достойным людям. С другой стороны, невозможны в человеке быстрые переходы от зла к добру. Злое всегда остается злым и никогда не переходит в доброе. Но Курбский, изобразив Иоанна злым от природы, вдруг заставляет его, по одному мановению Сильвестра, превратиться в доброго государя, отца своих подданных. Эта неестественность повествования отнимает у него историческую достоверность и заставляет нас предположить: во-первых, что Иоанн всегда был государем добрым; а во-вторых, что партия Сильвестра застала Россию в благоустроенном состоянии. Это тем справедливее, что подтверждается одним местом летописи. В «казанской гистории под 1547 г. говорится следующее: «седе на великое царство державы своея» благоверный великий государь, царь великий князь Иван Васильевич — всея Руси самодержец — вся мятежники старые изби, владевшие царством его неправдой и до совершенного возраста его, и множи вельможи устраши от лихоимания и неправды, и запрети праведен суд творити и правяше царство свое добре. Кроток и смирен бе и праведен в суде и ко всем милостив воинским людем и простым[599]». Таким образом, соображения и это место летописи прямо опровергают рассказ Курбского о быстром превращении России из государства расстроенного в могущественное, а Иоанна из злого и развратного в государя доброго, благочестивого и попечительного о благе подданных.

---

[599] Сказ. кн. Курбского, стр. 9.

Тот же самый недостаток замечаем у Курбского и при описании казанского похода и войны с крымцами. Из повествования его выходит, что едва только Сильвестрова сторона завладела кормилом правления, русские прославились победами над татарами. Вот слова его: «И абие за помощью Божиею сопротив сопостатов возмогоша воинство христианское. И против яких сопостатов? Так великого и грозного измаильтеского языка, от него ж некогда и вселенная трепетала, и не токмо трепетала, но и опустошена была; и не против единого царя ополчашеся, но абие против трех великих и сильных, сиречь, против переконского царя, и казанского, и супротив княжат ногайских». Он говорит, что войска наши украшались столь частыми победами над врагами, что, его краткая повесть не вместит, если писать о них поряду. Далее он говорит, что, «видев такие неизреченные Божие щедроты, так вскоре бываемые, сам царь, возревновав ревностию, начал против врагов сам ополчатися[600]». Таким образом, из повествования Курбского видно, что Иоанн предпринял поход против Казани, потому что его одушевили победы, одерживаемые нашими войсками над татарами с того времени, как сторона Сильвестра начала править Россией. Но мы не знаем других побед, одержанных в это время над татарами, кроме победы над крымцами и завоевания Казани. Были победы над татарами, но гораздо ранее этого времени. Какие же победы одержали «знаменитые стратилаты», избранные партией Сильвестра и Адашева? К несчастью, никаких. Этот панегирик Курбский поместил для того, чтобы тем разительнее показать переворот, произведенный Сильвестром и Адашевым в России: в то время, когда ею управлял Иоанн, она была бессильной, беззащитной жертвой татар: а теперь вдруг, ни с того, ни с сего одерживает над ними блистательные победы.

Особенно замечательны в этом случае слова Курбского, относящиеся к Иоанну: «и сам царь возревновав ревностью, начал против врагов сам ополчатися, своей главой, и собирати себе воиство множайшее и храбрейшее, и не похотеше покою наслаждатися, в прекрасных палатах затворясь, пре-

---

[600] Ист. отн. между княз. Рюр. дома, соч. г. Соловьева, стр. 634.

бывати, (яко есть нынешним западным царем обычай: все целые нощи истребляти, над карты седяще и над прочими бесовскими бреднями); но подвигся многажды сам, не щадячи здравия своего, на супротивного и горшего своего супостата, царя казанского единого в лютую зиму, аще и не взял места от него главного, сиречь Казани града, и со тщетою не малою отойде; но всяко не сокрушилось ему сердце и воинство его храброе[601]». Откуда же взялась у Иоанна, которого после Курбский описывает трусом и беглецом, такая храбрость? «От того, — говорит Курбский, — Иоанн был храбр, что Бог укреплял советников его». Но такая причина могла существовать только в голове Курбского. Трудно пересоздать человека, трудно внушить ему те качества, которых не дано ему. Пока еще нет ни одного примера, чтобы робкий человек сделался мужественным и отважным. Бывает и у робких своего рода храбрость, но только тогда, когда они не видят никаких средств к. спасению. Это уже будет отчаяние, а не храбрость. Советники не могли никак сообщить храбрости Иоанну. Но у Курбского для них нет ничего не возможного. Тот же Курбский, превознося мужество Иоанна, противоречит себе, представляя его робким в решительные минуты. Так, описывая тот момент штурма казанского, когда русские солдаты, бросившись с своими начальниками на грабеж, сильно потесненные татарами, ударились, бежать из города, крича: «Секут! Секут!». Курбский говорит, что при этом случае царь потерял все присутствие духа и «зело ему не токмо лице изменяшесь, но и сердце сокрушися, уповая, иже все уже войско христианское бусурманы из града изгнаша. Видевше же сицевое, мудрые и искусные сигклитове его, повелеша хоругвь великую христианскую близу врат градских, нареченных царских, подвинути, и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругови поставиша: понеже были иецыи, между сигклиты оными, мужие веку еще отцов наших, состарившиеся в добродетелях и во всяких искусствах ратных[602]». Не очевидно ли здесь противоречие с предыдущим? Сначала Иоанн представлен человеком, не щадящим ни

---

601 Сказ кн. Курбского, стр. 10.

602 Там же, стр. II.

жизни, ни здоровья для пользы отечества; а здесь он представлен трусом, который готов бросить дело в самую критическую минуту и уничтожить плоды всех усилий. Кроме того, Курбский выставил здесь Иоанна такой личностью, которой советники его могли располагать, как им вздумается. Но тот же Курбский говорит, что Иоанн отверг требование Воротынского дать знак к общему приступу во время взорвания подкопа в первый раз[603]. Из этого видно, что Иоанн действовал самостоятельно, руководясь своими собственными соображениями, а не умом других. Принимая во внимание это противоречие в рассказе Курбского, мы должны отвергнуть его показание, что Иоанн был трусом, должны отвергнуть тем более, что Иоанн, по словам самого Курбского, всегда сам предводительствовал войском. Так когда, отправляясь против Казани, услышал он о нашествии крымцев; то сам стал на Оке с войском, ожидая крымцев и битвы. Так когда в июне 1555 года крымцы разбили Шереметева; то Иоанн, не зная об этом поражении и, по своему обыкновению, предводительствуя лично войском, вздумал переменить прежнюю робкую систему войны с крымцами. Он не хотел ждать их на Оке, но, перейдя ее, решился сразиться с ними в степи. Вдруг пришла весть о поражении Шереметева. Робкие советовали царю отступить. Только не многие говорили, что нужно идти вперед и не срамить древней славы. Если бы робок был Иоанн, то, без сомнения, одобрил бы первый совет, но он, по уверению самого Курбского, «совет храбрых принял, а совет страшливых отверг, иде к Туле месту, хотяше сразитися с басурманы за православное христианство, Се таков был дар наш, поки любил около себя добрых и правду советующих[604]». Но, мы знаем, что и по удалении партии Сильвестра и Адашева, которую разумеет здесь Курбский под именем «добрых и правду советующих», Иоанн не изменял своей храбрости. Так, под личным преводительством его, взят был сильно укрепленный Полоцк и сам Курбский говорит, что Иоанн «своими персями достал этот город[605]». Самый поход под Казань совершен

603 Сказ кн. Курбского, стр. II.

604 Там же, стр. 11–12.

605 Истор. о Казанск. Царст. гл. 28.

был по мысли Иоанна, а не по мысли его советников. Выше всего ценя славу и благоденствие России, Иоанн понимал, что Россия не негоже наслаждаться спокойствием до тех пор, пока Казань будет пользоваться самостоятельностью. Поэтому первой его мыслью было покорить Казань. Это доказывается; во-первых, тем, что Иоанн слишком уже ревностно стремился к достижению этой цели. Он предпринимает в Казань два похода. Неудача этих обоих походов не устрашает его. Во что бы то ни стало он решился достигнуть цели. В этом намерении он основывает город в земле неприятельской, чтобы, стеснив татар, тем успешнее покорить их.·Он предпринимает третий поход и употребляет все усилия, терпит все лишения[606], чтобы овладеть городом. Во-вторых, что намерение завоевать Казань родилось в голове самого Иоанна видно из того, что он готовился зимовать под Казанью во время этого похода,·между тем, как советники его считала за нужное возвратиться в Россию, когда буря на Волге потопила суда с припасами и военными снарядами[607]. Наконец, в-третьих, самым лучшим доказательством служит то, что Иоанн отверг совет вельмож своих, полагавших, по случаю волнений, происшедших в Казани, совершенно покинуть этот край, несчастный для России[608]. Итак, Иоанн вполне был убежден в необходимости для блага России приобрести и укрепить за нею Казань. Следовательно, Иоанн руководился здесь своим собственным убеждением, а не советом Сильвестровой партии; этим только можно объяснить, почему Иоанн так упорно настаивал на покорение Казани.

Описывая осаду и взятие Казани, Курбский везде выставляет себя на первом плане, и его личность затеняет личности других воевод, действовавших под стенами города. Он изображает до мельчайших подробностей все свои действия. Цель его очевидно та, чтобы показать, какого искусного генерала потерял в нем Грозный, показать, что он для блага отечества не щадил даже своей жизни. Так он изображает себя героем на полях Тулы в битве с крымцами. В этой битве говорит он: «Аз тяжкия раны на телеси отнесох, яко на главе, так и на

---

606 Сказ. кн. Курбского, стр. 12 и 13.

607 Там же, стр. 13.

608 Там же, стр. 32.

других составах[609]». В особенную похвалу ставит себе Курбский то, что 24·лет он был воеводой правой руки и говорит, что, занимая назначенный ему пост, действовал так неутомимо и неусыпно, что почти все ночи не спал, охраняя снаряд более живота своего[610]. Переходя к описанию решительного приступа к Казани, Курбский говорит, что предоставляет каждому рассказывать о своих подвигах, а опишет только то, что сделал он сам; изображает всю трудность первого момента приступа; свою храбрость, с которою преодолел эту трудность; превозносит отважность своего брата, который первый вошел на стену[611]. Потом описывает свою битву с отступавшими 5 т. татар, говорит, что он «первее всех вразился в полк бусурманский» что три раза оперся о врагов конь его во время сечи и что в четвертый раз, устремись на врагов, он (Курбский) упал среди их, истекая кровию, и очнулся на руках царских воинов. Рассказывает далее, что в начале дела много было собралось вокруг него других всадников, но что они только поглядели возле полка их (т. е. татар) и устрашились, потому что татары жестоко ранили передних из них, что поэтому они решились напасть на татар с тылу и начали рубить их задние ряды, между тем как татары, не встречая никакого препятствия впереди, свободно шли к лесу. «Но тогда, — говорит Курбский, — приспел мой брат, ударил на татар спереди, два раза среди их проехал один. Когда он врубился в третий раз, то один благородный воин помог ему истребить врагов». «Пять стрел вонзилось, — продолжает Курбский, — в ноги брата моего, не считая других ран, конь его пал под ним, но, взяв свежего коня и презирая свои раны, брат опять устремился на врагов». И во истину имел я такового брата храбра, и мужественна, и добронравна, — восклицает Курбский, — и к тому зело разумна, иже во всем войску христианском не обреташесе храбрейший и лучший, паче его; аще бы обрелся кто, Господи Боже! Да таков же бы был[612]!» Мужество, оказанное Курбским в сече с татарами, подтвер-

[609] Сказ. кн. Курбского, стр. 100.
[610] Там же, стр. 52.
[611] Там же, стр. 244.
[612] Там же, стр. 16.

ждается свидетельством летописи. Летопись рассказывает, что когда 5 т. татар, желавших по взятии Казани спастись от меча русских, устремились из крепости; то «воевода, князь Андрей Михайлович Курбский выеде из города, и сяде на конь, и гна на них, и приехав во всех в них; они же его с коня сбив, и его секоша множество, и прейдоша по нем многие замертво; но Божиим милосердием оздравел[613]». Что касается до брата Курбского, то о нем нигде не упоминается не только в летописях, но даже в родословных книгах. По родословным книгам значится у Курбского один брат, Иван[614], о котором в разрядах казанского похода ничего не говорится. Карамзин называет этого брата Курбского Романом[615]. Неизвестно, откуда Карамзин занял это имя. Г. Устрялов говорит, что он основался на рукописях[616]. Какие же это рукописи? Карамзин ссылается в своих примечаниях на рукопись Курбского и только; а Курбский не называет своего брата этим именем. Можно кажется думать, что Карамзин, вместо слов Курбского: «Первый брат мой *родной*[617] и пр., прочел: «первый брат мой *Роман*».

Рассказав о взятии города, Курбский повествует, что когда бояре на третий день пришли поздравлять Иоанна с победой, то последний «отрыгнул нечто неблагодарно, вместо благодарения, воеводам и всему воинству своему; на единого разгневався таковое слово рок; «Ныне, рече, боронил мя Бог от вас[618]». Эти слова Курбского можно принять за выдумку, сделанную им в интересах своей партии. Во-первых, летопись влагает при этом случае в уста Иоанна совершенно другие слова: «Бог сия содеял твоим, брата моего, попечением, и всего нашего воинства страданием, и всенародной молитвой буди Господня воля[619],» — ответил он брату своему Владимиру Андреевичу и всем боярам, поздравлявшим его с победой;

---

[613] Сказ. кн. Курбского, стр. 16.
[614] Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 372.
[615] Сказ. кн. Курбского, стр. 15.
[616] Там же, стр. 23.
[617] Там же, стр. 30.
[618] Там же, стр. 37.
[619] Чт. в Общ. Ист. и Древн. Рос., т. III, № 9, стр. 368.

во-вторых, приписывая такой ответ Иоанну, Курбский очевидно имел в виду очернить его, представить тираном, которого не трогали ни заслуги, ни доблесть его подданных, который за верную службу платил им одними казнями. С этой целью Курбский и изобразил яркими красками доблесть, оказанную как им самим, так и другими воеводами при взятии города. Восклицание Курбского, относящееся к выше приведенным словам будто бы Иоанном произнесенным: «О слово сатанинское, являемое неизреченную лютость человеческому роду! О исполнение меры кровопийства го[620],» — вполне выражает это намерение. Но если Иоанн и сказал действительно те слова, которые Курбский заставляет его говорить; то имел полное право сказать так, потому что мы знаем, что бояре постоянно поджигали крамолы в Казани, дозволяли казанцам подкупать себя и предавали им в жертву Россию[621]. Вот чем должно объяснять эти слова, а не тем, чем объясняет их Курбский. Он говорит, что Иоанн хотел этими словами сказать: «Не возмогл семя вас мучити, пока Казань стояла сама в собе; бо ми естя потребны были всячески; а ныне уже вольно мне всякую злость и мучительство над вами показывати[622]».

Курбский повествует далее, что по взятии города Иоанн советовался, какое устройство дать вновь завоеванному царству: «И советовавше ему все мудрые и разумные, иже бы ту пребыл зиму, аж до весны со всем воинством» для окончательного покорения страны, потому что в царстве казанском, кроме собственно татар, жило еще 5 различных языков: «мордовский, чувашский, черемиский, воитецкий, або арский, пятый башкирский. Он же совета мудрых воевод своих не послушал; послушал же совета щурей своих: они бо шептаху ему во уши, да поспешится ко царице своей, сестре их; но и других ласкателей направили с попами[623]». Но если Иоанн не дослушал совета воевод и не остался зимовать в покоренной Казани, то это не потому будто и царь шептали ему, чтобы он ехал

---

[620] Родосл. кн. ч. I, стр. 121.
[621] Ист. Гос. Рос., т. VIII, стр. 112.
[622] Сказ. кн. Курбского, прим. 52.
[623] Там же, стр. 30.

к жене своей. Иоанн не был, как мы несколько раз уже заметили, человеком, подверженным влиянию всякого встречного. Он имел собственный рассудок и мог понять, что ему вовсе не нужно оставаться в покоренном городе: он совершил главное, и полное право имел предоставить довершение остальным своим воеводам.

Не приняв совета воевод, Иоанн, по словам Курбского «стояв неделю и оставя часть воинства в месте, и огненные стрельбы с потреб, и седши в суды ехал к Новугороду Нижнему, еже есть крайнее место великое Русское, которое лежит от Казани 60 миль; а кони наши все послал не тою доброю дорогою, ею же сам шел к Казани, но водле Волгу, зело претрудными стезями, по великим горам лежащими, на них же чувашский язык обитает: и того ради погубил у всего воинства своего кони тогда: бо у кого было сто або двести коней, едва два або три вышли. Се сия первая дума человекоугодница[624]!» Но летопись ничего не говорит об этом несчастье. Приведем из неё свидетельство: «Того же месяца, 11 дня, приговорил государь с братом своим, князем Владимиром Андреевичем и со всеми бояры идти к Москве, а самому государю идти Волгой рекою в судах, а в конной отпустил слугу и воеводу, князя Михаила Ивановича Воротынского с товарищи, идти им на Василь-город берегом[625]». Таким образом, мы видим, что в летописях ничего не говорится ни о трудностях пути, ни о потере конницею лошадей; напротив, Иоанн, в речи своей к митрополиту по прибытии в Москву, говорит, что «все пришли здравы[626]». Притом, должно заметить, что расстояние от Казани до Василя-города очень незначительное[627], и если даже войско шло до него неделю, то все-таки оно не могло потерять такого количества лошадей, о каком говорит Курбский. По всей вероятности, этот рассказ Курбского об огромных потерях, понесенных войском, вымышлен им с целью показать, что никакие другие советы, кроме советов партии Сильвестра и Адашева, не могли быть полезны

[624] Сказ. кн. Курбского, стр. 37.
[625] Чт. в Общ. Ист. и Древн. Рос. т. III, № 9, стр. 369.
[626] Сказ. кн. Курб., стр. 38.
[627] В подобных преступлениях винили Бельских при Василии III.

для России. Слова: «Вот первая дума человекоугоднича» — вполне подтверждают это.

Затем Курбский рассказывает, что, прибыв в Нижний, царь распустил все свои войска и, обрадованный рождением сына Димитрия, поспешил в Москву. Мы видели, что по прибытии в Москву Иоанн, вероятно вследствие тяжких трудов, понесенных им под стенами Казани, сделался жестоко болен; знаем, что крамольники, а в том числе отец Алдашева и Сильвестр, хотели возвести на престол брата Иоаннова, Владимира; но Курбский ничего не упоминает об этом замысле и тем самым навлекает на себя подозрение в участии в нем и выказывает неблагонамеренность своего сочинения. Не упуская случая распространиться о каждом событии, которое может служить к обвинению царя, чрезвычайно кратко говорит он о его болезни, потому что подробное изложение всех обстоятельств должно было бы выставить партию Сильвестра и Адашева в весьма невыгодном свете. «Приехав же до Москвы, — говорит Курбский, — аки по двух месяцах или по трех, разболелся зело тяжким огненным недугом, иже никто же уже ему жити надеялся[628]». Но до нас дошло свидетельство царственной книги о боярском мятеже. В ней прямо говорится, что сторона Сильвестра хотела возвести на престол Владимира Андреевича; рассказывается, что, когда Иоанн потребовал от бояр присяги Димитрию, «бысть мятеж велик, и шум, и речи многие во всех боярех, а не хотят пеленичному (т. е. Димитрию) служити[629]». Но Курбский молчит об этом событии с одной стороны потому, что, рассказав о нем, не мог достигнуть той цели, какую предположил себе выполнить в своем сочинении; а во-вторых, вероятно, и сам, как мы уже имели случай заметить[630], не был чист в этом деле.

Потом Курбский подробно рассказывает *о кирилловском езде,* о посещении царем Троицкого монастыря, где жил тогда Максим Грек. Курбский называет Максима «мужем зело мудрым, и не только в риторском искусстве, но и в философии искусным, и по Бозе их терпепии исповедальческом укра-

---

[628] Сказ. кн. Курбского, стр. 38.
[629] Там же, стр. 38.
[630] Там же, стр. 39.

шенным. «Много бо, — говорит Курбский, — терпел от отца его (т. е. Иоаннова, Василия III) многолетних и тяжких оков и многолетнего заточения в прегорчайших темницах, и других родов мучений искусил неповинне, по зависти Даниила митрополита, прегордого и лютого, и ото вселукавых мнихов, глаголемых осифлянских[631].» Но здесь Курбский опять погрешает против истины, мы знаем, что Максим Грек не был неповинным; он держал сторону бояр, не одобрявших развода Василиева с Соломонией, и государь, оскорбленный им, имел полное право сослать его в заточение как человека беспокойного, вступающегося не в свое дело и унижающего своими порицаниями, слишком нескромными, достоинство монарха.

Далее у Курбского мы замечаем особенную ненависть к Даниилу митрополиту и монахам Иосифа монастыря. В одном месте он называет их «презлыми[632]», а здесь, «вселукавым». Причиной этой ненависти было то, что Даниил митрополит был ревностнейшим поборником идеи государственной. Та же ненависть к нему проглядывает и у Берсеня, который говорит: «Язь того не ведаю есть ли митрополит на Москве: учителна слова от него нет ни которого, и не печалуется не о ком: а прежние святители сидели на своих местах в манатьях и печаловались государю о всех людех[633]». Другая причина этой ненависти та, что Даниил был игуменом Иосифа монастыря, который начал играть важную роль еще со времен Иоанна именно со времени появления Жидовской ереси. Елена, вдова Иоанна Молодого, стояла на стороне этой ереси, за нее же и бояре стояли, и Курбский, как мы видели, называет Елену святой. Пока Елена и её партия были в силе, была в силе и ересь; Но падение Елены возвестило и гибель еретиков, и торжество Святого Иосифа, ревностнейшего противника ереси. Борясь против еретиков, Иосиф должен был бороться против бояр, их поддерживавших; а, следовательно, необходимо должен был стоять на стороне Иоанна и Софьи.

---

[631] Чт. в Общ. Ист. и Древн. Рос. т. III, № 9, стр. 273. Никоновская. Лет. т. VII, стр. 187.

[632] Никон. Лет. т. VII, стр. 120. Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос., т. III, № 9, стр. 378.

[633] Казань от Василя-Сурска отстоит 260 верст.

Вот чем объясняется ненависть Курбского к монахам Иосифова монастыря[634].

Этот эпизод необходим для объяснения непонятного негодования Курбского на монахов Иосифа Монастыря и митрополита Даниила; теперь возвратимся к его рассказу. Максим Грек начал советовать Иоанну не ездить в монастырь Кирилловский, убеждая лучше заняться устройством судьбы семейств воинов, павших под стенами Казани, говоря, что Бог везде может внимать молитвам и прошениям царя; следовательно, также услышит молитву Иоанна в Москве, как и в Кирилловом монастыре и прибавил к этому следующие слова: «И аще послушаеши мене, здрав будеши и многодетен, со·женою и отрочатем». И иными словесы множайшими наказуя его, во истину сладчайшими паче меда, каплющего это уст его преподобных[635]». Эти слова действительно должны быть слаще меда для Курбского, но Иоанну не могло не показаться странным: с чего принялся вдруг Максим Грек, советовать ему не ездить в Кириллов монастырь? Иоанн полагал, что тут кроется какой-нибудь замысел бояр, приверженцем которых был Максим Грек, а потому и решился продолжать путь. Курбский же приписывает это упорство Иоанна побуждениям «миролюбцев и любоименных мнихов». Таким образом, он остается верным своему желанию — представить Иоанна находящимся постоянно под влиянием чужих советов, не оставляя ему ничего на свободу воли и мысли. У него Иоанн всегда действует по чьему-нибудь совету, и никогда по собственной своей воле. Когда, продолжает Курбский, Иоанн презрел совет Максима Грека, то тот последний предрек ему смерть сына за ослушание «и сия словесы приказал ему четырьмя нами: первый исповедник его, презвитер Андрей Протопопов, другий Иоанн княжа Мстиславский, а третий Алексей Адашев, ложничий его, четвертым же мной; и те слова слышав от святого, поведахом ему по ряду; он же нерадяше о сем[636]». Из этих последних слов мы ясно видим, что Максим Грек был только орудием партии Сильвестра и Ада-

[634] Сказ. кн. Курбского, стр. 39.

[635] Царств. кн. стр. 338.

[636] См. 1-ю главу этого сочинения.

шева и действовал по её внушению. Само собой разумеется, что Иоанну показалось чрезвычайно странным, почему Курбский, Адашев и Максим так сильно желают его возвращения в Москву. В душу царя, и без того обстоятельствами расположенного не доверять боярам, должно было запасть сильное подозрение. Желая это ослушание, окончившееся смертью юного царевича Димитрия, поставить в вину Иоанну, Курбский тем самым бросает мрачную тень на себя и партию, к которой принадлежал; он высказывает, что эта партия не гнушалась никакими низкими средствами для достижения своих корыстных целей. Мы видим далее из рассказа Курбского, что и теперь она вовсе не хлопотала о сиротах и вдовах; но хотела отклонить царя от путешествия, потому что опасались свидания его с человеком ей враждебным. Этот человек был Вассиан, сверженный епископ коломенский.

Курбский говорит, что «диавол стрелил царем до того монастыря, где жил Вассиан, уже престаревшийся во днех мнозех. Он прежде был от осифлянские лукавые четы, иже был великий похлебник отца его, и вкупе со прегордым и проклятым митрополитом Даниилом, предреченных оных святых мужей лжесшиваными оклеветаша и великое гонению на них воздвигоша». Он говорит, что митрополит Даниил приказал в своем доме уморить злой смертью Сильвана, ученика Максима Грека, и потому вскоре по смерти великого князя Василия «яко митрополита московского, так того коломенского епископа, не токмо по совету всех сигклитов, но и всенароднe, изгнано от престолов их, явственные ради злости[637]». Действительной мы знаем, что Вассиан был ревностнейшим приверженцем и другом Василия III, был из монахов Иосифа монастыря, а потому бояре ненавидели его. И вот, едва только умерла мать Грозного, как Иван Шуйский и его сторона, свергнув с престола митрополита Даниила, свергнули и Вассиана и заточили его в Песношском монастыре. Мы знаем, что народ не участвовал в этом деле, и Курбский клевещет, говоря, что Вассиан и Даниил были изгнаны народом. В летописях прямо говорится: «7017 в феврале, сведен с митрополии Даниил-

---

[637] Сказ. кн. Курбского, стр. 39–10.

митрополит боярином князем Иваном Васильевичем Шуйским с его советницы[638]».

«Что же тогда приключишеся? — говорит Курбский, — таково то воистинну: иже приходит царь до оного старца в келлью, и ведая, яже отцу его единосоветен был и во всем угоден и согласен, вопрошает его: «Како бы могл добре царствовати и великих и сильных своих в послушестве имети»? И подобало реши ему: самому царю достоит быти яко главе, и любити мудрых советников своих, яко свои уды, и иными множайшими словесем от священных писаний ему подобало о сем советовати и наказати царя христианского, яко достоило епископу некогда бывшу, пачеж престаревшемуся уже в летех довольных. Он же что рече? Абие начал шептати ему во ухо, яко и отцу его древле ложью, кикованцие (клевета) шептал, и таково слово рекл: «Аще хощеши самодержцем быти, не держи собе советника ни единого мудрейшего собя: понеже сам еси всех лучше; тако будеши тверд на царстве, и все имети будеши в руках своих. Аще будеши иметь мудрейших близу собя, по нужде будеши послушен им». И сице соплете силлогизм сатанинский. Царь же абие руку его поцеловал и рече: «О! Аще и отец был бы ми жив, такового глагола полезного, но поведал бы ми»! Итак, желая показать неблагонамеренность Вассиана и вредные последствия, проистекшие для государства из самого первого столкновения с ним Иоанна, Курбский излагает беседу бывшего коломенского епископа с царем. И здесь-то невольно высказывает он те задушевные побуждения, которые постоянно руководили им; высказывает свое желание возвратить Русь назад; показывает, что решительно не понимал того перелома, который в его время совершался в жизни народа русского — именно перехода от родового к государственному быту. Горячо защищает Курбский свои убеждения. Он порицает великого князя Василия III за то, что последний был против этих понятий: «Ту мы рассмотри прилежно, — говорит он, — яко согласует древний глас отечь с новым гласом сына[639]». Мы знаем, что великий князь Василий не любил советоваться с боярами; знаем, что

[638] Сказ. кн. Курбского, стр. 5.
[639] А. А. Э. т. I, № 172.

он *не терпел встречи против себя;* знаем, что он *опалялся* на тех, которые осмеливались противоречить ему, и *все дела решал запершись сам-третей у своей постели*[640]. И вот за это Курбский сравнивает его с сатаной, который, «видев себя пресветла и сильна и надо многими полками ангельскими чиноначальником от нога поставленна, и забыв, иже сотворение есть, рече себе; «погублю землю о море и поставлю престол мой выше облак небесных и буду равен Превышнему и ниспала», говорит он, «денница, восходящая заутра, и не сохранив чина своего; от фосфора сатана наречен, сиречь отступник. И сын глас подобен провещал: «О глас во истину диаволий! — восклицает Курбский, — забыл ли оси, епископе! Во втором царстве реченного»? Обращаясь к Вассиану, Курбский доказывает необходимость для государя советоваться с вельможами: во-первых, примером Давида, который, произведя вопреки убеждениям своих советников перепись израильтян, навлек на народ гнев Божий, едва не погубил всего Израиля и только искренним покаянием отвратил эту гибель; во-вторых, примером Ровоама, который, послушавшись совета юных и презрев совет старейших, поплатился за это разделением израильского царства; в-третьих, словами Златоустого о Святом Духе в последней похвале Святому Павлу, где Златоуст «советовати полезные на прибыль царства, дар совета нарицает» и приводит в пример этого Моисея; в-четвертых, в доказательство необходимости совета говорит, что царь, хотя и почтенный от Бога царством, не может, однако, вмещать в себе всех даров Духа, и потому должен искать, чего не достает в нем, у своих советников, потому что дар Божий сообщается человеку не по гордости, а по чистоте духовной. «Ты же все сие забыл! Отрыгнул же еси вместо благоухания смрад! Неужели ты не знаешь, что если бессловесные управляются естеством, то человек должен управляться советом и разумом»; в-пятых, в доказательство истины своего убеждения, Курбский приводит свидетельство Дионисия Ареопагита, что ангелы управляются советом и разумом и, наконец, в-шестых, приводит в пример Иоанна III, который расширил границы своего царства, освободил

---

[640] История отношений между князьями Рюрикова дома, стр. 647.

Россию от рабства,·прославил имя своё в дальних странах — все потому, что «советовался с мудрыми и мужественными сигклиты своими: бо зело глаголют его любосоветна быти, и ничтоже починати без глубочайшего и многого совета; ты все это забыл епископ, — заключает Курбский, — и восстал не только против древнего, но и против нового того славного вашего; забыл, что любой совет, любит свою душу, и сказал: не держи советника мудрейшего себя[641]».

«О сыне диаволь», — продолжает Курбский, обращаясь опять к Вассиану, — «прочто человеческого естества, вкратце рещи, жилы пресекл еси, и всю крепость разрушити и отъяти хотяще, таковую искру безбожную в сердце царя христианского всеял, от исяже во всей святорусской земле таков пожар лют возгоресяt, о нем же свидетельствовати словесы, мню, непотреба?.. Воистину мало по наречению твоему и дело твое показася: бо наречение ти Топорков; а ты не топорком, сиречь малою секеркою: воистину великою и широкою, и самым оскордом благородных и славных мужей в великой Руси постинал еси». Желая делом доказать справедливость своего негодования и вред советов Вассиана, Курбский тотчас после этого говорит о смерти царевича Димитрия и заключает свой рассказ так: «Се первая радость за молитвами оного предречённого епископа! Се получение мзды за обещания не по разуму, паче же не богоугодные[642]! (Он считает путешествие царя в Кириллов монастырь делом не угодным Богу). Повествование Курбского драгоценно для нас потому, что вполне выказывает образ мыслей этого человека, столь замечательного. Здесь он раскрывает пред нами те сокровенные причины, которые руководили его действиями. Всеми силами он старается оправдать свои убеждения, искусно, как опытный и знающий дело человек, пользуется для доказательства своей главной мысли: царь должен слушаться своих советников, теми актами, которые представляла ему история, пользуется учением Отцов церкви и приводит места из Священного Писания. В приведении этих доказательств, в выборе их мы видим всю гибкость его ума. Но в то же время мы видим, что

---

641 Сказ. кн. Курбского, стр. 40 и 41.
642 Там же, стр. 42.

человеку, ослепленному страстью, очень нетрудно впасть в противоречие с самим собой. Так, чтобы доказать истинность своего мнения, Курбский приводит в пример Иоанна III, уверяя, что этот великий государь держался тех же мнений, как и он сам. Он хвалит его, а в других местах не приписывает ему ничего, кроме худого, и старается навязать ему такие преступления, о каких этот вовсе и не думал.

Посмотрим теперь, в какой степени истинны обстоятельства беседы Иоанна с Вассианом в том виде, как представляет их Курбский. Рассмотрим также и то: можно ли ей дать то важное значение, какое дает Курбский? В основании своем рассказ Курбского верен. Мы не можем отвергать того, что Иоанн действительно виделся с Вассианом и беседовал с ним: тут нет ничего странного. Даже очень естественно, что у Иоанна, который так мало до этого времени встречал людей себе преданных, было желание увидеть искреннего и преданного слугу отца своего. Но подробности беседы Иоанна с Вассианом без сомнения вымышлены Курбским. Во-первых, Курбский заставляет Иоанна спрашивать: «Как бы он мог хорошо царствовать и держать великих и сильных своих в послушании?» Подобного вопроса нельзя приписать Иоанну, который несколько раз выказывал желание действовать самостоятельно, не руководясь непрошенными советами. Он составил себе ясное и твердое понятие о том, в каких отношениях должны находиться к нему его подданные. Для чего же ему было спрашивать совета у Вассиана? Самое удовольствие, с каким Курбский заставляет Иоанна принять совет Вассиана, ясно показывает, что этот совет был согласен с убеждениями, заранее уже составленными себе царем. Но, приписывая Иоанну упомянутый вопрос, Курбский имел одну цель, а именно показать, что у Иоанна был большой недостаток в собственном уме. Поэтому-то и заставляет он царя обращаться ко всякому за советами. Во-вторых, в рассказе Курбского есть противоречие, которого он не позаботился устранить. Вассиан, пишет он, шептал царю свой совет на ухо. Шептание на ухо уже ясно указывает на желание говорить так, чтобы другие не слышали и не знали, о чем говорится. Следовательно, Курбский не мог слышать, о чем и что Вассиан говорил с царем, и слова первого, переданные им, не иное

что как догадка, сделанная в видах своей партии. Вассиан, как мы уже заметили, сверженный боярами, бывший другом Василия III, не мог быть их доброжелателем; потому-то Курбский и предположил, что он не мог говорить с царем ни о чем другом, кроме того, чтобы царь не слишком-то потакал боярам. Наконец, мы не можем приписать беседе царя с Вассианом тех следствий, какие приписывает ей Курбский. Охлаждение Иоанна к партии Сильвестра и Адашева произошло, без сомнения, не от этой беседы: крамолы бояр во время малолетства Иоаннова, низкие средства, с помощью которых партия Сильвестра старалась захватить власть в свои руки, покушение возвести на престол Владимира Андреевича, обстоятельства Кирилловского езда, измены — всего этого кажется достаточно было, чтобы охладить к ней не только Иоанна, но и всякого другого.

Преследуя постоянно одну мысль — обвинить Иоанна, Курбский, умолчав об измене князей Семена Ростовского и Пронского, прямо переходит к изображению мятежей в новопокоренной земле казанской и ставит эти мятежи в вину царю. Послушаем, что говорит он: «К тому и то достоит вкратце воспомянути, первого ради презрения совета доброго, яже еще в Казани будуще, советовали ему сигкинтове не исходити оттуды, доидеже до конца искоренит от земли оныя бусурманских властелей, яко прежде написахом, что ж, смиряюще его гордость, попутает Бог? Паки ополчаются против его оставшие князья казанские, вкупе со предреченными оными языки поганскими, и воюют зельне, не токмо на град казанский приходяще с реликих лесов, но и на землю муромскую и Новаграда Нижнего наезжают и пленит». Далее следует рассказ, что мятежники овладели многими, вновь построенными городами в этой земле, разбили Морозова-Салтыкова и не согласились ни принять за него выкупа, ни обменять на пленных, а чрез 2 года убили его; что в те шесть лет от взятия Казани было множество битв и погибло бесчисленное множество русского войска[643]. Все это правда; но виноват ли Иоанн в том? Покорение страны, бывшей прежде независимой, никогда не может совершиться быстро. Для

[643] Сказ. кн. Курбского, стр. 42.

этого требуется не год, а десятки лет. Итак, какая же польза была бы для России, если бы Иоанн остался зимовать в Казани? Царство казанское было обширно. Его населяли народы разноплеменные, и татары были только народом господствующим. Все эти народы были дикарями; но и дикари любят свободу и независимость, разумеется, по-своему. Кроме того, татары еще не забывали времен Батыевых, Узбековых, когда они сами были обладателями Руси, и мысль о зависимости от неё были для них тягостной. Ясно доказывается это беспрестанными восстаниями казанцев против России даже тогда, когда вся зависимость их от России ограничивалась данью и когда они имела собственных царей. Но теперь они должны были покориться России на всей воле её монарха и повиноваться, чуждому для них, московскому наместнику. Нет сомнения, что казанцы не все были истреблены; спасшиеся от меча побуждали к восстанию против России бывших своих подданных, также чуждых нам и по языку, и по религии и не имевших никакой причины быть расположенными к России. Следовательно, волнения казанские были необходимым злом и, чтобы преодолеть его, нужно было русским совершенно восторжествовать над этими разноплеменными народами. А этого нельзя было скоро сделать, потому что самая местность благоприятствовала дикарям. Следовательно, Иоанн не был виновен в этих мятежах: они были очень естественны и неизбежны. Припомним, чего стоило Франции покорение Алжира.

«И по шестом лете собра войско немало царь наш, вяще, нежели тридесять тысящей, и поставил над ними воевод трех: Иоанна Шереметева, мужа зело мудрого и острозрительного и со младости своея в богатырских вещах искусного, и предреченного князя Симеона Микулинского, и меня; и с нами не мало стратилатов светлых, и храбрых и великородных мужей». Потом описывает свои действия против мятежников, говорит, что последних было более 15 т., что они несколько раз вступали в битвы, но везде были поражаемы. Большая часть их погибла от страшных морозов и глубоких снегов, и русские доходили до Уржума и Меши, а оттуда до башкирского языка, живущего вверх по Каме до Сибири, взяли в плен Янчуру измаильтянина и Алеку черемисина, злейших губителей христианских, и возвратились к царю «с

пресветлою победою; и оттуды начала устремлятися и покорятися казанская земля царева нашему» заключает Курбский[644]. Курбский говорит, что царь посылал его с войском в Казань спустя 6 лет по взятии её, следовательно, 1558 г.; но, вероятно, ему изменяла память: в это время он действовал в Ливонии[645], а в Казань ходил в 1554 г.[646]. Но после этого похода, несмотря на опустошение, произведенное в неприятельской земле, борьба русских с казанскими дикарями продолжалась и кончилась не ранее 1558 г.[647]

Затем у Курбского тотчас за описанием казанского похода следует описание нашествия крымцев. «И потом, того же лета, — говорит он, — прииде весть ко царю нашему, иже царь перекопский, со всеми силами своими препроводясь чрез проливы морские, пошел воевати землю черкасов пятигорских; и сего ради послал царь наш войска на Перекопь аки тринадесять тысящей, над ними же поставил гетманом Иоанна Шереметева и других с ним стратилатов[648]». Это нашествие крымцев последовало не в том же году, в котором Курбский был послан для усмирения Казани, а в июне 1555 г.[649] В то время как наши, продолжает Курбский, пошли чрез степь, пришла весть, что хан крымский идет на Россию дорогой, называемой Великий перевоз. Шереметев послал известить об этом Иоанна, а сам отрядил войско взять кош крымского царя и пошел по следам крымцев. Иоанн выступил из Москвы к Оке. Гибель крымцев была неизбежна; но, говорит Курбский, «писари наши русские, им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичев, или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих, подобно, по пророку глаголющему, хотяще един веселитися на земле, — что ж тые сотворили писари? То воистинну: что было таити, сие всем велегласно проповедали». Они написали, продолжает он, по всем украйнам, что хан находится между двух огней,

---

644 Чт. в Общ. Ист. в Древн. Рос. т. III, № 9, стр. 234.
645 Сказ. кн. Курбского, стр. 43.
646 А. А. Э. т. I, № 172.
647 Сказ. кн. Курбского, стр. 43–46.
648 Там же, стр. 46–47.
649 Там же, стр. 47.

что его истребят непременно; говорит, что хан, схватив два языка, узнал истину, пришел в недоумение и решился возвратиться в орду, но встретился с Шереметевым. Этот не уклонился от битвы, несмотря на страшное неравенство в силах. В первый день победа была на стороне русских; но один из пленников, взятых ханом, сказал последнему о малом числе войска, бывшего с Шереметевым, и хан, думавший было ночью бежать, поутру опять сделал нападение на русских; но победа снова осталась на стороне русских. Они разогнали все татарское войско, и хан остался с одними янычарами на поле битвы. Но в этой сече Шереметев был жестоко ранен, и когда возвратившиеся татары опять ударили на его отряд; то, не имея предводителя, отряд замешался. Битва длилась еще 2 часа и 2 т. русских, засев в буераке, отбили все нападения янычар и татар, и хан к закату солнца ударился бежать в Орду. Царь же наш, продолжает Курбский, не ведая о поражении своих, быстро шел от Москвы к Оке, перешел эту реку и направился к Туле, желая там биться с татарами. Здесь он услышал о поражении Шереметева и некоторые советовали ему возвратиться, но царь послушал совета других, отважнейших и пошел к Туле, желая биться с татарами[650].

Этот рассказ Курбского интересен, потому что здесь опять проглядывают его задушевные убеждения. Мы знаем, что Иоанн, видя одни крамолы со стороны бояр, начал приближать к себе дьяков, полагая, что они более будут радеть об интересах государства. Иоанн питал к ним особенную доверенность и это оскорбляло Курбского, который полагал, что царь не должен никому верить, кроме бояр, должен советоваться с ними одними как со старейшими в государстве, потому что совет с молодыми принесет России один вред[651]. Курбский понимал, что, возвышая дьяков, царь хотел подорвать и могущество бояр, и уважение к ним. Поэтому-то Курбский говорит, что, возвышая дьяков, «царь хотел един веселитися на земли». Вследствие такого убеждения в Курбском естественно должна была родиться ненависть к дьякам и вот он не замедлил приписать им неуспех крымской войны.

---

650 Сказ. кн. Курбского, стр. 48.
651 Разряды.

Но им знаем, что не дьяки дали знать хану о расположении русских войск, а на походе к Туле он схватил стражу русскую, и, узнав от пленников, что Иоанн идет на Тулу, воротился и встретился в степи с Шереметевым. Разбив последнего, он захватил в плен боярских детей и от них узнал, что Иоанн уже в Туле, и после этой вести «царь крымский пошел назад наспех[652]». Следовательно, писари тут нисколько не виноваты, потому что движения Иоанна при тогдашнем образе войны, не могли быть такой тайной, которой бы нельзя было узнать... Обвинению Курбского, взводимому на дьяков, мы тем более не должны доверять, что неоднократно уже имели случай показать полную готовность Курбского обвинить во всем, в чем угодно, того, кто не пользовался его расположением. В это время, говорит Курбский, Иоанн, как бы раскаявшись, немало времени царствовал хорошо, устрашенный крымским нашествием и казанским бунтом[653]. Действительно, мера терпения Иоаннова еще не исполнилась, и неоднократно оскорбленный партией Сильвестра, он думал усовестить ее своими милостями. Но лифляндская война должна была произвести между ним и этой партией совершенный разрыв.

В начале своего повествования о Лифляндской войне, Курбский излагает причины её и, по его мнению, причиной этой долговременной и тяжкой для России войны была неуплата дани, которую орден обязался платить России еще по договору с Иоанном III. «В тех же летех, — говорит Курбский, — премирие минуло с Лифляндской землей; и приехаша послове от них, просяще миру. Царь же наш начал упоминатися дани, яже еще дед его в привилью воспомянул об ней, и от того времени, аки пятьдесят лет, не плачено было от них; а немцы, не хотяще ему дани дати оные, и затем война зачалася[654]». Но, кроме незаплаты дани, из ответа Алексея Адашева ливонским послам, прибывшим с просьбой о восстановлении перемирия, мы видим, что были и другие поводы к войне. Адашев винил ливонских рыцарей в том, что

---

652 Чт. в Общ. Ист. и Древн. Рос., т. III, № 9, стр. 398. Разряды.
653 Там же, т. III, № 9, стр. 430.
654 Сказ. кн. Курбского, стр. 49.

они «и гостей обидят и церкви христианские и концы русские освоили, и гостем царевым и великого князя их не ют[655]». Впрочем, эта неуплата юрьевской дани была только ближайшим поводом к войне. Главной причиной было, как мы видели, желание Иоанна открыть России свободное сообщение с Европой чрез Балтийское море; но современники не понимали высокой мысли царя; они не одобряли этой войны и вот где причина несчастного исхода её. Курбского описание ливонской войны наполнено любопытными подробностями о ходе военных действий, потому что он был одним из главных действующих лиц. Разумеется, читая это описание, никогда не должно упускать из виду того, что Курбский слишком пристрастен к себе, не должно упускать из виду и цели его сочинения, где он старается показать, что не щадил сил на службе царю, и что царь воздал ему за эту верную службу одним гонением. Расскажем кратко содержание этого описания. Упомянув о причине войны, Курбский говорит, что царь послал их трех великих воевод своих с 40 т. человек в Ливонию «не градов и мест добывати, но землю их воевати». Выступив из Пскова, воеводы опустошали Ливонию на пространстве 40 миль и возвратились с добычей, сразившись только раз с рыцарями, потому что, живя в роскоши, рыцари забыли о доблестях и мужестве своих предков. После этого нападения явились в Москве послы ливонские, прося на полгода перемирия; но менее, нежели чрез два месяца нарушили его. На реке Нарове стояли 2 города: по ту сторону Нарва, принадлежавшая рыцарям, а по сю — Ивань-город, принадлежавший России. Оба города обширные и многолюдные, особенно русский. В великий пост, когда жители Иваня-города набожно молились, «немцы гордые и велеможные, сами себе новое имя изобретше, нарекшеся Евангелики, в начале еще дня того ужравшися и упившися», начали стрелять из пушек в Иван-город и, продолжая пальбу три дня, перебили множество народа. Воевода, начальствовавший в Иване-городе, не смея без позволения царя начать неприязненных действий, отправил гонца в Москву с известием о нарушении немцами перемирия и, получив

[655] Чт. в Общ. Ист. и Древн. Рос. т. III, № 9, стр. 423.

приказание обороняться, открыл сам огонь. Каменные и калёные ядра осыпала Нарву и заставили немцев просить пощады. Они отправили трех послов в Москву, обещаясь покориться чрез 4·недели, а между тем просили быстрой помощи у магистра, грозя в противном случае сдать город русским. Магистр исполнил их просьбу и прислал им 4 т. под предводительством Феллинского и Ревельского командоров. По прибытии подкрепления, жители Нарвы на радости задали пир и, напившись до пьяна, начали ругаться над образом Богоматери, стоявшим в доме, принадлежавшем прежде русским купцам. Не довольствуясь одними ругательствами, они схватили образ и бросили его в огонь. Во мгновение ока огонь ударил в потолок дома, и так как в то же время поднялась сильная буря, то пламя с невероятной быстротой объяло весь город. Видя, что крепость оставлена без защиты, русские устремились чрез реку к Нарве, плывя кто на лодках, кто на днищах; вслед за ними устремилось и войско вопреки приказаниям воевод, и, разломав ворота и сделавши пролом в стенах, ворвалось в крепость. Гарнизон пытался было противиться, но русские обратили против него пушки, стоявшие в воротах и на стенах крепости, потом приспели стрелки, меткой пальбой заставили немцев отступить в Вышеград и осадили их. После кратковременного боя немцы начали просить «да повелено им будет розмовити» и оставить город с оружием в руках, а жителям воеводы предложили на выбор: или остаться в городе, или выехать без имения[656]. Взятие Нарвы совершилось по показанию иноземных историков 15 мая 1558 г.[657], а по разрядным книгам, которым мы более имеем права доверять как документу официальному, оно совершилось в 1557 г. Там сказано: «После Ругодивского взятья туда назначен был воеводой боярин Алексей Данилович Плещеев[658]». «Потом, аки неделя едина, взят град другий немецкий, оттуду шесть миль, Сыренеск глаголемый (Нейшлосс), ниже стоит на реке Нарве, идеже она исходит из великого озера Чюцкого... и били с дел по нем только три дни и

[656] Сказ. кн. Курбского, стр. 49–52.
[657] Там же, стр. 49–50.
[658] Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос. т. III, № 9, стр. 424–425.

поддали его немцы нашим[659]». Падение Нарвы, сильно укрепленной, распространило ужас по всей Ливонии[660] и этим объясняется та легкость, с которой покорялись русским ливонские крепости. Защитники их опасались долгим сопротивлением раздражить победителей. «Мы же, — говорит Курбский, — от Пскова пойдоша под немецкий град, нарицаемый Новый·(Нейгауз), иже лежит от границы псковские аки полторы мили; стояхом же под ним вяще, нежели месяц, заточивши дела великие: едва возмогохом взята его, бо зело тверд был[661]». Действительно, после взятия Сыренска Курбский из Пскова был послан к Нову-граду немецкому и к Юрьеву вместе с Петром Ивановичем Шуйским и другими воеводами[662]. Магистр ливонский, соединившись со всеми сановниками орденскими, в пяти милях от города стоял в укрепленном лагере за окопами с 8 т. человек. Между ним и русскими находились огромные болота. Услышав о взятии крепости, он бежал с епископом дерптским: магистр к Кеси, а епископ к Юрьеву. Последний был настигнут и разбит; «за майстром же сами мы пойдохом и отойде от нас», — говорит Курбский[663].

Воротясь из преследования, воеводы двинулись к Дерпту, где затворился сам епископ с бургомистрами и 2 т. наемных немцев; «и стояли есмы под тем великим местом и градом две недели, пришанцовався и заточа дела и все тое место облегши». Осажденные делали частые вылазки, «воистину яко достоит рыцарским мужем». Но, видя разрушение укреплений и невозможность долее держаться, они «сдали место и град». Каждый оставлен был при доме и стяжаниях своих, только епископ выехал в свой монастырь, где и жил до тех пор, пока не был потребован в Москву[664].» Таким образом, из слов Курбского видно, что победители обошлись очень милостиво с жителями. Иноземные историки согласны также с этим и говорят, что Дерпт получил честную капитуляцию,

---

[659] Сказ. кн. Курбского, стр. 52.
[660] Там же, стр. 54.
[661] Чт. в Общ. Ист. и Древ. Рос., т. III, № 9, стр. 400.
[662] Сказ. кн. Курбского, стр. 57–58.
[663] П. С. Р. Л. 1-я Псковская Лет., стр. 325.
[664] Rray Histoire de Livonie, т. II, p. 66.

которая, по их мнению, нарушена только задержкой епископа Германа, умершего в плену в Москве 1559 г.[665]. Г. Устрялов относит взятие Дерпта к 18 июля 1558 г.[666]; к этому же времени относит его и Bray в своей «Истории Ливонии[667]»; но из разрядной книги видно, что в 1557 г., в Юрьеве был уже русский наместник Феодор Иванович Бутурлин[668], чего не могло бы быть, если бы Юрьев был во власти немцев. Кроме Дерпта, русские взяли в этом году более 20 немецких городов, поразили немцев во всех битвах и в начале зимы возвратились в Россию. «И скоро по отшествии нашем, — говорит Курбский, — собравшися майстр сотворил не малую шкоду во псковских властех; и оттуды пошел к Дерпту, и не доходя места великого, облег един грядок, по иговскому языку зовут его Рындег (Ринген), аки за 4·мили от места Дерпта, и стоял, его облегши, яки три дни, и выбив стену, припустил в штурм, и за третьим приступом взял, с тремасты воины, тех мало не всех в презлых темницах гладом и зимой поморил. А помощи дати тому граду не возмогохом, для далечайшего пути и презлые ради первозимние дороги: бо от Москвы места до Дерпта миль сто и осмьдесять есть, и войско было зело утруждено[669]». Действительно немцы взяли Ринген; но в подробностях рассказ Курбского неверен. Князья Димитрий Курлятев и Михайло Репнин стояли почти в виду крепости, дозволили магистру осаждать её спокойно 5 недель и подумали подать помощи стесненной крепости[670]. Следовательно, крепость была взята немцами не потому, чтобы нельзя было подать ей помощи за дальностью расстояния и за дурными дорогами, но от того, что воеводы не хотели спасти ее, имея к тому возможность. Мало этого. Репнин был даже разбит магистром[671]. Вот, где начало наших неудач в Ливонии, происходивших от того, что война ливонская не была одобряема партией Сильвестра и Адашева, же-

---

[665] Древн. Рос. Вивл. т. XIII, стр. 274.
[666] Сказ. кн. Курбского, стр. 59.
[667] Histoire de la Livonie, т. II, p. 66.
[668] Сказ., кн. Курбского, стр. 59.
[669] Др. Вивл. Рос., т. XIII, стр. 235.
[670] Сказ. кн. Курбского, стр. 59.
[671] Там же, стр. 60.

лавшей лучше покорения Крыма, как видно из слов самого Курбского. Но Курбский молчит о действиях Репнина и Курлятева, потому что это бросало не слишком-то благоприятный свет «на простые и верные службы» бояр отечеству, которыми хвалится Курбский.

В числе причин, препятствовавших подать помощь утесненной крепости, Курбский ставит нашествие крымского хана, которому московские татары дали знать, что Иоанн со всеми войсками находится в Лифляндии близ Риги. Но захватив казаков на бобровых и рыбных ловлях, он узнал, что великий князь находится в Москве и что русские войска взяли Дерпт и 20 других городов в Ливонии. Эта весть устрашила хана, и он поспешно обратился назад, поморив множество людей и лошадей, потому что зима была в то время чрезвычайно суровая. Русские преследовали татар до самого Донца Северского[672]. Но какое же отношение могло иметь нашествие хана крымского к действиям Курлятева и Репнина в Ливонии? Они могли бы дать помощь Рингену и отразить нападение магистра.

«Паки, — говорит Курбский, — на тую же зиму царь наш послал с войском своим не малых гетманов своих, Ивана княжа Мстиславского и Петра Шуйского, с роду княжат Суздальских: и взяли вшедше един град зело прекрасен, стоит среди немалого озера, на такой выспе, яко велико местечко и град; а зовут его, иговским языком, Алюст, а по-немецки Наримборх[673]». Действительно, из разрядов мы знаем, что в 7068 году Иоанн послал в Ливонию Ивана Федоровича Мстиславского и Петра Шуйского к Алюсту в январе[674].

Описав все эти победы, одержанные русскими войсками в Ливонии и над крымцами, Курбский говорит: «В те ж то лета царь наш смирился и добре царствовал и по пути Господня закона шествовал; тогда ни о чесом же, яко рече пророк, враги его смирити, и на наступающих языков народу христианскому возлагал руку свою. Произволение человеческое Господь всешедрый паче добротой наводит и утверждает,

---

672 Hist. de la Liv., т. II, p. 67–68.
673 Сказ. кн. Курбского, стр. 60. (прим. под буквой г).
674 Hist. de la Liv. т. II, p. 67.

нежели казнию; аще ли же уже зело жестоко и испокориво обрящется, тогда прощением, с милосердием смешенным, наказуетиу; егда ж уже неисцельно будет, тогда — казни, на образ хотящим беззаконовати. Приложил еще же и другое милосердие, яко рехом, дарующе и утешающе к покаянию суща царя христианского[675]». Из этих слов видна цель, с которой Курбский изобразил счастливые действия воевод в Ливонии; а цель его была — доказать примером, что Иоанн мог счастливо царствовать, мог побеждать врагов своих до тех пор, пока Бог был милостив к нему за внимательность к советникам.

В доказательство того, что победа за победой прославляли Иоанна, пока он добре царствовал, т. е. пока не удалял от себя партии Сильвестра, Курбский приводит еще завоевание Астрахани. «В тех же летех (т. е., когда Петр Шуйский завоевал Алюст), говорит он, аки мало пред тем, даровал ему к казанскому другое царство астраханское; а се вкратце извещу о сем. Послал тридесять тысящей войска в Галиях рекой Волгой на цари астраханского; а над ними поставил стратига, Юрья именем, с роду княжат Пронских, и к нему прилучил другого мужа Игнатья, реченного Вешнякова, ложничего своего, мужа воистину храброго и нарочитого. Они же шедши взяша оное царство, лежащее близу Каспийского моря; царь же утече пред ними; а цариц его и детей побрали и со скарбы царскими; и все людие, иже в царстве оном, ему покорили, и возвратишася со светлою победою, здравы со всем воинством[676]». Из летописи видно, что Юрий Иванович Пронский, Шемякин и Вешняков Игнатий Михайлович были посланы в Астрахань в 1554 г., и весть о покорении её пришла к царю 29 августа того же года, когда Иоанн в Коломне торжествовал день своего рождения[677]; следовательно, но незадолго до покорения Мариенбурга; но за 6 лет, потому что покорение этого города совершилось 1560 г.[678].

В то же время, продолжает Курбский, был мор в ногайских улусах — именно вследствие чрезвычайно холодной зимы

---

[675] Древ. Рос. Вивл. т. XIII, стр. 278.
[676] Сказ. кн. Курбского, стр. 61.
[677] Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 461 и 462.
[678] Там же, т. VIII, пр. 463.

погибли все стада; а на лето открылся голод и сами татары изгибам. Преследуемые недостатком пищи, ногайские татары устремились в Крым, думая там найти спасение; но тоже самое бедствие поразило и Крым, и крымские татары заставили ногайских удалиться. В самой крымской орде не осталось и 100 копей. «Тогда, — говорит Курбский, — время было над бусурманы христианским царем мститися за многодетную кровь христианскую, беспрестанне проливаему от них, и успокоити себя и отечество свое вечне: ибо ничего ради другого; но точию того ради и помазаны бывают, еже прямо судити и царство, врученное им от Бога, оброняти от нахождения варваров[679]». «Тогда, — продолжает он, — многие храбрые и мужественные мужие, советовали царю самому устремиться с войском на Крым, потому что сам Бог как бы указывал ему цель его действий, и если бы послушал совета мужественных и добрых стратигов, то без сомнения получил бы великую похвалу и на этом свете и у самого Бога; если бы даже, продолжает Курбский, нам случилось положить головы свои, то без сомнения добродетель наша была бы тем выше: «больше сея добродетели ни что же есть, аще кто душу свою положит за други своя». В доказательство возможности такого предприятия Курбский говорит, что Вишневецкий Димитрий и Данило Адашев с ничтожными силами навели ужас на орду. После этих действий, продолжает Курбский, «мы паки о сем, и паки царю стужали и советовали: или бы сам потщился идти, или войско великое послал в то время на орду; он же не послушал, прекаждающе нам сие и помогающе ему ласкателие, добрые и верные товарищи трапез и кубков и различных наслаждений друзи; а подобно уже на своих сродных и единоколенных остроту оружия паче, нежели поганом, готовал, крыюще в себе оное семя, всеянное от предреченного епископа, глаголемого Топорка[680]». Курбский не без цели изложил подробно состояние перекопской орды и совет бояр. Он хотел показать, что Иоанн не радел о пользе государственной, не имел в виду безопасности России; но ставил личные

[679] Сказ. кн. Курбского, стр. 61.
[680] Там же, стр. 61 и 62.

свои страсти и удовлетворение им выше всего на свете. Таким образом, цель Курбского была та, чтобы обвинить Иоанна. Но мы должны, напротив, отдать честь уму и проницательности царя. Успех Вишневецкого и Адашева не обольстил его; он понимал, что, покоряя Крым, должно будет помериться силами с Турцией. Поэтому он предпочел выгодное для России покорение Ливонии сомнительному успеху в борьбе с Крымом, не обещавшей даже в случае успеха ничего, кроме упорной войны с Портой. Далее Курбский разражается в упреках против поляков, что они также не воспользовались благоприятными обстоятельствами к покорению Крыма. Он изображает самохвальство и трусость поляков, которые на пирах, сидя в зброях, берут царства, завоевывают не только Константинополь, но и Москву, а боятся показать нос, когда является неприятель. Рассказывает, как однажды во время прохождения татар мимо одного города, польские военачальники, засевшие в этом городе, пировали за столом, между тем как граждане и воины, бившиеся с татарами, были поражаемы неоднократно и, без сомнения, были бы все избиты, если бы не подоспел храбрый Волынский полк[681].

После этого эпизода Курбский снова обращается к описанию военных действий в Ливонии. Он говорит, что, спустя четыре года по взятии Дерпта, т. е. 1561 г., часть Ливонии, оставшаяся независимой, покорилась Польше и присоединилась к литовскому великому княжеству, а магистр выпросил себе у короля курляндскую землю; другая часть — Ревель поддалась Швеции; а третья — Дании, «а в Вильяне, по-немецки Филние, остался старый майстр Фиштен-Беркг[682]». Действительно разделение Ливонии и уничтожение её самобытности последовало в 1561 году[683]. Но Иоанн и не думал отказаться от своего намерения покорить эту землю. Главные силы русских были направлены против Феллина. «На тот же Вильян, — говорит Курбский, — князь великий войско свое с нами великое послал; а первее, до того аки за два месяца еще, в самую весну, пришел аз в Дерпт, послан от царя, то-

---

[681] Др. Вивл. Рос., т. XIII, стр. 280.
[682] Сказ. кн. Курбского, стр. 62.
[683] Там же, стр. 62.

го ради: понеже было у воинства его зело сердце сокрушенно от немец, потому что, говорит Курбский, когда искусные полководцы сражались с крымцами на юге, в Лифляндию были посланы воеводы, несведущие в военном деле и потому часто терпели от немцев поражения, «и не токмо от равных полков, но уже и от малых людей великие бегали. И призвал меня, говорит Курбский, царь к себе в ложницу и, жалуясь на воевод, объявил, что посылает меня, своего любимого, в Ливонию, да охрабрится паки воинство Богу помогающу мне[684]». Действительно, Курбский был отправлен против Феллина сначала воеводой правой руки в 7068 (1560) г., а весной того же года, он был послан главнокомандующим в Ливонию[685]; действительно воеводы, сражавшиеся до этого времени в Ливонии, терпели постоянно неудачи. Так в ноябре 1560 г. немцы разбили Захарию Плещеева. Вскоре после этого магистр и архиепископ рижский нанесли новое поражение Плещееву. Причиной поражения Плещеева была оплошность его: он не расставил стражи, и потому немцы, сделав нечаянное нападение, разбили его на голову, умертвили до 1200 человек и многих взяли в плен. Вследствие таких неудачных действий самый Дерпт был в опасности и спасся только мужеством воеводы[686].

Потом Курбский подробно описывает свои действия в Ливонии: двукратный поход под Вейсенштейн (Белый камень), битву с немцами под этим городом, поражение магистра, экспедицию под Феллин, поражение и плен храброго ландсмаршала Филиппа, рассказывает свою беседу с ним и отзывается с особенной похвалой о достоинствах этого пленника, пишет, что как он сам, так и другие воеводы просили царя пощадить Филиппа, но что царь не внял этой просьбе и приказал умертвить его, потому что в то время лют и бесчеловечен начал быти[687]. Действительно, в псковской летописи сказано, что Иоанн приказал казнить Филиппа «за противное слово[688]». Наконец, Курбский описывает трехнедельную осаду и

---

[684] Никон. Лет., т. VII, стр. 211 и 217.
[685] Древ. Рос. Вивл. т. XIII, стр. 291.
[686] Сказ. кн. Курбского, стр. 62–64.
[687] Там же, стр. 63–64.
[688] Там же, стр. 65–68.

взятие Феллина[689]. При недостатке средств нет возможности поверить, в какой мере истинны известия о ходе ливонской войны, сообщаемые Курбским; но принимая во внимание обвинения Иоанна и то, что Курбский умалчивает вовсе о своих неудачах в Ливиции, напр.: в битве под Невлем, и чрезвычайно неопределенно говорит о неудачах других воевод, принимая во внимание основную идею его сочинения, нельзя не сомневаться в истинности сообщаемых им известий. Взятием Феллина Курбский оканчивает свою историю ливонской войны.

Изложив военные действия и победы свои в Ливонии, Курбский переходит к изображению перемены к худшему, совершившейся в характере Иоанна и предложив вопрос: «Что ж по сем царь наш начинает? Егда уже обронился, Божиею помощию, храбрыми своими от окрестных врагов его, тогда воздает им?»... — отвечает. — «Тогда платит презлыми за предобрейшее, прелютыми за превозлюбленнейшее, лукавствы и хитролествы за простые и верные их службы. А и коже сие начинает?·Сице: первее, отгоняет дву мужей оных от себя предреченных, Сильвестра, глаголю, презвитера, и Алексея предреченного, Адашева, туне и ни в чем же пред ним согрешивших, отворивши оба ухи своим презлым ласкателем, я же ему уже клеветаща и рикованции во уши шептаху заочно на оных святых мужей, паче же щурья его и другие с ними нечестивые губители всего тамошнего царства[690]». Итак, первым следствием перемены, по мнению Курбского, было удаление партии Сильвестра и Адашева по клевете царских шурьев. Но в этом рассказе опять заметна несообразность: по словам Курбского, Иоанн разорвал связь свою с Сильвестром и Адашевым тогда, когда восторжествовал, с помощью их самих и их сторонников, над всеми внешними врагами; но не сам ли же Курбский говорит, что ливонская война к 1560 г. приняла более серьезный характер[691]. Мы видели уже[692], как служила в этой войне сторона Сильвестра отечеству, видели, что служба её вовсе не была простой и

[689] Сказ. кн. Курбского, стр. 69.
[690] Hist. de la Liv., т. II, p. 79.
[691] Сказ. кн. Курбского, стр. 69.
[692] Древн. Рос. Вивл., т. XIII, стр. 310.

бесхитростной. Иоанн удалил от себя сторону Сильвестра и Адашева, увидев, что она состоит из людей, для которых нет ничего священного, которые все готовы принести в жертву своей корыстной цели. Сильвестр и Адашев и сторона их были слишком виновны, чтобы царь мог терпеть их близ себя: стремясь захватить в свои руки правление государственное, оно употребила московский пожар для достижения этой цели; они раздали без позволения государева земли своим приверженцам; они вздумали возвести на престол Владимира Андреевича; они употребляли во зло религиозное чувство царя, вздумали пугать его, по случаю ливонской войны, «детскими страшилами[693]». Во время ливонской войны полководцы Иоанновы, даже по сознанию самого Курбского, со стыдом обращали тыл пред слабейшим часто неприятелем[694]. Где же простая и верная служба? Где же невинность этой партии и её представителей? Под личиной кротости и смирения, под личиной желания добра отечеству, они скрывали самые честолюбивые, преступные замыслы. Иоанн увидел, как много он ошибся, доверившись Сильвестру и Адашеву, увидел, что они платят ему злом за добро и, в благодарность за то, что он возвысил их из ничтожества, хотят овладеть правлением и сделать царя политической куклой[695]. Естественно, что это должно было произвести в Иоанне охлаждение к Сильвестру и Адашеву. Верный своей главной цели — обвинить царя, Курбский причиной немилости Иоанна к ним считал клевету; но клевета предполагает невинность, подвергающуюся нареканию, а мы видим, что Адашев и Сильвестр вовсе не были невинными и если действительно обвиняли их пред Иоанном, то обвиняли справедливо. Да Иоанн, очевидно, и не нуждался в этом обвинении, потому что преступления Сильвестра и Адашева были слишком хорошо известны ему. Но приписывая удаление Сильвестра и Адашева клевете их врагов, Курбский имел в виду только показать, что как в делах добра, так и зла Иоанн действовал по совету, по внушению других. Замечательно еще, что клеветниками Курбский

---

693 Летоп. Нормантского, стр. 33–36.
694 Сказ. кн. Курбского, стр. 70–76.
695 Там же, стр. 310, стр. 101.

называет шурьев Иоанна, Романовых-Юрьевых, говорит, что они строили ковы против Сильвестра и Адашева для того, чтобы удобнее грабить государство и умножать свое имение насчёт общества[696]. Сторона Сильвестра ненавидела Романовых. Так еще в 1553 г. восставал против них отец Адашева[697], а тогда они не могли еще иметь значительного влияния. Причина нерасположения Курбского к Романовым скрывается в том, что по родству своему с государем они стояли ближе всех к престолу и естественно, как родственники, пользовались доверенностью царя. Таким образом, говоря языком местничества, они *заезжали* Курбского, и, следовательно, *наносили поруху его роду.*

Из повествования Курбского об обстоятельствах, предшествовавших удалению Сильвестра, открывается, что Сильвестр сам ускорил свое падение. Видя ослабление своего влияния, он прибегнул для поддержания его к обыкновенному средству, которым пользовался в крайних случаях — именно к религии. «А той Сильвестр презвитер, еже преж, даже не изгнан был, видев его, иже не по Бозе всякие вещи начинает, претив ему и наказуя много, да во страсе Божии пребывает и в воздержанию жительствует, и иными множайшими словесы Божественными поучая и наказуя много, он же отнюдь того не внимание и ко ласкателем ум свой и уши преклонил: рассмотрев же вся сия презвитер, иже уже лице свое от него отвратил, отшел бысть в монастырь, 100 миль от Москвы лежащ, и тамо во множестве будуще, нарочитое и чистое свое жительство препровожал[698]». Таким образом, видя охлаждение к себе Иоанна, Сильвестр начал его поучать Священным Писанием, чтобы он жил благочестиво, т. е. другими словами старался при помощи религии восстановить свое поколебавшееся значение. Но учение божественное действует на душу человека только в том случае, когда в учителе он видит достойного служителя Божия, и Иоанн не мог не понять, что Сильвестр употребляет в этом случае Священное Писание как средство для достижения корыстной цели; Иоанн не мог не заметить

[696] Сказ. кн. Курбского, стр. 77.
[697] Там же, стр. 78.
[698] Там же, стр. 69.

того лицемерия, которым постоянно прикрывался Сильвестр, а потому наказания Сильвестра должны были возбудить в Иоанне одно отвращение, должны были, вместо убеждения, только оскорбить его и усилить его нерасположение к Сильвестру. Ясно видел Иоанн, что Сильвестр этими прещениями рассчитывал только обмануть его, а известно, что никакая обида не возбуждает в нас такого неприятного ощущения как обман, потому что в обманщике мы видим человека, считающего нас слабоумными. Поэтому-то Иоанн и не внял убеждениям Сильвестра, и этого не должно ставить в вину ему — так поступил бы не только оскорбленный венценосец; но и всякий человек с характером твердым и энергическим. Кроме того, в самом удалении Сильвестра в монастырь, о котором рассказывает Курбский, в самых добродетелях его, очень, впрочем, сомнительных, выказывается его непокорный дух, неприличный служителю алтаря и подданному: он не может снести потери своего влияния, сойти в ряд обыкновенных подданных, а потому отказывается от света, где уже не мог интриговать успешно. Если он живет добродетельно в монастыре, то эти добродетели опять проистекают из корыстного расчёта: человеку, помешанному на власти и значении, нельзя приписать добродетелей христианских. Сильвестр действовал так, вероятно, потому что посредством своих мнимых добродетелей хотел возбудить в себе сочувствие в народе и, если можно, опять сделаться тем же, чем был прежде.

«Тогда», — говорит Курбский (т. е. по удалении Сильвестра) — «цареви жена умре: они уже (Романовы) реша, аки бы очаровали ее оные мужи[699]; (подобно, чему сами искусим и во что веруют, сие на святых мужей и добрых возлагали). Царь же, буйства исполнився, абие им веру ял. Услышав же сие, Сильвестр и Алексей начали молити, оно эпистолиями посылающе, ово чрез митрополита русского, да будет очевистное глаголание с ними: «Не отрицаемся, рече, аще повинни будем смерти; но да будет суд явственный пред тобою и предо всем сенатом твоим[700]». Из этого видно, что Сильвестр и Адашев были удалены от Иоанна еще прежде кончины Анастасии и

[699] См. этого сочинения главу первую.
[700] Сказ. кн. Курб., стр. 191.

причиной окончательного разрыва Иоанна с ними Курбский ставит оклеветание Сильвестра и Адашева врагами в том, что они отравили царицу. Конечно, с одной стороны, обвинение Сильвестра и Адашева в отравлении Анастасии можно принять за клевету; но опять были и основания, по которым Иоанн мог дать в душе своей место подозрению. Рассмотрим, какие были причины такого мнения царя? Во-первых, Иоанн знал, что в последнее время своей жизни Анастасия не была расположена к Сильвестру за намерение его свергнуть с престола её сына. Сильвестр и его сторона равным образом обнаружили свое нерасположение к Анастасии во время болезни Иоанна, обнаруживали и после, сравнивая Анастасию с нечестивой царицей Евдокией, а Сильвестра с Златоустым[701]; во-вторых, подобное подозрение было естественно, потому что Иоанну было известно, что бояре отравили его несчастную мать и, наконец, в-третьих, он знал, что Сильвестр и Адашев, и их сторона не пренебрегали ничем для осуществления своих притязаний. Вот причины, заставившие Иоанна «ять веру» такому обвинению.

Описывая суд над Сильвестром и Адашевым, Курбский заставляет ласкателей советовать Иоанну, чтобы он не допускал обвиненных явиться к себе. «Они очаруют тебя и твоих детей, говорили ласкатели, да и воинство любит их, и народ, и побиют тебя камением. А если этого и не будет, то они опять подчинят тебя своей власти. Так, о царь! худые люди и злые чародеи тебя государя, славного и мудрого, боговенчанного держали в оковах, повелевая тебе в меру ясти и пити и со царицею жити, не дающе тебе ни в чем же своей воли, и ни в мале, и ни в великом, и ни людей своих миловати, и ни царством твоим владети. А если бы их не было при тебе, если бы они не держали тебя как уздою, то ты давно бы обладал почти вселенною; а то они творили своими чаровствы, аки очи твои закрывающе, не дали тебе ни на что зрети, хотяще сами царстовати и над всеми владети. И аще на очи припустишь их, паки тя очаровавши ослепят. Ныне же, отогнав их от себя, ты образумился и смотришь вольно на царство свое и никто другой, кроме тебя, не обладает им[702]». Здесь Курбский

---

[701] Сказ. кн. Курбского, стр. 69.
[702] Там же, стр. 172–222.

старается представить Иоанна человеком, которому легко навязать какое угодно убеждение, который доволен грубой лестью, самыми неосновательными доводами. Иоанн представляется у него лицом совершенно страдательным, делающим то, что ему скажут другие, не имеющим возможности отличить правды от лжи, принимающим все за чистую истину. Влагая эти слова приверженцам царя с целью унизить его, Курбский бросает только не выгодную тень на свою партию. Сам не замечая того, он выказывает здесь те преступные стремления, которыми руководилась она и, хотя и старается придать словам своим вид навета, сделанного на Сильвестра и Адашева врагами их, но само собою разумеется, что эти наветы родились из головы Курбского, потому что он не мог знать, что говорили Иоанну враги Сильвестра и Адашева. Из рассказа его видно, что сторона Сильвестра и Адашева стремилась к тому, чтобы Иоанн был только по имени государь; что она думала стеснить его в самой домашней жизни; что она препятствовала благим его намерениям и, в случае явной борьбы с ним рассчитывала на помощь народа и войска.

Положив в основание своего сочинения мысль, что царь только тогда может управлять государством со славой, пока слушается добрых советников, Курбский приступает теперь к изображению вредных последствий удаления от дел Сильвестра и Адашева стало быть нарушения этого правила. Прямым следствием, по словам Курбского, было исчезновение в Иоанне прежней кротости и милосердия. Он говорит, что Иоанн, вняв своим ласкателям, немедленно обязывает себя и их присягами и учреждает полк сатанинский, пресильный и великий, а потом уже приступает к суду над Адашевым и Сильвестром[703]. Здесь Курбский перемешал все обстоятельства, без сомнения, для того только, чтобы показать, как быстро злое начало в Иоанне брало перевес над добром. Мы знаем, что Иоанн действительно, по удалении Сильвестра и Адашева, обязал своих подданных присягой не принимать участия в виновных и не стараться о возвращении им прежней силы и значения[704]. В этом случае Иоанн действовал

[703] Сказ. кн. Курбского, стр. 78–79.
[704] Царств. кн., стр. 339.

справедливо и законно. Он хотел убеждением веры подействовать на подданных и заставить их служить государству верно и честно, руководиться не личными расчётами, а любовью к отечеству. Но присяга взята по совершенном падении партии, последовавшем после суда над нею. Потом вслед за этой присягой учреждена опричнина 1565 г.; следовательно, опять уже после суда над Адашевым и Сильвестром. Опричнина должна была служить поддержкой Иоанну в борьбе с ненавистным ему порядком вещей, в борьбе с притязаниями боярского сословия. Иоанн понимал, что сторона Сильвестра и Адашева, несмотря на падение своих представителей, еще сильна; члены её занимали места в думе, занимали места при войске, были правителями городов и областей. Сторона Сильвестра и Адашева старалась склонить на свою сторону и народ; на это намекают слова Курбского, что народ и воинство побьют царя каменьями. На стороне этой партии были и новгородцы[705]; вместе с боярами стремившиеся к восстановлению прежнего, отжившего порядка вещей, того порядка, которому Иоанн противодействовал всеми силами. Таким образом, сторона Сильвестра и Адашева была чрезвычайно сильна, дух неудовольствия на царя, она сообщила и народу, и войску. Правда, что Иоанн, удалив от себя её представителей, обязал всех клятвой не принадлежать к павшей партии, не стараться о восстановлении прежнего значения её представителей[706]; правда, что он обязал духовенство не ходатайствовать более за тех, кого признает преступниками[707]; но что значили эти обязательства для людей, которые руководились одними эгоистическими побуждениями, для людей, в которых не было ни чести, ни любви к отечеству; что значила присяга для людей, игравших религиозными убеждениями, считавших эту присягу действительной только до первого случая и готовых изменить ей коль скоро измена была выгодна? Пример князя Палецкого всего разительнее показывает это. Присягнув, во время болезни Иоанна, в 1553 г. Димитрию, он в тот же день, посылает ко

---

705 Сказ. кн. Курбского, стр. 82.
706 Сильвестр и Адашев.
707 Сказ. кн. Курбского, стр. 79.

Владимиру Андреевичу, объявляя, что готов всеми силами содействовать восшествию его на престол, будет подговаривать и других помогать ему, если только Владимир Андреевич даст удел Юрию, зятю его. Когда Владимир Андреевич, покоряясь обстоятельствам, должен был присягнуть, что не будет искать престола под Димитрием; то мать его, прикладывая печать к престоприводной записи, сказала: «Что значит присяга невольная[708]!» Само собой разумеется, что, по падении Адашева и Сильвестра, сторонники их старались возвратить им прежнее влияние. Об этом говорит Иоанн в своем послании к Курбскому[709], и слова его тем более заключают в себе исторической достоверности, что мы знаем, что существование партии не прекращается с падением главы её, что она не скоро отказывается от своего значения; но борется до тех пор, пока не истощит всех своих усилий и средств. Из этого открывается, что положение Иоанна было чрезвычайно опасное. Окруженный со всех сторон людьми, не питавшими к нему ни любви, ни сочувствия, окруженный изменниками и предателями, мог ли он положиться на кого-нибудь? Очевидно, для него необходимо было создать такую силу, которая бы, находясь вся в его распоряжении, принадлежала одному ему, и, завися от него·одного, тяготела только к его интересам, а, следовательно, и к интересам государственным, потому что Иоанн не отделял своих интересов от интересов государства, и государственные интересы были всего ближе к его душе. Такая сила, созданная Иоанном, была опричнина. Он дал этому учреждению особенный устав, он уничтожил совершению все отношения, все связи опричника с земщиной. Опричник не должен был заботиться ни о чьем расположении, кроме расположения царя: царь заменяет для него отца, заменяет родных и знакомых. В свою очередь опричник не должен иметь никаких интересов, кроме государственных, и этим интересам должен был жертвовать даже родственными связями[710]. Все эти требования царя от опричников были как нельзя более законны и справедливы: выгоды государ-

[708] Сказ. кн. Курбского, стр. 191.
[709] Там же, стр. 79.
[710] Там же, стр. 80.

ственные всегда должны брать перевес над родственными связями. Только при помощи такой силы царь мог безопасно стать против притязаний боярства и всегда имел в руках средство к подавлению восстания боярского; следовательно, это учреждение дало возможность Грозному действовать решительнее против павшей партии. Теперь понятно, почему Курбский вооружается против этого учреждения, почему это самое мудрое учреждение Иоанна, обличающее в нем дальновидного, предусмотрительного государя, называет полком сатанинским. Сатанинский полк опричнина в глазах Курбского потому, что это учреждение в руках Иоанна было самым деятельным, самым сильным средством к обузданию боярских притязаний.

Прямым следствием учреждения опричнины и присяги, о которой мы говорили, Курбский считает несправедливый суд над Сильвестром и Адашевым. Но здесь встречается у него опять противоречие. В начале V гл. он говорит, что Сильвестр и Адашев были обвинены тотчас по смерти Анастасии, а здесь рассказывает, что суд над ними совершился по учреждении опричнины. Но мы знаем, что Адашев умер еще до измены Курбского, последовавшей в конце 1563 года, а учреждение опричнины относится к 1505 г. Следовательно, здесь ошибка более нежели в 2-х годах. Очевидно, что Курбский исказил факты, чтобы только разительнее показать вред ненавистного ему учреждения.

Что же касается до суда над Сильвестром и Адашевым, то этот суд служит скорее к оправданию, нежели к обвинению царя несмотря на явные улики, обличавшие преступления обвиненных, Иоанн не хотел показаться пристрастным в глазах потомства. Имея полное право лишить Сильвестра и Адашева жизни как уличенных преступников, Грозный «собирает», по словам Курбского, «соборище не токмо весь сенат свой мирский, но и духовных всех, сиречь митрополита и градских епископов призывает», поручает им рассмотрение дела[711], и осуждает обвиняемых только тогда, когда большинство на соборе признало их виновными. Что на этом соборе действовали все самостоятельно, не стеснялись, видно

[711] Сказ. кн. Курбского, стр. 192.

из того, что митрополит Макарий защищал, по свидетельству самого же Курбскаго, дело обвиненных; видно из того, что собор разделился на 2 партии — одна pro, другая contra обвиненных[712]. В этом-то самом обстоятельстве и открывается все благородство, все величие Иоанновой души, истинно царской. Он дает собору одни только факты, служащие к обвинению подсудимых и, не произнося своего мнения, поручает обсуживать эти факты по долгу совести и закона. В самом наказании, которому подверглись обвиненные, видна доброта Иоанновой души, еще не ожесточенной крамолами и изменами, видно желание милостью и снисхождением усовестить крамольников. Вот какому наказанию подверглись, по словам Курбского, Сильвестр и Алексей Адашев: «Заточен бывает от него Селивестр презвитер, исповедник его, аж на остров, иже на Студеном море, в монастырь Соловецкий, край Корельска языка, в Лопи дикой лежащ. А Алексей отгоняется от очей его, без суда, в нововзятый град от нас, Феллин, и тамо антипат бывает на мало время. Егда же услышали презлые, иже и тамо Бог помогает ему: понеже не мало градов Лифляндских, еще не взятых, хотяше поддатись ему, его ради доброты, ибо, и в беде будуще положен, служаше царю своему верне, они ж паки клеветы к клеветам, шептание к шептанию, лжесшивание ко лжесшиваниям цареши прилагают на мужа оного и праведного и доброго. И абие повелеле оттуда свести в Дерпт и держан быти под стражей[713]». Вот как снисходительно поступил Иоанн с преступниками. За свои деяния Сильвестр и Адашев были бы достойны казни, но Иоанн наказал их чрезвычайно легко. Они сослал Сильвестра в Соловецкий монастырь, и Сильвестр чрез это нисколько не терял: постригшись в монашество он отказался от света и посвятил жизнь свою Богу. Не все ли равно было для Сильвестра, спасаться ли в монастыре, лежавшем 100 миль от Москвы или в Соловецком? С Адашевым Иоанн поступил еще снисходительнее: он только удалил его от себя и поставил еще наместником в Феллине[714]. Но

---

[712] Сильвестр и Митрополит Макарий, как известно, были новогородцы.

[713] Сказан. кн. Курбского, стр. 192.

[714] Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 45.

милость царя не тронула виновных. Вместо того, чтобы смириться, Адашев, по всей вероятности, желал показать, что царская немилость для него ничего не значит. Есть основание думать, что он хлопотал о том, чтобы возвратить себе прежний вес и силу; а поэтому не за благочестие, не за заслуги, которые Иоанн и сам всегда щедро награждал и завещал детям своим награждать[715], а за интриги был посажен под стражу, где и умер, как уверяет Курбский, естественной смертью. Этим опровергается еще другое обвинение, взводимое на Иоанна иноземными историками, будто Иоанн отравил Адашева. Курбский, который старается в худую сторону толковать все, даже добрые, поступки Иоанна, не преминул бы приписать ему и это злодеяние, если бы оно действительно было совершено.

Замечательно еще одно обстоятельство. Курбский говорит, что Адашев был отогнан от очей царя без суда. Дело в том, что он не признает законным решение собора, обвинившего Сильвестра ни Адашева. Он говорит, что на этом соборе царь посадил возле себя прелукавых монахов Мисаила Сукина и Вассиана Бесного, с удовольствием слушал их клеветы на Сильвестра и Адашева. «Что же на томе соборище производят? Чтут пописавши вины оных мужей заочне». Один, продолжает он, митрополит возвысил голос за обвиненных и требовал, чтобы они были допущены на собор для принесения оправдания; «с митрополитом были согласны все добрые, губительнейшие же ласкатели вкупе со царем возопиша: «Не подобает, рече, о епископе, понеже ведомые сии злодеи и чаровницы велицы, очаруют царя, и нас погубят, аще приидут!» «Где таков суд слышан под солнцем, — спрашивает Курбский, — без очевистного вещания»? Он признает этот суд незаконным, основываясь на письме Златоуста к Иннокентию папе римскому, где первый называет свое осуждение незаконным, потому что царь Феофил и жена его не допустили его до личного оправдания. «Се соборный царя нашего христианского таков суд! Се декрет, знамените произведен от вселукавого сонмища ласкателей, грядущим родом на срамоту вечные памяти и унижение русскому языку[716]»! Но причи-

---

715 Царств. кн. стр. 342.
716 Сказ. кн. Курбского, стр. 192.

на, по которой Курбский считает незаконным суд этот, неудовлетворительна: во-первых, Иоанн знал достоверно о преступлениях обвиненных, имел на лице все улики; следовательно, мог осудить их; во-вторых, дело, как видно из слов Курбского, было решено по большинству голосов; следовательно было решено законно, потому что большинство признало Сильвестра и Адашева действительно виновными; в-третьих, вызов обвиненных на суд для очной ставки с обвинителями был совершенно излишен: Иоанну хорошо было известно, что со стороны обвиняемых нельзя ожидать чистосердечного признания; знал Иоанн и то, что они не могут представить истинных и несомненных доказательств своей невинности, что вызов их на собор только продлил бы следование дела, не избавив их от заслуженного наказания.

Вторым следствием удаления Сильвестра и Адашева Курбский ставит перемену в образе жизни царя: «Что ж, по сих, за плод от преславных ласкателей, пачеж презлых губителей, возрастает? и во что вещи обращаются? и что царь от них приобретает и получает? Вот вопросы, которые Курбский предположил себе разрешить. «Абие диавол с ними, — отвечает он, — умышляет первый вход ко злости, сопротив узкого и мерного пути Христова, но преславном и широком пути свободное хождение[717]». Затем он описывает пиры Иоанна[718]. Здесь мы видим, что Курбский в худую сторону толкует эти пиры и веселье, которым иногда любил предаваться царь. Нельзя отрицать, что Иоанн часто увлекался разгулом; но кто же был виной этого? За что бы ни брался Иоанн, что бы он ни хотел сделать — во всем встречал или сопротивление, или низкий, корыстный расчёт со стороны окружающих его. Все, кого бы он ни приблизил к себе, платили ему за это неблагодарностью. Ни один из его великих планов не нашел себе исполнителя; ни один из его великих планов не встретил сочувствия в современниках. Подобные обстоятельства в натуре пылкой могли произвести то мрачное состояние души, которое Иоанн старался заглушить шумными пирами. В своем духовном завещании, Иоанн сам откровенно сознается

[717] Ист. Гос. Росс. т. IX, стр. 49.
[718] Сказ. кн. Курбского, стр. 80–81.

в этом, откровенно исчисляет все проступки свои; но что же оставалось делать ему, если никто не понимал его, если все усилия его были голосом вопиющего в пустыни. «Но что убо сотворю, — говорит он, — понеже Авраам не уведе нас, Исаак не разуме нас, и Израиль не позна нас? Но ты Господи, Отец наш еси, к тебе прибегаем и милости просим, мир даждь нам просвети лице твое на им и помилуй ны[719]». Разве Петр Великий не любил иногда попировать, чтобы забыть на время тяжесть занятий государственных; разве эта могучая, сильная личность не искала для себя подобного рассеяния? Но от того Великий насколько не унизился, не помрачилась его, никогда не увядающая, слава; не унижает это и предшественника его, являющегося нам такой же колоссальной личностью, как и Петр Великий. Но Курбский, не зная, чем запятнать имя Грозного, вздумал истолковать в худую сторону порывы растерзанной души царя и благодетеля своего! Кто же был виной этой перемены в царе, как не сторонники Курбского, как не сам Курбский, ценой золота продавший отечество. Длинный ряд измен и крамол привел Иоанна в изнеможение.

Третьим следствием советов ласкателей Курбский считает потерю Иоанном прежнего мужества, его робость, вследствие которой он предал Москву татарам. «А еже восхваляша тя, — пишет он, — и возношаша и глаголаша тя царя велика, непобедима и храбра: и во истинну таков был еси, егда во страсе Божии жительствовал. Егдаж надут от них и прельщен, что получил еси? Вместо мужества твоего и храбрости, бегун пред врагом и хороняка... царь великий христианский пред бусурманским волком, иже прежде пред нами места не нашел и на диком поле, бегая. А за советом любимых твоих ласкателей и за молитвами Чудовского Левки и прочих вселукавых мнихов, что доброго и полезного, и похвального и Богу угодного приобрел еси? Разве опустошение земли твоея, ово от тебя самого с кромешишки твоими, ово от предреченного пса бусурманского, и к тому злую славу от окрестных суседов, и проклятие и нарекание слезное это всего народу? И что еще прегорчайшего и срамотнейшего и ко слушанию претягчайшего: самое отечество твое, превеликое место и

[719] Сказ. кн. Курбского, стр. 81.

многонародное, град Москва, во иседенной славный, созжен и потреблен со бесчисленными народы христианскими внезапу[720]». Действительно, крымцы в 1571 г. сожгли Москву; действительно, при вести о нашествии крымского хана, Иоанн из Серпухова, где находился с своей опричниной, удалился к Ярославлю[721]; но, соображая обстоятельства нашествия крымцев, мы не можем винить Иоанна в трусости. Собрав 100 т. человек войска, хан крымский вступил в южные пределы России. Его встретили изменники дети боярские. Они поручились головой, что хан успешно совершит нашествие на Москву, потому что голод, болезни и казни истребили большую часть войска Иоаннова; заверяли хана, что остальное войско находится, в крепостях Ливонии; что Иоанн, малодушный и робкий, не решится с малочисленной дружиной опричников остановить стремление врагов, и в заключение объявили свое желание вести крымцев к Москве. Между тем, Иоанн сделал все, что мог, для спасения России; он отрядил князей: Бельского, Мстиславского, Воротынского, бояр: Морозова, и Шереметева с сильной ратью к берегам Оки, но двигаясь, по всей вероятности, медленно, они не успели занять их, дозволили хану обойти себя и двинуться на Серпухов. Москва, оставленная без всякой защиты, была в ужасе. Узнав, что хан избрал другую дорогу, воеводы с берегов Оки устремились к Москве; но вместо того, чтобы дать битву под стенами её, вошли в город и, расположась в предместье, допустили татар зажечь это последнее. Чем, спрашивается, объяснить, такой образ действий воевод? В речи своей к послам хана крымского, Иоанн говорил: «Брат наш (Девлет Гирей), сослався с нашими изменники с бояры, да пошел на нашу землю; а бояре наши еще на поле прислали к нему с вестию разбойника Кудеяра Ратишенкова; и прищед брат в нашу землю Угру перелез, а люди наша с ним не бились, и пришед к Москве, Москву зжег, в землю, нашу вывоевал и ходил как бы по своей земле[722]». Соображая обстоятельства этой войны, мы не можем сомневаться в истине Иоанновых слов. Крымский хан, руководимый изменниками, не мог не

[720] Сказ. кн. Курбского, стр. 81–82.
[721] Там же, стр. 81.
[722] Дополн. к Ак. Ист. т. I, № 222.

знать, что сильная рать стоит на берегах Оки. Русское войско, по иностранным известиям[723], простиралось до 50 т. человек; следовательно, хану всего ближе было бы поражением этой рати обеспечить свой тыл. В противном случае он оставлял позади себя войско, которое могло, в случае неудачи, отрезать ему отступление и совершенно уничтожить его силы в неприятельской земле. Итак, обойдя это войско, хан действовал чрезвычайно безрассудно: он ставил себя между двух огней между Москвой и царской ратью. Очевидно, что на такой маневр хан не мог бы решиться, если мы примем во внимание осторожность, с которой действовали крымцы во время своих нападений на Россию; по всей вероятности, между ним и боярами предварительно условлено было как действовать. Воротынский, Мстиславский и др. были опытными воеводами; они постоянно торжествовали над крымцами. Каким же образом могли они дозволить себе, вместо полевой битвы, решиться на безрассудный поступок — занять городские предместья и допустить неприятеля сжечь их. Они действовали как трусы или как новички в военном деле; но нельзя у них отнять ни опытности ратной, ни мужества; их прежние победы ручаются за эти достоинства. Таким образом, из самых простых соображений открывается, что они действовали так намеренно. Эти соображения и вытекающее из них следствие подтверждаются данной после этого события Мстиславским записью, в которой он говорит: «Се яз князь Иван Мстиславский, что есми Богу и Святым Божиим Церквам и всему православному крестьянству веры своей не соблюл, а государю своему царю и великому князю Ивану Васильевичу веса Русcии и его детем, и его землям, и всему православному крестьянству и всей русской земле изменил, навел есми с своими товарищи безбожного крымского Девлет-Гирея царя[724]». Из этого открывается, что воеводы с умыслом действовали безрассудно, что дети боярские, встретившие хана на границе, не были беглецами, изгнанными из отечества страхом Иоанновых казней, как говорит Карамзин[725], не были подосланы Мстиславским и другими воеводами. Таким обра-

---

[723] Сказ. кн. Курбского, стр. 81 и 83.
[724] Там же, стр. 84.
[725] Сказ. кн. Курбского, стр. 84.

зом, мы не должны винить Иоанна в трусости, не должны приписывать ему гибели Москвы, потому что он сделал все для её спасения: отрядил войско, отдал даже своих телохранителей. Где же тут трусость? Но кровь русская и гибель Москвы должны пасть на голову изменников. Следовательно, Курбский ложно приписывает это несчастие перемене Иоаннова характера и гневу Божию за грехи царя. Не будем опровергать его обвинения Иоанна в трусости, потому что это обвинение само собой делается ложным. Напротив, мы должны бы были обвинять царя, если бы он вздумал умереть великодушной смертию, как требует Карамзин[726], потому что эта смерть, не принеся пользы государству, принесла бы один вред.

Рассказав о бедствиях России, Курбский, обращается к царю и спрашивает его: «Неужели не видишь ты, до чего довели тебя твои ласкатели, как опровергли и опроказили, прежде святую и многоценную и покаянием украшенную совесть твою? И аще нам не веришь, порицающе нас туне изменниками прелукавыми, да прочтет величество твое во слове, златовещательными усты изреченном, о Ироде». Потом он делает сравнение Иоанна с Иродом и ставит Иоанна еще ниже Ирода; говорит, что царь опустошил Россию, погубил если не сынов, то «соплеменных и ближних в роду братию погубил, исполнял меру кровопивцев: отца, матери и деда[727]». Но Иоанн не туне называл бояр изменниками и лукавыми. Это доказывают нам 23 записи, в которых бояре сознаются в своей измене, доказывает пример Курбского, доказывает пример других подобных преступников. Что же касается до сравнения с Иродом, то это сравнение не может быть приложено к Грозному. Правда, что Иоанн иногда поступал жестоко; но эта жестокость не была следствием его личных страстей, а следствием его желания добра России. В жестокости виновен был не он, а окружающие его. Что же касается до преступлений, взводимых на деда, мать и отца Грозного, то мы уже имели случай показать их нелепость.

Изобразив перемену в характере Иоанна, приступает Курбский к описанию казней его. Из всего предыдущего

---

[726] Прибавл. к I, т. Дополн. к Ак. Ист. № 222.
[727] Сказ. кн. Курбского, стр. 85.

рассказа его видно, что, по причине врожденной склонности к пороку и злу, Иоанн не мог быть сам по себе добрым и великим государем; что непременно нужна была внешняя сила, чтобы удерживать его в пределах добродетели и справедливости. Этой силой Курбский представляет Сильвестра и Алдашева. Они сдерживают порочную природу Иоанна, направляют его по пути добродетели и с удалением их, Иоанн тотчас впадает в бездну пороков и делается мучителем своих подданных. Из этого краткого очерка истории Иоанна, написанной Курбским, открывается, что у него в рассказе нет никакой естественности. Постараемся раскрыть: от чего произошла перемена в Иоанне, от чего он сделался жестоким? Карамзин принимает смерть Анастасии за причину перемены Иоанна: «Анастасия, — говорит он, — унесла с собой в могилу добродетель Иоаннову[728]». Неосновательность такой причины очевидна. Глубже должны мы искать этой причины, и она откроется нам в самом ходе событий. Трех лет остался Иоанн по смерти отца, и 8 по смерти матери. Вся юность его протекла среди крамол, среди опасностей всякого рода, среди своеволия и наглости бояр. Едва только скончался великий князь Василий III, как удельные князья выступили со своими притязаниями: Иоанновы дяди начали стремиться к достижению великокняжеского достоинства. Бояре поддерживали их и, всю жизнь свою, Елена должна была бороться с ними. При ней своеволие не оставалось без наказания. Ее отравили; и виновники этого злодеяния, Шуйские, захватили в свои руки кормило правления. Они умертвили Телепнева, любимца юного царя, несмотря на просьбы и слезы Иоанна. Они расхитили казну царскую, и, предоставив Россию в жертву внешним врагам, грабили и опустошали ее, Иоанн был предоставлен самому себе; об нем никто не заботился; к нему не оказывали никакого уважения, не преклонялись «не только властительски, но и рабски[729]». Иоанн возвысил Бельского, и Шуйские открытой силой сверкнули и приказали умертвить несчастного вельможу. Приблизил к

---

[728] Чт. в Общ. Ист. и Древн. Рос. т. III, № 9, стр. 491.
[729] Ист. Гос. Рос. т. IX, пр. 352, 353, 354, 355, 356, 357 и 366.

себе Иоанн Воронцова и этот едва не испытал участи Бельского; едва только просьбы Иоанна убедили неистовых бояр оставить жизнь несчастному. Бояре бесчинствовали в присутствии юного государя, врывались ночью в его спальню и неоднократно заставляли его трепетать за самую жизнь[730]. Все эти обстоятельства должны были поселить в душе Иоанна ненависть к боярам. Впечатления детства действуют всего сильнее на человека, и ничто не может изгладить, и уничтожить их. Казнив крамольного Шуйского, Иоанн поручил управление Глинским, думая, что они, как родственника его, искренно будут радеть о пользе государственной. Но ошибся. Глинские не менее Шуйских грабили Россию, грабили сами, приказывали грабить и рабам своим. Неудовольствие народа достигло высшей степени; но никто не хотел сообщить об этом Иоанну, никто не хотел открыть ему глаз. Бояре рассчитывали, что при помощи недовольного народа они опять сделаются «людьми, держащими землю». Но первая попытка, — возмущение новгородских пищальников, не удалась. Впрочем, эта неудача не отвратила бояр от их намерения; и вот они решились воспользоваться страшным московским пожаром. Чернь, подстрекаемая ими, умертвила Глинского и требовала от Иоанна головы другого дяди и бабки его Анны, потому что бояре уверили народ, что Иоанн, знавший об этом умысле Глинских, скрыл их у себя[731]. В эту страшную минуту, когда, слыша вопли мятежной, неистовой черни, юный царь трепетал за жизнь свою, явился пред ним Сильвестр, один из замечательнейших деятелей Иоаннова века. Сильвестр давно уже пользовался расположением царя и теперь, согласясь быть орудием крамольников, представил царю московский пожар и возмущение черни следствием гнева Божия за грехи юности его. Само собой разумеется, что это событие сильно потрясло душу Иоанна. Он увидел, какая опасность грозит ему, увидел, что тут крамолы, перешел от бояр и к народу,

---

[730] Historica Russiae monumenta, т. I. Nuntii ex Polonia de rebus Moscoviticis; № CLIV. Здесь читаем: «Bielski, Mscislawski, Worodyrski, trzy byli wyszli z piadziesiat tysacy przed Moscva, bié sia z Talary alezaraz tyl panovie-Moscwa dali.

[731] Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 195.

и потому на лобном месте, он обещал народу быть, царем правды, отцем своих подданных и винился торжественно в пороках своей юности, в своем нерадении о деле правления[732]. Видя невозможность везде самому наблюдать справедливость и правосудие, Иоанн возвысил из ничтожества Алексея Адашева; он приказал ему «творить суд не лицеприятен, как богатому, так и убогому. Алексее», — говорил он, — «взял я тебя от нищих и от самых молодых людей. Слышах о твоих добрых делах, и ныне взысках тебе выше меры твоея, ради помощи души моей, хотя и твоего желания на сие нет, но обаче аз возжелал, не токмо тебе, но иных таких, хто б печаль мою утолил и на люди моя, Богом врученныя нам, призрел. Вручаю тебе челобитные приимати у бедных и обидимых, и призирати их с рассмотрением. Да не убоишится сильных и славных, восхитивших чести на её и своим насилием бедных и немощных погубляющих, ни верити бедного слезам ложным и клетающих напрасно на богатых, хотящих ложными словесами неправедно оболгати и правым быти, но вся испытно рассмотряти и к нам истину приносити, бояся суда Божия, и избирати судей правдивых от боляр и от вельмож[733]». Иоанн думал, что, обязанный всем ему одному, Адашев будет ревностным исполнителем воли его и оправдает его доверенность. Душа Иоанна, растерзанная и озлобленная, искала себе утешителя, — и вот «совета ради духовного и спасения ради души своея он приблизил к себе Сильвестра[734]». Он доверился ему, поручил ему выбор тех людей, которым хотел вверить дела государственные[735]. И что же вышло? Сильвестр сдружился с Адашевым и, пользуясь доверенностью царя, они раздали все места своим приверженцам, обогатили их отчинами и даже такими, которых не имели права раздавать[736]. Могло ли при таких обстоятельствах осуществиться намерение Иоанна, что всюду должен был суд праведен и нелицеприятен? Мог ли народ наслаждаться истинным счастием? Но Иоанн все еще

---

[732] Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 106.
[733] Сказ. кн. Курбского, стр. 86–87.
[734] Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 188.
[735] Сказ. кн. Курбского, стр. 182–183.
[736] Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 115.

был уверен в бескорыстии Сильвестра, полагая, что Сильвестр, «стоя у престола Владычня, побережет души свой»; полагая, что все, что он с Адашевым делает-делает «дивные ради ползы, а не лукавства ради[737]». Но вскоре увидел, что жестоко обманулся: тяжкая болезнь готова была свести Иоанна в могилу; а они вздумали возвести на престол Владимира Андреевича Старицкого. Тщетно Иоанн увещевал крамольников не нарушать веками утверждённого порядка престолонаследия; они не слушались его, шумели и кричали в той самой комнате, где лежал умирающий их повелитель. Бывши за несколько времени полновластным господином земли своей, Иоанн должен был молить бояр, оставшихся ему верными, о спасении своего семейства, должен был умолять их бежать с его сыном-младенцем в чужую землю, не дать изменникам на поругание вдовы его, не допустить извести его семейство так же, как изведена была мать его[738]. Можно себе представить состояние души Иоанна в это время. Люди, облагодетельствованные им, возвышенные им из ничтожества, осыпанные его милостями, люди, на преданность которых он всего более мог и имел право полагаться, открыто, бессовестно изменяли ему. В царстве, им прославленном, возвеличенном его трудами, в царстве, где за несколько времени все склонялось пред ним, никто не хотел повиноваться ему, не было убежища его семейству. Мрачной представлялась Иоанну судьба существ, которыми он всего более дорожил — жены и сына. Иоанн понимал, что еще не охладеет труп его, а они будут уже жертвой крамольников, жертвой его властолюбивого брата, забывшего его благодеяния. Но Иоанн встал с одра болезни. Прежней милостью и кротостью отличались все поступки его. Таким образом по наружности в нем не произошло никакой перемены; но в душе он уже изменился. Он встал с одра болезни, оскорбленный, как царь, неповиновением подданных его власти, противодействие его повелениям. Он был оскорблен как человек: насущная потребность каждого из нас состоит в том, чтобы знать, что мы

---

[737] Сказ. кн. Курбского, стр. 185 и 186.
[738] Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 183.

имеем людей, готовых помочь нам в трудные минуты нашей жизни. Иоанн все сделал для того, чтобы иметь этих людей, осыпал их благодеяниями, и, стоя при вратах гроба, имел полное право требовать от них доказательств преданности и верности; но что же увидел? Эти люди первые восстали против него, явились первыми крамольниками. Такая низкая неблагодарность должна была поселить в Грозном отвращение к этим людям. Иоанн был оскорблен и как супруг и как отец. Самое естественное желание человека обеспечить судьбу своего содейства; но Грозный видел, что его семейству нет части в земле русской, что его семейству осталось только печальное средство к спасению — бегство в чужую землю. Итак, глубоко оскорблен был Иоанн, но думал усовестить крамольников забвением вины. Тех, которые всего более противоречили ему, он даже возвысил: напр., Федора Адашева. Может быть, думал Иоанн, я не умел оценить и достойно наградить их заслуги, а потому они и восстали против меня. Поправлю свою ошибку. И вот мы видим его опять государем кротким и милостивым. Ни одна казнь не омрачила этих лет его царствования. Но образумила ли эта пошлость и кротость царя крамольников? Мы видим совершенно противное. В 1556 г. Иоанн начал войну ливонскую. Мы видели уже, какие причины побудили Иоанна воевать Ливонию. Но Сильвестр и его сторона не хотели этой войны; они требовали, чтобы Иоанн действовал всеми силами против Крыма. Иоанн видел нелепость этого совета, видел весь вред, какой может проистечь для России от исполнения его, и потому отверг его. И что же? Сильвестр, требовавший до сих пор от Иоанна послушания только в делах, касающихся нравственности, подумал, что имеет право навязывать ему и политические свои убеждения. Поэтому непослушание Иоанна оскорбило его, и он прибегнул к такому средству, которое должно было окончательно охладить к нему и раздразнить оскорблённого уже им царя. Сильвестр начал говорить Иоанну, что болезнь жены и детей его, его собственные болезни суть следствие гнева Божия за ослушание советников[739]. Мало этого. Сильвестр вздумал

---

[739] Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 37.

напугать царя какими-то «детскими страшилами[740]». Подобный образ действий должен был вывести Иоанна из терпения. Он понимал, что Сильвестр старается обмануть его. Кто вникал в душу человеческую, тот может понять, что все возможные оскорбления прощаются легче, нежели обман, потому что при этом последнем случае, обманщик очевидно рассчитывает на слабоумие обманываемого, а такой расчёт простить трудно, потому что он оскорбляет самолюбие человека. Вот, почему бывает так жестоко мщение за обман! Видя, что Сильвестр и Адашев не достойны его доверенности, видя, что они преследуют одни только корыстные цели, Иоанн перестал слушаться их советов. Тогда Сильвестр, потерявший все значение, поступил как надменный человек, не хотевший смириться пред законными требованиями царя; он удалился в монастырь, а Алексей Адашев отправился в Ливонию. Смерть Анастасии произвела окончательный, решительный разрыв между стороной Сильвестра и Адашева и царем. Анастасия в последние годы жизни не была расположена к Сильвестру и его сторонникам, выказавшим во время болезни царя свои преступные замыслы. Это нерасположение она, без сомнения, старалась сообщить и царю. Поэтому враги Сильвестра и Адашева не замедлили внушить царю мысль, что смерть Анастасии была выгодна для стороны Сильвестра. Иоанн помнил, что бояре извели его мать и не мог не заразиться подозрением, что и супруга его имела туже участь, и Курбский, расточающий другим с такою щедростью обвинения в отраве, не должен жаловаться, что в том же обвинили и его друзей. Соборным определением осудив Сильвестра и Адашева, Иоанн поступил с ними милостиво: первого оставил в том же монастыре, где он жил до сих пор, а другого сделал наместником в Феллине. Но павшие представители партии не переменили своего поведения. Они старались возвратить, при помощи своих сторонников, прежнее влияние. Поэтому Иоанн сослал Сильвестра в Соловецкий монастырь и приказал посадить под стражу Адашева. Что же делали в это время их сторонники? Озлобленные, раздраженные Иоанном, они

[740] Сказ. кн. Курбского, стр. 187.

не замедлили принести отечество в жертву своим страстям и один за другим изменяли Иоанну: дозволяли малочисленному неприятелю разбивать их, убегали в Литву и Польшу, как Курбский, и наводили на Москву поляков и крымцев. Видя, что кротость и милость ни к чему не повели, Иоанн пришел, наконец, к заключению, что одним страхом смерти может обуздать крамольников. Нельзя отвергать, что, решившись на это, он действовал жестоко; но ему уже более не оставалось никаких средств, никаких способов обуздать своеволие бояр: до крайности раздражен был он беспрерывным сопротивлением их. Все, что бы он ни делал, бояре истолковывали в худую сторону. Видя со стороны бояр одни измены и крамолы, Иоанн, с первых лет царствования, стал возвышать худородных, полагая, что они, незнатные родом, будут беспрекословными исполнителями его воли. Руководясь такой мыслью, он возвысил Адашева, возвысил и других. Что же он увидел? Он увидел, что и эти люди увлеклись общим духом крамолы, забыли свое прежнее ничтожество и мечтают о власти. Зная, какие притеснения терпят области от наместников, он дал областям право решать дела мимо наместников и волостелей[741]; но общины не поняли высокой мысли царя, не поняли оказанного им благодеяния, и дела пошли хуже прежнего. Вздумал Иоанн для блага России покорить Ливонию; но воеводы его изменяли ему, постыдно оставляли поле битвы пред слабейшим неприятелем, сносились с врагами царя и России и продавали отечество. Думая пресечь злоупотребления, Иоанн учреждает опричников; но вскоре увидел необходимость прекратить их существование, потому что они сделались злейшими губителями государства; следовательно, во зло употребили доверенность монарха. Одним словом, что бы ни предпринимал Иоанн, на какую бы меру он ни решался, — всюду встречал низкое корыстолюбие и самый отвратительный эгоизм; к кому бы ни прилеплялся Иоанн, кого бы ни осыпал он своими благодеяниями, во всяком он встречал человека неблагодарного и бесчувственного. Этих обстоятельств было достаточно для того, чтобы раздражить даже

[741] Ак. Арх. Эксп. т. I, № 238.

флегматика, а не только человека с такими пылкими страстями как Иоанн. Итак, не по природе своей Иоанн был жесток, но до этого довели его те люди, которые винят его в варварстве. Не должно упускать из виду и того, что эти жестокости преувеличены ненавистью современников, и отчасти даже вымышлены, что доказывается разногласием свидетельств о казнях. Кроме того, при рассмотрении казней Иоанна, мы должны взять во внимание характер тогдашней мрачной эпохи. Припомним, какие жестокие казни существовали в то время в западной Европе и возьмём во внимание меру преступлений казненных вельмож, самую упорность борьбы и ожесточение обеих сторон.

Приступим теперь к рассмотрению тех казней Грозного, о которых говорит Курбский. «Скоро по Алексееве смерти и по Сильвестрове изгнанию воскурилось, — пишет он, — гонение великое, и пожар лютости в земле Русской возгорелся; и гонение воистину такое неслыханное, и токмо в Русской земле никогда же бывало, а ни у древних поганских царей, потому что в то время только мучили явно исповедовавших Христа, а сродников и знакомых их, хотя бы они и тут стояли и были известны, не брали и не мучили. А наш новоявленный зверь, — продолжает он, — во-первых, начал писать имена сродников Алексея и Сильвестра, да и не только сродников, но·и друзей и соседей знаемых, хотя и мало знаемых или вовсе неизвестных, ради богатства и стяжаний их, начал их подвергать различным мукам, а других, лишая имений, изгонять в дальние страны. А про что ж мучил тех неповинных? Про то: понеже земля вопияла о тех праведных в неповинном изгнании (т. е. о Сильвестре и Адашеве), нарекающе и кленуще тех предреченных ласкателей, соблазнивших царя[742]». Таким образом, из причины гонения, приводимой Курбским, видно, что павшая сторона Алексея и Сильвестра, стараясь о восстановлении своего значения·, ропща на царя за удаление своих представителей, возбудила его гнев и сама, следовательно, была причиной своего истребления, а не царь, не мстивший никогда прежних оскорблений.

[742] Сказ. кн. Курбского, стр. 188.

«В это время, — говорит Курбский, — убита Мария преподобная, нарицаемая Магдалина, с 5-ю сынами своими: понеже была родом Ляховица, потом исправилась в правоверие». По свидетельству Курбского она отличалась постничеством, «часто употребляла пищу только раз в неделю, носила на преподобном теле тяжкие вериги железные. Она оклеветана была в том, что будто бы была чародейка и сообщница Алексеева. По этой причине царь велел погубить её с детьми и многих с нею: понеже той Алексей не только сам был добродетелен; но и друг и причастник, яко Давид рече, всем боящимся Господа и сообщник всем, хранящим заповеди Его. Десять прокаженных Он имел в дому своем, тайно питал их и сам отирал гной их своими руками[743]». Кто была эта Мария и за что она была казнена, неизвестно, потому что о ней упоминает один Курбский.

В то же время, по свидетельству Курбского, казнён был Иоанн Шишкин, родственник Алексея, с женой и детьми; потом убит Даниил, брат Адашева с сыном Тархом, двенадцатилетним[744], но ни в синодике, ни в послужном списке не упоминается о смерти Иоанна Шишкина и Даниила Адашева, у которого был действительно сын Торх, как значится в родословной книге[745]. Потом казнены, говорит Курбский; тесть Адашева Петр Туров и Феодор, Алексей и Андрей Сатины[746]. Но, когда казнены эти лица и были ли они действительно казнены, неизвестно, потому что мы не имеем никакого свидетельства об этом, кроме свидетельств Курбского, которому не имеем никакого права доверять, имев уже случай не однократно показать, как недобросовестен он в изложении фактов. Но если поименованные лица и действительно казнены, то как близкие родственники Алексея Адашева они, разумеется, были и самыми ревностными его поборниками и не могли не казаться в глазах Иоанна преступниками, потому что преследовали ту же самую цель, за которую он удалил от себя Сильвестра и Алексея Адашева.

---

[743] Сказ. кн. Курбского, стр. 187–189.
[744] Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 380.
[745] Сказ. кн. Курбского, стр. 191.
[746] Там же, стр. 215.

«Паки убит от него, — говорит Курбский, — тогда князь Димитрий Овчинин, его же отец зде (т. е. в Литве) много лет страдал за него и умре ту. Сие выслужил на сына, бо еще во юношеском веку, аки лет двадесяти или мало боле, заклан от самого его руки[747]». Но Гваньини свидетельствует, что Димитрий Овчинин был удавлен, по повелению царя, на погребе, и причиной гнева Иоаннова на него выставляет жалобу Федора Басманова, царского любимца, на оскорбление, нанесенное ему Овчиною[748]. Хотя это разногласие наводит на сомнение в самой казни Димитрия, потому что об ней не упоминается в послужном списке, потому что имени его нет и в синодике; но если он и действительно был казнен, то одной причины гнева Иоанна, приводимой Курбским, слишком достаточно для казни Димитрия Овчины, потому что слова, сказанные последним Басманову, в высшей степени были оскорбительны для Иоанна. Наконец невероятно, чтобы Иоанн умертвил этого князя собственноручно.

«Тогда же, — по словам Курбского, — убиен от него (Иоанна) князь Михайло, глаголемый Репнин»; причиной казни было то, что Репнин, призванный Иоанном на пиршество, не хотел плясать в маске вместе с царем и его любимцами. Иоанн требовал, чтобы Репнин веселился вместе с прочими и начал надевать на его лице маску; но Репнин вырвал ее и растоптал ногами, сказав царю: «Не буди ми се безумие и бесчиние сотворити, в советническом чину сущу мужу». Разгневанный царь отогнал его от очей своих и, спустя несколько дней, в воскресенье приказал умертвить в церкви пред алтарём[749]. Поступок Репнина действительно был в высшей степени груб и неблагопристоен и мог раздражить всякого, даже и не столь пылкого как Грозный. Но мы не знаем, был ли действительно казнен Репнин, потому что в послужном списке он значится умершим своей смертью в 1565 г.[750], а мы должны более доверять официальному свидетельству, нежели словам изменника, который исказил факты для того, чтобы обвинить ненавистного царя.

---

[747] Ист. Гос. Рос. стр. 201, т. VIII.
[748] Сказ. кн. Курбского, стр. 90–91.
[749]Там же, стр. 90 и 92.
[750] Там же. стр. 92.

«Потом убит на пороге церковном Юрий Кашин, шедший к заутрене[751]». В послужном списке и о Кашине сказано, что он умер своей смертью[752]. «Потом убит брат Юрия Иоанн, а родственник их, Димитрий Шовырев посажен на кол».

«Дядя князей Шовыревых, князь Димитрий Курлятев, насильно пострижен в монашество с женой и с сущими малыми детками, а по коликих летех подавлено их всех[753].» Этот Димитрий Курлятев был единомышленником Сильвестра и Адашева и, следовательно, подобно им, он был противником намерений и планов царя. Введенный представителями партии в думу, он, вместе с прочими членами стороны, замышлял возвести на престол Владимира Андреевича и почти последний присягнул Димитрию спустя уже 3 дня после общей присяги[754]. Подобно Курбскому, он не одобрял ливонской войны и, посланный вместе с Михаилом Репниным в Ливонию с войском, действовал там в высшей степени неудачно: дозволил магистру взять Ринген и повел дела так, что мы едва не лишились самого Дерпта[755]. Такой образ действий Курлятева должен был раздражить Иоанна, не щадившего ничего для покорения страны. По удалении от дел Сильвестра и Адашева, Курлятев, имевший одни интересы с павшими представителями партии, само собой разумеется, не мог одобрять поступка царя. Карамзин, основываясь на словах Курбского, говорит, что Курлятев, вскоре по пострижении, умерщвлен со всем семейством и относит эту казнь к 1561 году[756]. Действительно, в архивской переписной книге говорится: «столпик, и в нем государева грамота к дьяку к Ондрею Васильеву, да другая к князю Димитрию Хворостинину писана о князе Дмитрии Курлятеве, как велено вести его в монастырь ко Спасу на Волок, Лета 7071[757]». Следовательно, нельзя сомневаться в том, что Курлятев был постри-

---

751 Сказ. кн. Курбского, стр. 118.
752 Там же, стр. 92.
753 Там же, стр. 92.
754 Moscoviae Descriptio, p. 28. Ed. Starzewsky, т. I.
755 Сказ. кн Курбского, стр. 92–93.
756 Древ. Росс. Вивл., т. XX, стр. 46.
757 Сказ. кн. Курбского, стр. 93.

жен в монахи. Из описи царского архива видно, что он заключен был в Каргопольском Челмском монастыре[758] в послужном списке старинных чиновников сказано: «7070 года умер боярин князь Димитрий Иванович Курлятев[759]». Итак, ни одним из этих противоречащих друг другу известий не подтверждается, чтобы Курлятев был казнен Иоанном.

«Потом убиен от него Петр Оболенский, глаголемый Серебряный, сигклитским саном украшен и муж нарочит в воинстве и богат[760]». Действительно Оболенский-Серебряный был казнен, как видно из послужного списка[761] и из синодика[762]. Гваньини рассказывает подробности этой смерти. По его уверению, царь в праздник Св. Илии, во время обеда, вдруг стал из-за стола и, сопровождаемый опричниками, устремился в Москву, приказал схватить Серебряного и, без всякой вины, секирой отсечь ему голову, разграбил его имение и сожег его дом[763]. Но этого свидетельства мы не можем принять безусловно, потому что все свидетельства иностранных писателей о Грозном составились под влиянием ненависти к нему и России.

«Потом того же роду княжат побиено: Александра Ярославова и князя Владимира Курлятева, сыновца оного Димитрия; оба были подобны Ангелам в жизни и разуме, по роду влекомы от великого Владимира, от пленницы великого князя Михаила Черниговского, замученного Батыем.

Но и те сродницы его, кровью венчавшиеся, приложены суть, пострадавшие исповедшие, к пострадавшему за Христа и преставлени мученики к мученикам[764]». Действительно, эти князья казнены, потому что имена их помещены в синодике[765]; но нельзя думать, чтобы она были казнены безвинно. То участие, те похвалы, которые им расточает Курбский, доказывают, что эти лица были сторонниками Сильвестра,

---

[758] Древн. Рос. Вивл., т. XX, стр. 46.
[759] Сказ. кн. Курбского, стр. 93.
[760] Ист. Гос. Рос., т. VIII, пр. 129.
[761] Там же, т. VIII, стр. 175.
[762] Ист. Гос. Рос. т. IX стр. 12.
[763] Там же, т. IX, пр. 36.
[764] Ак. Арх. Экса. т. I, № 352.
[765] Древн. Рос. Вивл., т. XX, стр. 44.

особенно Владимир Курлятев, а, следовательно, и противниками царя и имели, по всей вероятности, такие же смиренные нравы, как Сильвестр и Адашев.

«Тогда же убиен от него княжа Суздальское Александр Горбатый с сыном Петром семнадцатилетним. Те княжата Суздальские влекомы от роду великого Владимира, и была на них власть старшая русская, между всеми княжаты, боле двухсот лет, и владел един от них Андрей, княжа Судальское Волгою рекой, аж до моря Каспийского». Курбский говорит, что «Александр Горбатый, муж ума глубокого, вместе с сыном, неповинне посечены от Иоанна, яко агнцы Бога Живаго». Далее он описывает самую казнь и говорит, что «сын хотел быть казнен прежде отца, но отец не допустил его, не желая видеть его смерти и первый был казнен, а за тем казнен и сын, предварительно поцеловав отрубленную голову отца. С таковым упованием и со многой верой ко Христу своему отойдоша[766]». Действительно, в послужном списке под 7074 г. Александр Борисович Горбатый значится в числе *выбывших*, т. е. казненных[767]. Таубе и Крузе говорят: «Александр Горбатый обезглавлен вместе с 15-летним сыном в 1566 г.[768]»; имена Александра Горбатова и его сына, Петра, записаны и в синодике[769]. Следовательно, нет никакого сомнения, что князь Горбатый и сын его были казнены. По подробности их казни описаны Курбским, как он сам говорит, понаслышке[770] и, вероятно, преувеличены врагами Грозного, желавшими этим возбудить еще большее негодование на него и представить его тираном. Курбский говорит, что Горбатый казнен без всякой вины; но вся история рода Шуйских доказывает, что они были людьми самыми неблагонамеренными. Они никогда не забывали, что их предки были старшими князьями в Руси; потому-то долго не хотели они покориться Москве и служили Новгороду против московских государей до самого его падения. Перейдя на службу московскую, они никогда не забывали своего прежнего значения и

[766] Сказ. кн. Курбского, стр. 94.
[767] Древн. Рос. Вивл., т. XX, стр. 57.
[768] Сказ. кн. Курбского, стр. 428.
[769] Moscoviae descriptio, p 199. (См. сказ. кн. Курбского пр. 126).
[770] Сказ. кн. Курбского, стр. 94.

явились виновниками смут в малолетство Грозного, отравили мать его[771], расхитили казну, оскорбляли самого Иоанна[772], самовольно казнили людей ему преданных и верных[773], свергли двух митрополитов[774], свирепствовали как львы в областях[775], отказались присягать юному Димитрию во время болезни Иоанна[776]; одним словом, они были самыми непокорными подданными. Можно думать, что и князь Александр Горбатый имел точно такие же свойства; вероятно и он не забывал, что он «есть старшая власть в земле русской» и это, может быть, было причиной казни его и его сына.

«Потом убит по повелению его князь Димитрий Ряполовский[777]»; но о смерти его не упоминается в послужном списке; его имени нет и в синодике.

«Паки побиени от него того же лета княжата Ростовские Семен, Андрей и Василий и друзии с ними[778]». Во время болезни Иоанна князь Семен Ростовский был одним из ревностнейших доброхотов Владимира Андреевича и славил его мужество и ум пред народом на площади[779]. Следовательно, он открыто восстал против Иоанна. В 1554·году, он, вместе с братьями и племянниками, вместе с князьями Лобановыми и Примковыми, задумал бежать в Литву и просил у Сигизмунда опасной грамоты на проезд; но был схвачен и признался, что он «думу царя и великого князя польским послам приказывал и за тем послы вечного мира не сделали и многие поносные слова про царя и великого князя им приказывал». В оправдание свое он говорил, что «вздумал сделать это от убожества и малоумства». Приговоренный к смерти, он был из уважения к ходатайству митрополита послан в заточение на Белоозеро[780]. Но после, как можно думать, благодаря старанию стороны Сильвестра, к которой принадлежал, Семен

---

771 Сказ. кн. Курбского, стр. 420.
772 Там же, стр. 94–95.
773 Древн. Рос. Вивл., т. XX, стр. 47.
774 Эверса: Beylräge zur Kentuiss der Russland, т. I, стр. 96.
775 Сказ. кн. Курбского, стр. 432.
776 Там же, стр. 95.
777 В. ОД. С. р. 19.
778 Сказ. кн. Курбского, стр. 182 и 183.
779 Там же, стр. 182.
780 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 125.

Ростовский был прощен, потому что из разрядов видно, что в 1565 году он был воеводой в Новегороде Нижнем[781]. Итак, мы видим, что Иоанн *отдал вину* Ростовскому; но изменнику, раз задумавшему вредить отечеству, показавшему, что отечество для него ничего не значит, трудно и даже невозможно сделаться верным слугой его. Нет ничего невероятного, что Семен Ростовский опять замышлял измену, а потому казнен. Это было, как видно из послужного списка, в 7075 году. Но брат его, думавший некогда изменить вместе с ним, умер своей смертью[782].

«Потом тех же княжат Ростовских Василий Темкин и со сыном своим рассеканы от кромешников его, катов избранных, за повелением его[783]». Но Темкин в послужном списке показан под 7078 г. в числе умерших своею смертию, а не казненных[784]. Если и казнен, то, вероятно, за преступление, потому что он тоже был из роду Ростовских князей, а они в 1554 г. все хотели изменить России[785]. В родословной книге у князя Василия Темкина, бывшего боярином Владимира Андреевича, детей не показано[786].

«Паки убиен княжа Петр, глаголемый Щенятев, внук княжати Литовского Патрикиев, муж зело благородный и богатый и оставя все богатство и многое стяжание, мнишествовати был производил. Но, Иоанн, — рассказывает Курбский, — и там его повелел мучить, жечь на раскаленной сковороде и бить иглы за ногти, и в таких муках доблестный Щенятев скончался[787]». По свидетельству Таубе и Крузе он был засечен[788], а по послужному списку умер своей смертью в 7076 г.[789]. Что он действительно поступил в монашество это видно из обиходника Кирилловского монастыря, где сказано: «Того ж месяца (августа) в 21 день память по князе Петре

---

[781] Полн. Собр. Рус. Лет. Псковская, III т., стр. 303.
[782] Чт. в Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 396–397.
[783] Сказ. кн. Курбского, стр. 95.
[784] Там же, стр. 96.
[785] Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 126–127.
[786] Чт. в Общ. Ист. и Древ. Рос. г. III, № 9, стр. 396–397.
[787] Разряды л. 500.
[788] Др. Рос. Вивл., т. XX, стр. 48.
[789] Сказ. кн. Курбского, стр. 96.

Михайловиче Щенятеве, во иноцех Пимен[790]». Итак, мы видим, что свидетельства о смерти Щенятева разногласят. Если, впрочем, Щенятев и действительно казнен, то был достоин этого. В 1553 г. он выказал себя приверженцем Владимира Андреевича, вместе с другими не хотел присягнуть Димитрию и открыто восстал против Иоанна[791]. Прошенный, он, конечно, не отказался от своих притязаний, как не отказались и Сильвестр, и Адашев даже после своего падения. Жестокая казнь, которой подвергся Щенятев, по свидетельству Курбского, без сомнения выдумана последним, и мы тем более имеем право не доверять ему, что, во-первых, известия о казни противоречат, а во-вторых, что, по послужному списку, он умер своей смертью.

«В те же лета побиты, — пишет Курбский, — братья мои княжата Ярославские, влекомые от роду княжати Смоленского, Святого Феодора Ростиславича, правнука великого Владимира Мономаха; имена ни были: князь Феодор Львов, муж зело храбрый и святого жительства, и от младости своей, аж до четыредесятного лета, служил ему верне, многажды над поганскими языки светлые одоления поставлял… Другого князя Феодора, внука славного князя Феодора Романовича, иже прадеду того царя, губителя нашего, в орде будучи, даже ещё в неволе были княжата русские у ординского царя и от его руки власти приимовали, потом за его попечением, на царство свое возведен бысть[792]». Курбский называет Феодора Львова и других князей ярославских братьями своими, потому что они происходили от одного корня с ним[793] именно от Феодора Ростиславича Смоленского. Когда и за что казнен Феодор Львов, Курбский, по обыкновению своему, ничего не говорит. Имени Феодора Львова нет в синодике. Что касается до свидетельства Курбского: будто Феодор Феодорович Львов выхлопотал престол московский Василию Темному; то это, кажется, совершенная выдумка. В этом случае помог Василию хитрый боярин его Иван Димитриевич, отъехавший

---

[790] Древ. Рос. Вивл., т.·XX, стр. 50.
[791] Никон. Лет., т. VIII, стр. 211–212.
[792] Родосл. кн. ч. I, стр. 87.
[793] Сказ. кн. Курбского, стр. 96.

после к Юрию, дяде Василия, а из летописей не видно, чтобы Федор Федорович принимал в этом деле какое-нибудь участие. Далее Курбский рассказывает, что одного их князей ярославских, Ивана Шаховского, Грозный убил в Невле, идя к Полоцку; «потом Василия, Александра и Михаила Прозоровских и других княжат того же рода, называемых Ушатыми, тех же княжат Ярославских роду, погубил всенароднe: понеже имели отчины великие, мню, негли из того их погубил[794]». Все эти князья, т. е. Львовы, Прозоровские и Ушатые, происходили, как и Курбский, от князей ярославских[795]; следовательно, были с ним одного рода. Само собой разумеется, что теми же самыми притязаниями, которыми проникнут был Курбский, проникнуты были и родичи его, ярославские князья, и, следовательно, подобно Курбскому, были противниками Иоанна и того начала, которого он был представителем; и если они казнены, то уже конечно не за поместья обширные, которые остались при их потомках[796], а за какое-нибудь преступление. Это предположение тем вероятнее, что большая часть вельмож, казненных Иоанном, были действительно виновны, как это мы уже видели и увидим далее. Ни Прозоровских, упоминаемых Курбским, ни Ивана Шаховского имен нет в синодике; а всенародне князья ярославские не были истреблены, потому что мы встречаем, например, фамилию Львовых, при царе Алексее Михайловиче[797]. Следовательно, Иоанн казнил из них только тех, которые оказались, подобно Курбскому, преступниками.

«Потом, Иоанн князь Пронский, служивший еще отцу Иоаннову, много раз бывший великим гетманом, в старости постригшийся в монахи, был утоплен по повелению царя. Потом, убит и другой князь Пронский, Василий Рыбин[798]». Этот последний упоминается в родословной книге[799]; но о казни его ничего не говорится. Что касается до Пронских, то они

---

[794] Beiträge zur Kentniss der Russland, I, стр. 207.
[795] Древн. Вивл. т. XX, стр. 49.
[796] Сказ. кн. Курбского, пр. 133.
[797] Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 126.
[798] Сказ. кн. Курбского, стр. 96.
[799] Родословная кн., ч. II, стр. 411.

были постоянно изменниками и непокорными подданными. Так они, вместе с Шуйскими, в 1542 г., в Думе, в присутствии государя, бросились на любимца его Воронцова, силой извлекли его в другую комнату, били, мучили, заключили в тюрьму против воли государевой и сослали в Кострому[800]. В 1547 году Грозный взял с Ивана Пронского клятвенную запись в том, что этот последний «не отъедет от него ни в Казань, ни в Литву, ни к папе, ни к Френцовскому королю, ни в Крым» и пр. В этой грамоте Пронский дал клятву верно служить государю Ивану Васильевичу, обязался не ссылаться ни с кем из поименованных государей без ведома царя Ивана Васильевича ни думы государя своего царя и великого князя всея Русии не проносит никому, и которые речи услышит у государя своего и тех речей его не сказати никому[801]». Но недолго он оставался верным царю и чрез 5 лет снова изменил. В 1553 г., во время болезни Иоанновой, он открыто восстал против воли царя и склонился на сторону Владимира Андреевича и с бранью и ропотом присягнул наконец Димитрию[802]. Таким образом, мы видим, что милость царя не могла уже вестить Пронского, и потому Иоанн мог предать его смерти как государственного преступника. Но опять можно сомневаться казнен или нет Пронский. У Курбского он утоплен в реке; Таубе и Крузе говорят, что он засечен[803]; а в послужном списке бояр он показан умершим своей смертью в 1569 г.[804], следовательно, спустя год по смерти Щенятева, с которым вместе, по свидетельству Таубе и Крузе, был засечен в 1568 г.[805] Если мы примем это свидетельство, то выйдет, что Пронский умирал дважды. Самое разногласие свидетельств об образе его смерти не есть ли ясное доказательство, что он никогда не был казнен, а что эта казнь, как и другие, изобретена врагами Грозного. Имен Иоанна и Василия Пронских нет и в синодике.

---

[800] Сказ. кн. Курбского, стр. 97.
[801] Родослов. кн., ч. II, стр. 411.
[802] Дополн. к Акт. Историч. т. I, № 222.
[803] Древн. Вивлиоф. т. XX, стр. 102.
[804] Сказ. кн. Курбского, стр. 97.
[805] Родосл. кн. т. I, стр. 39.

«Тогда же убил Владимира, стрыечного брата своего, с матерью того Евфросиньей, княжной Хованской, яже была от роду князя великого литовского Олгерда, отца Ягайла, короля польского, и воистину святую и постницу великую, во святом вдовстве и во монашестве провоссиявшую. Тогда же растреляти из ручниц повелел жену брата своего Евдокию, княжну Одоевскую, тако ж воистину святую, и зело кроткую и дву младенцев, сынов брата своего, от тоя святыя рожденных: единому было имя Василий, аки в 10 летех, а другой мнейший. Занамятовах уже, яко было имя его. Иные мнози слузи их вери избиени[806]». Владимир Андреевич был воспитан отцом своим, князем Андреем Старицким, в правилах и в понятиях прожившихся удельных князей, и по ходатайству Сильвестра был освобожден из темницы, куда вместе с отцом был посажене инок Иоанн постоянно был дружески расположен к нему; но Владимир Андреевич в 1553 г. задумал взойти на престол, торжественно отрекся от присяги Димитрию, и когда наконец должен был дать грамоту, что не будет искать под Димитрием престола, то Еврофосиния, прикладывая к этой грамоте печать, прибавила, что присяга невольная ничего не значит. Хотя Иоанн простил брату это покушение; но все-таки он не мог с той поры иметь к нему доверенности. Из дел розыскного приказа видно, что Иоанну донесли, что Владимир Андреевич вошел с новгородцами и псковичами в заговор, клонившийся к тому, чтобы Новгород и Псков присоединить к Польше, а Владимиру Андреевичу сделаться великим князем московским. Иоанн приказал схватить вероломного брата[807]. Известие об этом заговоре тем более достоверно, что Владимир Андреевич и в 1553 г. стремился тоже войти на престол. При том не ограниченном честолюбии, которым отличались Владимир Андреевич и мать его, нельзя подумать, чтобы, не успев раз в своих планах, он отказался от дальнейших попыток. По старым понятиям, он считал себя старше Иоаннова сына и не мог никогда свыкнуться с мыслью о повиновении младшему. Что касается до участи виновного, то ее нельзя определить, потому что все сказания о ней

---

[806] Ист. Гос. Рос. т. VIII, 85.
[807] Собр. Г. Г. и Дог. т. I, № 165.

чрезвычайно разноречивы. Так в новгородской летописи рассказывается следующее: «в лето 7077 генваря в 6 день на Крещение Господне, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, уби брата благоверного и великого князя Андрея Старицкого[808]». Но здесь число означено неправильно. Мы знаем, что Владимир Андреевич умер 9 октября[809]. Таубе и Крузе говорят, что Иоанн из своих собственных рук отравил брата, его жену и детей[810]. То же самое свидетельствует и датский посол Ульфельд, бывший у нас в 1578 году[811]. По сказанию Гваньини, Владимиру Андреевичу отсекли голову[812]; а Одерборн, называя его Георгием, говорит, что он был зарезан[813]. Точно так же разногласят известия и об участи супруги Владимира. По свидетельству Курбского, Иоанн велел расстрелять ее из ручниц; а по свидетельству Таубе и Крузе, отравил ее[814]. Но все эти свидетельства, ставящие Иоанна каким-то извергом, не заслуживают никакого доверия; во-первых, потому что они оставлены нам заклятыми врагами царя; а, во-вторых, самое разногласие их очевидно говорит в пользу Иоанна.

«Потом убиен», — продолжает Курбский — «славный и между княжаты русскими Михаил Воротынский и Никита княжа Одоевский, сродный его, с младенчики детками своими — един аки седин лет, а другой мнейший, и со женою его: всеродне погублено их, глаголют; его же была сестра, предреченная Евдокия святая, за братом царевым Владимиром». В чем же состояла вина Воротынского? «Не в том ли, — говорит Курбский, — что, спустя год по сожжении Москвы, Воротынский нанес страшное поражение крымцам и прислал к хороняке и бегуну царю, забежавшему в Великий Новгород, Дивия мурзу, знаменитого кровопийцу христианского? В благодарность за этот подвиг, говорит он, Иоанн приказал схватить и привести

---

808 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 132.
809 Beyträge zur Kentniss der Russland, т. I, стр. 207.
810 Древн. Рос. Вивл. т. XX, стр. 50.
811 Beylräge zur Kentniss der Russland, т. I, стр. 207.
812 Сказ. кн. Курбского, стр. 97–98.
813 Повествование о России, соч. Арцыбашева т. II, кн. IV. пр. 1890.
814 Полн. Собр. Русск. Лет. 3-я Новгородская Лет., стр. 253.

к себе связанного святого мужа, оклеветанного слугой в намерении очаровать царя. Несмотря на оправдание, приносимое Воротынским, царь приказал его жечь, положа связанного на дерево между двумя огнями, и сам острием жезла подгребал угли под его тело. Так же и Никиту Одоевского приказал мучить различно, ово срачицу его пронзикнувши в перси его, тамо и овамо торгати: той же в таковых абие мучениях скончался, а Воротынский полумертвый сослан в Белоозеро. Но, отъехав три мили от Москвы, ко Христу своему отыде[815]». Посмотрим теперь, в чем состояла вина Воротынского и действительно ли постигла его такая лютая казнь? Из истории открывается, что, спустя два почти года после измены Курбского, Воротынский сам задумал изменить. Но Иоанн узнал об этом и в апреле 1565 г. взял с него клятвенную запись. В этой записи, данной за поручительством митрополита Афанасия, архиепископов и епископов, Воротынский объявляет, что «проступил пред царем и за свою вину бил ему челом»; что государь простил его и что он обязывается впредь служить верно и не изменять ему отъездом[816]. Бояре и дворяне обязались, в случае измены Воротынского, внести в казну 15 т. рублей[817]. В 1571 году Воротынский преступил крестное целование. Вместе с Мстиславским действуя против крымцев, он доступил их сжечь Москву. В клятвенной записи, данной в этом году, Мстиславский говорит, что его «изменой и его товарищей святые церкви, монастыри и православное крестьянство изпровержены, а крестьянская кровь многая пролита[818]». Из этого видно, что и Воротынский изменил отечеству вместе с Мстиславским, потому что и он был в числе товарищей последнего[819]. Человек, два раза, несмотря на клятву, изменявший так постыдно интересам отечества, без всякого сомнения, не затруднился изменить и в третий раз. Спустя 10 месяцев после победы своей над крымскими татарами Воротынский был осужден. Причина его осуждения не

---

[815] Арцыбашев: повеств. о Рос., т. II, кн. IV. пр. 1890.
[816] Beylräge zur Kentniss der Russland, т. I. 213–218.
[817] Арцыбашев, т. II, кн. IV, стр. 1890.
[818] Moscoviae description, p. 40.
[819] Pauli Oderbornii, p. 132.

известна. В рукописной разрядной книге академии наук рассказывается под 7081 г.: «Грех наших ради немецкие люди у Коловера у города царевых и великого князя воевод побили, а убили на том деле правые руки боярина, князя Ивана Андреевича Шуйского; а дворян и детей боярских и людей боярских и стрельцов многих побили. А сам царь и князь великий пошел в свою отчину в Великий Новгород. Того ж году (7081) апреля в 15 день на берегу были воеводы по полком: в большом полку бояре и воеводы князь Михайло Иванович Воротынский, да Михайло Яковлевич Морозов и стояли в Серпухове. В правой руке бояре и воеводы князь Никита Романович Одоевский, да Иван меньшой Васильевич Шереметев, стояла в Торусе… И царь, и великий князь положил опалу на бояр и воевод на князя Михайла Ивановича Воротынского, да на князя Никиту Романовича Одоевского, да на Михайла Яковлевича Морозова: велел их казнити смертной казнью[820]». В послужном списке бояр Воротынский, Одоевский и Морозов показаны также выбывшими т. е. казненными в 1573 году[821]. Хотя о вине казненных не упоминается, но, вероятно, они казнены не за доброе дело. Мучения, которым они подвергались по свидетельству Курбского, не подтверждаются ничем, а доверять Курбскому мы не имеем никакого права, потому что главной его целью было очернить Грозного в глазах потомства и современников.

Боярские роды, подвергшиеся, по свидетельству Курбского, опале и казням во время Грозного, все принадлежала к древнейшим московским фамилиям.

«В начале мучительства своего, — говорит Курбский, — мудрого советника своего Иоанна Шереметева мучил такой презлой узкой темницей, острым помостом приправленной, иже вере не подобно, и оковал тяжкими веригами по вые, по рукам и по ногам, и к тому еще по чреслам обруч толстый железный и к тому обручу десять пудов железа привесити повелел и в такой беде аки день и нощь мужа мучил». «Прийдя в темницу, — рассказывает Курбский, — Грозный начал допрашивать Шереметева, куда он спрятал свои богатства. Узник отвечал, что руками нищих он передал их Христу.

[820] Beylräge zur Kentniss der Russland, т. I, стр. 213–218.
[821] Сказ. кн. Курбск., стр. 98–100.

Тронутый этими словами, царь приказал перевести Шереметева в другую темницу и облегчить его мучения. Но в тот же день приказал удавить брата его Никиту, храброго воина, а Ивану Шереметеву, истощенному муками, дозволил постричься в монахи.» Не он, заключает Курбский, еще и там не повелел ли уморити его[822]. Иван Васильевич Большой Шереметев действительно с 1567 года был в опале. Причиной гнева Иоаннова на этого боярина было его намерение бежать в Польшу. В 1564 году марта 8, государь взял с него запись, по которой он обязывался служить верно и не отъезжать из России, а в противном случае бояре обязались внести за него в казну 10.000 рублей[823]. Сказание Курбского о мучениях, которым подвергся Шереметев, не подтверждается ничем, а поэтому мы имеем полное право не признавать его достоверным на том основании, что Курбский писал под влиянием страстной ненависти к Иоанну. Мы знаем только, что Шереметев, прощенный Иоанном, был несколько лет опять думным советником, потом, по собственному своему желанию, постригся в монахи, и кончил жизнь свою в Кириллобелоозерском монастыре. В послужном списке бояр он показан умершим под 7079 г.[824]; а из письма Иоаннова к кирилловскому игумену Козьме видимо, что Шереметев был жив еще в 1577 году[825]. Следовательно, он умер не в начале мучительства Иоаннова, которое по Курбскому начинается с 1560 г. с удалением Сильвестра и Адашева, но спустя уже 17 лет. Что касается до брата Никиты Шереметева, то по списку бояр он показан умершим в 7073 г.[826], следовательно, свидетельство Курбского о том, что он удавлен по приказанию Иоанна, мы имеем полное право отвергнуть, потому что в случае казни он означен был бы в послужном списке *выбывшим.*

«Потом убит от него», — говорит Курбский, — «стрыечный брат жены его Семен Яковлевич, муж благородный и богатый, такожде и сын его: еще в отроческом веку удавлен[827]».

---

[822] Соб. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 189.
[823] Там же, т. I, № 190.
[824] Там же, т. I, № 196.
[825] Ист. Гос. Рос. т. IX, пр. 353.
[826] Рукоп. Разряды, л. 387–388. Сказ. Кн. Курбского, пр. 147.
[827] Древ. Рос. Вивл., т. XX, стр. 64.

Кто это был Семен Яковлевич не известно. Если это был Семен Васильевич Яковля, внучатый брат царицы Анастасии, то он 7076 г. пожалован был из окольничих в бояре, а в 7077 г. умер, а не казнен[828]. Правда, что казнен Иван Петрович Яковля[829], но он казнен спустя год по смерти первого в 7078 г. Этот последний 28 марта 1565 г., за ручательством митрополита Афанасия, дал запись, что не отъедет никуда и будет служить верно за то, что государь его пожаловал и вину ему отдал[830]. Может быть, Курбский перемешал имена.

«Паки убиени от него мужи грецка роду, именем Хозяин, нареченный Тютин, иже был у него подскарбием великим, и погублен всеродно, сиречь с женой и детьми и другими южики[831]». Действительно, хозяин Тютин, в 1556 году, был казнен у Иоанна[832] и имя его упоминается в синодике Грозного[833]. Следовательно, он был казнен; но когда и за что — не известно. Курбский не упоминает, какому роду казни подвергся Тютин; но, по свидетельству Таубе и Крузе, он был рассечен на части с женой, двумя сыновьями-младенцами и двумя дочерьми, и эту казнь совершил князь Михайло Темгрюкович Черкасский, брат царицы Марии[834]. Но Таубе и Крузе были отъявленными врагами царя; а потому, допустив, что Тютин казнен, мы все-таки не можем принять подробностей его казни, сообщаемых нам Таубе и Крузе.

«Потом разграбил сигклита своего скарбы великие, от праотцев его еще собраны, ему же имя было Иоанн, но нареченно Хабаров, роду старожитного, я же нарицалися Добрынские… По трех же летех убита его повелел со единочадным сыном, из отчины: понеже великие отчины имел во многих поветех[835]». Карамзин относит казнь его к 1570 г. и говорит о ней словами Курбского, не приводя никакого

---

828 Сказ. кн. Курбского, стр. 105–106.

829 Соб. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 180.

830 Древ. Рос. Вивл. т. XX, стр. 67.

831 Ак. Арх. Эксп. т. I, № 372.

832 Древн. Вивл. т. XX, стр. 48.

833 Сказ. кн. Курбского, стр. 108.

834 Древ. Рос. Вивл. т. XX, стр. 49–50.

835 Там же, т. XX, стр. 50.

другого свидетельства[836]. Но Курбский или вовсе не означает причин казни, или означает их превратно, и преувеличивает до крайности самые обстоятельства; следовательно, мы не можем решить, точно ли потому казнен Хабаров-Добрынский, что имел богатые поместья. Скорее можно полагать, что причина казни была совершенно иная: странно подумать, чтобы Иоанн мог завидовать этим ничтожным лоскуткам его обширного царства.

«В тех же летех убил светлого роду мужа Михаила Матвеевича Лыкова и с ним ближнего родственника его юношу зело прекрасного, иже послан был на науку за море, во Ерманию, и тамо навык добре Алеманскому языку и писанию и возвратясь в отечество от мучителя смерть вкусил неповинне». Далее он рассказывает о славной смерти Матвея Лыкова, отца Михайлова, который, при взятии Стародуба литовцами, решился лучше сгореть живой, нежели сдаться литовцам. Жена и дети его были отведены в плен и, по повелению Сигизмунда Августа, научены языку римскому. Послы московские Василий Морозов и Феодор Воронцов испросили их у короля в отечество, во истину неблагодарное и недостойное великих мужей, в землю лютых варваров. И вот, там один из них Иоанн уморен в темнице Лифляндским магистром, а другой Михаил был воеводой в Ругодеве и убит там от мучителя, варварского царя[837]. Действительно, Матвей Лыков погиб, но в Радогоще, а не Стародубе[838]. Сыновья его Иван и Михайло служили Иоанну и первый действительно был взят в плен магистром ливонским после поражения Репнина 7063 (1555) г.[839]. Недействительно ли брат его Михаил Лыков был воеводой в Ругодеве — неизвестно. Что касается до казни его, то это известие мы считаем за вымысел Курбского, потому что оно не подтверждается никакими актами. Напротив, в списке бояр сказано: «7079 года умер Окольничий Михайло Матвеевич Лыков[840]».

---

[836] Собр. Гос. Грам. и Дог. т. I, № 182.
[837] Сказ. кн. Курбского, стр. 106.
[838] Древ. Росс. Вивл. т. XIII, стр. 255.
[839] Сказ. кн. Курбского, стр. 416.
[840] Ист. Гос. Рос., т. IX, пр. 187.

«Потом погубил род Колычевых, тако же мужей светлых и нарочитых в роде, единоплеменных сущих Шереметевым: бо прародитель их, муж светлый и знаменитый, от немецкие земли выехал, ему же имя было Михаил: глаголют его быти с роду княжат решских». Причиной их казни Курбский выставляет то, что митрополит Филипп, происходивший также из фамилии Колычевых, восстал против беззаконий царя. Курбский рассказывает, что, опустошая поместья Шереметева, Грозный приказал загнать в один дом много народу, а Ивана Борисовича Колычева схватить и привязать к стене в том же доме. Потом приказал прикатить туда несколько бочек пороху и зажечь. Как скоро взорвало дом, Иоанн с опричниками поскакал смотреть истерзанные трупы. Один из опричников далеко в поле увидал Колычева, который, будучи одной рукой привязан к бревну, сидел невредимый и пел благодарственные псалмы Богу. Немедленно опричник ссек ему голову и принес царю, а этот, приказав ее зашить в кожаный мех, послал к Филиппу, заключенному в темницу, приказав сказать ему: «Се сродного твоего глава! Не помогли ему твои чары». Курбский говорит, что все Колычевы, числом 10 человек, были избиты Грозным[841]. Может быть, причиной казни Иоанна Борисовича Колычева был гнев Иоанна на митрополита Филиппа, но эта казнь преувеличена в своих подробностях до очевидного неправдоподобия. Замечу еще, что род Колычевых не был истреблен весь Иоанном, что многие из них умерли своей смертью и, наконец, один из этой фамилии, Михайло Крюк Федорович Колычев был окольничим при царе Феодоре Иоанновиче[842].

«Потом убиен от него муж храбрый Василий Разладин, потомок Иоанна Родионовича Квашни. Пострадала от мучителя и мать его Феодосия, имевшая трех сыновей: един предреченный Василий, а другой Иоанн, третий Никифор, убиты в сражении с ливонскими немцами[843]». Разладины, происходя от древнего московского боярского рода, разумеется, были на стороне тех же притязаний, которые обнаружила и московская боярская партия. Далее Курбский рассказывает о казни

---

[841] Сказ. кн. Курбского; стр. 107.
[842] Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 311.
[843] Сказ. кн. Курбского, стр. 107.

Димитрия Пушкина, единоплеменного Челядинным, Андрея Шеина, внука Димитрия *Шеина,* и семи Морозовых, из которых упоминает о Владимире Морозове, говорит о казни Льва Салтыкова с 4·или с 5 сыновьями, Игнатия, Богдана и Феодосия Заболоцких, погубленных *всеродне;* Василия Бутурлина с братьями, родственника Ивана Петровича Челяднина, Ивана Воронцова Замятни-Сабурова с женой и сыном[844]. Этот последние был родственником Соломонии, супруги Василия III[845]. «Потом убиты, — продолжает Курбский, — Андрей Кашкаров, знаменитый защитой Лаиса, брат его Азарий с детьми и родственниками Василием и Григорием Тетериными, Даниил Чулков, происходивший от рязанских дворян — Феодор Булгаков; пишет, что царь приказал Федору Басманову зарезать отца своего Алексея; приказал умертвить князя Владимира Курлятева и вместе с ним Григория Степанова, сына Сидорова, с роду великих сигклитов рязанских. Потом погублены Сабуровы, Долгие и Сарыхозины, числом 80 человек. Убит Иоанном Никита Казаринов с сыном Феодором. Подробности казни этого последнего сановника, сообщённые Курбским, следующие: Иоанн послал за ним опричников, но Казаринов, узнав об этом, удалился в монастырь на реке Оке и постригся. Опричники явились и туда. Казаринов не скрывался от них, но выйдя к ним на встречу сказал: «Аз есмь, его же ищете!» И немедленно был схвачен и представлен в слободу, где находился царь. Увидев Казаринова в монашеском одеянии, Иоанн воскликнул: «Он ангел: подобает ему на небо возлетети,» — и, привязав к двум бочкам пороху, приказал взорвать его. «Но что много говорить, восклицает Курбский: имена жертв свирепости Иоанна записаны в книгу животную, а я не могу и перечесть их[846]».

«Потом убиты царем муж славный в роде Михаил Морозов с сыном Иоанном 18-летним и с другим юнейшим, имя которого я забыл, и с женой его Евдокиею, дочерью Димитрия Бельского, ближнего сродника короля Ягайла[847]».

---

[844] Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 101.
[845] Летоп. Нормантского, стр. 135.
[846] Древн. Рос. Вивл. т. XX, стр. 51.
[847] Сказ. кн. Курбского, стр. 108–110.

Из родословной этих лиц, казненных Иоанном, открывается, что все они принадлежали к древнейшим боярским родам, а именно: *Челяднины* принадлежали к древнейшей фамилии и предок их был московским боярином еще при Калите[848]. *Шереметевы* выехали из Пруссии[849] и состояли в родстве с Колычевыми, Романовыми и Кобылиными[850], а некоторые из членов этой фамилии были замечены в намерении изменить отечеству[851]. *Яковлевы* выехали из Швеции[852] и состояли в родстве с Захарьиными[853]; следовательно, принадлежали к московской боярской партии. Предки *Хабарова—Добрынского* выехали из Касуйской орды[854] и состояли в родстве с Лаптевыми и Лопухиными[855] и, по свидетельству самого Курбского, имели огромные владения[856]. *Кошкаров* происходил от одного корня с Добрынскими[857]. *Колычевы* были, как мы уже видели, единоплеменные Шереметевым. *Разладины,* по свидетельству самого Курбского, происходили от Иоанна Родионовича Квашни[858], а следовательно, от Родиона Несторовича, знаменитого боярина Калиты, пришедшего в Москву из Киева с значительной дружиной[859]; *Пушкин,* по свидетельству Курбского, был одного рода с Челядиными[860], а по свидетельству выписи из родословной, приложенной при местническом счете Пушкина с Плещеевым, Пушкины вели свое начало от знаменитого боярина Иакинфа, соперника Родиона Несторовича и врага Калиты; от него же произошли и Бутурлины[861], по свидетельству Курбского, также родственные Челядининым[862]. *Шеины* выехали

---

848 Древ. Вивл. т. XX, стр. 61.
849 Сказ. кн. Курбского, ст. 110.
850 Там же, стр. 110–111.
851 Соломония была из роду Сабуровых.
852 Сказ. кн. Курбского, стр. 112–115.
853 Там же, стр. 115–116.
854 Ист. Гос. Рос., т. IV, пр. 324.
855 Родосл. кн. ч. II, стр. 403.
856 Там же, ч. II, стр. 289, 323 и 404.
857 Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 180.
858 Родосл. кн. ч. II, стр. 416.
859 Там же, ч. II, стр. 340.
860 Там же, ч. II, стр. 422.
861 Там же. ч. II, стр. 422.
862 Сказ. кн. Курбского, стр. 107.

из Пруссии[863] и состояли в родстве с Морозовыми и Салтыковыми[864]. Следовательно, Шеины, Морозовы и Салтыковы, о казни которых свидетельствует Курбский, составляли один род. *Заболоцкие* князья происходили от князей смоленских[865], следовательно, также принадлежали к московской партии; *Замятия* был одного рода с Сабуровыми, как свидетельствует Курбский[866], и сверх того был близкий родственник Соломонии, за развод с которой так озлоблены были бояре на отца Иоаннова и, следовательно, как родственник, он всего более должен был разделять эту ненависть, которая перешла от Василия III на сына его; *Чулковы* состояли в родстве с Сидоровыми, выехали вместе из Литвы[867] и были рязанскими боярами[868]; *Владимир Курлятев* был племянник Димитрию Курлятеву[869]; *Андрей Аленкин* был, так же как и Курбский, с роду князей ярославских[870]; *Сабуровы—Долгие и Сарыхозины*, по свидетельству Курбского, принадлежали к древнейшим фамилиям и были одного рода с Замятией, следовательно, родственники Соломонии и принадлежали к московской боярской партии; *Никита Казаринов,* по свидетельству самого Курбского, был знаменитый и богатый земский боярин[871]; *Михайло Морозов* происходил от древнего, знаменитого рода и предки его выехали из Пруссии[872]. По жене он был родственник Дмитрию Бельскому, которого сын, Иван Дмитриевич Бельский, принадлежал к партии Адашева и несколько раз изменял Грозному[873]. Итак, мы видим, что все боярские роды, о казни которых свидетельствует Курбский, состояли в родстве друг с другом, принадлежали к древнейшим московским фамилиям или к фамилиям, перешедшим из удельных

---

[863] Родосл. кн. ч. II, стр. 422.
[864] Сказ. кн. Курбского, стр. 110.
[865] Ист. Гос. Рос., т. IV пр. 324.
[866] Сказ. кн. Курбского, стр. 110.
[867] Русский Историч. Сборн., т. 111.
[868] Сказ. кн. Курбского, стр. 111.
[869] Родосл. кн., ч. II, стр. 403.
[870] Там же, ч. II, стр. 403.
[871] Родосл. кн., ч. I, стр. 208.
[872] Сказ. кн. Курбского, стр. 111.
[873] Родословн. кн. ч. II, стр. 401.

княжеств и, по связям своим, по положению своему в государстве, естественно должны были стоять в рядах партии, так ревностно во все правление Иоанново, хлопотавшей о возвращении прав и привилегий, которыми прежде· пользовались их роды и, следовательно, недовольной действиями Грозного.

Курбский не сообщает нам, вследствие чего казнены исчисленные им лица; но, по всей вероятности, они подверглись наказанию за преступления. Так, например, Морозов в 1571 г. изменил отечеству. Морозов был одним из воевод в это время командовавших армиею, а Мстиславский свидетельствовал в своей записи, что с ним вместе изменили отечеству и его товарищи[874].

Одно из самых страшных дел, лежащих черным пятном на памяти Грозного и не смытых потомством, есть убиение митрополита Филиппа, прославившегося святой и благочестивой жизнью, причисленного церковью к лику угодников Божиих.

«Прежде еще возведения Филиппа на митрополию, — говорит Курбский, — Иоанн просил епископа казанского Германа принять на себя сан митрополита.» Долго противился этому святитель, и, хотя жил уже в митрополичьих палатах, но все-таки продолжал отказываться от предлагаемого ему сана, не желая управлять церковью при таком лютом и безрассудном царе. Однажды, продолжает Курбский, он вступил в беседу с царем и начал тихо и кротко вразумлять его, напоминая ему о страшном, нелицеприятном суде Божием. Царь смутился и, возвратясь во дворец, рассказал беседу с Германом своим ласкателям. Опасаясь, что Иоанн примет совет епископа и, обратясь на путь добродетели, удалит их, они, особенно Алексей Басманов с сыном, упали к ногам царя и молили его не внимать словам пастыря. В один голос говорили все они: Боже сохрани тебя от такого совета. Паки ли хощеши, о царю! быти в неволе у такого епископа еще горшей, нежели у Алексея и у Сильвестра был есп пред тем много лет.» Иоанн внял их совету и велел изгнать епископа из палат церковных, говоря: еще и на митрополию не возведен еси, а уже мя неволею обязуешь!» И спустя два дня Герман

[874] Сказ. кн. Курбского, стр. 112–113.

найден на своем дворе мертвым и одни говорят, что он был удавлен по повелению царя, а другие, что отравлен ядом. Герман был, говорит Курбский, с рода Полевых, с сановитостью роста соединял глубокий ум, был человек святого жительства, ревностный служитель Божий, неутомимый в трудах духовных. Он был образован и мало нечто отчасти был причастен и учения Максима Грека, и, хотя и был из четы презлых Осифлян, но чужд был их лукавых обычаев и лицемерия, был человек простой и великий помощник находящимся в нужде и бедствии[875]. Герман, в мире Григорий, происходил действительно от фамилии Полевых-Садыревых. С ранней молодости он полюбил уединение и ревностно занимался изучением священного Писания. Жизнь в мире не могла удовлетворить его душе, жаждавшей высшего уединения и высших подвигов. Поэтому он удалился в тридцатых годах XVI столетия в Иосифов Волоколамский монастырь и принял здесь монашество под именем Германа и скоро сделан был архимандритом Старицкого Успенского монастыря, именно в 1551 году[876]. Нет никакой надобности распространяться здесь о святой жизни Германа и о трудах его на пользу церкви, скажем только, что церковь причислила его к лику святых и этого довольно. После собора против Башкина, Герман, присутствовавший на этом соборе, в 1564 г., снова был вызван в Москву и посвящен по смерти св. Гурия в сан архиепископа казанского из свияжских архимандритов[877]. Святая жизнь Германа давно уже обращала на себя внимание царя и потому, когда в 1566 г. Афанасий митрополит, изнуренный болезнями, отказался от звания первосвятителя, Иоанн обратил взоры свои на Германа и вызвал его в Москву с тем, чтобы возвести в сан митрополита. Долго смиренный епископ отказывался от этого важного сана; но, чувствуя долг своего звания, решился, прежде принятия его, побеседовать с царем. Он начал укорять царя за недостойную жизнь его и грозить ему страшным и неумытым судом Божиим. Смущенный вышел царь из палат митрополичьих[878]. Курбский, как мы уже

[875] Родосл. кн. т. I, стр. 213.
[876] Там же, т. I, стр. 414.
[877] Сказ. кн. Курбского, стр. 114.
[878] Родосл. кн. т. II, стр. 237.

видели, заставляет Иоанна, по возвращении во дворец, советоваться с опричниками касательно беседы своей с Германом, заставляет опричников падать к ногам Иоанна с просьбой не возвышать Германа в сан митрополита, чтобы не быть опять в неволе. Но этот рассказ мы должны отвергнуть, как недостойный ума Иоаннова. Удаление Германа было следствием не слезной просьбы опричников, а следствием подозрения, которое возбудили в Иоанне увещания Святителя. Иоанн, без всякого сомнения, знал о знаменитости рода избираемого им святителя. Увещание, сделанное ему вдруг избранным, естественно должно было возбудить в нем подозрение. Он еще помнил увещания Сильвестра, помнил лицемерную добродетель этого человека и, размыслив о словах Германа, полагал, что они, подобно словам Сильвестра, имеют заднюю мысль. Соображая обстоятельства, он мог думать, что бояре хотят сделать из Германа только орудие для достижения своих противозаконных целей. Я уже сказал, что, под влиянием мрачных, печальных обстоятельств того времени, Иоанн не мог иметь веры в истинность добродетели лиц, которых думал приблизить к себе. Кто же был причиной, что Иоанн пришел к такому убеждению? Партия Сильвестра и Адашева и её представители довели его до того своим недостойным образом действий, своими интригами и коварством. Как человек, Иоанн мог ошибиться и в святом Германе, и его добродетели он сочёл личиной, под которой кроются честолюбивые замыслы. Придя к этому убеждению, Иоанн, само собой разумеется, должен был охладеть в своем расположении к св. нужу и отклонил выбор его в митрополиты. Известие Курбского, что Иоанн велел изгнать святителя из митрополичьих палат, не может быть принято, потому что ничем не подтверждается и нами должно быть отвергнуто тем более, что последующий рассказ Курбского есть чистая выдумка. Курбский говорит, что спустя два дня Герман найден был мертвым на дворе своем и был по словам одних удавлен, а по свидетельству других отравлен ядом. Избрание Германа в митрополиты последовало в 1566 г. На клятвенной записи Михаила Воротынского мы встречаем его имя[879]. Эта

---

[879] Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 175–177.

запись дана была в апреле 1566 г. Следовательно, если бы Герман два дня жил в митрополичьих покоях и умерщвлен еще спустя два дня, то смерть его последовала бы, вероятно, не позже мая. Но мы встречаем его имя опять в подписях приговорной грамоты о войне с Польшей 2 июля 1566 года[880]. Имени Германа на грамоте, которою Филипп обязался не требовать уничтожения опричнины, нет; но он все-таки был жив, потому что присутствовал при поставлении митрополита Филиппа[881]. В 1568 г. во время суда над Филиппом присутствовал на соборе и Герман и один осмелился принять сторону Филиппа. Иоанн, все еще уважавший Святителя Германа, не сказал ему даже колкого слова[882]. Смерть Германа последовала 1568 г., ноября 8 дня. Патриарх Гермоген в своем житии Германа вот что говорит о его смерти: «Представился сей преподобный архиепископ в царствующем граде Москве в лето 7076 ноемврия в 8 день. Пас Церковь Божию три лета и месяц 8. Беже тогда в Москве мор силен. Повележе себе положити в чину святительском, яко же поведают ученицы его; обаче не сподобися тогда святительски погребен быти: не сушу бо тогда митрополиту, ни иному кому обрестися от святителей во граде Москве, грех ради наших. Но тако просто погребен бысть архимандриты паствы своея: Свияжским Иродионом и Казанским Иеремием в чину святительском, якоже повеле, у Церкви Св. Николая, иже зовется мокрый[883]». Итак, Герман умер естественной смертью и, вероятно, от язвы, в то время свирепствовавшей в Москве. Если бы Герман действительно умер насильственной смертью, то Гермоген не умолчал бы об этом: он жил в такую эпоху, когда в свежей еще памяти были все события Иоаннова царствования. Из всего этого мы видим, что свидетельство Курбского не должно иметь никакой цены.

Так же ложно повествование Курбского и о смерти новгородского архиепископа Пимена. «Потом убил, говорит он, архиепископа Великого Новгорода, Пимена: Той бо был Пимен

---

[880] Там же, т. I, № 196.

[881] Сказ. кн. Курбского, стр. 121 и 122.

[882] Жизнеописание Гурия, Варсонофия и Германа, соч. Елисеева, стр. 31–35.

[883] Там же, стр. 31–35.

чистаго и зело жестокого жительства, но в дивных был обычаях: бо глаголют его похлебовати мучителю и гонитель был вкупе на митрополита Филиппа, а мало последи и сам смертную чашу испил от него: бо приехав сам (т. е. Иоанн) в Новгород Великий, в реце его утопити повелел[884]». Не говоря о противоречии, заключающемся в самом рассказе, скажем только, что Пимен вовсе не был утоплен в реке, а что это опять выдумка Курбского. Гваньини рассказывает, что после разных насмешек Иоанна над архиепископом новгородским, Пимен, лишенный сана и всего имущества, обесславленный, с привязанными ногами, был отвезен в Москву[885]. Пимен действительно был лишен Иоанном архиепископского сана, но умер своей смертью. Вот что мы читаем в новгородской летописи об нем: «Сентября 25 (1571) преставись владыка Ноугородский Пимен на Туле в монастыре у чудотворца Николы в Вении (в Веневе): тако и положен бысть; а в Новгороде был владыкой 17 лет, 2 месяца и 9 дней; а сведен бысть на Москве 5 месяцев и 9 дней, а после своего владычества жил год и 2 месяца без 6 дней[886].» Таким образом, свидетельство Курбского опять не достоверно. Но Пимен не без причины был лишен сана архиепископского.

Рассказывая о походе Иоанновом на Новгород, Курбский говорит, что Иоанн приказал в это время «посещен, и потопити и пожещи в Новгороде более 15 т. человек одних мужей, не считая жен и детей.» В это время, по свидетельству Курбского, убит Иоанном Андрей Тулузов с роду княжат стародубских и Циплятев — Неудача с роду княжат Белозерских. Оба они даны были на послужение святой Софии и мы слышали, говорит Курбский, что Иоанн приобрел тогда в Новгороде великие и проклятые богатства: потому что народ, живущий там, богат вследствие торговли, которую ведет чрез море и думаю, что он великих ради богатств погубил их[887]. Но не богатство новгородцев было причиной их гибели. Некто Петр

---

[884] Жизнеописание Гурия, Варсонофия и Германа, соч. Елисеева, стр. 40–41.

[885] Соб. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 189.

[886] Там же, № 192.

[887] Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 177.

Волынец известил Иоанна, что архиепископ и граждане новгородские составили заговор с целью предать Новгород Польше и объявил, что грамота эта лежит в Софийской церкви за образом Богоматери. Иоанн не хотел поверить ему на слово, но послал с ним верного чиновника в Новгород. Чиновник отыскал эту грамоту. В ней говорилось, что архиепископ, духовенство и народ поддаются Литве. Грамота представлена государю. Имея в руках доказательство измены, Иоанн решился наказать новгородцев. С многочисленной дружиной он выступил против мятежников и, свергнув архиепископа, казнил множество граждан, уличаемых в измене[888]. Правда, что Иоанн жестоко поступил с Новгородом, но он имел причины поступить так. Он имел в руках несомненное доказательство измены и хотел примером строгости обуздать мятежников и уничтожить впредь возможность подобных покушений. Впрочем, должно заметить, что жестокости Иоанна уже слишком преувеличены, потому что все современные летописцы и писатели, как русские, так и иностранцы, ненавидели царя. Так Курбский рассказывает, что Иоанн истребил в Новгороде до 15 т. человек, а по свидетельству новгородской летописи 10 т.[889]. В летописи псковской число это еще более увеличено: «Людей многих славных умучи многими муками, а прочих людей, глаголют 60 т. мужей и жен в великую реку Волхов вмета, яко и реке запрудитися[890]». Таубе и Крузе считают убитых до 27.000[891], а Гваньини 2.770 граждан, кроме женщин и черных людей[892]. В синодике Иоанна говорится: «Помяни Господи души раб своих новгородцев тысящу пятьсот пяти человек[893]». Эта огромная разница в численных показаниях летописей, актов и иностранных писателей заставляет нас принять число избитых, показанное в синодике, как самое близкое к истине. Карамзин называет эту казнь Новгорода делом совершенно проти-

---

[888] Жизнь Гурия, Варсонофия и Германа, стр. 42.
[889] Там же, стр. 79, пр. 44.
[890] Сказ кн. Курбского, стр. 123.
[891] Moscoviae Descriplio p. 35.
[892] Ист. Гос. Рос., т. IX,, пр. 308.
[893] Сказ. кн. Курбского, стр. 123.

возаконным, причиной её считает одно безумное тиранство Иоанна. Грамоту новгородцев к польскому королю он признает подложной и составление её приписывает Петру, желавшему отомстить этим Новгороду[894]. Но следующие обстоятельства опровергают, кажется, предположение Карамзина и оправдывают меры Иоанна, хотя жестокие и кровавые. Во-первых, архиепископ Пимен был честолюбив и желал сделаться митрополитом московским. С этой целью он явился одним из ревностнейших обвинителей Филиппа. Но, обойденный при избрании митрополита, он, по словам самого же Карамзина, досадовал за это на Иоанна[895]. Его честолюбие было задето за живое и он, по всей вероятности, решился отмстить Иоанну и склонил новгородцев к измене. В тогдашние смутные времена не разбирали никаких средств, если только они вели к цели, и не щадили отечества, если видели только выгоду в том. Что лучше примера Курбского докажет истину наших слов? Во-вторых, когда, по прибытии в Новгород, Иоанн начал допрашивать Пимена и других виновников и для улики показал им грамоту, подписанную ими, то они отвечали, что от подписи своей они не отрекаются, но грамоты не писали и изменять не думали[896]. Странно было бы, подобно Карамзину, утверждать, что грамота была сочинена бродягой, утверждать, основываясь на одном только запирательстве обвиненных. Неужели какой-нибудь бродяга был настолько искусен, что мог бы подписаться под руки архиепископа и вельмож так, что подпись была совершенно сходна с их подписью? Да и каким образом бродяга мог знать почерки их руки? Да притом для того, чтобы приобрести такое искусство, нужен был навык, долгое упражнение, а ни с того ни с сего волынец не мог писать на все руки. Кроме того, ужели Иоанн был столько слеп, что не мог отличить грамоты, сочиненной бродягой, от сочинения людей, образованных, сведущих в делах такого рода. Итак, если мы признаем грамоту, представленную Иоанну, подложной, будем смотреть на нее как на проделку бродяги, то выйдет нелепость, которой не может

---

894 Ист. Гос. Рос., т. IX, пр. 87–88.
895 Та же, т. IX, пр. 296.
896 Там же, т. IX, пр. 294.

допустить здравый смысл. Следовательно, мы должны принять, что эта грамота была действительно писана Пименом и новгородскими сановниками, и что Новгород действительно хотел присоединиться к Литве. Это заключение получает еще более достоверности от следующих обстоятельств: Новгороду, некогда вольному и самостоятельному, не могло нравиться московское самодержавие. Он видел, что рано или поздно должен будет войти в состав московских владений, поплатиться своей стариной, потерять свою вольность. Поэтому он открыл у себя убежище всем недовольным Москвой, всем стесненным удельным князьям, заклятым врагам московских государей и, вместе с ними, действовал против Москвы. Могущество Иоанна III устрашило Новгород. И, не видя возможности бороться с сильной Москвой, но и не желая потерять своих освященных древностию прав и привилегий, он решился лучше предаться Литве, чем признать над собой власть Москвы. Марфа Борецкая и её советники начали сноситься с Казимиром, отдавались со всей новгородской областию в его подданство, с условием, чтобы только льготы их остались неприкосновенными. Быстрым ударом предупредил Иоанн замысел и присоединил Новгород к московским владениям, уничтожив его вольность. Конечно, новгородцы не могли безропотно сносить преобладания Москвы, не могли забыть своей старины. Само собой разумеется, что они не могли не желать восстановления её и, не имел возможности употребить для этого открытую силу, принялись за интриги. Нерасположение новгородцев к Москве видно из того, что, например, во время размолвки с Иоанном III, братья Иоанна удаляются к Новгороду[897], что, в малолетство Иоанна IV, Андрей Старицкий, вооружившись против Иоанна IV и Елены, хотел овладеть Новгородом[898]. Это показывает, что все искатели приключений надеялись, как враги Москвы, встретить себе сочувствие в Новгороде. В малолетство же Грозного новгородцы примкнули к боярским партиям и, когда Иван Шуйский свергнул открытой силой Бельского, то новгородцы, по

---

[897] Beylräge zur Kentniss der Russland, т. I. 222.
[898] Moscoviae descriplio, p. 34.

свидетельству летописи, участвовали в этом деле всем городом: «А в том совете быша новгородцы Великого Новгорода все городом[899]». Вероятно, при помощи Шуйских они надеялись восстановить свою прежнюю вольность, и потому помогали им. В 1546 г. 50 новгородских пищальников возмутились против Иоанна, отказавшегося принять их челобитную, и когда, по приказанию его, дворяне хотели разогнать их, то они вступили с ними в открытый бой, и таким образом явно выказали свой строптивый дух и свою неохоту повиноваться московскому царю[900]. Наконец, припомним еще, что Сильвестр и Макарий митрополит были новгородцы. Все эти обстоятельства, вместе взятые, убеждали Иоанна в том, что новгородцы действительно склонны к измене, что они хлопочут о старине и не думают от неё отказаться. Но вот еще важное обстоятельство. В смутное время, последовавшее по пресечении царственной династии Рюрика, новгородцы тотчас отделились от России и признали своим государем шведского королевича Филиппа, даже в том случае, если бы прочие части России отвергли выбор[901]. Решиться вдруг на такой важный шаг, как отпадение от России, новгородцы не могли бы, если бы мысль об этом не была постоянной их мыслию со времени покорения их Москвой. Следовательно, мы не должны порицать Иоанна за то, что он поверил донесению, что новгородцы хотят ему изменить, а должны допустить, что они действительно хотели изменить. Да у иностранных писателей мы находим подтверждение своей мысли. Гваньини говорит: «В 1569 г. великий князь московский дознался, что новгородцы, псковичи и тверичи королю польскому хотели предаться[902]». Приор Джерио, бывший в 1570 г. в России с польскими послами, пишет к венецианскому дожу, что царь казнил 18 т. новгородцев разного пола и возраста за то, что нашел (у них) гонца с возмутительными письмами[903]. Должно сознаться, что Иоанн уже слишком

---

[899] Сказ. кн. Курбского, стр. 417.

[900] Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 85.

[901] Там же, т. IX, стр. 13.

[902] Повеств. о России, т. II, кн. IV, пр. 1891.

[903] Соф. Времен, т. II, стр. 204.

жестоко поступил с виновным городом, но не должно упускать из виду и того, что Иоанн не видел, кроме казни, никакого средства для устрашения крамольников.

Курбский рассказывает, что Иоанн велел убить нового архиепископа новгородского, поставленного по свержении Пимена, «Леонида мужа нарочитого и кроткого с двумя архимандритами[904]». Действительно, в псковской летописи мы читаем о смерти его следующее: «Опалися (1575 г.) царь и великий князь на архиепископа новгородского Леонида и взя к Москве и сан на нем оборвал и в медведяно ошив, собаками затравил[905]». Нельзя сказать в какой степени справедливо это свидетельство, но, предав казни Леонида, Иоанн поступил согласно правосудию, Леонид был пастырь недостойный, алчный и бессовестный корыстолюбец[906]; следовательно, он вовсе не был смиренником и был достоин наказания.

«Тогда убиен от него, говорит Курбский, Корнилий, игумен печерского монастыря, муж святой и во преподобии мног и славен, и с ним вместе убиен Вассиан Муромцев, ученик его, муж искусный и ученый, во священных писаниях последователь. И глаголют вкупе их в един день мучительским орудием некакпм раздавленных: вкупе и телеса их преподобномученические погребены[907]». В синодике действительно находятся имена Корнилия игумена псково-печерского монастыря и инока Вассиана Муромцева[908]. Нам неизвестна причина, по которой Грозный приказал умертвить Корнилия и Вассиана, неизвестен и род казни, которому они подверглись, а полагаться на свидетельство Курбского нельзя. В этом мы уже несколько раз имели случай убедиться. До нас дошло письмо Курбского к Вассиану старцу псково-печерскому[909]; не к этому ли Вассиану оно было писано, о казни которого рассказывает Курбский? Если к нему, то можно предположить, что он был казнен за эти сношения.

---

904 Чт. в Общ. Ист. и Древн. Рос. г. III, № 9, стр. 232. Летописец Нормантского, стр. 38.

905 Царств. кн. стр. 101.

906 Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 145.

907 Ист. Гос. Рос. т. XII, стр. 190–193.

908 Moscoviae descriplio, p. 34.

909 Повеств. о Рос. т. II, кн. IV, пр. 1891.

«Потом, — говорит Курбский, — Иоанн место великое Иван-града, еже близу моря стоит на реке Нарве, выграбив все сожеши велел. Також во Пскове великом и во иных многих градех многие беды, и нищеты и кровопролития тогда быша, их же по ряду исписати невозможно[910]». Что касается до опустошения Иван-града, то об этом упоминает один только Курбский; но мы знаем достоверно, что Иоанн оставил, возвращаясь из Новгорода в 1571 г., неприкосновенным Псков, не умертвил там ни одного жителя, милостиво обошелся с псковичами и жил в предместье города, дозволив только грабить своим воинам имения некоторых[911], и как можно полагать, самых непокорных в опасных граждан. Таубе и Крузе приписывают спасение Пскова старцу Николе Салову, который, под прикрытием своей юродивости, мог говорить Иоанну смело о его кровопийстве и жестокости и так устрашил царя своими угрозами, что он поспешил в Москву[912]. Можно думать, что Иоанн оставил в покое псковитян потому, что считал пример Новгорода достаточным для их вразумления.

Рассказывая о страданиях Порфирия, игумена Троицкой лавры, Курбский, в виде эпизода, упоминает о смерти Василия Шемякина Северского. «В то самое время, т. е. когда Порфирий был игуменом, — пишет он, — Василий III приказал схватить (как издавна есть обычай князьям московским лить кровь сродных своих убогих ради их стяжаний) сродника своего, князя северского, Василия Шемячича, мужа храброго, который не только защищал Северу, область свою, от татар, но часто нападал и на самую орду крымскую, наводя своими победами страх на крымцев. Этого доблестного мужа Василий, рожденный от чародейцы греческой, приказал оковать тяжкими веригами, а потом вскоре и удавить, вследствие заступничества Порфирия[913]».

Князь Василий Шемякин северский был мужественный воин и верный страж южных пределов России, за что великий

---

[910] Сказ. кн. Курбского, стр. 123.
[911] Полн. Собр. Рус. Лет. III, Псковск. Лет., стр. 300.
[912] Ист. Рос. Гос., № 14, 485.
[913] Сказ. кн. Курбского, стр. 124.

князь дал ему город Путивль. Но зная беспокойный дух Шемякина, зная его надменный характер, Василий не любил его и даже с тайным удовольствием видел непримиримую злобу князей северских Шемякина и Стародубского. Последний доносил, что первый сносится с Сигизмундом и думает изменить России, а Шемякин требовал суда и в августе 1517 г. прибыв в Москву, успел совершенно оправдаться и с новым жалованьем отправился в свою северскую область. В 1523 г. он снова подвергся подозрению. Обнадеженный письменным удостоверением великого князя и митрополита в безопасности, он прибыл в Москву для оправдания и был заключен в темницу, где и умер около 1527 года[914]. Герберштейн уверяет, что Шемячич сносился с Сигизмундом чрез киевского воеводу и что этот последний прислал письмо его к Василию[915]. Если это справедливо, то Василий III имел законную причину заключить князя Шемякина в темницу, но мы все-таки ниоткуда не видим, чтобы он приказал удавить его вследствие ходатайства за него Порфирия. Негодование Порфирия на великого князя за заточение Шемякина не могло быть опасно для Василия III тем более, что митрополит Даниил был на стороне великого князя и одобрял его поступок[916]. В народе Шемячич не мог найти себе сочувствия. Так, когда один лысый шут, по заточении Шемячича, ходил в Москве из улицы в улицу с метлой и кричал: «Время очистить государство от последнего сору» т. е. освободить от последнего удельного князя, то народ смеялся, разгадывая острую притчу[917]. Этот случай показывает, как переменилось расположение умов в народе: несчастная судьба удельного князя возбуждает, вместо сострадания, один смех. Следовательно, при таком положении дел, Василий III не имел ни малейшей нужды в смерти Шемячича, а это, по всей вероятности, догадка изобретения Курбского, для доказательства истины несколько раз высказанного им положения, что «князьям московским издавна обычай есть проливать кровь братьев единоколенных[918]».

---

[914] Сказ. кн. Курбского, стр. 422.
[915] Там же, стр. 290–293.
[916] Там же, стр. 124.
[917] Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 91.
[918] Там же, пр. 298.

Наконец, справедливо ли был обвинен Шемячич в намерении бежать в Литву — нельзя решить. Если мы примем свидетельство Герберштейна за достоверное, то Василий поступил совершенно законно в отношении к этому последнему удельному князю. Заметим, что обстоятельства говорят в пользу свидетельства Герберштейна, если мы только возьмем в расчет негодование большей части бояр на Василия за его стремление к самодержавию, попытки их отъезжать из России в Польшу и совершенное равнодушие к интересам отечества.

Что касается до мучений, которым, по свидетельству Курбского, подвергся Порфирий, игумен Троицкого монастыря, за свое ходатайство о Шемякине, то г. Устрялов в своих примечаниях к сказаниям Курбского, в доказательство достоверности этого свидетельства, приводит слова Карамзина, что Порфирий, прогневав своим ходатайством великого князя, стащил с себя одежду игуменскую и удалился в пустыню на Белоозеро[919]. Но Карамзин, сообщая это известие, цитирует одного Курбского[920]. Итак, г. Устрялов поверяет свидетельство Курбского Курбским же, а подобное доказательство, кажется, еще нисколько не ручается за истину сообщаемого Курбским известия. Скажем только, что мучения, которым подвергнулся Порфирий, изобретены досужей фантазией Курбского, как и смерть святого Германа и архиепископа Пимена. Характер Василия III был таков, что не можем признать справедливым известие Курбского о его жестокости. Если же Порфирий и действительно был лишен сана игумена, то лишен был потому, что вмешивался не в свое дело.

В заключение своей истории «Великого князя московского о делех» сравнением Иоанна с древними мучителями, Курбский старается доказать, что совершенно справедливо называл в своем сочинении мучениками тех, которые были казнены Иоанном, а самого Иоанна мучителем. Эта последняя глава его сочинения замечательна, потому что Курбский здесь собирает все свои силы к обвинению царя, и потому не лишним, кажется, рассказать её содержание.

---

[919] Сказ. кн. Курбского, стр. 127.

[920] Ист. Гос. Рос., т. VII, пр. 252, 253, 255, 259.

«Оканчивая свою историю, — говорит Курбский, — мне нужно похвалить новоизбиенных мучеников и кто, одаренный здравым умом, воспретит эту похвалу. Если кто скажет, что мученики суть те, которые приняли смерть от нечестивых царей за исповедание Христа, то на это отвечу, что и новоизбиенные погибли от руки царя бесчеловечного, который хотя и верует в единого Бога, в троице слав имаго, но и другие мучители веровали в него, а несмотря на то множество мучеников и исповедников предали смерти за Христа.» Так, напр., Фока был христианин, но называется мучителем. Если бы кто-нибудь положил 2 драконов, одного вне, другого внутри, которого бы он старался истребить, конечно, внешнего. Так и цари-идолослужители были внешние драконы и явственные враги церкви Христовой. Но наш новый, не внешний — но внутренний дракон, хотя и не служит идолам, но, во-первых, пополняя волю самого диавола и оставя узкий и прискорбный путь, ведущий в царство небесное, с радостью потек по пути широкому, ведущему к погибели, и мы сами от него несколько раз слышали, во время его развращения: «Едино пред себя взяти, или здешнее, или тамошнее», т. е. или Христов узкий путь или широкий сатаны.

Обезумный и окаянный! Ты забыл царей, прежде тебя царствовавших и в новом, и в ветхом завете и прародителей твоих благочестивых князей русских, забыл, что и сам ты некогда добре царствовал. А ныне, вняв ласкателям, удалил от себя всех добродетельных, собрал около себя полк сатанинский и, называясь сыном церкви, погнал жестоко церковь Божию. Не принуждал ты приносить жертв идолам, но заставлял служить вместе с тобой диаволу, побуждал трезвых погружаться в пьянство. Не нудил ты приносить жертв Крону, но распиливал человеков по составам, заставил Федора Басманова умертвить отца, Никиту Прозоровского брата своего Василия; не пред истуканом Афротиды заставлял ты совершать любодеяние, но отрыгать скверные слова на скверных пирах твоих, не в честь Бахуса пьянствовать, не несколько раз отправлять праздник ему, но целый век и проливал кровь порицающих такой разврат, например, Молчана Митнева, обличавшаго тебя в присутствии всех. Принужденный выпить огромную чашу вина, он велегласно возопил:

«О царю! Воистину яко сим пиешь, так и нас принуждаешь окаянных, мед, с кровию смешанный братий наших, правоверных христиан, пити». Распалясь гневом, ты поразил его копьем своим и кромешникам своим приказал добить его вне палат и, таким образом, омочил помост палаты кровию. Неужели этот знаменитый муж не может назваться мучеником!

Затем, обращаясь к Иоанну, Курбский пишет: «Христианский скажешь царь? Отвечаю, что ты еще православный, но, несмотря на это, пролил кровь христиан и не пощадил самых младенцев. Ты скажешь, что при крещении отрекся диавола, но зная волю Отца небесного, ты делом произвел волю сатанинскую, показал лютость неслыханную, никогда на Руси над церковию не бывшую. Притом, как у древних мучителей были различные орудия мук, так и у нашего сковрады и пещи, бичевание и ногти острые, клещи разженные для торгания телес человеческих, вбивание игол за ногти, резание по составам, претрения вервьми на полы не только мужей, но и жен благородных и т. п. Неужели он не мучитель прелютый!

Окаянные и вселукавые погубники отечества, человекоядцы, доколе будете оправдывать такого чедовеко-растерзатели и бесстудствовать этим? О блаженные и достохвальные мученики, избитые этим внутренним змием, пострадав здесь за вашу добрую совесть, вы, чистые, отошли к Христу Богу восприять мзду трудов ваших! Разве они мало потрудились? Неужели они мало пострадали, не только освободив русскую землю от нахождения варваров; но и покорив её царства бусурманские, расширив пределы её до Каспийского моря, создав там алтари Всевышнему и приведя многих неверных ко Христу.

«Но что и скажу о распространении границ? Служа верно царю, какую мзду распространители получили от него! Неужели Христос, обещавший награду за чашу холодной воды, не украсит их венцами мученическими? Воистину они на облаках небесных пойдут во сретение Христу после первого воскресения, а когда придет с Ангелами своими судить живых и мертвых, тогда, когда, по слову Соломона, станет в дерзновении мнозе праведник пред лицем мучителя, тогда и эти мученики, вместе с древними страстотерпцами, встретят Христа, идущего по воздуху с тьмами Ангелов и будут восхищены на облаках в сретение Господу и там с ним пребудут.

Да сподобит и нас этого Истинный Бог наш, Господь Иисус Христос, слава Ему со безначальным отцем и со пресвятым, благим, животворящим и, святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь[921]». Итак, в этом заключении вполне выразилась вся ненависть Курбского к царю. Он силится доказать, что имеет полное право называть царя мучителем, а избиенных им мучениками. С этой целью он скрыл причину казней большей части лиц, о смерти которых упоминает в своей истории, и действительно казненные Иоанном являются у него умерщвленными без правды. Но, приняв во внимание увещание Иоанна, чтобы дети его не налагали ни на кого опалы из-за одного гнева, но тщательно исследовали прежде вину, а потом уже делали приговор[922], приняв во внимание осуждение Сильвестра и Адашева, и казнь Новгорода и многие другие обстоятельства, мы должны признаться, что Иоанн в действиях своих руководился не произволом, а старался тщательно разузнать действительно ли виновно то или другое лицо. При тщательном рассмотрении дела открывается, что многие казненные Иоанном бояре были преступниками, а, следовательно, заслуживали казни. Наконец, обвинение Грозного в нечестии отзывается неправдой. Кто завещал детям своим пострадать даже до смерти за веру Христову[923], тот не может быть признан нечестивым и безбожником.

На все обвинения, возводимые Курбским на Иоанна, мы должны смотреть как на голос старины, восстающей против нового начала, представителем которого является Грозный. Поэтому и необходимо подробное рассмотрение этого сочинения Курбского, необходимо, с одной стороны, чтобы доказать, что Курбский был действительно приверженец старины, потому что восстаёт против Иоанна IV и Василия отца его, а с другой стороны, чтобы показать, что большая часть преступлений, приписываемых Курбским Иоанну III, Василию III и Иоанну IV, не находят себе подтверждения, что им искажены даже самые факты и потому его сочинением нельзя пользоваться для составления себе верного понятия об Иоанне IV.

---

921 К. М. С. р. 47.
922 Ист. Гос. Рос. т. VII, пр. 257.
923 Там же, т. VII, пр. 254.

III

Рассмотрев «Историю князя великого московского о делех», сочиненную Курбским, перейдем теперь к разбору его переписки с царем и ответных писем этого последнего. Любопытна и в высшей степени замечательна эта переписка: здесь пред нами говорят старая и новая Русь — старая с бытом родовым и новая, проникнутая идеею государства; здесь мы внимаем страстной, пламенной речи двух борцов, старающихся друг другу нанести поражение; оба они раскрывают пред нами, высказывают нам те побуждения, которые руководили их деятельностию, объясняют нам, почему они действовали так, а не иначе. Как тот, так и другой, как Иоанн, так и Курбский верят в истинность своих убеждений, всеми силами стараются доказать ее; оба, в порывах страсти, употребляют эпитеты, к которым любит прибегать в экстренных случаях русский человек; как тот, так и другой блестят своею ученостью, стараются остроумной выходкой низложить друг друга. Но, мы не можем безусловно верить Курбскому, потому что могли убедиться в его неблагонамеренности в отношении к Иоанну. Конечно, и Грозный адвокат своего дела, но в доказательствах, приводимых им для обвинения Курбского, более основательности, речь его дышит истинно-царским достоинством, не таит он своих слабостей, но чистосердечно предает их на суд потомства. Вот краткая характеристика переписки Курбского с Иоанном.

Начав эту переписку, Курбский очевидно имел в виду ту же самую цель, какую преследовал при составлении своей истории Иоаннова царствования: оправдать себя пред судом потомства, показать, что бегство его из России было следствием невозможности служить царю жестокому, безрассудному и неблагодарному. Переписка с Иоанном доставляла Курбскому еще то наслаждение, что он безнаказанно мог оскорблять царя и смеяться над его бессильным гневом. Эта последняя цель видна из самого начала первого послания Курбского к Грозному. «Царю, от Бога препрославленному, — так начинает он свое письмо, — паче же в православии пресветлу явившуся, ныне же, грех ради наших, сопротив сих обретшемуся. Разумеваяй да разумеет, совесть прокаженну имущий, якова же ни в безбожных языцех обретается!.. И больше сего о сем всех по ряду глаголати не допустих моему языку гонения же ради прегорчайшего от дер-

жавы твоея, от многие горести сердца потщуся мало изрещи ти[924]». Объясним эти слова. Первыми выражениями своего письма Курбский, без сомнения, указывает на время Сильвестра и Адашева, когда, по его уверению, Иоанн блистал добродетелью, потому что Сильвестр «кусательными словесы, как уздой, удерживал его страсти[925]», когда в России царствовали мир и благоустройство внутри, когда она славилась и была грозна извне. Но, дела переменились, когда Иоанн удалил от дел сторону Сильвестра; он сделался мучителем своих подданных. Но можем ли мы винить Иоанна в жестокосердии? Если он и является нам иногда уже слишком суровым, то эта суровость, эта жестокость не были ему прирождены, как и всякому другому человеку; она развилась в нем вследствие боярских крамол, ими думал он обуздать непокорный дух своих вельмож, радевших только о собственных выгодах. Следовательно, причина жестокости лежала не в самом Иоанне, и если он сделался кровопийцей, как величает его Курбский, то не потому что перестал слушаться советов Сильвестра и Адашева, но потому что происки этих людей и сторонников их ожесточили его сердце. Далее в начале своего письма Курбский говорит, что Иоанн, по удалении сильвестровой стороны, отступил от православия. На это указывают слова его: «В православии пресветлу явившуюся, ныне же, грех наших ради, сопротив сих обретшемуся». Но это несправедливо: Иоанн всегда был истинным сыном православной церкви, был блюстителем её святых догматов, хранителем чистоты её. Беседа его с Поссевином лучшее доказательство этого. В предсмертном завещании он говорит своим детям: «Веру к Богу тверду и непостыдну держите, и стойте, и научитеся божественных догматов, како веровати, и како Богу угодная творити, и в какове оправдании пред нелицемерным судиею стати: то всего больше знайте, православную христианскую веру держите крепко, за нее страждите крепко и до смерти[926]». Одних этих слов достаточно для доказательства неосновательности выше приведенных слов Курбского: отступник не мог внушать детям подобных правил.

---

[924] Сказ. кн. Курбского, стр. 233.
[925] Там же, пр. 206.
[926] Ист. Гос. Рос. т. VII, пр. 258.

«Прочто, царю!» — продолжает Курбский, — «сильных во Израили побил еси и воевод, от Бога данных ти, различным смертем предал еси? и победоносную, святую кровь их в церквах Божиих и во владыческих торжествах пролиял еси? и мученическими их кровьми Праги церковные обагрил еси? и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханные гонения, и мучения, и смерти умыслил еси, изменами и чародействы и иными неподобными оболгающи православных, и тщася со усердием свет во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили пред тобою, о царю! и чим прогневали тя, христианский предстателю! Не прегордые ли царства разорили и подручных во всем тобе сотворили, мужеством храбрости их, у них же прежде в работе быша праотцы наши? Не претвердые ли грады германские тщанием разума их от Бога тобе даны бысть? Сия ли нам бедным воздал еси, всеродно погубляя нас? Или бессмертен, царю! мнишись? Или не думаешь дать ответа Богу на страшном суде? Он есть Христос мой, седящий на престоле херувимском, одесную Силы владычествия в превысоких, судитель между тобою и мною[927]». Таким образом, Курбский дает понять, что ему неизвестны причины казней Иоанновых. Он не знает, повидимому, никакой вины за вельможами, казненными Грозным, утверждает, будто Иоанн выдумывал, что бояре изменяют ему; он старается представить Иоанна неблагодарным, не ценящим никаких заслуг, воздаюшим за все одной смертью или гнусной клеветой. Нам известно, почему Иоанн казнил вельмож, известно, что он предавал казни государственных преступников, отсекал вредные члены общества: следовательно, он поступал законно, поступал как требовал от него долг государя, попечительного о благе и будущности царства, Богом его врученного. Никого не предал казни, не изыскав вины, не собрав несомненных доказательств, что обвиняемый есть действительно преступник. Так, например, он осудил Сильвестра и Адашева, «изведав вину их»; казнил Новгород, предварительно сделав розыск: действительно ли хотел он отпасть от России. Итак, осмотрительность была отличительной чертой всех действий Иоанна. Эту же осмотрительность

[927] Сказ. кн. Курбского, стр. 142–147.

старался внушить он и детям своим, как видно из его духовного завещания. «А которые лихи, — пишет он, — и выб на тех опалы клали не вскоре, по рассуждению, не яростию[928]». Следовательно, Иоанн дорожил и жизнью, и честью людей, а не находил, как силится доказать Курбский, удовольствия в пролитии человеческой крови. Праги церковные никогда не обагрял Иоанн кровью верных слуг своих, как мы уже видели и как сам он свидетельствует. Да нигде и не говорится об этом. Итак, свидетелем остается один Курбский, постоянно выдумывающий такие ужасы, каких никогда не бывало. По словам его, Иоанн верных слуг своих, душу за него полагающих, обвинял в измене и других низких преступлениях. Что бояре действительно изменяли Иоанну, это доказывает всего лучше сам Курбский своей особой, доказывает пример Бельского, Турунтая Пронского, Мстиславского, Михаила Воротынского, Морозова, доказывает пепел Москвы в 1571 году. Без ошибки можно сказать, что все время правления Грозного было длинной цепью заговоров, к счастью России не удавшихся. Итак, вот чем прогневали царя вельможи, а не победами своими; вот вследствие чего Иоанн сделался жестоким, а не потому что перестал слушаться советов стороны Сильвестра и удалил ее от себя. Но жестокость и гнев его обрушивались на одних крамольников; а на верных слуг он сыпал награды. Следовательно, он опять действовал согласно с долгом, который налагало на него его призвание как правителя народов, как блюстителя блага отечества. Являясь грозой злых, он в то же время завещает детям награждать добрых и верных слуг отечества и государя: «А людей бы есте, которые вам прямо служат жаловали и любили их, от всех берегли, чтобы им изгониши от кого не было, и оне прямее служат[929]». Далее, Курбский приписывает покорение Казани и Астрахани, завоевание большей части Ливонии уму бояр, но это совершенно несправедливо. Покорение Казани было делом Иоанна, совершилось по его мысли; война ливонская велась по идее Иоанна, не одобренной его советниками, и мы видели уже, каково было тщание бояр в этой войне;

---

928 Доп. к Ак. Ист. т. I, № 222.
929 Там же.

Астрахань покорилась без боя. Итак, в самом начале послания своего Курбский старается оклеветать Иоанна, показывая вид, что причины казней, постигших многих из вельмож, не известны ему.

Такое стремление еще сильнее выказывается в следующем месте послания, где Курбский старается показать несправедливость Иоанна в отношении к нему. «Коего зла и гонения от тебя не претерпех, — восклицает он, — и каких бед и напастей на ня не подвигл еси! и коих лжесплетаний презлых на мя не возвел еси! А приключившимися от тебя различныя беды по ряду, за множеством их, не могу ныне изрещи: понеже горестию еще души моея объят бых. Но вкупе все реку конечне: всего лишен бых и от земли Божия туне отогнан бых, аки тобою понужден. Не испросих умиленными глаголы, не умолих тя многослезным рыданием, и не исходатайствовах от тебя никоеяж милости архиерейскими чинами, и воздал еси мне злыя за благия, и за возлюбление мое непримерительную ненависть. В уме моем прилежно смышлях и обличник совестный мой свидетелем на ся поставих, и исках, и зрех мысленне, и обращахся, и не вем себя, и не найдох ни в чем же пред тобою согрешивша[930]». Чтобы еще более доказать свою правоту, Курбский говорит, что он постоянно одерживал победы над врагами, никогда не обращал хребта пред ними, но всегда «одоления преславныя одерживал в честь царя, всегда был вне отечества, мало видел мать свою и жену, Но в чуждых странах претерпевал раны, болезни и нужду; говорит, что хотел было по порядку рассказать все ратные свои подвиги, но оставляет, потому что они лучше известны Богу, да хорошо знает об них и сам царь; объявляет, что Иоанн не увидит ужо до страшнаго суда лица его и грозит, что беспрестанно будет со слезами вопиять на него Пребезначальной Троице, призывать на помощь Богородицу, Всех святых, избранников Божиих и государя своего праотца, князя Феодора Ростиславича[931]». Никто не будет отвергать того, что Курбский был храбрый воин, искусный полководец: мужество и искусство, оказанные им при взятии Казани и в

---

930 Сказ. кн. Курбского, стр. 151.

931 Там же, стр. 230.

битве с крымцами под Тулой, достаточно свидетельствуют это; но не справедливо и то, чтобы он постоянно не сходил с коня, чтобы он «мало зрел рождшие его и не познал жены своей», потому что, как видно из разрядов, он не чаще других воевод был посылаем с войсками против неприятелей; несправедливо и то, чтобы он постоянно одерживал одни победы. Так, мы знаем, например, что он разбит был в битве под Невлем, несмотря на то, что имел под своим начальством многочисленное войско: с 15.000 он не мог разбить 4.000 неприятелей. Курбский говорит, что тщательно испытав свою совесть, он не нашел себя в чем-нибудь виновным пред царем; но он был виновен, потому что действовал заодно со стороной Сильвестра и Адашева; он был виновен потому, что, преследуя её интересы, ослушался повелений царя; он был виновен, наконец, потому, что изменил отечеству. Гонений никаких не терпел он от Иоанна; напротив, мы видим, что Иоанн умел ценить способности Курбского, постоянно возвышал и награждал его, отличал от других и приблизил к себе. Архиерейскими чинами Курбский ни о чем не просил Иоанна, по крайней мере мы не знаем. Курбский утверждает, что он потерпел от Иоанна столько бед и гонений, что не может даже перечесть их; но этих бед было, вероятно, столько, что Курбский не мог указать ни на одну и осталось ему только винить Иоанна в том, что Иоанн всего лишил его и туне отогнал от земли Божия. Но Курбский лишен был именья уже после своей измены, следовательно, на законном основании[932]; а от земли Божия никто не отгонял его; он сам оставил ее, сам продал за богатые владения, за надежду большей независимости в Литве. Итак, виною этой измены был не Грозный, а низкие корыстные расчёты самого Курбского. Таким образом, Курбский забылся здесь до того, что вздумал навязывать Иоанну то, о чем этот последний и не думал. Мало того. Курбский здесь как бы смеется над религией и, клевеща на царя, грозит еще, что будет жаловаться на него Владычице Богородице и праотцу своему Феодору Ростиславичу.

В том же тоне продолжается и далее это письмо. Курбский говорит, что мученики, Иоанном избиенные без правды, во-

[932] Доп. к Ак. Ист. т. I, № 222.

пиют у престола Всевышнего, укоряет царя за поругание ангельского образа, разумея, вероятно, под этим насильственное пострижение в монашество. Далее он обвиняет царя в развратной жизни: «Ласкатели твои, — пишет Курбский, — подвижут тя на Афротидские дела и детьми своими паче Кроновых жрецов действуют[933]». Правда, Грозный предавался чувственным наслаждениям, он не запирался в этом: откровенно сознавался он в своих проступках: «Аз разумом растлен бых, и скотен умом и проразумеванием, — пишет он в своем духовном завещании, — понеже убо самую славу оскверних желанием и мыслию неподобных дел, уста рассуждением убийства и блуда и всякого злого деяния, язык срамословия, и сквернословия, и гнева, и ярости, и невоздержания» и проч.[934] Из этого и из многих других мест мы видим, что Грозный не считал себя, подобно Курбскому, праведником, не хотел скрывать своих недостатков пред потомством; но, с откровенностью, достойной истинно великого человека, сам разоблачал их. Он уверен был, что когда-нибудь да оценит его потомство, и, посмотрев на заслуги его, извинит ему пороки его. Встречая одни только препятствия, одни неудачи, он впал в отчаяние, в крайность. Рожденный с душой пылкой, не выполированной воспитанием, о котором никто не заботился, предавшийся со всем жаром служению отечеству, Иоанн встретил всюду одни неудачи, одно корыстолюбие, один холодный, бесчувственный эгоизм. За что бы ни брался он, ничто не удавалось. Он старался сделать добро, а ему всеми силами препятствовали в этом, ему платили за это злом: «Воздаша ми, — говорит он, — злая за благая, ненависть за возлюбление мое[935]». Само собой понятно, что это растерзало, озлобило его душу; само собой понятно, что он должен был впасть в крайность, должен был ожесточиться. Никто не понял его: «Но что убо сотворю, — исчислив все недостатки свои, говорит он, — понеже Авраам не уведе нас, Исаак не разуме нас и Израиль непозна нас[936]».

---

[933] Сказ. кн. Курбского, стр. 152.
[934] Доп. к Ак. Ист. т. I, № 222.
[935] Там же, т. I, № 222.
[936] Сказ. кн. Курбского, стр. 152–153.

Курбский грозит Иоанну, что письмо свое, омоченное слезами, прикажет положить с собой во гроб и, желая ещё более досадить царю, считавшему всю Ливонию собственностью России, пишет: «Писано в Болмере граде государя моего Августа Жигимонта короля, от него не надеюся пожаловав и утешен быти ото всех скорбей моих милостию его государевою, пачеже Богу ми помогающу[937]». В заключение советует государю удалить от себя синклита своего, рождённого в прелюбодеянии, который клевещет царю «и выгубил многих сильных во израили, аки согласник делом антихрист[938].» По мнению г. Устрялова, Курбский разумеет здесь Феодора Алексеевича Басманова, воина храброго, но ненавистного народу, злейшего опричника[939]. Трудно решить, в какой мере догадка эта справедлива; но, кажется, здесь можно подразумевать не Басманова, а кого-нибудь другого, потому что Курбский называет его рожденным от прелюбодеяния. Да притом были в числе опричников люди, далеко превосходившие Басманова в свирепости, например, Малюта Скуратов.

Вот первое послание Курбского к Иоанну. Оно вот называет Курбского в самом не выгодном свете, представляет нам его человеком, не только не сознававшим своей вины, но и увеличившим тяжесть своего преступленья нераскаянностью. Что Курбский чувствовал себя неправым, на это указывает уже изворотливость его в оправданиях. Он хотел обмануть потомство, очернить ненавистного царя и, уверенный, что Иоанну были хорошо известны все проделки его, как бы в насмешку призывает Бога в свидетели своей правоты.

На это письмо Иоанн отвечал Курбскому пространной грамотой, в которой исчисляет вины бояр, преступления соумышленников Сильвестра, Адашева и Курбского. В этом послании Иоанн вполне выказал тот обширный запас сведений, которыми обладал, выказал вполне ту необыкновенную гибкость своего ума, которой отличался. Вначале Грозный излагает свои права на престол, права неоспоримые, неизменные.

---

[937] Сказ. кн. Курбского, стр. 153–154.

[938] По указу Иоанна III, отъезжики лишались своих отчин как изменники.

[939] Сказ. кн. Курбского, стр. 154.

«Самодержавие наше», — говорит он, — «началось от св. Владимира, великого Владимира Мономаха, Александра Невского и славного Димитрия Донского и дошло до деда моего славного государя Ивана и до отца моего Василия и, наконец, передано и мне смиренному». Таким образом, Грозный кратко вычисляет здесь свою родословную и вычисляет не без цели: потомку ярославских князей, который выставил свое происхождение от Феодора Ростиславича, чтобы показать знаменитость своего рода, этому потомку исчисляет Иоанн своих знаменитых прародителей, прославивших блестящими деяниями и святою жизнью русскую землю, исчисляет с тем, чтобы показать преимущество своего рода. Изложив свою родословную, Иоанн продолжает: «Не восхитихом ни под кем же царства, но Божиим изволением и прородителей своих благословением, якоже родихомся на царствии, тако и возрастахом и воцарихомся Божиим повелением и родителей своих благословением, свое взяхом, а не чюжое восхитихом[940]». Мои предки были, хочет сказать этими словами Грозный, с незапамятных времен верховными государями русской земли, они передали мне это право и, получив от них его, я законно владею престолом, я государь прирожденный, не завоевал себе царства и, как владеющий по праву, для приобретения этого царства не обагрил рук своих в крови единокровных.

Затем Иоанн переходит к изложению сущности своего послания. В ответ на вопрос Курбского, зачем царь погубил сильных во израили, Грозный спрашивает, зачем Курбский погубил душу свою, если считает себя праведником? «Почто, о княже! — пишет Иоанн, — аще мнишися благочестие имети, единородную душу свою отверг еси? Что даси измену на ней в день страшного суда? Аще и весь мир приобрящеши, последи смерть всяко восхитить тя! чесо на теле душу продал еси? Аще убоялся еси смерти, но своих бесех и вышних друзей и назирателей ложному слову? неужели не знал ты, что, преступив крестное целование, они клеветали на меня, подобно эхидне исполнившись яда смертоносна, возъярились на меня». В опровержение слов Курбского, будто царь туне отогнал

[940] Доп. к Ак. Ист., т. I, № 222.

его от земли святой ни во что вменив все заслуги его, Иоанн говорит: «Если бы я преследовал тебя, то ты б к недругу нашему не уехал и утекания тебе сотворити было не возможно. Коли бы мы тебе в том не верили, и мы б тебя в ту свою вотчину не посылали, а ты так собацким своим обычаем измену нам учинил[941]». Положим, продолжает Иоанн, тебе угрожала смерть; зачем же ты, если считает себя благочестивым и праведным, убоялся неповинные смерти, еже несть смерть, но приобретение? Последи всяко умреши же! И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от меня строптивого владыки страдати и венец жизни наследити[942]. Ты же тела ради душу погубил еси, и славы ради мимо текущие нелепотную славу приобрел еси, и не на человека возъярився, но на Бога восстал еси. Могут разумети тамо сущий, разум имущий, твой злобный яд, яко, славы желая мимотекущие и богатства, сие сотворил еси, а не от смерти бегая. Ради привременные славы и сребролюбия и сладости мира сего все свое благочестие душевное с христианскою верою и законом попрал еси. Како же убо ты не с Иудою предателем равно причтеся? Якоже убо он на общего владыку всех, богатства ради возбесился и на убиение предаст со ученики водворяющеся, со Иудеи же веселящеся, тако же убо и ты с нами пребывая и хлеб наш ядяше, на нас злая в сердце собирание. Таколи убо исправил еси крестное целование, еже хотети добро во всем безо всякия хитрости[943]». Действительно, Курбский, как мы уже видели, вовсе не из страха смерти, а из расчёта изменил отечеству. Нет сомнения, что обстоятельства измены Курбского были известны Иоанну, который прямо говорит, что Курбский изменил отечеству из корыстных расчётов, изменил, потому что эту измену счел выгодной для себя.

Указав, что причиной измены Курбского был не страх смерти, а корыстные расчёты, Иоанн говорит, что в том и другом случае Курбский является ослушником воли и заповедей Господних, предписывающих подданным повиноваться

[941] Доп. к Ак. Ист., т. I, № 222.
[942] Там же, т. I, № 222.
[943] Сказ. кн. Курбского, стр. 154.

Государю, доказывает, что бежав из отечества и восстав против царя, восстал на самого Бога, потому что презрел слова апостола Павла: всяка душа владыкам предвладующим да повинуется: никая же бо владычества, яже не от Бога учинена суть; тем же противляйся власти Божию повелению противится. Сие убо речено есть о всякой власти, еже убо кровьми и браньми приемлют власть: разумей же вышереченное яко не восхищением прияхом царство, тем же наипаче противляяся власти Богу противится. И в другом месте говорит апостол Павел: Раби! послушайте господий своих, не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но яко Богу и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за совесть; се бо есть воля Господня, еже благое творяще пострадати[944].

В ответ на укоризну Курбского в неблагодарности и несправедливом гонении Иоанн пишет: «Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова? Еже бо он благочестие свое соблюде и пред царем и пред всем народом при смертных вратех стоя и ради крестного целования тебе не отвержеся, и похваляя всячески за тя умрети тщащеся. Но ты единого ради слова моего гневна, не токмо свою едину душу, но и всех прародителей души погубил еси[945]». Слова эти замечательны: Иоанн ставит потомку удельных князей в пример слугу. Очевидно, что в его глазах, пред его лицом, стали равны все подданные, все должны были одинаково повиноваться ему. Этих уже одних слов достаточно, чтобы понять, как много превосходил Грозный всех современников своих ясностию взгляда: знаменитый родичь в его глазах не есть уже лицо исключительно достойное его внимания, в его глазах все в равной мере подданные. Худородные, отличающиеся заслугами, светлым умом и дарованиями также обращают на себя его внимание, он приближает их к себе, питает к ним доверенность. Подобная идея могла выработаться у Грозного только вследствие ясного сознания идеи государства. Упрекнув Курбского в измене, переходит Грозный к опровержению его послания и при этом случае высказывает свою теорию царской власти, теорию, основанную на опыте, на исторических

---

944 Сказ. кн. Курбского, стр. 155.
945 Там же, стр. 218.

данных, а не на отвлеченном умозрении. Здесь-то щедрою рукою расточает он богатый запас своих исторических и богословских сведений; здесь-то во всем блеске выказывается его искусный, гибкий ум, который своею оборотливостию на каждом шагу поражает противника. С изумительною логикой разбирает Грозный слова Курбского: «совесть прокаженная», «православие пресветлое», «сопротивный разум», «пресветлые победы», опровергает все обвинения Курбского и развертывает пред нами печальную картину боярского своеволия. Рассмотрим это послание.

Приступая к опровержению слов Курбского «прокаженная совесть», Иоанн пишет: «писание твое приято бысть и вразумлено виятельно. И понеже убо положил еси яд аспиден под усты своими, наполнена меда и сота по твоему разуму, горчайше же полыни обретающееся. Тако ли навыкл еси, христианин будучи, христианскому государю подобно служити? и тако ли убо честь подобная воздаяти, от Бога данному владыце, якоже бесовским обычаем, яд отрыгавши»[946]? Святители, продолжает он, написавшие большой свиток нечестивому царю Феофилу, не написали однако таких хулений, какие пишешь ты на меня[947]. Итак, мы видим, какое высокое понятие имел Иоанн о своем царском достоинстве.

«Начало твоего писания», продолжает Иоанн, «яже убо неразумевая написал еси навадское помышляя. Якоже тогда, тако и ныне веруем, верою истинною, Богу живу и истиниу. А еже убо сопротивных разумевая совесть прокаженну имуще се убо навадское помышляеши, не разсуждавши евангельскаго слова. И много слепотствующия твоея злобы не можешь истины видети». Далее он говорит, что Сильвестр злоупотреблял саном священства, обвиняет его, Курбского и единомышленников их в том, что они много раз оскорбляли его. «И сего ради», говорит Иоанн, «еже от юности моея благочестия, бесом подобно колебаете, и еже от Бога державу данную мне от прародителей нациях под свою власть отторгосте: ино се ли совесть прокаженная, яко свое царство в своей руце держати, а работным своим владети не давати? и се ли сопроти-

---

946 Сказ. кн. Курбского, стр. 167.
947 Там же, стр. 168.

вен разуму, еже не хотети работными, своими быти владенну? и се ли православие пресветлое, еже рабы своими обладаему и повеленну быти»? Курбский обвиняет царя в уклонении от истинного пути; в ответ на это Иоанн пишет: «а еже есть малое согрешение, то сие от вашегож соблазна и измены, паче же и человек есмь, а не якоже ты, якоже мнишися быти выше человека со ангелы равен»[948]. Иоанн был прав: все силы употребил он, чтобы быть царем добрым, великодушным, но его не оценили и не поняли. В продолжение всей своей жизни он постоянно встречал одни измены, одно предательство; само собой понятно, что это равнодушие, эта нелюбовь к нему подданных должны были ожесточить его, не мудрено, что он при врожденной пылкости характера, при своей живой, страстной натуре, впал в крайность — сделался жестоким и свое недовольство настоящим, свое опасение за будущность топил в чувственных наслаждениях. Оставленный без призренья в юности, не получивший, за недостатком доброго, любящего руководителя, правильного направления, Иоанн обратился на ложный путь. Но все-таки он не столько виновен в этом, сколько стараются его обвинить: крамольный дух окружавших его заставил его сделаться тем, чем он сделался. Вот как сам он говорит об этом: «аще ли о сем помышлявши, яко церковное предание не тако, и мы гром бытия, что не даю власти попу и сам не дал вам погубить себя, се убо ради вашего лукаваго умышления: понеже мя исторгосте от духовного и покойного жития, и бремя фарисейским обычаем, бедие носимо, на мя наложисте, сами же и ни единым перстом не прикоснустеся, и сего ради церковное предстояще не твердо, ово убо царских правлений, еже вами разрешенны, ово же ваших злолукавых умышлений бегая[949]». На обвинение Курбского в жестокости к вельможам и народу, Грозный отвечает, что иначе и не мог он действовать, потому что бояре «силою народ во след своего пагубного умышления отторгли», а потому он и счел строгость за единственное средство заставить народ повиноваться государю, а не боярам-изменникам[950]. Действительно, бояре успели, как мы

[948] Сказ. кн. Курбского, стр. 168.
[949] Там же, стр. 157.
[950] Там же, стр. 158.

уже заметили, привлечь на свою сторону народ, сообщить ему тот же дух неудовольствия, которым сами были проникнуты и Грозный, видя грозящую государству опасность, ожесточенный противозаконными поступками подданных, пришел к тому заключению, что страх казней есть самое надежное средство для водворения порядка. «Како же сего не мог еси разумети, — говорит он в рассматриваемом нами послании, — яко подобает властелям не зверски ярптися, ниже бессловесно смирятися»? И приведя слова апостола Павла в подтверждение своей мысли говорит: «Видиши ли яко апостол повелевает страхом спасати. Тако же и во благочестивых царей временех много обрящется злейшее мучение. Како же убо по твоему безумному разуму, единако быти царю, а не по настоящему времени»? Грозный полагал, что царство неминуемо погибнет вследствие междоусобия, если он долее будет миловать преступников[951], потому что естественно думать, что преступник не может быть добрым членом общества, а потому общество должно стараться отсекать такие члены, чтобы они не заразили всего государственного тела и не приготовили гибели государства.

Далее Иоанн винит Курбского и сторону Сильвестра в том, что они замышляли гибель его, и «Божий суд восхищающе прежде суда Божия», поносили, осуждали все его распоряжения, не имея на то никакого права; уподобляет страдания, понесённые им в это время, страданиям, претерпенным от бесов святыми угодниками Божиими. «Неужели же я поступил против ума и се ли супротивно явися, — спрашивает Иоанн, — еже вам погубити себя не дал семи? Напротив, ты поступил против разума, против души своей, отвергшись крестного целования ложного ради страха смертного[952]». Действительно, принимая во внимание поступки сильвестровой стороны, мы видим, что Иоанн, удалив ее от себя, не только не поступил вопреки разуму, но и согласно требованиям его, потому что разум внушал ему, какая опасность грозит ему самому и государству от притязаний этой стороны, посредством ясного, светлого ума он мог постичь только к

---

[951] Сказ. кн. Курбского, стр. 207.
[952] Там же, стр. 159–160.

чему стремятся Сильвестр и его сторонники, какая у них задняя мысль.

В послании своем Курбский поставляет на вид Иоанну свои победы и храбрость, но Иоанн доказывает ему, что бранная храбрость ничего не значит, если не сопряжена с повиновением власти и чрезвычайно удачно доказывает свое положение примерами из библейской истории. Он ставит в пример Курбскому Авенира, сына Нирова, который погиб, потому что взял за себя Ресфу, супругу Саула, и, раздраженный противоречием Мемфивосфея, сына Саулова, отступил от дому Саула. «Якож Авенир на подружие посягну господина своего, також убо, и ты от Бога данные грады в села посягая, равно тому бесчестие бесуяся сотворявши». Сравнивает Курбского с Ахитофелом, советовавшим Авессалому на отца злое. Но одного старца умом совет его рассыпася и весь Израиль побежден бысть малейшими людьми. Он же удавления конец обрете. Указывает на пример Иеровоама, сына Наватова, возмутившего десять колен израильских против законного царя. Хотя Иеровоам и успел основать независимое царство, но оно не могло существовать и погибло, между тем как царство Иудино долго еще оставалось в целости[953].

В своем послании Курбский называет мучениками казненных Иоанном. «Какож не стыдися злодеев мученики нарицати, не рассуждая, за что кто пострадает?» — отвечает ему Иоанн и словами апостолов Павла и Петра и учешем отцев церкви — Златоустого и Афанасия доказывает, что мучениками могут назваться только гонимые за веру[954], «а мучеников в сие время за веру у нас нет[955]», говорит он, а если казнены то один преступники, что, следовательно, этого нельзя ставить в укоризну, потому что при этом случае он только пополняет долг свой. «Так, — продолжает он, — Константин великий родного сына царствия ради убил; князь Феодор Ростиславич, твой предок, сколько крови пролил в Смоленске на св. пасху; но все-таки, как тот, так и другой причислены к лику святых. Так и Давид, иже обретеся Богу

---

[953] Сказ. кн. Курбского, стр. 159, 160, 169.
[954] Там же, стр. 159–160.
[955] Там же, стр. 161.

по сердцу и хотению, когда не приняли его в Иерусалиме, повелел, да всяк убивает Усеина и хромые и слепые и ненавидящих души Давидовы. Вот, видит, то и такой добрый царь показал гнев свой на подданных, или убо нынешние изменники не равно сим злобу сотвориша? Наипаче же злейше царя, Богом данного, на царстве у них родившегося отвергли, преступив крестное целование, и елико возмогоша злая сотвориша, всячески словом и делом, и тайными умышлении, и чесому убо они сих не подобнее злейшим казням? «Но ты скажешь, может быть, — продолжает Иоанн, — преступление тех явно, а наше неизвестно. Посему убо злейший есть ваш злобесный обычай, — яко человеком видимо есть доброхотство и служба, а от сердец ваших исходят помышления и злодеяния, пагуба смертная и разорение, усты своими убо благословляете, сердцем своим клянете[956]». Как нельзя лучше охарактеризовал этими последними словами Иоанн Сильвестра и его сторону. Действительно, на языке у них всегда была любовь к отечеству, всегда толковали они о благочестии, а делали другое. Так Курбский тоскует об отечестве, называет его землею Божиею, святой и в то же время с огнем и мечом идет на эту Божию землю, порицает изменников и в то же время изменил сам, порицает корыстолюбие, а сам из корыстных расчётов бежал в Польшу, укоряет Иоанна в нарушении уставов церкви, а сам, при втором браке в Литве, нарушил их и постоянно злоупотреблял религией.

Объяснив, что его казни были вызваны необходимостью, Иоанн доказывает, что верховная власть в государстве должна принадлежать исключительно царю, а не делиться между многими. К такому убеждению он пришел опять не путем чистого умозрения, но путем опыта, соображением исторических данных. «Или мниши сие быти светлость благочестивая, — говорит он, — еже обладатися царству от попа невежи, от злодейственных, изменных человек, и царю повелеваему быти? И сие ли супротивно разуму и совесть прокаженна, еже невежу взустити от Бога данному царю воцаритися? Нигде же убо обрящеши, иже не разорвтися царству, еже от попов владому? Ты же убо почто

[956] Сказ. кн. Курбского, стр. 161.

ревнуеши? Иже во Грецех, царствие погубивших и Туркам повинувшихся? Сию убо погибель и нам советуеши? И сия убо погибель на твою главу паче да будет! Или убо сие светло, попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царствия честию почтенну быти, властию же ни чим же лучши быти раба? А се ли тьма яко царю содержати повеленная? Како же и самодержец наречется, аще не сам строит[957]»? Таким образом, совершенно противоположно Курбскому, Иоанн составил себе понятие о царской власти, как о таком начале, таком элементе в государстве, который служит источником всех учреждений, от которого все должно зависеть и который может отдавать отчет только Богу, потому что над этой силой нет ни судии, ни властеля, а Курбский требует, чтобы царь был только главой и во всем слушался своих советников.

«Речеши убо, — продолжает Иоанн, — яко едино слово обращая сем о вам опишу? Понеже бо есть вина всем делам вашим злобесного умышления, понеже с попом положи сте совет, дабы аз словом был государь, а вы б с попом владели: сего ради вся сия сключишася, понеже и до днесь не престаете умышляюще советы злые». За тем исторически доказывает Иоанн, что правление и власть должны быть в руках одного, а отнюдь не многих. «Так, — говорит он, — при исходе израильтян из работы египетской Бог поставил над ними владетелем одного Моисея, а не многих рядников. А брату его, Аарону, повелел только священнодействовать, не вступаясь в управление. Но когда Аарон сотвори людские строи, тогда и от Бога люди отведе. Так Дафан и Авирон, вздумав похитить власть, погибли сами и едва не погубили израильтян. По смерти Моисея, — говорит он, — бысть судия Израилю Иисус Навин, священник же Елеазар». Потом далее пишет, что израильтяне побеждали, пока управляли ими судии, а когда Илья жрец взял на себя и священство и царство, то израильтяне были в угнетении до царя Давида. «Так было в ветхом завете; в римском же царстве и в новой благодати и в греческом же, по вашему злобесного хотения разуму, случися. Август обладал всею вселенною даже до Иерские державы и это продолжалось до первого во благочестии и великого

---

[957] Сказ. кн. Курбского, стр. 210.

Константина Влафла (Флавия). Когда же, после его смерти, дети разделали между собой империю, то она устремилась к упадку. В царство Маркиана восстали в Италии многие местоблюстители, а в царство Льва великого Африкой овладел Зинзирих (Гейзерих) и вследствие такого раздробления империя ослабела и соседние народы отрывали у нее одну провинцию за другую и греки, которые прежде сами сбирали дань, в царствование Алексея Дуки Мурцуфла были покорены фрягами. Михаил Палеолог изгнал латинцев из Царя-града и опять восстановил независимость византийской империи, но при царе Константине Дрогмас (Драгазес) Магомет уничтожил греческую власть, и империя погибла, как дым, развеянный ветром». После этих, удивительно логических доказательств, приведённых в подтверждение той мысли, что царство не может существовать, как скоро власть будет разделена между многими лицами, не будет сосредоточена в одних руках, Иоанн говорит Курбскому: «Смотри же убо се и разумей, каково правление составляется в разных началех и властех, и понеже убо тамо царие послушны биша апархом и сигклитом, и в какову погибель приидоша! Сия ли убо нам советуеши, еже к такове погибели прийти»! Положив различие между святительской и царской властью, Иоанн доказывает, что та и другая имеют совершенно различные сферы действия, что та и другая имеют совершенно иные средства и дух и потом прибавляет, что власти святительской не должно вмешиваться в дела мирские, особенно же в дела по управлению царством. «К сему же пророк рече, — прибавляет он, — горе дому им же домом жена обладает; горе граду им же мнози обладают. Внидиши ли яко подобно женскому безумию многих владение: аще не под единою властию будут, аще и крепки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумию подобно есть[958]». Все эти доказательства, предложенные Иоанном в подтверждение своей мысли, и в высшей степени логичны и неоспоримы. Это-то ясное сознание, эта разумность действий и опровергает слова Курбского, что у Иоанна был «сопротивный разум».

Изложив сейчас приведенные нами доводы, Грозный спрашивает Курбского: «Како же убо доброхотных сих из-

---

[958] Сказ. кн. Курбского, стр. 161–162.

менников нарицаеши? Яко же убо во Израилии, еже со Авимелехом от жены Гедеоновы, сиречь наложницы, с нею согласившеся и лесть сокрывше, в один день избита семдесять Сынов Гедеоновых, еже убо от законных ясен ему быта, и воцариша Авимелеха: такоя еде убо и вы собацким своим, изменами обычаем хотесте во царствии царей достойных истребити, и аще не от наложницы и от царствия расстоящася колена хотесте воцарити и се ли убо доброхотны есте и душу за мя полагаете, еже, подобно Ироду, ссущего млеко младенца, смертию пагубною хотесте света сего лишити, чужого же царствия воцарствити. Се ли убо за мя душу полагаете и доброхотствуете[959]!» Здесь Иоанн, без сомнения, говорит о намерении бояр возвести на престол Владимира Андреевича Старицкого мимо Димитрия, которому принадлежал престол по праву.

Курбский говорит, что Иоанн потому сделался жестоким, что род его был искони кровопийственный; со своей стороны Иоанн утверждает, что измена Курбского нисколько не удивительна, потому что произошел он из рода изменников. «Язвы скосте от прародителей своих измену чинити, якоже дед твой князь Михайло Карамыш со князем Андреем Углецким на деда нашего великого государя Ивана умышляли изменные обычаи, такожде и отец твой князь Михайло с Великим князем Дмитрием внуком на отца нашего, блаженной памяти великого государя Василия многие пагубные смерти умышляли, тако же и мати твоея дед Василий и Иван Тучко, многая поносная и укоризненная словеса деду нашему великому государю Ивану наносили, тако же и дед твой Михайло Тучков на преставление матери нашей великия царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече, — и понесе еси рождение исчадия ехидного, посему тако и яд отрыгавши. А отцу твоему, князю Михаилу гонения зело много да и убожества, а измены такой, что ты, не учинил[960]». В этом заявлении Грозного, что предки Курбского не были верными слугами, не отличались покорностью воле московских государей, нет ничего неправдоподобного, и мы не имеем ни малейшего права

[959] Сказ. кн. Курбского, стр. 168.
[960] Там же, стр. 163.

отвергать действительность актов, приводимых Грозным в подтверждение своих слов. Не можем отвергать мы этих актов, во-первых, потому что Иоанну не было никакой нужды выдумывать небывалых преступлений, во 2-х, потому что все другие преступления, приписываемые им Курбскому и боярам, существовали действительно, наконец, в-третьих, потому что предки Курбского происходили от независимых князей, от того же Рюрикова рода, от которого пошли и московские князья. Это сознание единства происхождения не выходило из головы удельных и естественно, что они вовсе не были расположены стать в такие отношения к московским князьям, в какие хотели их поставить Иоанн III и сын его Василий; напротив, они полагали, что имеют полное право на власть и участие в управлении. Да и свежо было еще предание, когда предки их были самостоятельными отчичами и дедичами, полноправными господами своих владений. Московские князья сокрушили их независимость и так как в человеке является обыкновенно ненависть ко всякому насилию, ненависть, переходящая на виновников его, точно так же и они должны были ненавидеть московских государей, лишивших их самостоятельности и, мало этого, старавшихся еще поставить их в простое отношение подданных и слуг. Из этой ненависти родилась измена, родилось противоречие воле московских князей, с которыми потомки удельных не могли иметь никаких общих интересов, потому что интересы первых были таковы, что, содействуя им, последние должны были потерять все свои преимущества. Нет сомнения, что предки Курбского разделяли этот общий дух не удовольствия, а потому неудивительно, что, подобно прочим, они не были ревностными слугами московских князей.

На вопрос Курбского, зачем погублены сильные во Израили, за чем воевод от Бога данных различными смертями царь поморил и святую, победоносную кровь их в церквах разлиял, на доброхотных своих воздвиг разные гонения, выдумывал гнусные клеветы, Иоанн отвечает, что не знает, кто сильный во Израили и не побил сильных и не знает. «Земля строится, — говорит он, — Божиим милосердием и пречистыя Богородицы милостью, и всех святых молитвами и родителей наших благословением, и последи нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже имати и стратиги. И еже воевод

своих различными смертьми растерзали есмя: а Божиею помощию имеем у себя воевод множество, опричь вас изменников. А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны ж есмя». «Крови в церквах, — продолжает он, — я не проливал, а стараюсь украшать их и ничего не жалею для их благолепия[961]». Это оправдание Иоанна должно иметь надлежащий вес и цену, потому что лучше верить царю, который не скрывает своих недостатков, нежели изменнику, который бессовестно клевещет на своего государя. Да притом должно еще заметить, что, кроме Курбского, никто не свидетельствует, чтобы Иоанн осквернял церкви убийством.

«Доброхотных своих, — пишет далее Грозный, — я не казнил и не казню, а награждаю их за верную службу и если казню, то одних изменников, которых нигде не милуют[962]». В самом деле, в завещании своем детям Иоанн поставляет им за непременное правило: награждать верных слуг и таким образом еще более привязывать их к себе и предохранять их от обид[963].

«Мук и смертей многообразных я ни на кого не умышлял», — говорит Иоанн, — «а еже об измене и чародействе воспомянул еси, то таких собак везде казнят». «Но я не изобретаю их преступлений, не облыгаю их и если я облыгаю, кто же другой объявит правду? Ино-то изменниче! Они сотворят! Обличение несть им! По твоему злобесному умышлению, чесо ради нам сих облыгати? Власти ли своих работных желая, или рубища их худа, или коли бы их насыщатися? Како у кого? Не смеху ли подлежит твой разум[964]?» Истиннее, вернее этого взгляда нельзя и сделать на власть царя: царь, по понятию Иоанна, есть источник истины и света, он выше всякой лжи, у него не может быть пристрастья, он воздает каждому должное и суд его неподкупен и нелицеприятен. Взяв во внимание такое высокое понятие о власти и достоинстве монарха, можно ли подумать, чтобы Иоанн унизился до степени лжеца. Он говорит, что волен жаловать и казнить своих холопей, за чем же ему облыгать их изменами? Ложь рождается из страха наказанья, кто же мог наказать Иоанна, кто, кроме

[961] Сказ. кн. Курбского, стр. 167.
[962] Там же, стр. 163–164.
[963] Там же, стр. 165–166.
[964] Там же, стр. 167.

Бога, мог судить его? Да и зачем ему бы до облыгать подданных изменами, когда сами подданные сознавались в них[965]?

Потом, для доказательства слов своих: «И какова злая от вас не пострадах от юности далее и доныне,» — сказанных им в начале своего послания, Иоанн переходит к изложению преступлений бояр. «Когда, по воле Божией, — пишет он, — отец наш великий князь Василий, переменив порфиру на монашеское одеяние, скончался, я остался трех лет, а брат мой святопочивший Георгий, одного году, родительнице же нашей благочестивей царице Елене в сицевом бедна вдовстве оставльше, якоже в пленении отвсюду пребывающе, ово убо иноплеменных язык, от круг приседящих брали непримирительные приемлюще ото всех язык: литаонска, и поляков, и Перекопа, и от Читар-хана, и Нагай, и Казани, овож от вас изменников, беды и скорби приемлюще, якоже подобно тебе, бешеной собаке, князь Семен Бельский, да Иван Лятцкой оттекоша в Литву и тамо скакаше бесящеся и в Царь-град и в Крым, и в Нагаи и отвсюду на православие рати воздвигающе; но ничтож успеша[966]». В этих словах Иоанна столько истины, что не нужно и доказывать её. Действительно все время правления Елены протекло в войнах с крымцами, казанцами, литовцами. Но эти войны были счастливы для России и нисколько не унизили славы нашего оружия. Что касается до измены Симеона Бельского и окольничего Ивана Лятского, то мы знаем, что не довольные распоряжениями правительницы, они бежали из Серпухова в Литву, в августе 7042/1534 года[967]. Первым делом изменников было то, что, вооружив короля Сигизмунда Августа против России, они выступили против отечества под королевскими знаменами; но когда русские своими победами показали Сигизмунду, что он не в силах бороться с Россией, и он начал изъявлять холодность к изменникам; то, в феврале 1536 года, Симеон Бельский с досадой уехал в Константинополь и целью этой поездки было вооружить султана и Крым против России. По внушениям Бельского, Султан дал повеление пашам и Сапп-

---

[965] Сказ. кн. Курбского, стр. 168.
[966] Там же, стр. 168.
[967] Там же, стр. 171–172.

Гирею собирать войско, которое, вместе с Бельским, должно было выступить против России, как извещал Иоанна Ислам Гирей, свергнувший Сапп-Гирея. Желая в то же время усыпить правительницу, Бельский в письме к ней изъявлял раскаяние, просил опасной грамоты на проезд в Москву; а по смерти Елены, сам повел крымцев против отечества, когда, наконец, удалось ему убедить хана воевать Россию. Но нашествие это, бывшее в 1541 году, окончилось, вопреки ожиданию изменника, пораженьем хана[968].

«Так же потом дядю нашего, — продолжает Иоанн, — изменники на нас подъяша и с теми изменники пошел было к Новуграду (ино которых хвалиши доброхотных нам и душу за нас полагающих называешь!) и се в те поры были от нас отступили, а к дяде нашему князю Андрею приложилися, а в головах твой брат князь Иван, княжь Семенов, сын княжа Петрова Львова Романовича, и иные многие; и тако с Божиею помощью тот совет не сотворися. Ино то ли тех доброхотство, которых ты хвалишь? И тако ли душу свою за нас полагают, еже нас хотели погубити, а дядю нашего воцарити[969]?» Вот как рассказывает это событие летописец: «7045 года, по диаволю действу и лихих людей возмущению, учиниша великого князя замятию, начаша вадити великому князю и его матери великой княгине, на князя Андрея, что князь Андрей на великаго князя и на его матерь, великую княгиню гнев держит, что ему вотчины не придали; и хочет бежати, и князю Андрею сказывают на великую княгиню, что хотят его поймати». Летописи говорят далее, что, по духовному завещанию покойного великого князя братья его должны были получить отчины, но Елена не дала Андрею ничего кроме кубков и других вещей и что потому, отъехав в Старицу, «начал он гнев держати на великого князя и на его матерь». Хотя Елена и Андрей и заверяли друг друга, что не имеют никаких неприязненных намерений; но недоверчивость господствовала между ними и, услышав снова о намерении правительницы схватить его, Андрей собрал дружину, двинулся с ней к Новгороду, намереваясь овладеть этим городом,

---

968 Сказ. кн. Курбского, стр. 171–178.
969 Там же, стр. 178.

разослал к детям боярским грамоты, в которых объявлял, что «князь великий мал, а держат государство бояре, а вам чесого дослужити, а я вас рад жаловати». И многие дети боярские приехали к нему служить. Но деятельные меры правительницы уничтожили замысел Андрея в самом начале: Андрей должен был сдаться Телепневу на честное слово и, по прибытии в Москву, был посажен, со всем семейством, в темницу, где и умер[970]. Что касается до участия в этом восстании князя Львова, то это очень естественно: без сомнения, Львову было выгоднее служить Андрею Старицкому, с торжеством которого возвращался старый порядок вещей, нежели Иоанну и правительнице, следовавшей системе ненавистного боярам Василия III.

Обращая внимание преимущественно на слова Курбского «доброхотная служба», Грозный говорит, что бояре, по доброхотству своему, изменным обычаем начали предавать врагам русские области: так предали литовцам Радогощ, Стародуб и Гомель[971]. Действительно, в 1535 году, Оболенский Щетин предал литовцам Гомель, но Стародуб был взят после упорного сопротивления воеводы князя Феодора Овчины[972].

Далее Грозный говорит о смерти своей матери; рассказывает, что после неё остался 8 лет, а брат его Георгий 5; что бояре, видя их малолетство, забыли совесть и страх Божий. «Мне же», — говорит Грозный, — «осьмому лету от рождения тогда преходящу, подвластным нашим хотение свое улучившим, еже царство без владетеля обретоша, нас убо, государей своих никакого промышления добротного не сподобиша, сами премесишася богатству и славе, и тако скачаша друг на друга. И елико сотвориша! Колико бояр и доброхотных отца нашего избиша! и дворы и села и имения дядь наших восхитиша себе и водворишася в нихъ! и казну матери нашея перенесли в большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще; а иное ж себе разъяша: а дед твой Михайло Тучков то сотворил»[973]. Вот что читаем мы о своеволии бояр в лето-

[970] Сказ. кн. Курбского, стр. 178.
[971] Там же, стр. 179.
[972] Там же, стр. 180.
[973] Там же, стр. 185.

писи: «тогда (по смерти Василия) князем, и бояром, и вельможам, и судиям градским самоволием объятым и в безстраши живущим и не право судящим, но по мзде, и насильствующим людем и никого же боящимся, понеже бо великий князь бе юн, и ниже страха имущим и небрегущим от сопостат российския земли. Тамо бо языцы погании христиан губяху и воеваху, здеже боляре и воеводы мздами, и налогами, и велики продажами христиан губяху. Такожде и обычные дворяне и дети боярские, такожде и рабы их творяху, на господий своих зряще. Тогда же во градех и в селех неправда умножися, и восхищения, и обиды, и татьбы, и разбои умножишася, убийства и грабления многа, и во всей земле бяше слезы и рыдание и вопль мног»[974]. То же говорит о состоянии России в это время Петр Фрязин, бежавший в Ливонию[975]. Постом, Иоанн говорит о своеволии Шуйских, освободивших из заточения и присоединивших к своей партии всех недоброжелателей отца его и матери и прибавляет, что князь Василий Шуйской умертвил, на дворе князя Андрея Старицкого, ближнего дьяка Феодора Мишурина, заточил Ивана Федоровича Бельского, а Даниила митрополита сверг с митрополии и начал самовластвовать как государь[976]. Считаем излишним приводить свидетельства летописей и актов в подтверждение этих слов Иоанна, потому что самовластие и противозаконные поступки Шуйского так известны, что подтверждение вовсе не нужно. Затем Иоанн изображает свое воспитание и своеволие бояр во время его малолетства; «нас же со единородным братом, святопочившим Георгием, питати начата яко иностранных или яко убожайшую чадь. Якова ж пострадах во одеянии и, во алкании! во всем бо сем воли несть, но вся не по своей воле и не по времени юности. Едино воспомяну: нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский седит на лавке, локтем опершись отца нашего о постелю, ногу положив; к нам же не приклоняйся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабскоеж ниже начало обретеся: и таковая гордыня кто может понести!

[974] Сказ. кн. Курбского, стр. 258.
[975] Никон. Лет., т. VII, стр. 42.
[976] Сказ. кн. Курбского, стр. 187.

Какож исчести таковыя бедне страдания многая, яже в юности пострадах! многажды поздо ядох не по своей воле! Что же убо о казне родительскаго ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детем боярским жалованье, а все у них поймаща во мздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну деда и отца нашего безчисленную себе поймаша; и тако в той нашей казне вековавши себе сосуды злати и сребряни и имена на них родителей своих надписаша, будто их родительское стяжание, а всем людем ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояр зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было сосуды ковати, ино лучше бы щуба переменити, да во излишнем сосуды ковати. Чтож о казне дядь наших и глаголати? все себе восхитиша! Иосем на грады и села наскочшииа, и тако горчайшим мучением многоразличныя беды, имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующим же им напасти, кто может исчести? Подвластных же всех аки рабы себе сотвориша, свояж рабы, аки вельможа, устроиша; правити же мнящесь и строити, и вместо сего неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмерную от всяких избирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще[977]». Это место послания Иоаннова, так поразительно выказывающее небрежение о нем воспитателей, беззаконное корыстолюбие Шуйских, далеко от преувеличения; оно подтверждается приведенным уже нами сказанием казанской гистории, свидетельствами псковской летописи и самого Курбского[978], а наконец, словами Иоанна, сказанными на лобном месте, в 1569 году, митрополиту: «Аз, владыко! И сам ты веса, яко аз остался отца своего четырех лет, а матери осьми лет. Родители о мне небрегоша, а сильные мои бояре и вельможи о мне нерадеша, и самовластии быша, и сами себе саны и чести похитиша моим именем, им же несть возбраняющего, и во многие корысти и в хищении, и в обиды упражняхуся[979]».

«Не желая долее быть под рабскою властию, — говорит Иоанн, — я отослал от себя Ивана Васильевича Шуйского,

---

[977] Доп. к Ак. Ист т. I, № 222.
[978] Сказ. кн. Курбского, стр. 180.
[979] Например, Мстиславский.

а у себя велел быть Ивану Федоровичу Бельскому. Но Иван Шуйский, собрав около себя партию и приведя ее к присяге, силою сверг Бельского и многих других бояр и дворян схватили Иван Кубенский и другие советники Шуйского и, сослав на Белоозеро, умертвили, свергли с митрополии и митрополита Иоасафа». Затем рассказывает Иоанн, как Шуйский вытолкал из столовой палаты Семена Федоровича Воронцова, рассказывает, как послал митрополита и бояр Морозовых ходатайствовать пред Шуйским, чтобы была оставлена Воронцову жизнь, как бояре едва послушались его слов, изорвали на митрополите мантию, а Морозовых бесчестно толкали. «Ино толи их доброхотство, — спрашивает Иоанн, — что бояр наших, угодных нам, супротивяся нам, велели их переимати, и побили и различными муками и гонении мучили? То тако ли они душу свою за государей своих полагают, что к нашему государству ратьми приходити и пред нами июдейским сонмищем бояр имати, и с нами, государи, холопу ссылатися? То ли к нам прямая их служба[980]?» Весь этот рассказ Иоанна о своеволии Шуйских совершенно согласен с известиями, сообщенными нам об этом летописями.

«Егда ж достигохом лета пятогонадесять возраста нашего», — продолжает Иоанн, — «тогда Богом наставляеми, сами яхомся царство свое строити, и за помощию всесильного Бога начася строитися царство наше мирно и не мятежно по воле нашей[981].» Очевидно, что Иоанн начало своего собственного управления государством считает с того времени, когда был казнен Андрей Шуйский; а казнь этого вельможи последовала в 1543 году, следовательно, когда Иоанну было 13 лет. Г. Устрялов недоумевает, в чем состояло мирное и немятежное правление государством и, в опровержение Иоанновых слов, приводит сказание современников об образе жизни Иоанновой в это время и сказание о суде семидесяти псковских челобитчиков[982]. По нашему мнению, в словах Иоанна нет ничего, подлежащего опровержению: все неустройства и крамолы в государстве проистекали от боярского своеволия,

---

980 Сказ. кн. Курбского, стр. 180–181.

981 Лет. Нормантского, стр. 30.

982 Ист. Гос. Рос., т. VIII, стр. 37–44.

непризнававшего никакой другой власти кроме своих страстей, не обращавшего никакого внимания на требования и повеления Иоанна. Казнью Шуйского, в 1545 году, Иоанн устрашил бояр и с этого времени «они начали иметь к нему страх и послушание[983]...» они увидели, что Иоанн вступает в свои права и строгость, им обнаруженная, побудила их быть осторожнее, прекратить свои насилия, по крайней мере, не притеснять народ явно. Мятежничать они не дерзали уже более, устрашаемые примером строгости, показанной Иоанном над Шуйским и другими крамольниками. Вот что разумеет Иоанн, без сомнения, под немятежным управлением государством.

Описав московский пожар 1547 года, заговор бояр и возмущение черни, Иоанн переходит к описанию поступков Сильвестра и Адашева. «До того же времени бывшу сему собаке Алексею», пишет он, «вашему начальнику, в нашего царствия дворе, в юности нашей, невем каким обычаем, из батожников водворившуся, нам же такия измены от вельмож своих видевше, и тако взяв его от гноища и учиних с вельможами, чающе от него прямыя службы»[984]. Адашев долго не имел при дворе значительного сана и только в 1555 году возведен был в окольничие[985], но пользовался, вероятно, большою доверенностью Иоанна, потому что имел на себе сан постельничего[986]. Видя со стороны бояр один эгоизм, не встречая в них ни малейшего сочувствия государственным интересам, Иоанн начал возвышать из ничтожества людей незнатных, полагая, что они, не связанные с аристократическими родами никакими общими интересами, будут ревностнее хлопотать о благе государства. Этим объясняется быстрое возвышение Адашева и та доверенность, которую питал к нему Иоанн, Вполне выказывается та цель, которую преследовал Иоанн, возвышая Адашева в следующих достопримечательных словах, сказанных им Адашеву: «Алексие!

[983] Сказ. кн. Курбского, стр. 182.
[984] Сказ. кн. Курб., стр. 189
[985] Рус. Ист. Сб. т. II, стр. 65–66.
[986] Сказания кн. Курбского, стр. 190.

взял я тебя от нищих и от самых молодых людей, слышах о твоих добрых делах, и ныне взысках тебя выше меры твоей, ради помощи души моей; хотя и твоего желания на сие нет, но обаче аз возжелах не токмо тебя, но и иных таких, хтоб печаль мою утолил и на люди моя, Богом врученные мне, призрел. Вручаю тебе челобитныя приимати у бедных и обидимых и назирати их с разсмотрением. Да не убоишися сильных и славных, восхитивших чести на ся и своим насилием бедных и немощных погубляющих; ни верити беднаго слезам ложным, клеветающим на богатых, хотящим ложными слезами неправедно оболгати и правыми быти; но вся испытно разсмотряти и к нам истину приносили, бояся суда Божия»[987]. Не одного Адашева избрал Иоанн в помощь душе своей: истерзанная, озлобленная, нуждалась она в мире и успокоении и вот «совета ради духовнаго и спасения ради души своея», говорит Иоанн, «приях попа Сильвестра, и чая того, что он, предстояния ради у престола Владычня побережет души своей»[988]. Но что же вышло? «Поправ священные обеты и хиротонию», Сильвестр начал лукавствовать; сначала он действовал согласно учению Св. Писания, «а мне видевшу», говорит Иоанн, «в божественном писании, како подобает наставником благим покарятися без всякаго разсуждения и ему, совета ради духовнаго, повинухся в колебании и не видении, он же восхитися властию, якоже Илия жрец, нача совокуплятися в дружбу подобно мирским». Потом Иоанн пишет, что на соборе, созванном им в 1549 году, он простил всех прежних преступников, оскорблявших его и грабивших, во время его малолетства, государство, всем им отдал вины их, обещавшись впредь и не вспоминать об этом и начал править, как государь благий и добрый. Но не тронуло это крамольников: Сильвестр сдружился с Алексеем Адашевым, и, считая Иоанна неразумным и недальновидным, начали они советоваться тайно от царя и притом вместо духовного о мирском, поощрять бояр к сопротивлению царской воле, ограничивая верховную власть и равняя бояр едва не с

---

987 Сказ. кн. Курбского, стр. 199.

988 Там же, стр. 190.

царем[989]. Благодаря доверенности Иоанна, Сильвестр действительно успел захватить в свои руки огромную власть, приобрести громадное влияние на дела[990]. Само собой понятно, что такой вес, такое значение внушили Сильвестру желание значить в государстве еще более. Как новогородец, он тяготел к старине и, естественно, сочувствовал тем же интересам, которые преследовали и боярские роды. Соединился он с Адашевым и, забыв благодеяния Иоанна, стал против него. Но стоять уединенно не могли Сильвестр и Адашев: для успешного действования им нужно было собрать около себя партию, и они примкнули к партии московской, с которой соединились и прожившиеся удельные[991]. Кроме того, им нужно было выгодами привязать к себе своих сторонников. И вот, по словам Иоанна, раздали они детям боярским поместья, а боярам города и села, несмотря на то, что, по указу Иоанна III, они не могли быть отчуждаемы в частную собственность. Само собой понятно, что, показав такими наградами свою силу, Сильвестр и Адашев заставили награжденных всеми силами привязаться к ним, быть в их воле, в ожидании дальнейших выгод.

Продолжая обвинять Сильвестра и его сторону, Иоанн говорит, что они дали сан советника единомышленнику своему Дмитрию Курлятеву; заместили все должности своими приверженцами; под предлогом совета духовного и спасения души, сняли с Иоанна власть, данную ему прародителями; делали все самовольно, не спрашиваясь согласия и позволения государя; отвергали все мнения его, принимая только свои и своих сторонников, хотя бы эти мнения были противны здравому смыслу; стесняли царя в образе жизни; не дозволяли ему противоречить своим советникам; преследовали тех, которые были верны ему, награждали тех, которые осмеливались противиться его воле и, вследствие этого, зло росло день ото дня, а спокойствие исчезало. «Итако убо сим бывающим: мняще убо, яко дивные ради пользы сицевыми утешения творят нам, а не лукавства ради[992]». Зная, что все,

---

[989] Сказ. кн. Курбского, стр. 190–194.
[990] Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос. т. III, № 9, стр. 230–233.
[991] Сказ. кн. Курбского, стр. 182.
[992] Лет. Нормантского, стр. 34.

прежде сказанное Иоанном против бояр, справедливо, мы не можем отвергнуть и сейчас приведенных его слов: во-первых, потому что сам Курбский рассказывает, что Сильвестр и Адашев раздали поместья детям боярским и боярам и держали царя так, что, без совета с ними, он не мог решиться ни на что; во-вторых, что Сильвестр и Адашев действительно гнали лиц преданных царю, То в этом также нет причины сомневаться: лица, искавшие милости Иоанна, само собой понятно, делались врагами Сильвестра и Адашева; усилившись, эти лица могли подорвать значение и силу их стороны; а мы знаем, как поступал Адашев с теми, к которым был не расположен: он отправлял их в ссылку[993]. Наконец, в-третьих, справедливость жалоб Иоанновых на Сильвестра, Адашева и их сторону подтверждается даже простыми соображениями; нет примера, чтобы партия, успевшая захватить в свои руки власть, остановилась в законных границах, потому что и сама она есть уже нарушение закона. Так как злоупотребление не может быть поддерживаемо законными мерами; то и партия, для поддержания своего существования, своего значения, должна прибегать к средствам и мерам незаконным, потому что, подчинясь закону, она, как явление неестественное, незаконное, как болезнь общества, должна прекратить свое бытие.

Стараясь доказать виновность бояр перед ним, Иоанн говорит далее: «Нам двигшимся на безбожный язык казанский, аки пленника, всадив в судно, везяху с малейшими людьми сквозе безбожную и неверную землю; аще бы не всемогущая десница Вышнего защитила мое смирение, всячески живота вонзнул бы[994]». Приводя это место, во-первых, не должно упускать из виду начальных слов: «нам двигшимся,» — что уже совершенно противоречит произвольному везению как пленника; во-вторых, царь говорит, что это везение имело место уже на возвратном пути из Казани; следовательно, не под Казань, а из Казани везли бояре царя, как пленника. Ясно, что Иоанн жалуется здесь на то, что бояре не берегли его во время дороги чрез неприятельскую землю; что здесь слово «пленник» вовсе не означает невольного похода, а относится

[993] Сказание кн. Курбского, стр. 182.
[994] Ист. о Казанском Царстве гл. 28.

к выраженью «безбожная и неверная земля». Вслед за этим Иоанн винит бояр в робости и нерадении. «И егда начало восприяхом, — говорит он, — за Божиею помощию, еже брани на варвары, егда первее посылахом на казанскую землю, воеводу своего князя Семена Ивановича Микулишского с товарищи, како вы глаголали? Се, яко мы в опале своей их послали казнить хотя, а не своего для дела! Ино, сели храбрость, еже служба ставит в опалу? И тако ли покаряти прегордые царства? Та же, сколько хождения не бывало в казанскую землю, когда не с понуждением, с хотением ходисте? Но и всегда аки на бедное хождение ходисте! Егда же Бог милосердие свое яви нам, и тот род варварский христианству покори, и тогда како не хотесте с нами во своясия на варвары, аки более пятинадесять тысящ, вашего ради нехотения, с нами тогда не быша! Какоже и в тамошнем пребывании всегда развращенная советоваете, когда запасы истопиша, како, три дни стояв, хотесте во своя возвратитися! И повсегда не хотесте во многопребывани надобна времени ждати, ниже глав своих щадяще, ниже бранные победы смотряюще, точно: или победив, наискорейше побежденным бывшим, во своя скорейши возвратитися. Та же и войны многоподобные, возвращения ради скорого, остависте, яко последи от сего много пролития крови христианския бысть. Како, еже убо и в самое взятие города, аще бы не удержах вас, како напрасно хотесте погубити православное воинство, не в подобно время брань начата? Та же убо по взятии града Божиим милосердием, вы же убо, вместо строения, на грабление текосте вся, яко раби, с понуждением сотворили есте, а не хотением, и паче с роптанием. Подручна же тако царства сия сотвористе нам, якоже множае седми лет мне же сих царств и нашего государствия бранная лютость не престая[995]!» Действительно, волнения в Казани не могли утихнуть до 1558, когда она была наконец совершенно покорена русским оружием; но, зная, что при взятии Казани некоторые воины устремились на грабеж, мы не можем, не имея никаких данных, винить в том же и Курбского.

От описания казанского похода Иоанн переходит к описанию болезни, постигшей его, по возращении из этого похода

[995] Акты Ист. т. I, № 140.

в Москву, и намерения стороны Сильвестра возвести на престол Владимира Андреевича Старицкого, и говорит, что Сильвестр, не успев, по причине выздоровления царя, исполнить своего намерения, не преставал доброхотствовать Владимиру Андреевичу, утеснять преданных Иоанну людей, поносить царицу Анастасию[996]. Все это справедливо и основательно, потому что подтверждается другими свидетельствами. Да и то еще должно заметить, что, задумав раз доставить престол Владимиру Андреевичу и не осторожно обнаружив связь свою с этим князем, Сильвестр не мог отказаться от своего намерения, потому что в противном случае и ему самому и его стороне грозила неминуемая гибель. Что он поносил царицу Анастасию, то это также очень естественно: Анастасия, оскорбленная намерением Сильвестра и его стороны лишить Димитрия престола, ему, по праву, принадлежавшего, разумеется, не могла быть расположена ни к Сильвестру, ни к его стороне, и это нерасположение старалась, вероятно, сообщить и самому Иоанну.

Мало этого, Иоанн свидетельствует, что Сильвестр начал покровительствовать изменнику Семену Ростовскому; хотел судить царя, как частного человека, в деле Курлятева и Сицкого; за одно со своими советниками противился намерению его воевать Ливонию, и когда Иоанн отверг совет стороны Сильвестра воевать Крым, то все болезни, какие только приключались самому Иоанну, его детям и супруге, Сильвестр начал приписывать непослушанью царя этому совету[997]. Мы видели, что война ливонская действительно не была одобрена стороной Сильвестра; что она советовала Иоанну, вместо Ливонии, воевать Крым; что Иоанн отверг этот неблагоразумный совет, потому что видел всю бесполезность для России войны с Крымом. Но Сильвестр, привыкнув видеть послушание Иоанна в делах духовных, полагал, что имеет право требовать от него того же и в делах политических, а потому был раздражен, раздражены были и сторонники его упорным намерением царя воевать Ливонию. Сначала Сильвестр, чтобы отклонить царя от этой войны, прибегнул

[996] Сказания кн. Курбского стр. 182–183.
[997] Там же, стр. 183–184.

к священному Писанию, потом начал пугать его детскими страшилами; но, когда и это не подействовало, сторонники Сильвестра, занимавшие начальнические места при войске, начали действовать в Ливонии слабо и нерешительно. Поэтому, опровергая слова Курбского, что «твердые грады германские даны России от Бога тщанием разума воевод», Иоанн говорит: «брань еже на Германы; тогда послали есмя слугу своего царя Шигалея и боярина своего воеводу князя Михайла Васильевича Глинского с товарищи Герман воевати, и от того времени от попа Сильвестра, и от Алексея, и от вас, какова отягчения словесная пострадах, их же несть подробну глаголати! Еже какова скорбного не сотворися нам, то вся сия Герман ради случися. Егда же вас послахом на германские грады, тебе тогда сущу в нашей отчине, в Пскове, своея ради потребы, а не нашим посланием, множае убо седмь посланий наших к боярину нашему и воеводе, князю Петру Ивановичу Шуйскому и тебе послахом: вы же едва пойдосто с малейшими людьми, и нашим многим напоминанием множае пятинадесяти градов взясте! Ино се ли убо тщание разума вашего, еже нашим посланием и напоминанием грады взяша, а не по своему разуму? Како убо воспомяну о германских градех! Супротив словия попа Силивестра восхищати может, иже сиру вдовицу, суду не внемлюще, их же вы желающе на христианство злая составляете! Како убо, лукавого ради наиподшнанил, дастся до короля лето целое безлепо Лифлянтом собиратись? Они ж, пришед пред зимним временем, и колико тогда народу христианского погубили! Се ли тщание изменников наших? Да, и ваше благо, еже народ христианский погубити! Потом послахом вас с начальником вашим Алексеем и зело со многими людьми; вы же два один Вильян взясте, и тут много нашего народу погубисте. Такожде убо тогда от литовские рати детскими страшилы устрашистеся! Под Найду же нашим повеленьем, не волею пойдосте, и каков труд всем нашим сотвористе и ничтоже успеете[998]».

Как защитник нового порядка вещей, как потомок собирателей земли русской, Иоанн, в ответ потомку ярославских князей, высказывает цель своего правления и превосходство

[998] Сказ. кн. Курбского, стр. 6–7.

нового порядка вещей пред старым, пред бытом родовым. Прилагая к Руси слова апостола Павла, царь сравнивает старую и новую Русь с ветхим и новым заветом: «И аще убо, якоже вместо креста, обрезание тогда (т. е. в ветхом завете) потребно быша, тако и вам вместо царского владения потребно самовольство. Света во тьму прелагати не тщуся, тщужеся со усердием люди на истину и на свет поставити, да познают единого истинного Бога, в Троице славимого, и от Бога данного им государя; а от междоусобных браней и строптивого жития да престанут, ими же царствия растлеваются. Аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же от междоусобных браней престанут. Или се сладко и свет, яко благих престати и злая творити междоусобными браньми и самовольством[999]». В этих замечательных словах заключается самое высокое понятие о царской власти: истина и свет для народа в том — да познает он Бога и от Бога данного ему государя. Кроме государственного смысла, эти слова имеют еще смысл исторический: неужели новый порядок вещей, при котором Русь приводилась в сознание своего единства при едином царе, при котором явился, наконец, порядок и смолкли усобицы, неужели этот новый порядок вещей хуже прежнего времени, времени усобиц и нестроения? При таком сознании своего царского достоинства Иоанн понимал, что ответ его на письмо Курбского есть слабость, недостойная царя; но, как человек пылкий, не выдержал. Раскаяние в этой слабости видно из следующих слов его: «о провинении же и прогневании подовластных наших пред нами: доселе русские владетели не истязуемы были ни от когоже, но повольны были подовластных своих жаловати и казннтв, а не судилися с ними ни пред кем; а аще же и не подобает рещи о винах их, но выше речено есть[1000]».

В своем послании Курбский называет Иоанна прегордым мучителем, а царь в опровержение этого обвинения говорит: «Станем убо о сем рассуждение имети, кто прегорд: аз ли от Бога только повинным рабом повелеваю хотение свое творити; или вы противяся Божия веления, моего владычества и

---

[999] Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 182.
[1000] Сказания кн. Курбского стр. 184.

своего работного ига отметаетеся, и яко господие повелеваете мне вашу волю, творити, и поучаете, и обличаете, и учительский сан на ся восхищаете?» Потом укоряет Курбского в том, что этот последний написал к нему бранное письмо, тогда как трое патриархов написали, хотя и многосложный, но без всякого хуления, свиток нечестивому царю Феофилу; обвиняет Сильвестра и Адашева в гонении епископа коломенского Феодосия и казначея Никиты Афанасьевича и словами Спасителя доказывает, что Курбский есть преступник, потому что осуждает, не имея права судить; приводит Христа Бога судиею между собой и Курбским, потому что «Христос есть Господь Бог наш, судитель праведен, испытаяй сердца и утробы и вся наша помышления в мгновение ока нага и явственна пред Ним, и несть иже укрыется от очию его, вся ведущему тайная сокровения, и се убо весть, за кое дело восстаёте на мя и что пострадаете от мене, аще и последи, по вашему безумию, с милостию месть вам воздах[1001]». Из этих слов видно, что Иоанн вполне был убежден в правоте своего дела и стремлений: он жил для блага народа и не боялся дать ответ Богу за казнь преступников.

На слова Курбского: «Кровь моя, яко вода, пролитая за тебя, вопиет к Богу,» — Иоанн отвечает, что эти слова достойны посмеяния. «Если пролита тобою кровь, — говорит он Курбскому, — то пролита за отечество и вопиять должна на иноплеменников, которые ее пролили; в этом случае ты принес только должную жертву отечеству и твоя укоризна не падает на меня. Но от многого вашего утеснения и озлобления, вместо крови, много излился слез наших, пачеж воздыхания и стенания сердечного. Мое ж утеснение и вместо крови, пролитам, от вас ариях всякое оскорбление и озлобление, еже вашим злым сеяниям во озлоблении жих, строптивная не престает убо, а наипаче на вас к Богу вопиет[1002]».

Наконец, в остальной части своего послания Иоанн опровергает слова Курбского; «победы пресветлые и одоление православное»; укоряет его в тщеславии ратными подвига-

---

[1001] Сказ. кн. Курбского, стр. 185.
[1002] Там же, стр. 258.

ми; порицает за суетное призывание имени Божия и св. Феодора Ростиславича, потому что они скорее услышат царя, нежели преступника и изменника. В ответ на обвинение в гонении Иоанн пишет, что он никого не гонит, никаких гонений не умышляет на христианский род; но желает сам, если будет нужно, до смерти пострадать за него; опровергает слова Курбского, что между боярами господствуют несогласия, говоря, что этого нет, а интригуют может быть члены Сильвестровой стороны; порицает наконец Курбского за то, что он назвал Вольмар владением Сигизмунда Августа и говорит, что Курбский бежал единственно из желанья безопасно своевольничать под господством бессильного короля[1003]. Вот содержание первого послания Иоаннова к Курбскому.

Курбский отвечал на это послание, что оно, так несвязно написанное, не только недостойно такого знаменитого царя; но и простого и убогого воина, недостойно наиболее потому, что места св. Писания приведены не стихами или строками, по целыми паремьями, целыми книгами и посланьями; что в этом письме говорится и о постелях и о телогреях, подобно бабьим сказкам; что все это так неискусно изложено, что царь должен был бы постыдиться писать так в землю, где находятся многие люди, не только в грамматических и исторических, но и философских и диалектических учениях искусные.

Далее Курбский говорит, что Иоанну стыдно бы грозить ему, хотя и нагнанному без правды, но все-таки имеющему очи сердечные и язык не неученый, стыдно бы, вместо утешенья, его странника, обуреваемого скорбями, устрашать такими угрозами и грызти кусательными словесы заочно неповинного мужа, некогда верного своего слугу.

Наконец, Курбский говорит, что не понимает, чего хочет еще Иоанн от них, погубив уже разными смертями единоплеменных княжат, влекомых от Владимира св. и отдавших царю все до последней рубахи; говорит, что хотел было отвечать на каждое слово царя, потому что не имеет недостатка в средствах к этому; но удержал руку с тростию: во-первых,

---

[1003] Никон. Лет. т. VII, стр. 42.

потому что в первом своем послании все предал суду Божию; а во-вторых, потому что рыцарям неприлично ссориться как рабам, а особенно христианам отрыгать бранные слова. Итак, заключает Курбский, я решился возложить упование на Бога, потому что не чувствую себя виновным пред тобой ни в чем, а потому и подожду не много, ибо верую, что скоро уже придет Христос судить живых и мертвых[1004].

Вот краткое содержание ответного послания Курбского Иоанну. Мы видим, что в этом послании нет ни одного опровержения ни на одно из обвинений, взводимых Грозным на самого Курбского и вообще на сторону Сильвестра. Курбский даже отказывается от опровержения этих обвинений на том основании, что решение правоты или виновности своей предоставил нелицеприятному суду Божию; на том основании, что ему и царю, как рыцарям, неприлично, подобно рабам, ссориться. Но на все это можно смотреть как на одну только уловку, показывающую, что Курбский не нашелся, что отвечать на обвинения Грозного и, не желая сознаться в справедливости упреков последнего, говорит что предоставил решение дела суду Божию и что рыцарям неприлично ругаться подобно рабам.

Что касается до того, что Курбский называет послание царя бессвязным, укоряет царя в неуменьи приводить места св. Писания; то это очевидная несправедливость, порожденная пристрастием. Доказательства в Иоанновом послании расположены удивительно логически и свидетельства писания приведены чрезвычайно искусно, с ясным пониманием дела и мы не имеем ни малейшего повода обвинять, подобно Курбскому, Иоанна в невежестве и варварстве. Из этого пристрастного суждения Курбского открывается, что, не имея в виду никаких дельных возражений на Иоанново послание, он старается только придираться к мелочам, а эта придирка не только не служит к оправданью его, но и усиливает его виновность.

Наконец упрек, делаемый Курбским Иоанну в том, что вместо утешения последний грозит ему, бедствующему на чужбине, также не основателен. Курбский сам вызвал Иоанна

[1004] Никон. Лет. т. VII, стр. 42.

на переписку и хотя должно сознаться, что Иоанну, при его высоком понятии о царской власти, не прилично было бы отвечать на вызов Курбского и оправдывать свой образ действий; но в натуре Иоанна была женская раздражительность, которая не давала ему возможности удерживаться в границах, раз предначертанных. Иоанн сам, как мы видели из его письма, раскаивался в этой слабости, благодаря которой он ставил Курбского как бы судьею своих деяний, как бы отдавал ему в них отчет, а это было совершенно противно тому высокому понятию, какое имел он о своей власти. Но укоризны, делаемые им Курбскому, имели в основании своем правду, и Курбский, хотя и утверждал, что ни в чем не виновен, был действительно преступник и преступления его нисколько не выкупались теми бедствиями, которым он подвергся. Следовательно, царь имел полное право укорять его и этот укор не был оскорблением чести, потому что был справедлив, а оскорбление предполагает уже вымысел, клевету. Скорее Курбский оскорблял царя, потому что клеветал на него, потому что требовал от него отчета в его действиях, не имея на то, как подданный, никакого права. Итак, сейчас рассмотренное нами послание Курбского, не только не оправдывает его, но и делает его в наших глазах еще виновнее: надменный и дерзкий тон этого послания доказывает, что Курбский не имел ни малейшего уважения к царской власти.

Из Владимира Ливонского Иоанн отвечал Курбскому на это письмо. Прописав весь титул свой, царь со смирением говорит, что, хотя и превзошел Манассию беззаконием, но всетаки не отчаивается в милости Божией, которая спасла его, блудника и грешника, и силою животворящего креста, низложившего древле Амалика и Максентия, победила и его врагов. После этого предисловия Иоанн опять переходит к обвинению стороны Сильвестра и Адашева; опять разбирает первое письмо Курбского, налагая преимущественно на выражение «растлен умом» и доказывает, что это выражение прилично не ему, но боярам, которые предпочли царевичу Феодору Прозоровского; с укоризною для царя судили Сицкого с Прозоровскими; честили дочерей клеврета своего Курлятева, а детей царя проклинали; умертвили Анастасию Романовну и были причиною кроновых жертв; хотели посадить на царство Владимира Андреевича, не имевшего на то

никакого права. Иоанн говорит, что, видя такие поступки стороны Сильвестра и Владимира Андреевича, он стал за себя и ожесточался, потому что Владимир Андреевич за благодеяния заплатил ему одним предательством и крамолой; что бояре, не образумившись, начали еще более противиться ему и что потому он «начал жесточае» против них «стоять»; говорит, что (он) хотел покорить бояр под власть свою, а они восстали на церкви и св. места, поругали и осквернили их, хотели иметь под ногами всю русскую землю; но Божиею помощью вся *матерь* изменников была тщетна. Курбский в своем письме говорил, что в России нет уже более доблестных воевод, Иоанн отвечает ему, что сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентия, заставила города германские сдаться без боя; что сопротивление бывало только там, где не было Животворящего креста.

Наконец, слова Курбского, который в первом своем послании пишет, что всегда в дальноконечных городах бился во славу царя, Иоанн опровергает тем, что и на коне и пешком сам переехал и перешел все дороги в Литву и Польшу; смеется над Курбским, говоря, что пришел и туда, где Курбский думал было успокоиться от трудов своих, а теперь должен был ехать дальноконечнее. В заключение своего письма Иоанн говорит, что писал все это не из гордости, а единственно из желания вразумить Курбского[1005].

Курбский, с своей стороны, не замедлил ответом на это послание. Он пишет, что оставляет длинный титул царя, полагая, что прописывать этот титул неприлично ему убогому, считает себя, как человека военного и отягчённого многими грехами, недостойным быть царским исповедником, говорит, что должно было бы радоваться не только ему, некогда верному слуге царя, но и всем царям и народам христианским, если бы покаяние царя было подобно Манассиину в ветхом завете и Закхееву в новом; что царь в своих письмах храмлет на обе бедры: то слишком гордится, то слишком унижается; укоряет царя за то, что его покаяние не только одно наружное, не чисто сердечное; но что, кроме того, по внушению бесовскому, он называет правоверных и святых мужей дья-

[1005] Древн. Рос. Вивлиоф. т. XX, стр. 40.

воламн, клевещет на исповедника своего, который привел к покаянию его царскую душу, носил на своей вые грехи его и чистого и непорочного поставил пред наичистейшим царем Христом Богом, изумляется, что клеветы на святого мужа не смолкают и по смерти его; устрашает царя примером Хама, посмеявшегося наготе отца, говоря, что если проклятие постигло за телесного отца, то тем более должно остерегаться, чтобы еще горчайшее бедствие не постигло за духовных отцов, хотя бы какие-нибудь пороки с их стороны и были ради человеческой немощи, как клеветали ласкатели на Сильвестра, будто бы он устрашил царя ложными виденьями. Курбский говорит, что Сильвестр действительно был «льстец, коварец и благокознен, потому что исторгнул Иоанна из челостей мысленного льва ни подобно искусному врачу, исцелил застаревшиеся его недуги, которые, по словам мудрых, превращаются в человеческих душах в естество и бывают неудобны к исцелению; а потому он-то нападал на пороки царя кусательными словесы (потому что помнил слова пророка: да претерпеши лучше раны приятеля, нежели ласкательные целования вражия; но что царь забыл это и, по внушению лукавых советников, отогнал его от себя), или как крепкою уздою «обуздывал невоздержание и ярость его». Далее Курбский пишет, что мог бы воспомянуть, как шли дела в то время, когда Иоанн слушался совета избранных сигилитов своих, когда святые воссылали за него молитвы и противополагает этому времени эпоху, когда Иоанн начал слушаться советов своих ласкателей, эпоху, ознаменованную голодом, язвою, нашествием варваров, внезапным опустошением Москвы, опустошением всей русской земли, постыдным бегством царя и его кромешников от татар, удивляется, что царь платит дань крымскому Хану, которому прежде платили дань только воины и воеводы саблями; утверждает, что царь не имеет права называть его и других бояр изменниками, потому что клятва в верности, данная ими, была невольная, а потому и клятвопреступничество падает на того, кто вынудил эту клятву, оправдывает свое бегство тем, что Иисус Христос заповедал ученикам, если их гонят в граде, бегать в другой и Сам спасся бегством от богоборных иудеев.

Потом переходит Курбский к оправданию себя в разорении церквей и русской земли. В свое оправдание он приводит

пример Давида, который, гонимый Саулом, воевал землю Израилеву; оправдывает себя тем, что прежде, по повелению самого Иоанна, сожег Витебский посад и в нем 12 церквей, что теперь, будучи подданным Сигизмунда Августа, он обязан был поступать точно так же в отношении к России и, принужденной воевать Луцкия волости, с 15,000 войска, составленного из татар и других еретиков, вместе с корецким князем, он заботился о неприкосновенности церквей; но так как ни сам, ни корецкий князь не могли наблюдать всюду; то варвары сожгли, закравшись, один монастырь и в нем церковь, а монахов отпустили невредимыми. Курбский говорит, что отверг приглашение крымского хана идти вместе с ним на Россию, потому что считает неприличным идти на христианскую державу под бусурманскими хоругвями; что сам король похвалил его за то, что он не уподобился безумным, прежде на это дерзнувшим.

Оправдывая себя и сторону Сильвестра в смерти царицы Анастасии, Курбский пишет, что за святых мужей (Сильвестра и Адашева) он не отвечает, потому что дела громче трубы говорят за них, а о себе говорит, что не мог решиться на это злодеяние как потомок Феодора Ростиславича, а не князей московских, которые издавна имели обычай есть плоть своих родственников, как например, поступил Юрий московский в орде с Михаилом тверским; как поступлено с князьями углицкими и ярославскими; как поступил Иоанн III с внуком. Курбский пишет, что не мог умертвить Анастасии, потому что она ему ближняя родственница; что никогда не мыслил возвести на царство Владимира Андреевича; смеется над словами царя, который пишет, что силою животворящего креста пали города германские; говорит, что во многих местах кресты Иоанна поломаны «от неякого жабки, а в Кеси от латыш; что это не Христовы кресты, а погибшего разбойника; что полководцы польские и литовские не были еще и готовы к войне против царя, а его окаянные воеводишки уже были приведены в оковах в Польшу к посмеянию имени русскаго».

Слова Грозного о Курлятевых, Прозоровских и Сицких Курбский сравнивает с баснями пьяных баб; говорит, что царь погубил уже не только Курлятевых, Прозоровских, но и других благородных; что вместо воевод у него остались кале-

ки и города русские ужасаются не только воинов, во и листа, летящего с деревьев; пишет, что давно уже готов был отвечать на письмо царя, но не мог послать ответа, потому что Иоанн «затворил царство русское, как во адове твердыни и называет изменниками тех, которые поедут от него до иных стран», а потому так долго и не посылал ответа как на первое, так и на второе письмо царя; просит царя, чтобы он прочел его письмо без гнева и не писал более к нему, чуждому слуге.

Против обвинения Иоаннова, что Курбский и сторона, к которой он принадлежал, хотели всю русскую землю иметь под своими ногами, Курбский пишет, что он и не хочет отвечать на это по причине явного навета со стороны царя, а все предает суду Божию. Затем поместил он выписки из речей Цицерона против Антония и Клодия — поместил он эти выписки для того, чтобы показать Иоанну, что если так думали языческие философы, то тем более должно думать так христианам.

В заключение Курбский упрекает Иоанна за то, что он погубил славу своих и Курбского прародителей, великих князей русских; не устрашился праведных казней, которыми посетил Бог Россию за его грехи; возгордился подобно фараону египетскому; не постыдился писать к нему (Курбскому), что покоряет города силой креста Христова; пишет, что он и все, знавшие Иоанна, дивятся его теперешнему безумию, тогда как прежде он был не только храбр, но и сведущ в св. Писания: примерами, почерпнутыми из св. истории, Курбский доказывает, что Бог не помогает безумным, развращенным и увещевает Иоанна исправиться; пишет, что, погубив доблестных воевод, Иоанн посылает в чуждую землю неискусных полководцев, а они бегут, при первом появлении врагов, как овцы, не имеющие пастыря; укоряет Иоанна в потере Полоцка, постыдном бегстве и трусости. «Вот, плоды совета, данного тебе Вассианом Топорком! — восклицает Курбский. — Исповедник твой немилосердно истреблял в тебе дурные склонности, а ты, и по смерти его, против него враждуешь!» Укоряет далее Иоанна в богохульстве; увещевает раскаяться, пока душа еще не отделилась от тела; наконец, просит Иоанна, чтобы он перестал писать к чуждому слуге, потому что письма эти возбуждают посмеяние: «усмиритися

уже достоит и укротитися твоему величеству, и войти в чувство: уже время! мы уже близки с тобою ко гробу[1006]». Вот содержание третьего письма Курбского к Иоанну.

Мы видели, что в ответе на второе послание Иоанна Курбский просит царя не писать более к чуждым слугам, но не вытерпел и из Полоцка отправил к Иоанну четвертое письмо, в котором сокрушается о перемене, совершившейся в характере Иоанна. «Если пророки, — говорит он, — плакали о падении Иерусалима и церкви его преукрашенной; то тем более должны мы сокрушаться, царь! о падении души твоей, некогда чистой и святой, добрыми делами и благодатию Святого Духа преукрашенной. Тогда покарялись тебе все народы и ангел-хранитель ходил пред полками твоими, тогда бывал ты с избранными избранен, с преподобными преподобен и сила креста помогала тебе и твоему воинству. Но когда возвратился ты, прелукавый, когда вступил на прежнюю дорогую, когда разными нечистотами осквернили душу твою; тогда, вместо избранных и преподобных мужей — явились тунеядцы, вместо искусных полководцев — богомерзкие Бельские с товарищами, вместо воинства — толпы опричников, вместо св. молитв — шуты и скоморохи с дудами, вместо пресвитера блаженного — ты, подобно Саулу нечестивому, собрал отовсюду ласкателей и тем готовит погибель себе и дому своему. Если погибают цари и властители, неудобоисполнимые законы созидающие; то в какую погибель должны прийти владетели, проливающие кровь своих подданных и оскорбляющие целомудрие дев! Много и других преступлений, о которых рассказывают приходящие из России; но я считаю нужным умолчать о них, частию для сокращения письма, частию оставляя их суду Божию, кладу перст на уста, изумляюсь и плачу». В заключение Курбский убеждает Иоанна вспомнить о счастливых днях своего царствования, не губить себя и дому своего; называет его споспешником антихристу; увещевает восстать от болезненного сна и исправиться. Чтобы еще более уколоть Иоанна, в конце своего письма Курбский называет Полоцк городом Стефана Батория[1007].

[1006] Сказания кн. Курбского, стр. 321.
[1007] Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 184.

IV

После переписки Курбского с Иоанном Грозным особенно замечательно и для нас важно его предисловие к книге новый Маргарит. Оно носит следующее заглавие: «Предисловие многогрешного Андрея Ярославского на книгу сию, достойную нарицатися новый Маргарит; в той же отчасти жалостна и плачу достойная история кратка и о плодех ласкателей».

Таким образом, из самого уже заглавия сочинения видно, что главной целью Курбского и здесь, как и в других его сочинениях, было очернить царя, представить его в сколько можно более неблагоприятном свете. Вот содержание этого предисловия. «В лето осьмой тысячи, — пишет Курбский, — пожелают люди смерти; но смерть будет убегать от них; то же случилось и с нами. Без правды я был изгнан от земли Божией и пребывал в странстве между людьми тяжкими и зело негостелюбивыми, а из отечества приходили ко мне слухи о жестоком мучительстве, лютости, кипящей на род христианский и злейшей, нежели при богоборных иудеях, потому что там щадили по крайней мере женщин, а в России царь, настроенный ласкателями, погубил множество сановников светлых, знаменитых военачальников, жен благообразных, не пощадил и младенцев. До того разгневался он на сановников своих, что всеродно приказал погубить их своим палачам-воинам. Ласкатели явно восстают против закона Божия заповедуют: да не понесет сын грехов отца и отец грехов сына; праведника признают виновным, губят со всеми родными до третьего рода. Бог повелевает не клясться небом и землею, а просто ей-ей, ни-ни! а ласкатели советуют, положа крест или евангелие, с твердым обещанием клясться в работу мучителю. Бог заповедал любить ближнего и положить душу за друга, а ласкатели научают отрицаться не только друзей и ближних, но и самых родителей и, против совести и Бога, исполнять мучительскую тайну. Бог повелевает врагов любить, а гонящих благословлять; а ласкатели советуют грабить и убивать верных слуг царя, сами отправляют должность палачей. Таковы советы ласкателей! И что получает от них царь? Когда разорил остальные наши имущества: одни побрал, другие раздал варварам, когда Бог в отмщенье посетил

Россию бедствиями: город Москва многонародный и знаменитый во вселенной сожжен руками варваров, но пленены окрестные города и веси и бесчисленное множество христианского народа отведено в плен. Таковы плоды ласкателей, шепчущих царю во уши ложное! Мать мою, жену и отрока-сына уморил в темнице, братию мою, князей ярославских, истребил, имения мои разграбил, а меня изгнал из отечества и от друзей разлучил. Митрополиту своему, патриархом неблагословенному и запрещенному новым мучеником, Филиппом, приказал казненных им мучеников клясть в церквах, желая отлучить их от христианской части. Думаю, продолжает Курбский, что это не человек, а диавол, подобно рыкающему льву, пущенный на род человеческий, змей великий, хоботом своим низлагающий третину звезд небесных, т. е. праведников. Все это объяло сердце мое грустию и, желая ослабить ее, я занялся науками — физикой, этикой и св. писанием — надеясь в этих занятиях найти для себя развлечение. Для этой же цели начал я и перевод сочинений Златоустого. Я вспомнил, что однажды спрашивал Максима Грека: все ли книги восточных учителей переведены на славянский язык с греческого и где находятся, у сербов, болгар или у других славянских племен? Максим Грек отвечал, что на греческом языке есть все, а на латинский и славянский язык не переведены, потому что не было на это позволения римских императоров. Но, во время осады Константинополя Магометом, последний император отослал супругу и детей со всем книгохранилищем на остров Родос и в Венецию. По взятии Константинополя турками, патриарх Афанасий с клиром и с церковной библиотекой бежал в Венецию, где все, привезённые им, книги тотчас были переведены с греческого на латинский язык. Узнав это от Максима Грека, я с жаром принялся, по прибытии своем в Польшу, за изучение латинского языка, с целью перевести книги восточных учителей. Несколько навыкнув латини, я пригласил на помощь ученого юношу Амбросия и протолковал с ним сначала все заглавия книг Златоустовых с латинского на славянский язык, чтобы знать, сколько переведено на славянский язык Златоустовых книг, и сколько много осталось еще не переведенными; а во-вторых, чтобы, видя это, ученые мужи возревновали и пере-

ложили на славянский язык еще непереведенное; в-третьих, чтобы обличить еретиков, которые, особенно Гремия, поп болгарский, принадлежавший к маинетовой ереси, написали много слов и повестей и, на соблазн православным, издали их под именем сочинений Златоустого. Я хотел было приняться потом за послания апостола Павла, протолкованные Златоустом, но, несмотря на все старания, не нашел людей сведущих в славянском языке. Хотя и нашел, некоторых монахов и мирских; но первые постыдно отказались, а последние не захотели помочь мне. Один я боялся начать этот труд, потому что от юности не до конца навык книжному делу, отправляя по приказанию царя военную службу и часто ополчаясь на врагов христовых. В Польше сначала я должен был заниматься тем же; а потом, когда освободился от военной службы, был отвлекаем беспрерывными спорами с соседями, которые не только хотели отнять у меня то, что было дано на пропитание, но и самую жизнь; умертвили верного слугу моего Иоанна Калымета, который был искусен в военном деле и на плечах своих вынес меня во время бегства моего из России. Задерживаемый этими препятствиями, я с Амброжием перевел сначала слова Златоустого на Владычние великие праздники, с великим тщанием склонял падежи и роды, образцы и часы, и другие тонкости грамматические и расставлял книжные знаки». Далее Курбский желает, чтобы сведущие люди исправили его слог, а невежды да не дерзают исправлять, а пусть оставят так, как есть, потому что варвар не может философских разумети, так же и неученые учити и неискусные ремеслу ремесленники художества устрояти и делати не могут. В заключение приведены следующие силлабические стихи:

«Всякое сопротивное со противным вкупе пребывати не может;
А иж нечистота чистоте сопротивна;
Того ради не очистився очищати других не может;
Не совершен будучи сам учити других не может;
А иж неискусный несть совершен;
Того ради иных учити не может.
Всяк искусився словесных и делательных совершен есть,
А всяк, совершенный в учениях словесных и свидетельствованный в делах добрых, уже искушен;

А про то иных учити просвещати может, яко от сокровища духовного уже подающе и умножающе талант, — ему данный от Христа Бога нашего[1008]».

Итак, в начале этого предисловия, Курбский, излагая причины, побудившие его заниматься на старости лет науками, мастерской кистью изображает мрачную, безотрадную картину последних лет царствования Грозного; но ненависть к этому великому государю, просвечивающая в его сочинении, лишает его рассказ права на наше доверие. Та же задушевная мысль, которой проникнуты другие сочинения Курбского, выказывается и здесь: все бедствия, постигшие Россию, приписываются Иоанну. В этом сочинении выказывается вся горечь обманувшегося в своих надеждах человека. Бежав из России, Курбский надеялся получить в Литве богатое вознаграждение; но вышло иначе: соседи всеми возможными способами старались оскорблять его и, пока был жив Сигизмунд Август, вызвавший Курбского, то этот последний мог еще бороться с ними; но со вступлением на престол Стефана Батория, возможность борьбы исчезла, потому что Баторий не любил Курбского и приравнивал его к его слугам. В семействе Курбского не было счастья и согласия и не удивительно, что эти обстоятельства повергли в уныние гордую душу потомка ярославских князей. И посвятил он себя науке, которая давала ему возможность на время забыть свое уничижение. Похвальна была цель, с которою он переводил сочинения Златоуста, хотя ревность его едва ли вытекала из чистого источника: Курбский не делал шагу без расчёта, без какой-нибудь задней мысли. Далее в этом предисловии замечательно еще одно обстоятельство: без сомнений, Курбский очень хорошо знал о причине перемены, совершившейся в характере Иоанна; но верное изложение этой перемены представило бы в невыгодном свете сторону Сильвестра и Адашева; поэтому он показывает вид, будто не понимает причины этой перемены, приписывает ее внушениям ласкателей, природной наклонности Иоанна ко злу и представляет его предтечею антихриста, если не самим антихристом.

[1008] Сказания кн. Курбского, стр. 188.

V

Рассмотрев все сочинения Курбского, относящиеся к Иоанну, сделаем теперь окончательный приговор о них. Мы имели уже случай заметить, что для составления себе верного, определённого взгляда на деятельность Иоанна IV, пользоваться этими сочинениями, с безопасностью погрешить против истины, невозможно. Все они направлены к одной цели — обвинению Иоанна, а потому Курбский должен был приводимые им факты представлять в таком свете, давать им такой колорит, чтобы они прямо привели его к предположенной цели. Одушевленный ненавистью к Иоанну, Курбский отнял у него все доброе, оставил ему на долю одно зло. Сверх того, как в делах добра, так и в делах зла Курбский представляет царя человеком подверженным чуждому влиянию, делающим то, что укажут другие — эта мысль проходит у него чрез все сочинение. Но такая идея, при основательном понимании характера Иоаннова, оказывается совершенно ложной; а, следовательно, оказывается ложным и самое развитие этой основной мысли сочинения Курбского. Курбский смотрел на все деяния Иоанна под влиянием своего нерасположения к нему, а при таких условиях нельзя ожидать правильного понимания деятельности этого государя. Разбирая «историю великого князя московского о делах», мы могли убедиться в том, что большая часть злодеяний, в которых Курбский винит Иоанна IV, или вовсе не существовала на деле, или Иоанн не столько был виновен в них, сколько Курбскому хочется показать его виновным. Правда, что в последние годы своего царствования Иоанн впал в какую-то апатию, правда, что нерешительность и робость овладели им; по и то должно сказать, что воля человека, как бы ни была она и сильна, и упруга, всё-таки должна изнемочь наконец, когда обстоятельства против неё. Такой пример мы видим не на одном Иоанне: история представляет нам бесчисленное множество примеров подобного нравственного упадка замечательных деятелей. Мы видели, что ни одна мера, для блага России придуманная Иоанном, не удалась ему; что ни одно стремление его не вызвало сочувствия современников: везде встречал он или отталкивающую холодность, или самый преступный эгоизм; поэтому мы не можем, подобно Курбскому, порицать его за слабость последних лет его царствования.

Бедствия, претерпленные Россией в это печальное время: пепел Москвы, потеря Ливонии, робость воевод, зависели не от Иоанна, — виной их была измена, предательство. Одним словом, причиной нравственного расслабления Иоанна была та среда, в которую забросила его судьба. Величайшим несчастием для Иоанна было то, что жил он в тяжелую переходную эпоху: живи он в другое время и, быть может, тогда действовал бы он иначе. Но все-таки, не погрешая против истины, мы можем заподозрить или даже вовсе отвергнуть большую часть преступлений, которыми Курбский награждает Иоанна: Курбский был слишком не расположен к нему, как представителю новых, государственных начал. Отвергая обвинения Курбского, мы в то же время можем принять за действительно существовавшие преступления те противозаконные замыслы, в которых Иоанн винит бояр за истинность Иоанновых показаний ручаются: во-первых, его высокое понятие о царском достоинстве, как источнике истины и правды; во-вторых, откровенное сознание самого Иоанна в своих проступках, чего не допустил бы человек неблагонамеренный; в-третьих, молчание самого Курбского, его нежелание оправдаться в этих преступлениях; в-четвертых, непререкаемые свидетельства летописей и государственных актов, подтверждающие, что факты, приводимые Грозным для обвинения бояр, на самом деле существовали. Все эти соображения говорят против Курбского. В сочинениях Курбского, нами разобранных, преобладают напыщенность, бездоказательность и натяжки, так что, читая их, тотчас видишь их неблагонамеренность, тотчас видишь, что они писаны под влиянием ненависти Курбского к Иоанну, происшедшей вследствие противоположности стремлений того и другого, происшедшей из стремления Грозного ввести и утвердить новый, лучший порядок вещей и стремления Курбского поддержать старое, худшее, невыгодное для общества, но выгодное для него, выгодное и для других бояр — родичей. Вот с какой точки зрения должны мы смотреть на Курбского, как на писателя-историка. Есть у него и другие сочинения, но разбирать их кажется нам излишним, потому что они нейдут прямо к цели настоящего сочинения.

VI

Изложив всё, что казалось нужным для охарактеризирования Курбского, мы произнесем теперь окончательное суждение об этой личности, постараемся определить точку зрения, с которой должно смотреть на нее. Деятельность и понятия Курбского были совершенно противоположны той идее, осуществление которой положил Иоанн IV в возглавие своей деятельности, сделал задачею своей жизни. Идея эта поставила Иоанна выше понятий века; она вознесла его на высоту недосягаемую, недоступную для современников, а потому неудивительно, что стал он в разлад с ними, что «Аврам не уведал его, Исаак не уразумел его и Израиль не познал его»; поэтому не удивительно, что благодетельные реформы, которыми он хотел возвеличить Россию, не привились к современному обществу, — оно с неприязнью оттолкнуло их, потому что они не вошли еще в его сознание, потому что насущная потребность преобразования не была еще понятна для него. Иоанн хлопотал о том, чтобы идее государственной дать торжество над началами, ей противоположными, хотел воцарить ее в русском обществе, потому что видел в ней поруку славы и благоденствия отечества. И встали против этого стремления современники, и начали с Иоанном борьбу на жизнь и смерть. В ряды противников Иоанна стал, и Курбский и на нем-то вполне отразился характер и современного общества, и самой борьбы. Боепитание развило в Курбском ненависть к Москве и совершенное равнодушие к тому, что понимаем мы под именем блага общественного; воспитание внушило ему любовь только к самому себе и своим интересам, поэтому-то все действия его запечатлены самым убийственным эгоизмом. Старина была для Курбского второй природой, она была для него плотию и кровию, была насущной потребностью, такой средой, без которой он не мог ни жить, ни двигаться. И вот, как мы и видели, восстановление старины он полагает главною задачею своей жизни; за старину он вступает в кровавую, отчаянную борьбу с царем; старине он жертвует всем, что только имел святого и дорогого сердцу: и религией, и отечеством, и родными, и добрым именем. Но не потому предан он ей всеми силами души, не

потому не имеет для неё ничего заветного, что в торжестве её видел поруку славы и благоденствия отечества: интересы отечества мало занимали его, были ему чужды, а действовал он так потому, что этого требовали его личные интересы. Какая выгода могла проистечь тогда для России из восстановления обычая боярского совета? Какую пользу могли принести ей право отъезда, право местничества и восстановление старого порядка престолонаследия? Какую выгоду могла она извлечь из старинной своей политики? Никаких других результатов, кроме тех, которые влекут за собою расслабление общественного союза, от которых дряхлеет и прекращает бытие свое государственное тело; следовательно, из восстановления старины Россия не могла извлечь ничего, кроме гибели и вреда. Так думал Иоанн Грозный, и мысль: подвинуть Россию вперед на пути государственного развития, уничтожить вредную старину, сделалась заветною его мыслью, потому что он любил Россию, желал славы и долговечности её. Но не так думал Курбский: какое было ему дело до России... он знал только себя одного. Какая была нужда до того, что старина вредна для отечества, — она была выгодна для него и этого было ему довольно, чтобы сделаться её защитником. Старина давала ему более значения, при помощи её он становился выше простого подданного, достигал значительной независимости от тех условий, которые налагают на человека требования государства; а при торжестве новых начал должен был стать в уровень с прочима подданными Иоанна, подчинить свою волю воле общей — воле государя, подчинить свои интересы интересам общества, свои действия согласовать с требованиями общей пользы. Итак, ратуя за старину, Курбский руководился не интересами отечества, а одними чисто эгоистическими побуждениями. Но деятельность Курбского была деятельностью запоздалою, а, следовательно, и самой неблагодарной. Запоздала она потому, что государственная идея сделалась уже насущною потребностью русского общества, потребностью, которая все более и более должна была приходить к ясному сознанию; а потому, стараясь возвратить старину, Курбский хотел возвратить то, что было невозвратимо. Идеал его был не в будущем, а в прошедшем, одряхлевшем, отживавшем свой век; следова-

тельно, желая дать торжество этому прошедшему, вдохнуть новую жизнь в его разрушающиеся члены, Курбский хлопотал о невозможном, превышающем силы человеческие. Итак, напрасно тратил он свои силы в борьбе против новизны, напрасно истощал их, стремясь удержать неудержимое; не благодарности потомства он мог ожидать в награду за свои усилия; напротив, защищая отжившее, он, пред строгим судом потомства, является защитником неподвижности и застоя, шедшим наперекор истории, наперекор развитию общества. В таких людях потомство видит врагов развития человечества, следовательно, людей, достойных не участия, а осуждения.